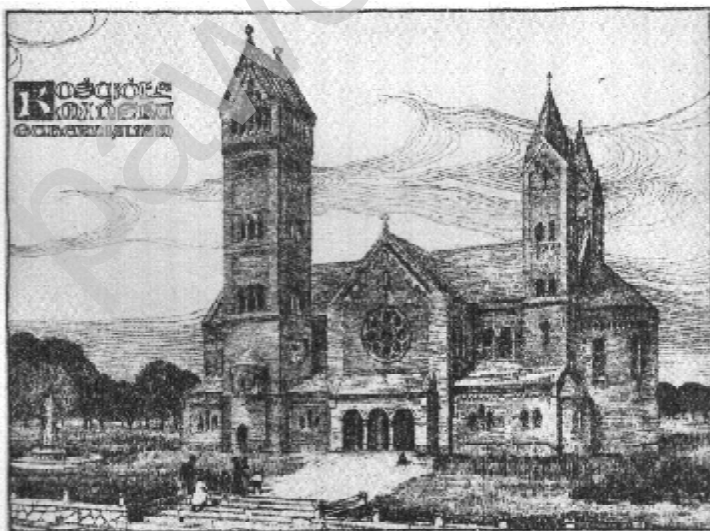

ЭДВАРД ВОЙНИЛОВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ

KOŚCIÓŁ POD WEZWANIEM ŚŚ. SYMEONA I HELENY W MIŃSKU LITEWSKIM

УДК
ББК

*Издание Минской римо-католической парафии
св. Симона и Елены.
Составитель: ксёндз-магистр Владислав Завальнюк.*

Эдвард Войнилович. Воспоминания. Перевод с польского.
Мн., 2007. 380 с.

Редактор: ксёндз-магистр Владислав Завальнюк.

Технический редактор: С. Судник.

Книга воспоминаний известного белорусского политического и общественного деятеля конца XIX - начала XX веков, fundатора строительства костёла Св. Симона и Елены в Минске. Эдварда Войниловича (13.10.1847 - 16.06.1928). Сокращённый перевод с польского издания 1931 года (Вильно), осуществлённого Комитетом памяти с.п. Эдварда Войниловича.

Книга предназначена всем, кто интересуется историей Беларуси на переломе XIX и XX веков.

ВОСПОМИНАНИЯ

1847 – 1928

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВИЛЬНО 1931 г.

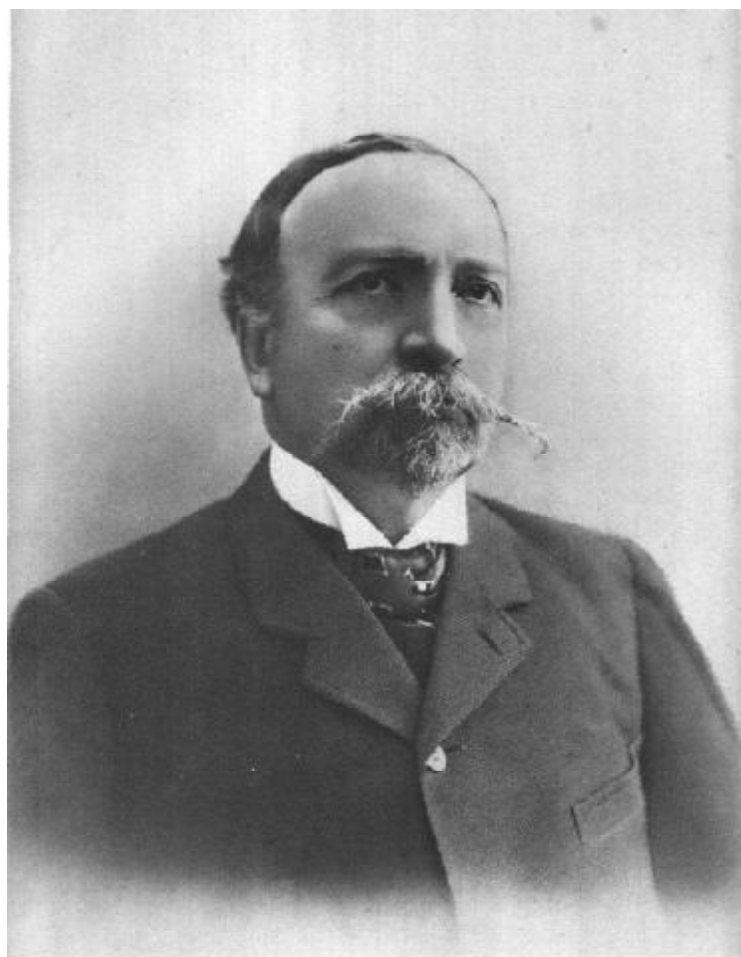
ИЗДАНИЕ, ПРЕДИСЛОВИЕ
И
ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ОБЕСПЕЧИЛ

ЯНУШ ИВАШКЕВИЧ

СРЕДСТВАМИ КОМИТЕТА ПАМЯТИ
с. п. ЭДВАРДА ВОЙНИЛОВИЧА

Печатание и главное хранилище в библиотеке
Юзефа Завадского в Вильно
Фотогравюра типографии в Польше С.А. в Познани

Сокращенный перевод с польского
ксендза-магистра
Владислава Завальнюка

EDWARD WOYNILŁOWICZ

Edward Woyniłłowicz - 1903. r.

Во исполнение последней воли с.†п. Эдварда Войниловича, который своим распоряжением завещал господам Г. Пониквицкому, М. Поровскому, Н. Скирмунту и К. Здоховскому «опеку над воспоминаниями и их охрану и сбережение», отдаю для общего пользования первую часть книги «Воспоминания» в печатном издании.

Поколение на стыке веков, современники Э. Войниловича, для которых умерший был знаменем и путеводителем, читая эти печальные страницы, обратятся к своему будущему.

Те, кто помнит, увидят в них выдающуюся фигуру человека, который:

*Любил больше всего родную землю,
Посвятил ей всю свою жизнь,
Жил правдой, любовью и верой,
Строил и боролся за землю Ягеллонов.*

**КОМИТЕТ ПАМЯТИ
с. п. ЭДВАРДА ВОЙНИЛОВИЧА**

16 июня 1928 г. после длительной болезни скончался Эдвард Войнилович, начертавший скованной близостью смерти рукой в конце дневника эти простые, полные смирения, покорности и покоя слова:

«Видимо, из этой болезни не выйду: на все воля Божья. Э. Войнилович.

16 июня 1928 г.».

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Если наследие предков не растрчено, если в момент возрождения Польша имела право и возможность добиваться его на восточных окраинах, было заслугой людей той школы, выдающимся представителем которой был светлой памяти Эдвард Войнилович».

Этими словами, произнесенными над гробом с. п. Войниловича, один из его ближайших соратников Роман Скирмунт точно охарактеризовал огромные заслуги умершего, который всю свою долгую трудовую жизнь посвятил созданию окраинного землячества (Кресов) и этим самым способствовал укреплению и поднятию уровня жизни восточных окраин.

Эдвард Войнилович родился 13 октября 1847 г. в деревне Слепянка под Минском в имении родителей его матери Эдварда и Михалины Монюшко – Ваньковичей, в зажиточной шляхетской семье. Родители Эдварда, Адам Войнилович и Анна Ванькович, проживали в Слуцком районе в родовом имении Савичи.

Род Войниловичей не был дворянским, но принадлежал к зажиточной шляхте. Он одним из тех немногих, которые наряду с Рейтанами смогли удержать родовые владения более трех столетий, не подвергшись влиянию Радзивиллов, очень сильному в те времена в Новогрудском воеводстве.

Войниловичи сумели сохранить свою независимость, были друзьями Радзивиллов, но никогда – их слугами.

«Род наш, – пишет Войнилович в своем завещании, – ни перед кем шапки не снимал. Когда почти вся шляхта бывшего Новогрудского воеводства копила свои богатства из крошек с радзивилловского стола и из заложников вышла в хозяева, мы ни единой пяди земли от них не взяли. Во всем обширном округе Савичи, пожалуй, единственное имение – непосредственно радзивилловское.

Войниловичи не пришли ни с Востока, ни с Запада – они коренные, местные, кость от кости, кровь от крови того народа, который когда-то хоронил своих предков в этих курганах (сегодня – на сельских кладбищах) и родную белорусскую землю сохой пашет».

Не добиваясь сенаторских кресел в течение многих столетий, Войниловичи занимали более скромные должности подкомориев, хорунжих (знаменоносцев), а после разделов – должности маршалков шляхты Слуцкого уезда. В этой семье глубоко укоренилась традиция общественного служения, деятельности. Дед и дядя Эдварда были маршалками слуцкой шляхты и пользовались общим признанием; отец долгие годы был граничным судьей. От матери, из рода Монюшко, Эдвард унаследовал горячую любовь к Родине и огромное чувство самопожертвования на благо служения обществу. Достаточно вспомнить, что два брата его бабушки, Игнатий и Доминик Монюшко, на свои средства сформировали 3-й кавалерийский полк во время нашествия Наполеона на Москву. Доминик Монюшко был выдающейся прогрессивной личностью, стремился законным путем справедливо урегулировать крестьянский земельный вопрос. Подтверждением этому было отчуждение части земель Потечола и Радковщины на общественные цели.

В таких семейных традициях – труде, общественной деятельности и преданности Родине рос Эдвард Войнилович. Ему было всего несколько лет, когда над Краем пронеслась буря январского восстания. Вся его молодость проходила в период жесточайшего притеснения и преследования на окраинных землях. Он был свидетелем необоснованных

репрессий в так называемом «Западном Крае». Для Литвы январское восстание имело тяжелые последствия. Бесспорно одно, что она пострадала значительно больше, чем окраинные пограничные земли, Конгресувки.

Как следствие, сложилось очень распространенное среди населения Литвы и Беларуси мнение о том, что вовлечение этих земель в участие в восстании 1863 г. было огромной ошибкой. Отсюда и недоверие ко всем политическим начинаниям, поступающим из Варшавы, которое характеризовало многих деятелей Края. Среди них был и Войнилович.

Технолог по образованию, 27-летний Войнилович после смерти отца в 1874 г. вступает во владение родовыми именьями Савичи и Пузово. С этого времени он связал свою судьбу с землей, став одновременно активным участником общественной деятельности во многих ее сферах. К общественной деятельности Эдвард приобщился еще при жизни отца, участвуя в компромиссных судах, одновременно осуществляя попечительство над осиротевшими семьями соседей. Все свои общественные обязанности исполнял с такой добросовестностью, точностью, беспристрастностью, способностью идти на компромиссы, что снискал доверие окружающих.

Вскоре стало очевидным, что не было ни одного мирного решения вопроса, ни одного семейного разбирательства на Случчине, которые проходили бы без участия Войниловича. Он начал заниматься вопросами попечительства. Выполняя эту тяжелейшую и отнимающую много драгоценного времени функцию, Эдвард приобрел уже в молодые годы богатейший житейский опыт и был осведомлен в семейных и имущественных вопросах своих земляков.

Благодаря этой работе он укрепил свой трезвый, ясный взгляд и суждения, которые позволили ему ориентироваться в сложных и запутанных ситуациях, всегда находя простое практическое решение.

К сожалению, эта сторона деятельности Эдварда Войниловича не нашла достаточного отражения в воспоминаниях и ограничена только некоторыми эпизодами. Другой

выдающийся и заслуженный деятель Южных Кресов, весьма почитаемый, известный биограф Тадэуш Боровский жил в свое удовольствие и не упустил возможности подробно описать всю свою общественную деятельность. Эдвард же, из чувства врожденной скромности и большой требовательности к себе, обошел молчанием данный период своей жизни.

Не отразил он и свою очень важную и почетную деятельность в деле спасения находящихся под угрозой разорения хозяйств уезда. В силу запрета приобретения недвижимости поляками их имения должны были перейти в руки россиян. Это вело к сокращению польских владений в отнятых губерниях. К таким людям он спешил охотно и с доброжелательным советом, часто и с материальной помощью, позволяющей попавшим в беду решить подчас сложные вопросы. Такими действиями он способствовал сохранению отечественных земель.

В 1876 г. перед Войниловичем открылось еще более обширное поле деятельности, ставшее доминирующим в его жизни – он стал членом Минского Земельного Товарищества (Аграрного общества). Благодаря усиленной и продолжительной работе соотечественников, в первую очередь с.п. Эдварда Войниловича, Минское Земельное Товарищество, которое должно было служить целям русификации, служило местному населению, объединяя в своем составе несколько сотен землевладельцев из отнятых губерний. Оно было школой общественной жизни и совершенствования ведения сельского хозяйства. Место за председательским столом «обмундированные и омедаленные» российские чиновники стали уступать местным землепашцам с загорелыми, обветренными, приятными лицами.

После закрытия в 1862 г. Сельскохозяйственного Товарищества в Варшаве Минское Земельное Товарищество было первым и продолжительное время единственным. И не удивительно, что его совещания в Крае, лишенном в 80 – 90-е гг. всякой общественной жизни, вызывали и пробуждали всеобщий интерес. На эти совещания съезжались из самых отдаленных мест не только этнической Литвы, но и из Конгресувки. И в этом вся заслуга только Эдварда Войнило-

вича, который с момента вступления в Товарищество, не покладая рук трудился над его развитием. О своей работе в Товариществе Эдвард довольно подробно пишет в своих воспоминаниях, и к ним я отсылаю читателя. Благодаря стараниям Войниловича началось бурное развитие в области сельского хозяйства, которое выдвинуло Минское Товарищество на первое место среди сельскохозяйственных Товариществ государства, так как объединяло до 1905 г. все наиболее крепкие личные хозяйства в литовско-белорусских губерниях.

Собрания проводились четыре раза в год и привлекали массу землевладельцев. Магазины и улицы были полны землепашцев с загорелыми, обветренными лицами. Слышна была колоритная, характерная для разных местностей, разговорная речь.

Большой зал Товарищества шумел, как пчелиный улей. Среди однотипных представителей Товарищества эффектно выделялось красивое лицо Председателя с великолепными усами и красивыми, умными глазами, как будто сошедшего со старинного портрета XVII столетия, недоставало только делии (плаща, подбитого мехом) или кунтуша. Среди собравшихся он производил впечатление гетмана или воеводы, руководящего собранием «господ-братьев». Действительно, Эдвард был предводителем собрания, которое безоговорочно признавало его руководство.

Коммуникабельность, способность моментально ориентироваться в различных профессиональных и общественных обстоятельствах, огромный жизненный опыт, знание действительности, лояльность по отношению к оппонентам позволяли ему умело, со знанием дела руководить собраниями, обходить в спорных вопросах острые углы и опасные рифы, которые могли принести вред Товариществу.

Эдвард Войнилович умел остудить пыл слишком горячих голов (которых в таких многолюдных собраниях было всегда достаточно), претворять в жизнь проекты, которые считал целесообразными и приносящими пользу.

Сельскохозяйственно-промышленная выставка, открытая в 1901 г. в связи с 25-летием Земельного Товари-

щества, была воплощением идей, триумфом деятельности Войниловича, который смог порадоваться плодами своего труда и труда всего землячества. Выставка была смотром сил и достижений Северо-Западного Края. Она дала возможность многочисленным гостям восхищаться жизнеспособностью и всей структурой общественной жизни Минщины.

Для местного населения выставка была поощрением и стимулом к дальнейшей работе, смыслом и возможностью продолжать борьбу за свое землевладение. В этом впечатляющем творении, каким стала Минская выставка, огромная заслуга по ее организации и главная роль принадлежали Эдварду Войниловичу. Все понимали, что без его самоотверженного творческого труда не были бы достигнуты такие результаты, и поэтому личность достойного Председателя вызывала среди прибывших на выставку многочисленных соотечественников вполне понятную заинтересованность и была предметом искреннего, без лести, восхищения и признания.

Многие годы, более 35 лет, Войнилович был почетным судьей Слуцкого района. Эту должность он очень ценил и не пропустил ни одного судебного заседания без уважительной причины. Не являясь профессиональным юристом, он основательно изучил право и выработал в себе чувство ответственности, которое сопровождало его всю жизнь. Его заслуги в этой области отметил и оценил Новогрудский окружной суд возрожденной Речи Посполитой, избрав его Почетным судьей.

Войнилович был долгое время Председателем Благотворительного Товарищества в Слуцке, щедро обеспечивая существующий при нем интернат, в котором несколько десятков малоимущих молодых людей, в основном из обедневшей шляхты и крестьян, получали бесплатно или за очень незначительную плату кров и пропитание. Во многом он содействовал открытию в Слуцке средней торговой школы. На свои средства (около 300 тысяч рублей) Эдвард Войнилович построил чудесный храм в г. Минске, дав имя святого Симона и святой Елены, в память о своих умерших детях. Этот храм – не только свидетельство щедрости мецената, но и его высокой эстетической культуры, благодаря

которой из множества различных проектов он выбрал прекрасную разработку архитектора Пайздерского. Выбирая проект в Романском стиле, он, возможно, хотел подчеркнуть крепкую взаимосвязь культуры своего края с культурой Запада.

В семейной жизни Войниловича преследовали несчастья, одно за другим обрушивались на него тяжелые испытания. В 1897 г. умирает единственный 12-летний сын, последняя ветвь старинного и заслуженного рода. Подняться несчастному отцу после такого страшного удара помогла великая и крепкая вера в Бога, которая позволила ему перенести это несчастье. «Божья десница, – пишет он в своем завещании, – зависла надо мной, остался я, как звено, оторванное от цепи, но десница Божья и подняла меня. Господь дал мне силы, и я не упал. Господь сохранил мне мою дочь, достоинства характера и мышления которой были для меня явным знамением Божьего милосердия над моей головой, это не позволяло мне пасть под тяжестью апатии и сомнений». Спустя несколько лет, на семью Войниловичей обрушивается новое несчастье. В 1903 г. умирает 19-летняя любимая дочь, дитя его духа. Преодолевая тяжесть этого страшного удара, он пишет, подобно библейскому Иову, следующие, полные смирения и подчинения Божьей воле слова: «Великий, Всесильный и Могучий Господь Бог, сильная Его десница разделяет удары по своему усмотрению, а затем движет человеком, чтобы он терпеливо нес их и не упал, но выдержал до конца, пока не восторжествует справедливость Господня. С когда-то сильного дерева моего рода опадала ветвь за ветвью, пока не остался один я, как ствол, приговоренный к вымиранию, как громом пораженный, которого уже ни одна весна не сможет возродить – **ТАК ХОТЕЛ БОГ**».

После 1905 г., с введением в России Конституционного строя, перед Войниловичем открылись новые, более широкие горизонты деятельности. Он был избран членом Государственного Совета от Минской губернии. Среди довольно значительного количества выдающихся личностей в представительстве Госсовета он выгодно выделяется благодаря своей эрудиции, коммуникабельности, спокойному,

доброму характеру. Затем избирается Председателем Общества поляков из Литвы и России и руководителем Объединенных Сообществ Польского Королевства, Литвы и России во время их общих заседаний и выступлений.

В Госсовете он занимает высокое положение члена финансовой комиссии, особенно важной в связи с выдвижением на первый план I Государственной Думой аграрного вопроса. Его рефераты и выступления, касающиеся этого вопроса, обращают на себя внимание и его признают одним из немногих компетентных специалистов в этом вопросе. С его мнением считаются такие выдающиеся представители государства, как Столыпин, Дурново, Витте, вначале не доверяющие ему и вообще враждебно относящиеся к новому лицу, избранному в Госсовет. Эдвард Войнилович обладает основательным знанием вопросов и тем обсуждения, особым, присущим ему, даром практицизма в решении различных вопросов и выборе нужного и прямого пути решения в отдельно взятой ситуации. Эти качества стали основанием для назначения его вице-премьером Министерства Сельского Хозяйства России, которое Столыпин намеревался создать после упразднения I Государственной Думы. В период работы в государственных комиссиях он всегда стремился к практической деятельности и приобрел огромный опыт и знание государственной политики, стал настоящим государственным деятелем. В Госсовете познакомился с элитой российского общества, снискал уважение, признание. Был дружен с некоторыми выдающимися личностями.

С момента введения в Минской губернии Столыпинских Земств Войнилович был избран советником Губернского Земства от Слуцкого уезда и стал принимать активное участие в работе этого реформированного земского самоуправления. Но об этой плодотворной работе в своих мемуарах он вспоминает только мимолетно, в то время как на самом деле, небольшая группа, благодаря участию в ней таких выдающихся личностей, как Эдвард Войнилович, Роман Скирмунт, Михаил Ястржембский имела очень большое влияние и авторитет. Советники из крестьян, вопреки насаждению православным духовенством и госу-

дарственной администрацией антипольских настроений и национализма, в большинстве случаев шли за установками и советами Войниловича, которому очень доверяли, ибо его отношение к земледельцам было всегда искренним и доброжелательным. Эдвард Войнилович считал их своими друзьями, заботился о них, как мог, помогал, вникал в их нужды, интересовался их жизнью и любил с ними общаться, беседовать.

Гром мировой войны, остановка нормального хода хозяйственной деятельности, немецкая оккупация в некоторой степени ослабили деятельность Минского Сельскохозяйственного Товарищества и выдвинули новые задачи и требования, которые Товарищество не в состоянии было решить. И Войнилович создает Союз (Сообщество) Минских крестьян, становится во главе его и предъявляет военным властям требование защитить имущество сельчан, бесмысленно уничтожаемое разного рода реквизициями. В меру своих сил и возможностей он старался оказывать помощь жителям, переселяемым с оккупированных территорий или застрявшим в районе военных действий. Имение Савичи, расположенное на пути из Барановичей в Бобруйск, постоянно подвергалось наплыву беженцев, которые без особой необходимости и нужды производили огромные разрушения в хозяйствах.

Но еще более трагические события пережил Войнилович в Савичах в связи с Октябрьским восстанием, когда все имения были захвачены т. н. Комитетами, состоящими из представителей соседних деревень. По мере развала фронта то одно, то другое имение становилось жертвой погромов, совершаемых дезертирами при содействии и участии местных жителей. Жертвой такого погрома 19–21 февраля 1918 г. стало и имение Савичи. Варварски было разграблено и уничтожено культурное наследие, собираемое по крохам, начиная с XVII столетия семьей Войниловичей. Большое количество ценных полотен и исторических экспонатов, имеющих огромную ценность, прекрасной работы гданьские шкафы, разного рода шкатулки, собрание семейных портретов, библиотека, содержащая более 5000 томов, и гордость рода Войниловичей – огромный, приве-

денный в идеальный порядок, семейный архив.

В течение нескольких дней расхищения и погрома имения Войнилович скрывался из-за попыток посягательства на его жизнь. Оккупация Минска немецкими войсками положила конец этой неразберихе и гонениям. Но во время оккупации Войнилович защищал от немцев погромщиков, спасая их от смерти. Он считал, что это его соседи, соотечественники. Никакому давлению с одной и с другой сторон не поддавался, ничью сторону не принимал, невзирая на переменный успех воюющих сторон. Он не верил в победу немцев, предполагая, что они потерпят поражение в России, и что Россия первая выйдет из Коалиции. Уход немцев из Беларуси заставил Войниловича, как и все землячество, покинуть родовые гнезда и искать приюта в Варшаве.

После освобождения г. Минска в августе 1919 г. Войнилович возвращается в Савичи, полностью разрушенные. Несколько месяцев он был занят восстановлением хозяйства в имении, одновременно занимаясь общественными и политическими делами. Действительно, надо было обладать железным здоровьем, чтобы в возрасте более 70 лет совершать постоянные поездки в Вильно, Минск и Варшаву, и все это в неимоверно тяжелых условиях. Из-за разрухи на железной дороге, загруженности войсковыми перевозками, часто приходилось пользоваться конным транспортом, порой преодолевая расстояния до 20 миль. Войнилович не отказывался от любой, нужной для общества, работы, спешил на каждый зов земляков, не опасаясь за свое здоровье и жизнь в период свирепствующих эпидемий. На неудобной телеге совершает утомительную «семимильную» поездку в Слуцк, чтобы на собрании местного сельскохозяйственного товарищества поддержать идею государственного займа.

И вот новый удар для восстанавливаемого хозяйства в Савичах и Пузове: 6 июля 1920 г. Войнилович получает приказ о немедленной эвакуации всего имущества в связи с отступлением польских войск. С небольшой частью уцелевшего имущества, которое удалось сохранить, со слезами провожаемый местными жителями, он оставляет Савичи, на этот раз уже навсегда. Совершает долгий,

мучительный путь в Брестскую область в надежде найти там временное пристанище. Вскоре, в связи с наступлением большевистских войск, ему пришлось искать более безопасное место у родственников недалеко от г. Люблин, откуда несчастные беженцы вынуждены были уходить дальше за Вислу. Этот период бед и испытаний Войнилович подробно описывает в своих воспоминаниях. Скитания по чужим углам продолжались вплоть до заключения Рижского договора. Для Войниловича это был удар, который даже такой, закаленный в бедах и страданиях, человек еле смог выдержать.

Речь идет не столько о его материальных потерях, поскольку все имущество осталось по ту сторону границы, а о моральном крахе, об утере плодов многолетнего кропотливого труда. Это была потеря для многотысячного населения Беларуси, потеря связи с культурой предыдущих поколений. И не удивительно, что все страницы воспоминаний проникнуты большой горечью и болью, которые вызвали несколько острых выступлений в прессе. Резолюция 29 апреля 1921 г. в Совете Минского Сельскохозяйственного Товарищества явилась подобием политического завещания его уважаемого Председателя. Это был тяжелый обвинительный акт не только против представителей, которые подписывали Рижский договор, Сейма, который его ратифицировал, но и против всего сообщества, санкционировавшее новый передел страны. И вполне оправданно с возмущением подчеркивал, что «при решении судьбы Восточных Земель ни одного представителя этих земель не пригласили, даже не допустили в качестве советника или наблюдателя».

Рижский договор, оставляя вне родины Пузово и Савичи, лишил Войниловича средств существования и обрек на вечное скитание. Располагая очень незначительными средствами и не желая пользоваться помощью родственников, судьба которых оказалась более счастливой, он остановился в г. Быдгоще, приютившим многих потерпевших крушение в жизни. Войнилович и здесь не прекращал общественной деятельности: организовал опекунов над соотечественниками, волей судьбы оказавшимися в Быдгоще.

Он приводил в порядок свои воспоминания, вел обширную переписку с товарищами по совместной работе, разбросанным по всей Польше. Волею судьбы Войнилович оказался в роли наблюдателя за развивающимися событиями, человеком, который остро на них реагировал, однако сохранил, несмотря на приближающиеся 80 лет, ясность ума, правильное суждение о вещах и юношескую способность ориентироваться в общественных явлениях, происходящих в возрожденной Речи Посполитой в 1921 – 1928 гг.

Приходится сожалеть о том, что большие способности, знание и опыт Эдварда Войниловича не были востребованы деятелями Польши на благо общества. Его основательное знакомство с аграрной политикой, сервитутскими делами, трудными и запутанными национальными и религиозными вопросами на Восточных землях, выдвигало его кандидатом на роль компетентного, знающего эксперта и советчика во всех начинаниях и планах государственной важности. Но он оказался на обочине, ему не дано было служить Отечеству ни советом, ни богатейшим опытом. Возможно, это последнее и было главным препятствием к привлечению его к политической деятельности. Он принадлежал к иной эпохе, к иному поколению, слишком много в нем было от того мощного дуба, основательно укоренившегося в родной земле и противостоящего проносащимся ураганам; не было в нем ничего от гибкой придорожной вербы, склоняющейся при незначительном дуновении ветра.

Обладая выдержкой, спокойно нес он свой крест. Тешил себя надеждой, что «хорошая мысль, содеянное добро, даже если не дают своих плодов немедленно – возможно, когда-то принесут их и дадут всходы, как зерна пшеницы в гробницах фараонов. Тогда припомнят тех, которые когда-то были сеятелями...». «Такие обломки судьбы (истории), как в настоящее время и я, обычно гибнут в забвении даже прежде, чем уйдут из жизни (покинут этот мир). Иное время требует и людей иных, и хотя в свои 78 лет еще вполне способен заниматься общественной деятельностью, совсем не удивляюсь тому, что я оказался на обочине, так как мне трудно было бы пригнуться, приспособиться к существующим настроениям. Я никогда не смог бы изменить

прошлым идеалам. (Сравн. Ал. Ледницкий, Э. Войнилович, «Świat», 26, 1928 г.) А люди у нас еще не пришли к убеждению, что, возводя новое здание, бессмысленно сохранять старый фундамент» (Там же).

Одной из черт, характеризующих с. п. Эдварда Войниловича как политического деятеля, был его реализм. Его, как было сказано, не столько интересовали далеко идущие идеи, программы, такие как задания существующей политики и практической жизни. Эти вопросы имели для него намного меньшее значение, чем целенаправленная и всегда приносящая успех тактика. Он был, прежде всего, выдающимся тактиком, и всем его начинаниям в общественной жизни почти всегда сопутствовал успех. Особенно это проявлялось в отношениях с российским правительством. Он хорошо знал психологию русского бюрократа. Не выслуживаясь, снискал себе такое доверие в бюрократической среде, что ему не могли отказать, и он всегда умел осуществлять большинство своих проектов.

К Эдварду Войниловичу вполне можно отнести прекрасные слова Станислава Тарновского: «Владея ситуацией, состоянием действительности лучше, чем кто-либо из современников, знал о том, что как человек является не только духом, но и телом, так и Родина (Отечество) – это не только сама идея, абстракция, чувство, любовь, но она должна тоже иметь свое материальное выражение, материальную жизнь и условия для этой жизни. Знал и понимал, что Родина обязательно должна быть также и материальной и, если кто хочет дойти до того, как должно быть, надо исходить из того, что имеется – вот это, в двух словах, тайна его политики. А ее средства – это бесконечный труд вокруг корней дерева: обработать землю, вдохнуть в нее жизнь, очистить от сорняков. Цветы и плоды даст Бог в свое время, если человек сделает все то, что он обязан сделать».

Для двух поколений Войнилович был великим примером и образцом общественного служения и любви к Родине. Для Минщины, даже, больше всего, для литовско-белорусской губернии был тем, чем в свое время для Конгресувки был Андрей Замойский, для Галиции – князь Лев Сапега,

Познанского уезда – генерал Хлоповский, Неголевский, Марцинковский, для южных окраин – князь Роман Сангушко, Рейтан и Костюшко – характеры, выкованные из одного ценного металла – гражданского служения Родине, близкие по духу, образу жизни и происхождению. Был, как правильно заметил в посмертных воспоминаниях Ян Лютославский, «походней (факелом), который освещал особым моральным пламенем», гордостью и славой Кресов...

Судьба, так жестоко преследующая Войниловича при жизни, не дала ему возможности почтить на Савичском кургане рядом с прахом дорогих его сердцу родителей и детей, о чем всю жизнь мечтал и высказал в своем завещании. Он не претендовал на пышные похороны, а погребение в простом сосновом гробу, доставленном к месту захоронения на одноконном катафалке.

Свою последнюю волю он выразил словами: «Прощаюсь с вами, леса, помнящие прошлые поколения. Прощаюсь с вами, поля, облитые потом моих родителей». Наследника своих владений призывал, чтобы он шел дорогами, проторенными им и его предками в меру их сил и способностей. А как жили прежние владельцы этой земли, расскажут местные традиции, расскажут добрые люди, прошумят деревья в Савичском парке, напомним курган, насыпанный на той земле, где прародители ожидали последнего Суда.

К написанию воспоминаний Войнилович приступил, как сам пишет, уже в довольно зрелом возрасте – после 70 лет, из-за вынужденного безделья во время страшной войны. Свои выводы старался подтвердить документами, которые сумел сохранить в большом количестве. Но, к сожалению, они были уничтожены во время погрома в Савичах 19 – 21 февраля 1918 г.

Вероятно, была уничтожена и часть дневников, которая потом была вновь восстановлена в городе Быдгоще.

Рукопись состоит из двух частей: воспоминаний, написанных автором в 1917 г., и дневника, который он вел, начиная со 2 декабря 1918 г. и до времени тяжелой болезни, приведшей его к кончине. В рукописи 288 пронумерованных стандартных страниц и 364 страницы особого образца

(размера), написанных характерным разборчивым почерком. Пояснением к дневнику служат четыре довольно объемных пакета отзывов, вырезок из газет, систематически собираемых автором во время проживания в Варшаве и городе Быдгоще. По всей видимости, автор придавал им большое значение, так как очень часто ссылался на них в своих воспоминаниях.

Воспоминания с. п. Эдварда Войниловича являются очень ценным историческим материалом, освещающим жизнь губерний после восстания. Приходится сожалеть о том, что автор, одаренный наблюдательностью и исключительным даром повествования, прекрасно зная историю Края, не посвятил описанию среды и того окружения, в котором рос и столько лет трудился, большого количества страниц. Его описания жизни и обычаев общества того времени были бы очень интересными. Но он не сделал этого, так как считал, что политический деятель, каковым он был, должен уделять внимание только делам общественным, а, возможно, из-за врожденного благородства, чтобы, описывая личное, не затронуть кого-либо ненароком. Он ограничился только описанием своей общественной и политической деятельности, но страницы, посвященные работе в Думе и Государственном аппарате, характеристике российских государственных деятелей, с которыми встречался, описаны ярко и имеют историческую ценность.

В Быдгоще, где Войнилович провел свои последние годы жизни, он снискал почет и уважение, являясь патриархом многочисленной, осевшей там колонии. Огромное количество венков и провожающих его в последний путь свидетельствуют о почитании и признании заслуг усопшего.

Комитет по увековечиванию памяти Эдварда Войниловича приступил к изданию воспоминаний, решив в данный момент ограничиться выпуском первого тома, второй том предполагалось издать позднее. Такое решение было принято из-за того, что в первую очередь предстояло осветить деятельность Эдварда Войниловича в период расцвета его общественно-политической деятельности, т. е. в основном на Минщине. Поэтому за конечную точку отсчета

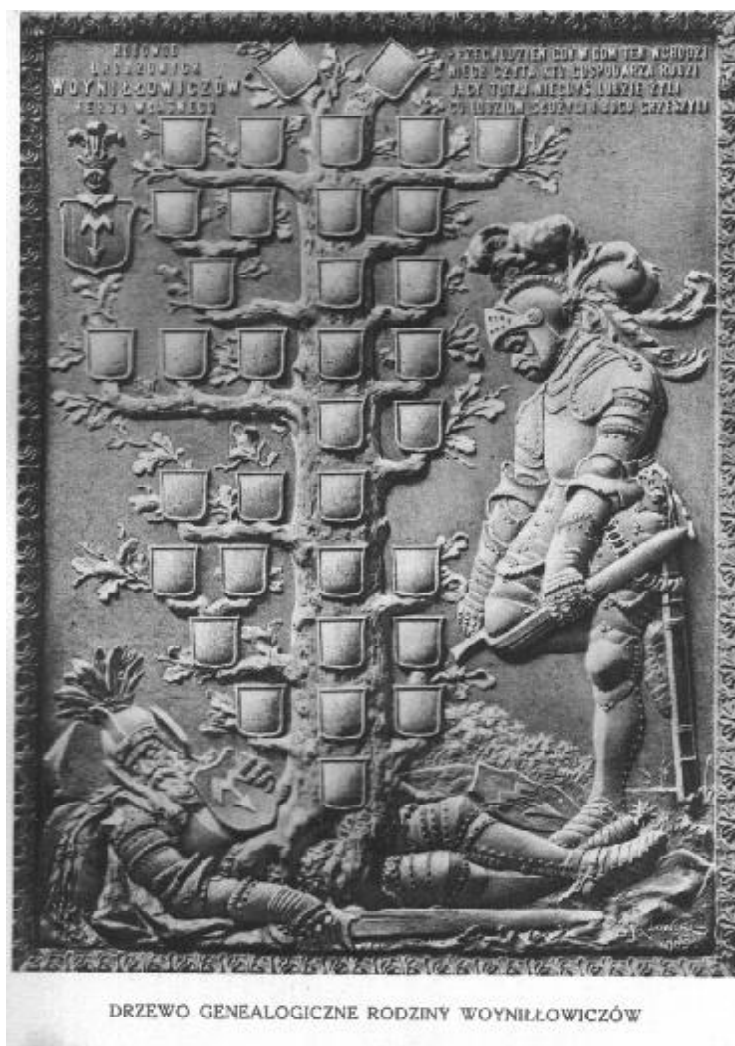
был взят Рижский договор, по которому его отцовское наследство осталось за кордоном, и который положил конец его дальнейшей общественной деятельности. Комитет считает, что события, произошедшие после 1921 г., не улеглись в памяти и будут пригодны для публикации только после того, что покажет дальнейший ход истории.

В пользу такого разделения воспоминаний говорит и то обстоятельство, что 1 мая 1921 г. в Варшаве состоялось последнее совещание Минского Сельскохозяйственного Товарищества. Было прервано существование заслуженной организации, которую, если можно так сказать, создал и развивал Войнилович и руководил ею долгие годы. В качестве дополнения к настоящему изданию воспоминаний прилагается несколько документов, которые удалось собрать, и которые освещают определенные моменты общественной и политической деятельности Эдварда Войниловича. Заслуживает внимания монументальный труд, касающийся православного духовенства на Кресах, выполненный с большим знанием дела, резолюция общего собрания членов Минского Земельного Товарищества на заседании в Варшаве 29 апреля 1921 г., которая стала завещанием заслуженной организации и на основании Рижского договора была вынуждена прекратить свое существование.

Издавая настоящие воспоминания, Комитет старался сохранить особенности языка автора с его архаизмами и историзмами. Внесены только незначительные поправки во избежание слишком выраженных «русизмов».

В конце выражаю особую благодарность П. П. Поровскому, Т. Пониквицкому, Р. Скимунту и К. Здеховскому, которые с большим желанием и готовностью давали мне ценные указания и помогали в редакционной обработке данного издания.

ЯНУШ ИВАШКЕВИЧ.

Генеологическое дерево семейства Войниловичей

I

13 октября 1917 г. мне исполнилось 70 лет. Дневника никогда не вел и поэтому мемуары писать трудно, так как недостает архивных материалов, а память может недостаточно точно воспроизвести события давно прошедших лет. Писать буду только о том, что хорошо помню, о чем люди в заботах и тревогах сегодняшнего дня уже и забыли, и не с кем даже поговорить о прошлом. Ведь вокруг уже молодое поколение, которое при рассмотрении «status quo» меньше всего задумывается о том, какую лепту оно внесло, что ими лично заработано, а лишь о том, что получило в наследство от предшествующих поколений.

Все, что во мне переболело и мною пережитое, приношу в жертву Богу. Возможно, на весах последнего Суда это перевесит в сторону моего оправдания. Если и буду описывать что-либо личное, то ровно настолько, насколько необходимо для характеристики той эпохи, окружающей действительности, в которой я жил, и отражать именно то мировоззрение, которое присуще пишущему; буду как можно больше рассказывать и меньше осуждать, ибо чем дальше в прошлое уходят действия и события, тем объективнее они видятся. Пусть рассудит время.

Родился я 13 октября 1847 г. в Слепянке под Минском

Литовским – имении родителей моей матери Эдварда и Михалины из Монюшко-Ваньковичей. Мой отец Адам – сын Антония, мать Анна – из Ваньковичей. Так как я был долгожданным первым внуком в семье, родители моей матери после родов забрали ее к себе, а поскольку я родился в день именин моего деда Эдварда, то день моего крещения отмечался очень торжественно, при стечении большого количества гостей. Моим крестным отцом был очень популярный в те времена Леон Ошторп – губернский предводитель, Мальтийский командор, владелец значительной недвижимости в Прилуках, Дукоре и др.

Поскольку я упомянул о Слепянке и семье Ваньковичей, то необходимо сделать несколько уточнений. Мой дед Эдвард, сын Станислава, член древней и богатой семьи, был женат на дочери Монюшко, который в свое время вместе с Ошторпом сумел накопить значительное состояние. Женившись на дочери Войниловичей, он оставил многочисленное потомство, где было много талантливых людей, но, к сожалению, часто очень нервных и легковозбудимых, а иногда и несколько со странностями. Почти ни один из них не смог удержаться при имении, и огромное состояние Монюшко в очень короткое время стало частью и основой состояния Ваньковичей. Дочерью предков Монюшко была моя бабка Михалина, а один из внуков – известнейший музыкант и композитор, Станислав Монюшко – создатель оперы в Польше. Михалина Ванькович одарила своего мужа многочисленным потомством: детей было 17, живущих на момент, как помню себя, – 13. Она была личностью незаурядной, здравого ума и доброго сердца, центром, вокруг которого группировалась вся семья. К ней обращались в трудные моменты за советом и помощью. До глубокой старости она интересовалась общественной жизнью не только Родины, но и всего мира. Особое внимание и любовь к природе было ее увлечением, которое она сумела передать и своим детям: один из сыновей, Иван, прославился как ученый-энтомолог.

В один морозный декабрьский день, в огромной зимней карете, которую трудно было сдвинуть с места, мои

родители отвезли меня в имение Савичи, расположенное на Случчине, в 18-ти милях от места моего рождения. Условия путешествия в Савичи отразились на состоянии моего здоровья: сразу заболел скарлатиной и только благодаря стараниям родителей победил эту болезнь. Возможно, я был утешением в их жизни, но сам в этой жизни утешения не познал – такова была воля Бога.

Имение Савичи вместе с фольварками и деревнями включало когда-то около 5000 десятин земли и входило в состав Новогрудского воеводства Случцкого княжества. Вошло во владение семьи Войниловичей к концу XVI – началу XVII столетия как приданое Анны Тельшевской, дочери Валентина, которая после смерти трех мужей: Трипольского, Войниловича и Рейтана, свои имения Савичи, Пузово и другие отписала своим детям, рожденным от Войниловича. Этими владениями богатая и знатная семья Тельшевских пользовалась на залоговом праве, а впоследствии приобрела в личное пользование от Софии Олелькович, жены Януша Радзивилла, последней слущкой княжны, прах которой покоится в саркофаге, построенном в монастыре Святой Троицы в Случке. Там хранились портреты ее отца и трех его братьев: Александра, Егора и Симеона Олельковичей, Святое Писание, собственноручно написанное Олельковичем, и позолоченный Посох с надписью на латинском языке по кругу. Документы, относящиеся к имению, хранились в Савичском архиве вместе с другими документами, касающимися князей Олельковичей и их владений. Из них можно узнать о том, что некоторые роды землевладельцев, менее древние, чем знатные, так как некоторые фамилии записаны в Савичской деревне Браткове во времена Олельковичей, и до сих пор жители этих деревень носят такие фамилии.

Возвращаясь к семье князей Случких еще раз, необходимо отметить и тот факт, что, соблюдая в обрядах восточные традиции, они не сторонились римской конфессии: даже один из них, Симеон, похоронен в Любельском Кафедральном костеле, о чем свидетельствует запись в часовне. Пожертвованный архимандриту монастыря посох

Тройчанского в Слуцке имеет надпись: "Ave Maria gratia plena, Dominus Tecum", а о том, каково было их отношение к Речи Посполитой, свидетельствует предисловие к Святому Писанию, написанное от руки сначала позолоченными буквами, затем черными чернилами. Князь отмечает: «Не потому перестал писать золотом, что пожалел золота на славу Господа Бога, но писать чернилами быстрее, а так как сопутствуемый всякого рода несчастьями, которые преследуют и Речь Посполитую, боюсь, хватит ли мне жизни завершить начатое дело».

Савичский архив, приведенный в идеальный порядок по каталогу, составленному моим прадедом Адамом, новогрудским подкоморием, просуществовал несколько веков, пережил нашествие шведов, казаков, Москвы, выдержал разные внутригосударственные разрухи, и, я надеюсь, что сохранится и в этой невиданной катастрофе, переживаемой сейчас. Для памяти добавляю, что в архиве хранится и памятная книга «Vade tecum», полковника времен «Потопа», Гавриила Войниловича, затем старосты литинского и красненского, под знаменами которого служил Володыевский и товарищи по оружию, герои трилогии Сенкевича.

Эта памятная книга несколько лет находилась в архиве и из нее он брал необходимые ему данные.

В Слуцком уезде почти все имения, за исключением родовых владений Войниловичей и Рейтанов, принадлежали князьям Радзивиллам несвижской ветви. В результате мотовства последних князей, особенно безграничной фантазии князя «Пане Коханку», на которую без конца тратились средства, поместья переходили в залог к доносчикам князя, которые со времен русского начала приобрели в собственность эти поместья. Возможно, здесь и корни превосходства Войниловичей как истинных наследников, имеющих преимущество над иными знатными родами в губернии, крае, что проявилось в передаче им управой должностей: подкомория, маршалка.

Неуместно писать о заслугах моего рода, кого это интересует – узнают из истории, из гербовников (геральди-

ческих документов) и монографий, или прочтут в старых мемуарах Паска, энциклопедиях и т. д. Мой род на мне заканчивается. Известно всем, что на нашем племени нет человеческой обиды, не тяготеет над ним ни одна людская слеза, разве только одна моя слеза упадет. Для точности могу отметить, что это был род местный, белорусский. Собственный герб – измененная Сырокомля, изображающая на красном поле стрелу, как бы разорванную (Habdank), лезвием направленную вниз, на шлеме три пера страуса. Свою фамилию прежде Войниловичи писали через одно «л». Затем через два «л», как это практиковалось во многих родах. Далеко искать не надо, например, у князей Радзивиллов. В Несвижской фаре видим надгробие юноши, сына Вишневецкой и много других фамилий, написанных с одним «л», однако фамилия Радзивиллов во все времена писалась с двумя «л». В Савичском архиве в документах на одном и том же листе встречаем нашу фамилию, иногда записанную двумя способами.

Основателем рода был Войнило, сын его был Стецко, но первые документы этого рода в Савичском архиве хранились с гербом и подписью: Симеон Стецкович-Войнилович, 1 мая 1559 г.

Войниловичи в то время признавали восточный обряд, свидетельством этому являются крестики в стиле восточной графики на молитвенниках, на портретах прабабушек, например, Анны из рода Тельшевских. Одно фото Трипольской, второе Войниловичевой, третье Рейтановой. Подтверждают о том и имена при крещении: сыновей Симеона звали Борис, Богдан, Змайло; внуков – Мельхиор, Григорий, Иван. После принятия Римского обряда в XVIII ст. пошли Людовики, Христофоры и т. д. Эти фазы проходили все древние русские роды, Войниловичи не были исключением.

Когда меня в свивальнике привезли в Савичи, там жил еще мой дед Антоний, слуцкий маршалок, впервые избранный в 1811 г. В 1812 г. во времена Наполеона должность называлась – помощник префекта, затем снова – маршалок. Женат он был на Теофилии Одинцовой, сам был рожден от Адама, подкомория Новогрудского воеводства, и Каролины

Сулистровской, уроженки Пацов. Адам пользовался большим доверием и влиянием в воеводстве, считался с ним и «Пане Коханку», а письма короля Станислава Августа, адресованные пану подкоморию с просьбой поддержать Конституцию 3 мая и приложенный к письму диплом о присвоении ордена св. Станислава, хранились в Савичских архивах.

Теофилия Одинцова была племянницей (дочерью сестры) генерала Моравского из Зауша, женатого на сестре «Пане Коханку». Этими родственными связями объясняются определенные жизненные запросы и притязания, превышающие наличие имевшихся фондов и средств, которые к концу XVIII – началу XIX столетия имелись в Савичах. Предшествующие два столетия наш род верой и правдой служил Родине, ни пяди родительской земли не потерял, но и не прибавил, как это видно из старых описей и реестровых книг и документов. Под сенью вековых лип, помнящих Олельковичские времена, строил такие или похожие деревянные дома. В начале XIX века вместо старого деревянного дворца был построен каменный дворец с мансардами и двумя башнями, что соответствует хранящемуся в архиве старому плану. В парке строились беседки для оркестра, насыпались искусственные острова, устанавливались голландские ветряные мельницы, прокладывались гроты и лабиринты, ибо все это было в Аркадии или Альбе.

После смерти бабушки все пришло в запустение, остались только долги, которые последующие поколения должны были выплачивать. Бабушка Теофилия умерла, будучи в разводе с мужем, и похоронена в Слуцке. Насколько я знаю, у нее был далеко не покладистый характер; надо сказать, что семья Одинцовых в последней своей линии была удивительно неуравновешенной, невыдержанной, хотя и очень интеллигентной. В имении Савичи, в самом парке, стояла и стоит в настоящее время церковь, когда-то униатская, затем православная. Не могу обойти молчанием чувство, которое вызывал звон ее колоколов. Во время Пасхальных резурекций колокольный звон дополняли залпы

из орудий, которые стояли у нас в больших сенях дворца.

При колокольном перезвоне выносили на вечный покой владельцев этой земли. Эта церковь и ее часовня (филиал в Пузове) даже когда-то имели папские привилегии, и отец мой вспоминал о том, что, выезжая из дому в Слуцкие школы, всегда заходил на плебанию, находящуюся в четверти версты за парком, чтобы запастись пряниками для учеников. Последним приходским священником-униатом был ксендз Савич, после кассации Унии в 1839 г., направленный в Жировичский монастырь. По рассказам отца, во время праздников торжественная процессия выходила из церкви и следовала в парк, где находились украшенные алтари. Землевладельцы не только участвовали в Богослужениях, но часто крестили своих детей и венчались в церкви, а некоторые даже были захоронены в ее подполах. Возможно, эта местная традиция повлияла на то, что в нашей семье никто не одержим религиозным фанатизмом, особенно по отношению к восточному обряду. Мы охотно бывали в церкви на венчаниях, похоронах, занимая предлагаемые почетные места, как всегда с ковриками под ногами и отдельными креслами.

В 1846 г. бабушки моей уже не было в живых. Дед Антоний, вдовец, из-за болезни ног передал все хозяйство сыновьям, поделив его на основании закона, и сам определил свое место проживания в Савичах при годовом доходе с имения Дучево, приобретенного дедом у Грицкевичей. Деда прекрасно помню. Умер он 12 октября 1855 г., прожив 84 года. Он был главной личностью в доме, всем управлял и все подчинялись его распорядку. Так как он утром поднимался поздно, завтрак должны были подать в 12-00, обед – в 17 часов, поскольку он привык к этому, живя в городе во время своей службы. И если он опаздывал, то тростью, без которой он уже не мог ходить, придерживал стрелки часов, чтобы позже 12-00 не садиться за стол. Он имел личного лакея, кучера, карету и четыре белогривых лошади и дважды в год отправлялся в дальнюю дорогу, чтобы навестить родственников, живущих возле Минска: Костровицких в Новоселках, или Хмаров в Семкове. Когда возвращался, то

разрешал внукам в карете объехать вокруг газона. Все эти приятные подробности остались у нас в памяти.

В его спальне к одной из стен было пристроено что-то похожее на коридорчик, отделенный поручнями, опираясь на которые, дед ежедневно, громко считая ступеньки, несколько раз в день поднимался и опускался по ним вместо прогулки, так как целыми днями просиживал в своем архиве в соседней комнате, постоянно закрытой, в которую мы, испытывая огромное любопытство, впервые вошли после его смерти. Там была и библиотека из Пузово с большим количеством томов в кожаных и пергаментных переплетах, которую после смерти деда мой дядя Тадеуш, слущкий маршалок, как старший из сыновей, взял себе, и которая, к сожалению, сгорела вместе с его домами в Слуцке.

Дед мой умер во сне на большой кровати, отделанной бронзой – приданое Моравской, сестры «Пане Коханку», что досталась нам из Зауша по завещанию вместе с огромным шкафом и некоторыми другими вещами. Похоронен он под главным алтарем в фамильном склепе в Тимковичах. Дед имел трех сыновей: старший Тадеуш (в память о Тадеуше Костюшко) служил в Литовском корпусе под командованием великого князя Константина. После возвращения домой сразу был избран маршалком Слуцкого уезда и находился на этой должности более 20-и лет. Второй сын – Адам (в память о Чарторийском) – был граничным судьей Слуцкого уезда. Третий сын Александр служил в армии и после турецкой войны 1829 г. пропал без вести, что давало повод для появления самозванцев, которые имели претензии к братьям.

Мой отец, Адам, родился в 1806 г. После окончания школы в Слуцке, которую содержали кальвинисты во главе с суперинтендантом Вановским, окончил Виленский университет во времена его процветания. Проживал во время учебы у своего дяди Яна Войниловича, члена так называемой Радзивилловской Комиссии в Вильно. Ян был женат на графине Gunther v. Hildesheim (Гюнтер фон Хильдесхейм) урожденной Волоткевич. Родственник (брат жены) Яна, Адам Гюнтер, был женат на дочери Тизенгаузена. В доме дяди собиралось самое изысканное общество, где мой отец

приобщался к культуре и манерам высшего света.

Окончив учебу в Вильно, сразу был вовлечен в общественную работу. Тяжелый труд на земле в своем хозяйстве, а дед уже испытывал недомогание, жизнь не по средствам и расходы, связанные с управлением имением родителей, требовали напряжения сил. Добросовестным исполнением своих обязанностей, благородством характера, при эрудиции и воспитанности, которые давала Виленская альма-матер, Адам снискал общее признание и уважение в обществе. Не было ни одного положительно и мирно решенного суда, которым бы не руководил Адам, а мнение его было настолько значительным, что, когда произошло недоразумение при продаже огромных Борисовских владений в 1857 г. князем Леоном Радзивиллом князю Николаю (на основании Сасского государственного контракта), мой отец был приглашен арбитром. Работа моего отца в Финансовой комиссии была успешной: почти все постройки в поместье были возведены по его планам и им самим построены, луга осушены, долги в значительной степени выплачены, и эта работа в молодые годы его так увлекла, что только в 40 лет он подумал о вступлении в брак. И с Божиего благословления первый год его женитьбы наградил его потомством.

Умирая 22 декабря 1874 г., он оставил одного сына Эдварда, вступившего в брак с Олимпией Узловской, и четырех дочерей. Михалина была замужем за Оттоном Хорватом, маршалком Минской губернии, Мария – за Ксаверием Бельским, владельцем имения Отчино Кобринского уезда, Габриэля – за Ежи Могильницким. Их имение Филипповичи Слуцкого уезда было конфисковано, а они сосланы в Сибирь за участие в движении 1863 г. После возвращения из Сибири они приобрели имение Бзовец в Красноставском уезде. Последняя дочь Ядвига была замужем за Вацлавом Костровицким из Грицковщины Минского уезда, затем они обосновались в Минске.

Семья была большая, а материальные условия, если не тяжелые, то, во всяком случае, очень ограниченные, к тому же и мама моя от знатного рода Ваньковичей получила только 10 000 рублей.

Однако благодаря огромному трудолюбию моего отца и заведенному безукоризненному порядку в хозяйстве дети смогли получить отличное воспитание, а дочкам дали необходимое приличное приданое, такое, что когда в 1874 г. отец умер, мне не хватило только 10 000 рублей для выплат, причитающихся маме и сестрам. Но вскоре я смог осуществить выплату, продав пустыри в деревне Братково. Как я уже говорил, у отца были трудности в самом начале работы по хозяйству. Всю жизнь он очень боялся долгов и, когда с ними расплатился, начал собирать капитал на приданное дочерям. Он избегал всяческих афер и предпринимательства, которые, возможно, давали бы большую прибыль, чем государственные бумаги, которые были связаны с большим риском. И если бы я придерживался такого метода, то, безусловно, имел бы в два раза больше прибыли и быстрее собрал бы необходимый капитал. Детство наше прошло под присмотром нашей бесценной воспитательницы и опекуна Окинчиц, родом из местной шляхты. Ее привязанность к детям, уважение и почитание хозяев будут непонятными для современного поколения.

Она прекрасно помнила события 1812 года и часто нам о них рассказывала; помню ее вопрос: «Паночку, есть ли и сейчас еще вестфалы?». Ибо французы при отступлении уносили ее миску с маслом, и когда она начала кричать, пригрозили ей расстрелом. Не ела досыта, не спала вволю, лишь бы детям было хорошо. Она умерла в 1893 г. уже после моей свадьбы, прожив 80 лет. Похоронена в Тимковичах – вечная ей память!

Когда мы подросли, знанию языков учили нас немка и француженка. Затем у нас была учительница Юлия Ревенская из уважаемой в Новогрудке семьи. Ее отец Казимир, солдат наполеоновской армии, был женат на дочке Войниловичей из Пузова. Потеряв свое родовое имение Петровичи под Новогрудком, пошел в арендаторы, а дочь отдал в богатый дом учительницей. Вспоминаю об этом потому, что влияние пани Ревенской на наше воспитание было огромным, положительным: она была очень аккуратна и обязательна, это качество характера сумела привить своим

ученикам. При огромном уважении к семейным традициям родителей и большом благородстве, присущим дочери офицера польских войск, до конца своей жизни она любила читать и учиться, и ее пример благотворно влиял на воспитанников.

Наша учеба дома проводилась на польском и французском языках. А когда мне исполнилось 12 лет, надо было уже думать о подготовке к школе, где обучение велось на русском языке. В первый год был приглашен Марк Шалькевич, сын соседа-помещика, который окончил школу в Слуцке и должен был зарабатывать себе деньги для учебы в университете. На второй год был приглашен второй учитель Мейшутович из Минской гимназии, магометанин. Когда исполнилось 13 лет, родители отвезли меня в Слуцк, где я в 1861 г. успешно сдал экзамены для поступления в 4-й класс и после четырех лет учебы в 1865 г. получил аттестат зрелости с серебряной медалью.

Со времен учебы в родительском доме припоминаю случаи, которые сыграли немаловажную роль в нашей жизни, а именно: Крымская война 1854 г. и освобождение крестьян.

С Крымской войны мне запомнились только вечера, проводимые за изготовлением корпий для перевязки ран, забота хозяев по доставке для проходящих войск сухарей и фуража, доставка рекрутов, что в те времена являлось обязанностью владельцев имений. Набор в рекруты вносил огромные сложности из-за тяжелых переживаний, плача в семьях, укрывательства и побегов. Пойманные, помню, были закованы в дыбы – деревянные колодки. Бывали случаи, когда владелец имения назначал рекрута, а его жена его прятала. Помню, когда и наша мама, к большому нашему удивлению, такого уклониста закрыла под платьями в шкафу, чтобы спрятать на время набора в рекруты.

В памяти осталась картина прохождения через нашу местность толпы ополченцев, с крестами на шапках, с массивными тяжелыми топорами, с собаками, доставленными из глубины России. Появление бородатых ополченцев нагоняло страх в спокойных белорусских деревнях и приносило много вреда: искать суда и справедливости было

просто негде.

Запомнились и времена крепостничества, когда разные споры и тяжбы между крестьянами решались помещиком; крестьянские свадьбы, заканчивающиеся, как правило, танцами и угощением в имении, ряды подвод с осенними дарами и т. п. Более свежи воспоминания времен отмены крепостного права. Приехал как-то зимой, так называемый посредник, кажется, Игнатий Пилавский, близкий сосед, и, собрав дворовых людей и землевладельцев из нашей деревни Братково, прочел «Акт об освобождении крестьян от принудительного труда на помещика». Отец, придя к нам, помню, сказал: «вот, детки, завтра пойду сам кормить лошадей и коров, а вы мне будете помогать». Наступило тревожное утро, но и отец не пошел, и мы не пошли ему помогать, так как все люди приступили каждый к своим обязанностям, словно ничего не изменилось. Изменились только условия и оплата работы, но большинство этих людей остались на своих должностях и при своих обязанностях, и жизнь свою окончили в Савичах, а их дети и внуки до сих пор там работают. Видимо, здесь им не делали ничего несправедливого, или для изменения условий жизни им не хватило инициативы.

А для обеспечения своего хозяйства постоянными работниками, поденщиками, в дальнейшем землевладельцы через «ad hoc» (агентов) и «дома заказов» (конторы по трудоустройству) начали вербовать семьи рабочих в большинстве из убогой перенаселенной Австрийской Силезии, расселяя их в имениях или на колониях. Как правило, это были работники слабые и не всегда приспособленные к сельским работам, особенно переселенцы из городов, но на первых порах не одну брешь в рабочей силе поместий заполнили. Они знакомили местное население с неизвестными до сих пор приемами труда, например, пахота плугом, а не сохой, уборка зерновых косой, а не серпом и т. п. Удивительно, как прибывшие из пястовских околиц очень быстро поддались местной ассимиляции и уже во втором поколении приняли белорусскую речь (заговорили на белорусском языке).

Большая Земельная реформа была очень продуманно спланирована. На основании описи и реестров, преимущественно от 1846 г. и рассмотрения определенного status quo имения сначала были оформлены уставные грамоты. Они определяли в дальнейшем обязанности крестьян по отношению к помещикам. Здесь же определяли и состояние их владений. Эти повинности были обязательными в течение двух лет, затем были заменены денежными выплатами (чиншами), которые, в свою очередь, должны были быть капитализированы и переведены в план выкупа в личное владение используемых земель. События 1863 г. и предшествующие им волнения и брожения в земледельческих сферах на политическом фоне дали правительству *asumpt* (предлог) взять все дела крестьянской реформы в свои руки, ускоряя ее осуществление. При этом вся реформа с экономической была переведена на платформу политическую путем противостояния местного польского населения, в основном католического, белорусскому населению, в большинстве своем православному. Вскоре все приняло окраску и тенденцию чисто социалистическую, в этом направлении осуществлялись и последующие реформы в Западном крае, проводимые российским правительством.

Дело крестьян из рук «мировых посредников», на первых порах избираемых местными землевладельцами, и «съезд посредников» под руководством маршалка, тоже избранного, перешли в компетенцию контрольных комиссий, созданных великим правителем Муравьевым. Съезды состояли из людей глубинной России, совершенно незнакомыми с местными условиями, обуреваемыми ненавистью ко всему местному, колоритному, что дышало культурой и древней традицией. От большинства этих «деятелей» глубинная Россия рада была избавиться как от элемента, заболевшего вирусом переворотов: уж пусть лучше свои теории претворяли в жизнь «*in anima vili*» в Западном Крае, но не на территории Матери-России. Но «*Deus mirabilis*», то, что предполагалось для уничтожения земледельческих хозяйств, пошло им на пользу. Если бы не нарастающие веяния с Востока и постоянная недоброжелательность

органов государственной власти по отношению к нашему Краю, то наша аграрная политика проходила бы такие же фазы, как и на Западе, сокращая большие латифундии и увеличивая число мелких землевладельцев, не нарушая права собственности и не вызывая классовой ненависти.

Хочу объяснить свою точку зрения. Средний крестьянский надел в Минской губернии составлял около 15 десятин (десятина равна приблизительно 1,1 га). Такой же надел, как и пустырь в деревне, арендованный, в большинстве случаев, мелкой шляхтой, в 60-е гг. прошлого столетия приносил доход в 40 рублей. Доход в 36 – 40 рублей был определен выбранными «посредниками» как полный крестьянский надел, оплачиваемый в форме чинша; он был полностью возможен для оплаты крестьянином, так как иных обременений крестьяне не испытывали. Вспыхнуло восстание, появились «контролирующие комиссии» и Муравьев в порядке наказания возмущающихся снизил размер чинша до 10 – 15 рублей с надела, что при обложении земли и специально низких ценах на сельхозпродукцию было почти катастрофой.

Крестьянам не стало легче, наоборот, они оказались придавлены грузом волостного самоуправления – около 25 рублей с каждого надела, что в сумме с чиншем составило около 40 рублей. Это были оплаты с вольного найма такого надела и удобная простая норма платежа. Если бы арендная плата в пользу владельца земли равнялась первой цифре – 36 – 40 рублей плюс волостной налог – 25 рублей, всего 65 рублей, то сразу застопорилась бы оплата крестьянских наделов и появилась бы хроническая задолженность по уплате, что стало первостепенным вопросом в центральных исконно русских губерниях.

И, как видим, получилась обратная реакция: что предполагалось как уничтожение землевладельцев – цели не достигло. В обнищавшей, погрязшей в пьянстве, безнадежной, выбитой из колеи деревне появился землевладелец, который обеспечил крестьянам материальную поддержку благодаря возможности иметь нормальную работу и заработок, как это было перед войной.

Увеличенный государственный груз платежей и

содержание самоуправленческого аппарата, рост цен на оплату работникам поместий и наемникам, не говоря уже о задолженности большей части владельцев, принуждали помещика уменьшать свои владения путем разделения земли на более мелкие участки в пользу мелких землевладельцев или безземельных крестьян. Таким образом, не нарушая прав Божьих и человеческих, он увеличивал ряды мелких землевладельцев, востребованных всегда и везде, объединяющих жителей страны. Ведь собственность появилась благодаря стараниям, труду и экономии. Такая собственность облагораживает человека, является стимулом личной инициативы. Противовес ее – собственность, приобретенная насилием над чужой собственностью. Такая собственность деморализует, лишает желания работать и заставляет искать источники удовлетворения своих потребностей не в личном труде, а в стремлении присвоения и захвата чужой собственности.

Во время учебы в Слуцкой гимназии я проживал у своего дяди Тадэуша, долгие годы он избирался маршалком местной шляхты и последним выборным Слуцкого уезда. После него был маршалок из местных помещиков, очень достойный, Юзеф Войнилович, но из назначенцев Муравьева и после него пошел целый ряд предводителей дворянства. Дом дяди Тадэуша был открытым и очень гостеприимным, как этого требовала шляхта от своих избранников. Правой его рукой был секретарь Шелютта. Дядя владел в городе несколькими деревянными домами и красивым ухоженным фруктовым садом – все это на месте бывшего «нижнего дворца» (замка) князя Олельковича, где оркестровые и иные рвы постоянно засыпались. На холме у «верхнего замка» возвышался православный собор.

От своей жены, Казимиры Наркевич-Иодко, имел двух дочерей, обе были замужем за братьями Доманскими, слуцкими помещиками, и принесли как приданое имения Кляримонты и Каролин – половину бывшего имения Войниловичей, создав наследства для каждого из зятьев. Не имевшие своих сыновей, дядя и его жена были очень привязаны ко мне, кроме того, дядя и мой отец дружили, а

жена дяди, как поговаривали в прежние времена, была влюблена в моего отца. У них я чувствовал себя как дома и благодарную память о них сохранил до конца моих дней. Дядя не получил такого образования, как мой отец, так как очень рано ушел на военную службу в кавалерию Литовского корпуса, вышел в отставку в звании лейтенанта и с военным крестом. Часто вспоминал причуды князя Константина: однажды возле Слонима на маневрах эскадрон не справился с поставленной задачей. Великий князь направил эскадрон в сторону болотистого луга и командовал: «Марш, марш!». Загнав по уши в болото, командовал: «Стойте!» и добавил: «Вот свиньям место». Военная служба и традиционное домашнее воспитание привили в дяде чувство ответственности и обязательности. Он не любил панибратства и не признавал равенства среди людей, иногда любил показать свое превосходство, но никогда не уклонялся от выполнения того, что считал своей обязанностью по отношению к соотечественникам и чести дома.

Помню его возвращение после Минских выборов, когда он привез чемодан и валенки (войлочные сапоги), готовясь к ссылке, которая в те времена была уделом большинства избранных чиновников. Вместо запрещенного «адреса» они подписали «протокол» и затем коллективно подали в отставку. Дядя готовился к ссылке совершенно спокойно, хотя это грозило конфискацией всего имущества, крахом для семьи. Правда, до ссылки дело не дошло, но он потерял жену и одну из дочерей. Пожар уничтожил все его дома, и до тех пор, пока он кое-что не отстроил, перешел жить к моему отцу и пару лет проживал в Савичах. Мои родители были счастливы, потому что смогли отблагодарить дядю, который в свое время заботился обо мне.

Умер и похоронен он в Слуцке. Слуцкая гимназия, которая в те времена считалась одной из самых лучших в Крае, существовала на средства князей Радзивиллов, диссидентов и ими была передана кальвинистам. Виленский синод кальвинистов содержал гимназию. Был построен интернат для 60-ти учеников-кальвинистов со всего Края. Отбирались отличившиеся, направлялись в университет в

Крулевце или Дерпте, в процессе учебы их подготавливали к работе учителями в этой же гимназии. Продолжительное время префектами были пастыри – отец и сын Ванновцы, из этой семьи вышел полностью «обрусевший» бывший министр Российских Вооруженных сил. Суперинтендантом был пастор Липинский из Вильно, который приезжал на ревизии в гимназию и по делам кальвинистов, но это продолжалось недолго. Наступил 1863 год. Часть учителей и учеников участвовали в восстании. По этой причине правительство «разогнало» учителей, прислало своих. Таким образом, если в 4-м классе занятия и уроки религии проводились на польском языке, то уже в 6-м и 7-м даже Катехизис преподавали на русском языке, а итоговый экзамен по этому предмету надо было сдавать тоже на русском языке.

За время моего пребывания в гимназии (1861–1865 гг.) произошло много разных событий, оказавших значимое влияние на жизнь всего общества Края. О них я буду говорить в той степени, насколько они повлияли на мое окружение. Если в катаклизмах событий 1914–1918 гг. женщины и молодежь почти не принимали участия, то в 1861–1863 гг. их роль была преобладающей. Струны общественной жизни были наиболее чувствительными на все отголоски, доносившиеся из Варшавы и доходившие до нашей провинции. Женщины и молодежь руководили если не внутренней организацией, то, во всяком случае, демонстрировали внешние требования (притязания) народа. И нет ничего удивительного в том, что и гимназистская молодежь, в то время в большинстве поляки, более 300 учеников, часто оставляла свои прямые обязанности для участия в демонстрациях как в костеле, так и за его пределами. Например, демонстративно тянули телегу с прелатом Бялобжеским через весь город, перед тем, как его должны были вывезти из Варшавы в глубь России. Директор гимназии, россиянин Лубкин вынужден был смотреть на все это сквозь пальцы, коль сами учителя подавали сигналы к действию. Поэтому не каждый из нас всегда знал урок, но носил заклочку с белым орлом в галстук и запонки к рубашкам с портретом Костюшко, Замойского, Кроненберга

или Испанского.

Ночами мы читали «Стражницу» и из старых напильников, пилочек для ногтей, делали кинжалы или пики. Но все прошло и вместо 80 товарищей в 4-м классе к последнему экзамену пришло всего 7 человек! Это не по причине участия в восстании: таких, может, нашлось 20 – 30 человек, но ввиду изменившихся условий существования многих семей, что оказало влияние на возможность обучения и воспитания их детей. Женщины как более восприимчивые и горячие патриотки во всех демонстрациях шли впереди и звали за собой. Одно, что я ставил им в упрек, так это то, что эти сообщества не были надлежащим образом воспитаны или просто были загипнотизированы.

Поэтому слишком мало реагировали на женское правление. Женщины, привлекавшие молодежь, решали все сами: пальму первенства в общественных заслугах отдавали агитаторам и демонстрантам, а людей, более глубоко мыслящих и далеко вперед смотрящих, чем эмиссары «Народного правления», ставили к столбу общественного порицания. Могу привести примеры: графу Эмерику Чапскому, создателю музея Чапских в Кракове, а затем директору лесного департамента, разбили окна. Моему родственнику Ежи Могильницкому, сосланному на каторгу, не давали покоя «создатели общественного мнения», которые и в дальнейшем распивали чай с баранками во время конфискации его имения. Я все это помнил, а увиденная мной несправедливость повлияла на то, что я пренебрегал общественным мнением и никогда не добивался популярности.

В таком ускоренном порядке создавалось общественное мнение, под влияние которого стали подпадать люди вопреки своим глубоким убеждениям и приносили в жертву свою жизнь и свое состояние, хотя понимали всю несостоятельность и бессмысленность такой жертвы. Входили в ряды «организаций», получали мандаты от анонимных правительств; создавали малочисленные повстанческие отряды, получали призыв из Варшавы: «Где прольется польская кровь, там будут очерчены границы Отечества».

А правительство не теряло времени даром, использовало незавершенную крестьянскую реформу и направляло борьбу на почву народного антагонизма между помещиком и крестьянами, которого мы никогда не ощущали, невзирая на разницу вероисповедания. Для понимания накала общественной атмосферы приведу личный пример: мне выпало счастье иметь мать, беспрдельно любящую меня.

Помню, она уговаривала меня, 15-летнего юношу, чтобы, когда придет время, я встал в ряды современных (мнимых) защитников Отечества. И эта минута пришла — на мое счастье, меня не было дома, когда в Савичи из Слуцка пришла партия во главе с достойнейшим полковником Машевским. Забрали мою винтовку, шесть лошадей и писаря, которого мать благословила и проводила. Маневрировали недолго, были разбиты на границе Игуменской волости. Машевский был убит, Наполеон Обухович ранен. Остальных я встретил в Слуцке — их вели в тюрьму.

А писарь следственной комиссии так подробно все преподнес, что их родных немедленно арестовали и привезли в Слуцк, а имение конфисковали и передали в собственность государства.

Мне врезалось в память: было это летом, я был на каникулах дома. Родители задержались в Слуцке вместе с учительницей и ее сестрами, я остался один на хозяйстве. Приехал пьяный чиновник Виноградов с известным руководителем, батюшкой Можейко из Тимковичей, казаками и командой «ратников», крестьян. Двор окружили стражей и начали опись домашнего имущества, удивляясь, что не находят денег, якобы имевшихся у моего отца. Крестьяне разваливались на кушетках. Срывали фрукты в саду, чиновник пил водку. Продолжалось это несколько дней. Поддержать меня приехал наш дальний родственник-сосед из Куковичей, Эразм Петрозолин, но ему пришлось уехать ни с чем. Дядя мой Тадэуш еще был маршалком.

Оказывается, перед поездкой в Савичи Виноградов, получив указание от правящего тогда в Слуцке военного начальника казачьего полковника Астахова, прибыл к дяде с надеждой на выкуп за снисхождение по вопросу секвестра.

Дядя пренебрежительно отнесся к нему и в придачу еще чем-то пристыдил, на что Виноградов пожаловался. И когда после нескольких дней правления в Савичах дяде удалось получить от военного начальника указание приостановить секвестр (судебное исполнительство) до вынесения приговора в отношении моих родителей, и это распоряжение конным гонцом было доставлено в Савичи, Виноградов, впад в ярость, закричал: «Это сделал ваш маршалок», и уехал с ругательствами. Остановился я на этом, казалось, таком незначительном, эпизоде потому, что все происходящее оказало решающее влияние на мое дальнейшее воспитание и последующую мою жизнь. Во время этого секвестра из юноши, рассчитывающего на приличное обеспечение, я превратился в человека без крыши над головой, без хлеба, и понял, что надо самому собственными силами пробивать дорогу в жизнь.

Одним словом, вместо обрзования, которое мечтал дать мне отец, вместо военного или штатского мундира я сразу выбрал конкретную профессию, дающую мне специальность, что и осуществил после окончания гимназии.

Чтобы больше не возвращаться к Слуцку, допишу еще несколько слов. Город расположен в плодородной местности, хотя в низинной и болотистой, при канале, выпрямляющим русло р. Случь. Принадлежит к наиболее древним городам Края. Безусловно, на первых порах существования город оказался под влиянием Турова и Киева. Связываясь с Киевом водным путем через Случь, Припять, Днепр, монахи Печерской Лавры вынуждены были добираться до Покровского монастыря Святой Троицы чайками (лодками).

Древних памятников Слуцк не сохранил, так как был полностью деревянным. Из дерева лиственных пород была выстроена славная «Слуцкая Фара», согласно пословице «древнейшая, чем кальвинская вера», которую с детства помню возле современной Новопольной улицы, между Шоссейной и оставшейся после нее колокольней. Построена она была в 1410 г. на средства Зигмунта Кейстутовича. Снаружи, в галерее со стороны улицы было прикреплено расписание, весьма почитаемое, работы известной школы Вита

Ствоша, которое уцелело. Его мне удалось раздобыть и разместить в построенном мной Минском Костеле св. Симона и Елены. Когда Фара пришла в полный упадок, ее деревянные балки были использованы для постройки небольшой часовни близ плербани.

Когда я ходил в гимназию, прежних деревянных замков и дворцов как верхнего, так и нижнего, уже не было. Кое-где еще были видны остатки оборонительных земляных насыпей, зарастали камышом старые ямы и рвы, которые когда-то задерживали нашествие татар, Глинского, казачества и Москвы под командованием Трубецкого. Этим нашествиям оказывало сопротивление местное православное население пригородов Тройчан и Острова. В конце улицы Широкой хорошо сохранился земляной бастион, в настоящее время полностью уничтоженный и застроенный над берегом р. Случи, напротив которого в 1812 г. переправлялась отступающая армия Наполеона и поэтому это место реки было названо «Бегство».

В мою бытность там было обычное место купания для учеников. Во время выравнивания насыпей и ям было найдено четыре больших и одно небольшое орудия, отвезенные во двор полиции. Они вросли в землю, но мне удалось их откопать и установить перед домом в Савичах, как когда-то во владениях Олельковичей. Кроме монастыря в Тройчанах с каменным собором и саркофагом последней Случкой княжны «Ольгердова племени», как читаем в надписи, в Случке насчитывалось около 10 деревянных церквей. «Воскресенская», вроде не должна быть моложе «Случкой Фары», кальвинистская кирха в готическом стиле при гимназии и каменный костел с бывшим Бернардинским монастырем и славящимися «бернардинскими берами» в саду. Была и лютеранская кирха деревянной постройки, но она сгорела, а площадка называлась по-прежнему лютеранской.

Описывая Случк, грешно было бы не вспомнить о «persjarni» – фабрике поясов. Когда я посещал школу, еще существовали старые деревянные постройки напротив кальвинистской бурсы (общежития), в которых размещались

станки. Позднее на этом плацу построены здания «Товарищества Милосердия», где располагается земская управа. Более подробно писать о Слуцке не буду, а точные и подробные данные можно будет найти в «географических словарях» и других источниках. Должен только отметить одну особенность, которая отличала систему правления князей Олельковичей от системы правления в этом крае наследников княжны Софии – князей Радзивиллов. Князья Олельковичи из своих владений выбирали людей, пригодных для военного ремесла и прислуживания в замке, и селили их в деревнях возле Слуцка, освобождая от барщины.

Так возникли возле города деревни, до сих пор называемые «выбранецкими», такие, как Браново, Лучники. Они свидетельствуют об определенной специализации. О том, что такая специализация существовала и традиция ее осталась, говорит и тот факт, что, исполняя около 40 лет почетную обязанность мирового судьи и слыша разные прозвища, я заинтересовался прозвищем «Повежак – поверенный, доверенный». Это был крестьянин из выбранецкой деревни, предок которого при дворцовой пушке, управляемой немцами, был «pulwersackiem» т. е. подавал мешочек с порохом при набивании ядра. Крестьяне этих выбранецких деревень исполняли должности посыльных, часто в очень отдаленные места, и это так вошло в традицию, что и до сих пор на рынке в Слуцке стоят выбранецкие извозчики для найма в разные поездки. С приданым последней Слуцкой княжны Слуцкое и Копыльское княжества перешли к Радзивиллам, и жизнь провинции начала группироваться вокруг ординатского замка в Несвиже. Ординаты иным способом, более соответствующим строю Речи Посполитой, начали возводить строения, которые в меру надобности могли и замок защитить, и обеспечить влияние могущественного рода на общественное мнение. И поэтому на обширных территориях и лесных вырубках расселяли гербовую шляхту в так называемых «застенках».

Некоторые застенки выполняли четко определенные повинности, например, доставить лошадь с повозкой и

кучером для запрошенных из замка военных нужд, а все без исключения составляли партию или клиентов радзивилловских, подчиненных Виленскому воеводе не только на сеймиках, но и в случае необходимости и на Воле под Варшавой. Не каждый шляхтич умел читать, но каждый имел хотя бы подвешенный на шнурке карабин, который напоминал о своих правах. Вот таким образом вокруг Несвижа появились шляхетские усадьбы. Особый образ создавали краю различные привилегии, полученные ординатами, например, такие, как возможность рубки леса и т. п. В некоторой степени это была колонизация. Шляхта русским правительством постепенно лишалась привилегий при отсутствии определенных документов о вписании в крестьянское сословие или так называемых однодворцев. Она сохранила в большинстве католичество, хотя и пользовалась во многих областях белорусским языком, что не мешало молиться по польским книжкам в костеле и петь религиозные песни и гимны на польском языке. Определенная свобода обучения на родном языке, наступившая после указов 1906 г., разбудила в застенках определенное чувство народности, которое и в дальнейшем продолжало развиваться самостоятельно.

После событий 1863 г. в Крае прошла волна многочисленных конфискаций и секвестров (изъятий) имений у тех, кто тем или иным способом был к ним причастен. Конфискация обжалованию не подлежала, имения, изымаемые судебными исполнителями, подвергались принудительной продаже, что при Указе от 10 декабря 1865 г., запрещающем католикам приобретать недвижимость, почти не отличалось от конфискации, так как из-за отсутствия конкуренции россияне за бесценок (1/10) скупали имения. Надо сказать, что при земле мало кто из них задерживался, обычно лес вырезали до пней, а имения разделяли на небольшие участки, но приобретший, как правило, не возвращался и, таким образом, много источников белорусской культуры с просторов ушло безвозвратно.

Особое влияние на Край оказал изданный 14 марта 1887 г. Высочайший Указ националистического правитель-

ства Александра III об иностранцах. На его основании иностранец, получающий наследство или приобретающий имущество, обязан был или получить российское подданство (гражданство), или же в течение трех лет обязан был продать свое имение или земли. Указ этот стал причиной вынужденной продажи огромных земельных угодий: только в Минской губернии – 750 000 десятин земли. О возникновении этих земель необходимо сказать несколько слов. Последний несвижский ординат (владелец земли) князь Доминик, наследник огромных земельных и других владений князя «Пане Коханку», после войны 1812 г., отступая с лично сформированным полком, 30 октября 1813 г. под Ханау возле Франкфурта был ранен. 11 ноября 1813 г. в Лаутеркен скончался, оставив единственную дочь Стефанию.

Судьба наследства решалась под Парижем между императором Александром I и его союзником прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Александр, добываясь руки и приданого княжны, хотел наградить сына фельдмаршала Виттгенштейна. Король прусский намеревался увеличить богатство сроднившейся с Гогенцоллернами ветви дома Радзивиллов в лице князя Антония, женатого на прусской княжне Луизе.

В Хоумонте 8 марта 1814 г. сошлись на том, что все имущество должно перейти к князю Антонию, которого Александр признал несвижским ординатом, а имущество, «*alodjalne*», останется приданным княжны Стефании. Для рассмотрения документов и раздела имущества на две категории была назначена «Радзивилловская Комиссия», заседавшая в Вильно. Только незначительную часть состояния – 1/15 – 1/16 – она признала ординатской, остальную часть с резиденцией в Верках под Вильно, получила княжна Стефания. После ее смерти наследником этой огромной части Края, значительно превышающей множество немецких княжеств, стал единственный ее сын князь Петр Виттгенштейн.

Князь Петр почти все время пребывал за границей, в основном в Париже, посещая только на время охоты свои литовско-белорусские угодья, но глубоко ценил традиции,

связанные с этим огромным богатством. Имена переходили от отца к сыну, от деда к внуку, мало кто знал, что там пребывают не наследники, а арендаторы. В лесничестве была исконная шляхта, отлично знакомая с лесными звериными тропами и лесными чащобами, что особенно интересовало князя. Бразды правления в администрации и провинции были сосредоточены в руках местных жителей. Для контракта на владение даже самыми большими имениями достаточно было записи в календаре, одним словом отношения были полностью патриархальными. Но князь Петр, якобы морганатически женатый на француженке, умер, не оставив наследников. Он имел только единственную сестру Марию, которая была замужем за немецким канцлером князем Гогенлое.

Огромное наследство – но право 14 марта 1887 года?! При тогдашних отношениях Петербурга и Берлина получить гражданство княжне Марии не составило бы проблемы, но Гогенлое, являясь князьями Германии, считали стремления к получению гражданства для себя оскорбительными, набивали цену, оттягивали решение, а годы шли. Княжна Мария умерла, сыновья ее уже было согласились склонить головы, но император Александр III, настроенный националистически, дать им гражданство не согласился. На просьбы Берлинского двора термин продажи продлил, но продать должны были все. И тут началась сплошная неразбериха: местные помещики покупать не имели права; российские чиновники покупать хотели, но не имели денег. А здесь были леса – леса непроходимые. Евреи дали деньги, россияне – фирму, и застучали топоры.

После уничтожения лесов началось раздробление участков, но бесплановое, лишь бы накапливать деньги. Масса арендаторов, официалистов, лесников оказалась выбитой из колеи – не у дел, а огромные пространства Края изменили свой вид и общественное устройство. Зато выросли капиталы лесных спекулянтов, со временем старозаконных владельцев огромных каменных дворцов и банкирских контор в Минске.

Хотя секвестр имения моего отца был снят тогдашним

военным губернатором Минска генералом Заблоцким, отчасти стараниями его адъютанта Генричего, но я приложил все усилия, чтобы получить специальное образование, направился в Петербург и стал студентом технологического института. К концу каникул в 1865 г. мне было 17 лет. Полученная за учебу в гимназии медаль освободила меня от конкурсного экзамена, что было огромной привилегией из-за большого конкурса. Институт основан министром финансов Канкриным и был учреждением ультрадемократичным. Все высшие учебные заведения давали своим выпускникам при поступлении на государственную службу определенные ранги, т. е. служебные привилегии. Канкрин ранги отменил, чтобы молодежь, окончив учебу, не пополняла ряды бюрократов, а искала работу на предприятиях отечества. Поэтому в институт стремилась молодежь, демократически настроенная и противостоящая всяким привилегиям, как правило, социалистического толка, и все происходящее (в том числе и политические потрясения) всегда находило отклик в институте, а иногда, возможно, и из него выходило. Поэтому часто, как например, после покушения Каракозова 4 апреля на жизнь Александра II, у студентов проводились обыски, аресты, разгонялись и преследовались сходки (студенческие собрания), на которых выступали особенно красноречивые, горячие агитаторы.

Они выдвигали теории, несовместимые с теми шляхетскими традициями, на которых я воспитывался в родительском доме, но это имело и положительную сторону.

Это новое направление я начал осваивать, в некоторых случаях даже признавал его правильным, но, во всяком случае, научился всех людей считать равными себе, равными перед законом, как равными перед Богом. Со студенческой жизнью я был знаком очень мало, для этого не было ни времени, ни денег, так как мой отец был вынужден собирать на приданое для четырех моих сестер. Он выдавал мне столько, сколько требовалось работающему, а не веселящемуся студенту, мне приходилось все скрупулезно подсчитывать, чтобы один или два раза в месяц с галерки прослушать оперу или пойти в Михайловский театр

на французское представление. Навещал я Генриха Иодко, молодого чиновника из контрольных органов, сына Фомы, приятеля моего отца. Бывал я и у господина Исидора Одровонжа, чиновника Министерства коммуникаций, который в последствии женился на известной певице Бюдель. Бывал я и в доме господина Валерьяна Иодко. Он сам сначала служил в гвардии, затем был начальником так называемой «*gewiru Admiralicji*», она – дочь известного финансиста Хальперта; у них было два сына и три дочери-красавицы. Бывал я и у профессора Владимира Спасовича, впоследствии отстраненного от должности профессора курса уголовного права, но петроградское знакомство я поддерживал с ним до самой его смерти в Варшаве в 1906 г.

В институте приходилось усиленно работать. Кроме лекций, которые читали ведущие ученые столицы, например, профессор Менделеев и будущий министр финансов Вышнеградский и др., обязательной была практика. Химики занимались в лабораториях, а механики, к которым и я был причислен, – в столярных, кузницах, сталелитейных цехах, существовавших при самом институте, а также проводились экскурсии под руководством профессоров на крупнейшие заводы столицы и в Кронштадт.

Жизнь товарищеская, особенно между студентами, была очень оживленной, жили мы целыми колониями в определенных привилегированных домах, питались у определенных хозяек-полек. Я, например, прожил несколько лет у пани Новицкой, братовой каноника из Минска, сын которой, Иосиф, тоже технолог, был главным сослуживцем графа Витте по организации монополии спирта. Витте очень ценил его, и долгие годы он был вице-министром финансов. Хорошим товарищем и другом был мой сосед Симон Межеевский, Ясь Иодко, Игнатий Ясюкович, впоследствии организатор надднепровской металлургии, и многие другие.

Время от времени колония собиралась у одного из коллег, имевшего более подходящее помещение, на так называемую бибу (угощение вскладчину), которая обычно заканчивалась задухновенным пением патриотических гимнов и студенческих песен, путешествием на лодках по каналам

до Невы. И вполне понятно, что на таких собраниях и диспутах мы свергали с пьедесталов старый мир, направляя развитие человечества на новые пути. В 1869 г. я окончил учебу как один из лучших и получил должность на заводе шин, бронечастей и «путиловских» снарядов с месячной зарплатой 50 руб. и бесплатной квартирой. Тогда это мне показалось очень много, хотя я как студент получал от родителей не меньше, но вынужден был оплачивать жилье. Работа на заводе была тяжелой и утомительной, так как при литейных бессемеровских печах, работавших беспеременно, служебные дежурства чередовались: одна неделя – дневное, вторая – ночное. Пожалуй, я здесь остался бы работать и быстрее получил бы повышение, так как мною были довольны, но желанием отца было продолжение и совершенствование моего образования за границей. И я уехал на год, стремясь продолжать совершенствование в профессии. Хотел поступить на завод локомотивов «Борсига» в Берлине, но из-за того, что там не очень охотно принимали практикантов из России, я поступил как простой рабочий на завод локомотивов известного Строуссберга «Линден» в предместье Ганновера. Там трудились в основном для железной дороги Румынии. Одетый в голубую блузу, скрупулезно придерживаясь заводского свистка с 6 утра до 6 часов вечера с коротким перерывом на обед, я проработал до 1870 г.

Не знаю, как долго я бы там работал, если бы не военные события.

Отец мой, чувствуя, как и большинство, что войска Наполеона III вскоре войдут на территорию Германии, заставил меня выехать в Бельгию как в нейтральное государство. Проехал мост в Колонии под песни «Wacht am Rhein» и после первых столкновений под Саарбрюкеном оказался в Льеже, где я получил разрешение на поездки при машинисте на локомотиве. Выпуск локомотивов в Ганновере я изучил. Работая, я очень хорошо изучил живописную, но очень трудную железнодорожную трассу от Брюсселя до Аквизграна, не один раз отдыхая на шинах под тендерами, во время продолжительных стоянок на станции. Иногда до

нас доходили отголоски оружейных выстрелов большой французско-прусской войны. Приходилось видеть раненых, в большинстве французов, для которых «turkosi» были объектом особого интереса. Местное население с особым интересом следило за течением войны, искренне сочувствуя Франции, но Седанское поражение положило всему конец.

Освоив локомотив в движении, я считал необходимым освоить и его ремонт, когда это потребуется. После продолжительных мытарств и при содействии тогдашнего российского посла в Брюсселе Блудова, было получено разрешение на работу в «Arsenal des fer de l'Etat» в городе Малинес, расположенном недалеко от границы с Голландией, с фламандскими обычаями, как например, мытье улиц и фасадов домов по субботам. Не знаю, сколь долго я работал бы, если бы не требование отца вернуться на Родину не столько по причине бракосочетания сестры Бельской, сколько по определенным мотивам семьи, которые в будущем должны были оказать влияние на мою судьбу.

Отец мой, до сих пор не мешавший мне в моих намерениях специализироваться в профессии, обеспечивал меня финансово, но как веками хранивший традиции крупных землевладельцев, хотел, чтобы и я продолжил родовые традиции и пошел по стопам моих предков – посвятил себя работе на земле и служению той земле, на которой я родился. А семья хотела во мне видеть всесторонне образованного человека и более ловкого в салонах, а не у станка: этого больше всего хотелось моему дяде Люциану, о котором пора что-либо сказать.

У моего дедушки, маршалка Антония, был родной брат Ян, подкоморий Слущкого уезда, который, как член Радзивилловской комиссии, больше пребывал в Вильно, чем в своем имении Пузово, о чем я упоминал выше. У Яна было двое сыновей: старший, Николай, с отличием окончивший Виленский университет, прогулял свое имение. В 50 лет стал священником и даже был настоятелем при доминиканском костеле в Вильно, основанном в 1679 г. его предком Михалом Войниловичем, о чем свидетельствует запись в левом нефе костела. Ксендз Николай похоронен в Вильно. Второй сын

Люциан (1817 – 1894) очень рано, уже в 1839 г. поступил на общественную службу в Варшаве в Общий отдел Администрации под руководством Игнатия Бадена. Там познакомился с дочерью известного генерала польских войск Яна Войсенгоффа из Самокленска Еленой, женившись на которой, в 1843 г. поселился сначала в своем родовом имении Пузово.

В 1857 г. единственный брат Елены Владимир Войсенгофф вызвал к себе сестру с мужем и почти в день его бракосочетания с Бельской в Самокленске покончил с собой. Дядя с тетей вынуждены были переехать в Королевство в Любельск, так как необходимо было распорядиться наследством после смерти с. п. Владимира. Они были бездетные, любили городскую жизнь, предпочитали зиму проводить в Варшаве. Притягивали их туда и родственные отношения, товарищеские связи и служебное положение. Дядя Люциан своей справедливостью и добросовестностью очень скоро завоевал признание и уважение местного населения и до конца своих дней избирался советником Главной Дирекции, затем – советником Главного Земского кредитного Товарищества Любельской губернии. Накануне своей смерти Владимир Войсенгофф написал очень подробное завещание, в котором связал наследников многими обязанностями и указал определенный порядок дальнейшего наследования. Дядя свято выполнял волю покойного. Одним из результатов такого порядка явилась очень красивая, в готическом стиле, часовня, слева от костела капуцинов в Люблине. Построена была благодаря стараниям невесты покойного М. Бельской и очень известного в те времена о. Прокопия, капуцина, который из записанной ему Владимиром суммы выдал часть на этот памятник.

Состояние Самокленска с определенной суммой на ведение хозяйства после смерти дяди, мной, как экзекутором завещания, было передано Иосифу Войсенгоффу, так достойно описанному в нашей литературе.

Дядя Люциан, бездетный, очень привязанный к семье и родовому гнезду, решил передать мне, как единственному потомку по мужской линии, свое имение Пузово, еще в этом

же столетии отделенное от Савичей, в 1865 году, что и было оформлено на основании договора с моим отцом. С тех пор, хотя я имел родителей, дядя и тетя окружили меня особой заботой. Завязалась с ними постоянная переписка, я начал чаще их навещать в Варшаве, где они вращались в изысканном в то время обществе. Начали и меня туда приглашать, и, имея целью так называемое дистанционное задание: стали строить матримониальные проекты; но поскольку мне было всего 23 года, о женитьбе я не хотел и думать. Они считали, что я избрал специальность, не пригодную для человека благородного происхождения и, желая видеть меня всесторонне образованным и с запасом здоровья вступающим на жизненный путь, оказали влияние на моего отца с тем, чтобы он отправил меня с ними в длительное путешествие. Так и случилось, и в дальнейшем жизнь моя потекла в ином направлении. Но, поразмыслив, я не считал потерянными зря годы прежней моей работы в рабочей блузе, годы учебы, наоборот, я приобрел ценный опыт, так как научился работать сам и ценить труд других, научился понимать психологию рабочего человека, подвластного и зависимого, и поэтому лучше стал понимать обязанности работодателей, в ряды которых сам вскоре буду вынужден стать.

Осенью 1871 г. я с дядей и тетей выехали за границу через Вену, Инсбрук, Бреннер де Мерано, где прошли виноградную терапию. Здесь же я познакомился с графом Адамом Сераковским из Ваплева, не на много старшим меня, родственником моей двоюродной сестры, которому позже согласно распоряжению дяди после его смерти я отослал портреты Солтанов и желтое лакированное старинное китайское бюро. Из Мерано через Венецию мы направились в Рим. Это было сразу после вступления туда королевских войск. В окрестностях «Porta Pia» еще виднелись надписи на стенах в честь победы или поражения не то Пия IX, не то Виктора Эммануила. Хотя Папа обрек себя на строгий режим «узника Ватикана» и общался неохотно, но, благодаря отношениям с Иеронимом Кеневичем, постоянно проживавшем в Риме, нам удалось получить аудиенцию у Его

Святейшества и прослушать его Молебен в Сикстинской Капелле. После продолжительного пребывания в Риме мы возвращались через Флоренцию, где нами руководил – инкрустатор Теофиль Ленартович, тамошний поэт, и сердечно приветствовал достойный Ян Завиша из Варшавы, который тоже путешествовал с двумя дочерьми, в последствии Михайловой-князь-Радзивилловой и графиней Магдаленой Красинской.

Не буду здесь описывать впечатлений от Италии, слишком много там путешествовало людей, которые смогли лучше все описать. Перед отъездом я пошел к фонтану «Треви», который якобы гарантировал возвращение в Вечный Город. Я мечтал всю жизнь об этом, и хотя прошло 50 лет, но так и не забыл этих впечатлений до конца жизни, особенно сейчас, когда из-за катаклизмов я лишен не только «circnses», но и возможности называться господином. Для всего этого необходимо больше сил и, прежде всего, средств, которые я вряд ли смогу найти. Но если бы еще раз перед смертью можно было бы постоять среди развалин Колизея, я имел бы больше проникновенного восхищения, чем 50 лет назад, когда был полон жизни и надежды. Я стоял бы зрелым человеком, пережившим массу страданий.

Приближалась зима, и дядя намеревался возвратиться в Варшаву. В Инсбруке мы расстались с большим сожалением, так как за время путешествия привязались друг к другу. Особенно переживала тетя, человек большого сердца, неординарная дочь достойного генерала Войсенгоффа, она сердечно привязалась ко мне и полюбила меня, что я всем сердцем чувствовал. Господи, дай покой ее душе!

Из Инсбрука через только что отобранный у Франции Страсбург я направился в Париж. На всем пути всюду еще торчали остроконечные каски оккупационных немецких войск, а в Париже еще дымились остатки Коммуны, и колонна Вандома лежала разбитая на камнях мостовой. Я остановился в «Quartier Latin» и, не имея знакомых, кроме больного библиотекаря из отеля «Ламберт», Бронислава Залесского, начал активно посещать лекции в Сорбонне и в «College de France», особое внимание уделяя политической

экономии, а иногда посещая веселые театры. Не знаю, как долго я еще пребывал бы над Секванной, в результате суровой зимы покрытой льдом, если бы не развивающаяся болезнь ног моего отца и явное его желание вернуть меня домой, где меня ожидали обязанности землевладельца, постигшего агрономическую науку и практику. И в новом, 1872 г. я отбыл из Парижа через Колонию до Ганновера, где первый праздник года встретил в кругу моих знакомых по работе на заводе. Затем через Дрезно я отбыл в Прушкув под Ополем, в Силезию, где был принят в число слушателей славящейся сельскохозяйственной академии под руководством известного зоотехника Сеттегаста. Там читал лекции Вольный и другие, известные в сельскохозяйственной науке, профессора.

Академия размещалась в старом Пястовском замке, хозяйство включало в себя около 10 000 моргов пашни и леса, принадлежащих Прусской короне. Показательным было и плодоовощное хозяйство. Слушателями были или молодые люди, готовящиеся в будущем к должностям администраторов земель и лесов, или будущие землевладельцы. Таких, которые, как я, имели бы высшее образование, не было, и это придавало мне значимость. Из-за кордона было немного, кроме Марьяна Яксу-Хамса из Волыни никого припомнить не могу. Большинство было из Познани и Западной Пруссии, поляков было меньше, чем немцев, и держались они отдельно, имели свои сообщества «Братской взаимопомощи», «Самообразования». Моему кружку была поручена большая деревня Лыгота, недалеко от Прушкува, куда надо было ездить с чтением в «сельскохозяйственном кружке». Местное население плохо знало польский язык, священники – еще хуже, но свою национальную принадлежность хорошо помнили. В Ополе, куда слушателей охотно подвозил извозчик по прозвищу Барон, можно было найти книжку на польском языке, помолиться в костеле над Пястовскими надгробиями. На Пасху со своим товарищем Прондинским из Скарпы ездили в Валдову – владение моего дяди, где первый день праздника проходил с танцами, весело и пышно. Невероятно сильной для такого времени года оказалась гроза

с громом и молниями. По дороге к Прондинским я проезжал мимо великолепной резиденции в Комарове, не предполагая, что мой племянник Бельский возьмет себе жену именно из этих мест.

После окончания семестра со свидетельством академии и Почетным дипломом члена Польского общества в Прушкуве по совету Прондинского я направился в Быдгощскую провинцию на сельскохозяйственную практику в имение «Мехель» помещика Спайхерта, где администратором был опытный агроном Гельднер. Хотя и немец, но не был гакатистом (гаката – антипольская немецкая организация) и для того, чтобы его работники лучше понимали, разговаривал только по-польски.

Практика в «Мехеле» была трудной, особенно из-за того, что одно из поместий осталось без управляющего, и его обязанности надо было исполнять мне. Уже в 5 часов утра после кофе я был на коне, с которого почти целый день не слезал. Население здесь было почти исключительно – поляки, с очень низкой оплатой, и содержалось в строгом режиме. Девушки в основном были деморализованы. И хотя летом шли на работу в 4 часа утра и работали до заката, считаю, что отдача не была больше чем в Беларуси, где рабочий день начинался около 8 утра. Видимо, человек сверх силы ничего сделать не может. Все же постоянная работа всегда приятнее и для работающего и для хозяина, лишь бы она была справедливо подсчитана и по заслугам оценена. Мои отношения с Гельднером были отличными, свидетельством тому служит визит Гельднера к моему отцу, находящемуся на лечении в Техотинце, с целью познакомиться с отцом своего лучшего практиканта.

KURHAN GROBOWY W SAWICZACH

Могильный курган в Савичах

II

После окончания практики поздней осенью 1872 г. я вернулся домой, где застал отца очень больным. Все мы были очень обеспокоены, поскольку и дед наш Антон, и прадед Адам, новогрудский подкоморий, также страдали болезнью ног. Отец так и не выздоровел, хотя лечился в Варшаве, и 22 декабря 1874 г., возвратясь домой, когда я на несколько дней отлучился из дома, скоропостижно скончался. Похоронен в фамильных гробницах в подземельях Тимковичского костела. Позже, когда из завещания отца я узнал его волю быть похороненным на кургане имения Савичи, то добился в Министерстве разрешения на перезахоронение останков отца и перенес их, не предчувствуя, что вскоре этот курган будет заселен теми, кто должен был стать моим будущим. Так хотел Бог!

Когда отец умер, мне было 27 лет. Я уже давно был приобщен к общественной работе на небольшой территории в провинции при российском правлении. Началось все с того времени, когда отец из-за болезни стал прибегать к моей помощи: он был опекуном малолетних сирот и решал многие вопросы соседей. После его смерти некоторые нерешенные и не доведенные до конца вопросы как бы по наследству перешли ко мне, и так уже повелось, что без меня очень

редко решались вопросы не только в ближайших околицах, но и более отдаленных. Всех судебных разбирательств, вопросов, в которых я обычно был суперарбитром, – ни сосчитать, ни вспомнить уже не могу. Самым запомнившимся судебным разбирательством под моим руководством была продажа леса вдоль Березины Людвигу Слотвинскому через графа Августа Потоцкого. Очень часто приходилось регулировать пограничные дела между Несвижским имением и соседними имениями, что привело меня к сближению с княжеской семьей и принятию опекуинства в связи с болезнью князя Ежи, сына Антония, женатого на графине Марии Браницкой, и в связи со смертью самого Антония.

Напряженная работа в имении, затем множество общественных обязанностей, работа в различных государственных комиссиях, к которой меня постоянно призывали, так заполняли мою жизнь, что я смог только один раз в 1878 г. выехать за границу на большую выставку в Париже вместе с моим дядей Яном Ваньковичем. Поднимался на воздушном шаре, посещал все и пользовался всем, что интересного мог дать Париж иностранцу, так что в результате перенапряжения я заболел и почти месяц пролежал в «Maison Municipale de Sante», принадлежащем врачу Дубоису, совершенно один, так как Ян Ванькович должен был вернуться домой раньше. Я, возвратясь домой, так был погружен в работу, что тридцать лет не выезжал за границу, не считая поездки в 1904 г. с больной женой в Ниццу, когда я не выходил из вагона до самой Варшавы.

1877 – 1878 гг. – это годы Турецкой кампании. Во время форсирования Дуная шефом штаба императора Александра II был дядя моего тестя генерал Артур Непокойчицкий из Случчины.

Сколько мы пережили страданий за время войны, не считая потерь в виде передачи лошадей и людей войскам! Поход на Константинополь начинался очень успешно, но затем: задержка на Шипке, поражение под Плевной, уход с болгарских позиций, которые уже считались окончательно закрепленными за нами, даже был назначен управитель в

лице известного в Кресах деятеля – князя Черкасского.

В отношении последнего хочу рассказать анекдот, автором которого был князь Леон Радзивилл: царский адъютант, специально призванный под Плевну для развлечения императора Александра, был очень удручен военными поражениями. Бедный князь вынужден был в Радзивилмонтах, невзирая на свои годы, учиться верховой езде, чтобы участвовать в параде в свите императора. И хотел он того или не хотел, но оказался в военном обозе под Плевной, где обычно составлял партию Светлейшему в карточной игре в шатре, в котором, чтобы не выделяться, проживал сам император. При обозе находился молодой осел, очень ручной, которого любил император и даже разрешал ему заходить в шатер. Однажды во время игры осел внезапно пролез в шатер и, подойдя к игрокам, мордой перемешал карты. Император очень расстроился, но князь Леон развеселил его словами: «Всем здесь трудно – здравствуют здесь только этот осел и князь Черкасский». (Князь Черкасский, дожидаясь вступления в должность, был, говоря по-русски, «праздношатающимся»).

Невзирая на давление со стороны моей матери, дяди Тадэуша и дяди Люциана, продолжения роста генеалогического дерева пришлось еще долго ожидать: я только в 35 лет подумал о женитьбе и вступил в брак с Олимпией Узловской, единственной дочерью Марка и Матильды Войниловичей – Узловских. После двух лет супружеской жизни я получил во владение от родителей моей жены хозяйство в их родовом имении Борки в трех милях от Савичей. Моя нагрузка увеличилась, так как это довольно большое имение веками переходило от арендатора к арендатору и представляло собой печальную картину запущенности строений и земельных угодий. Сколько энергии, сил, труда и капитала я вложил! Это пользы не принесло. Так хотел Господь Бог.

Однако вернемся к более общим вопросам. Наш край после событий 1863 г. переживал не только политическое, но и экономическое притеснение. Когда я еще ходил в школу, маршалком был Войнилович, районным казначеем –

Россудовский, председателем суда – Околов, судьей – Чернявский, членом опеки – Рынтов, исправником – Скродский – сельские посредники, в большинстве своем – поляки. Если между ними случайно находился кто-либо из православных, то это был местный житель, очень хорошо знающий нужды местного населения и понимающий его настроения. Когда в результате неудачного призыва «Народного правительства» все польские чиновники подали в отставку, предполагая, что таким способом создадут безвыходное положение российскому правительству, на самом деле на наш несчастный Край, в предвкушении легкой добычи, хлынул поток «отбросов» русского общества, захватывая должности, даже выборные. Между теми, кто называл себя «деятелями», находились и люди идейные, но такие приносили больше всего вреда, так как старались привить населению заразу нигилизма и социализма, принесенного с Востока, чему население нашего Края давало отпор.

Основная масса младших и более старших функционеров осталась не у дел. Ни один католик не мог занять государственную должность, а если кто и остался в прежней должности, то ради куска хлеба терпел всякого рода пренебрежение и мытарства. Таким образом, все дело крестьянской реформы, начатое лучшими силами Края, к осуществлению которого присоединились самые передовые и с добрыми намерениями землевладельцы как «мировые посредники» уже в своем зародыше было искажено. Можно только удивляться тому, что наш белорусский народ, обладая терпением и добрым, покладистым характером, так долго сопротивлялся всем этим подрывным теориям и сохранял общественный порядок и традиции.

Наша местная шляхта после событий 1863 г. была полностью отстранена от участия в общественной жизни и, желая того или нет, вынуждена была вернуться к земле, но при этом показала большую жизнеспособность. Медленно, очень медленно, невзирая на то, что в Крае перекрестились политические и экономические течения в связи с экономическим переворотом, вызванным раскрепощением крестьян, имения начали освобождаться от задолженностей и

улучшать свое благосостояние. Даже указ от 10 декабря 1865г., запрещавший католикам приобретать землю, укреплял тех, кто владел землей, ибо каждый понимал, что, если лишится этой земли, то больше ее никогда не увидит. Лишиться земли считалось антинародным делом, чуть ли не грехом. Бывали случаи, когда даже не очень зажиточные люди предпочитали отказаться от взыскания предоставленных в долг сумм, нежели заставить должника продать даже несколько десятин земли.

Жизнь эта была, если можно так сказать, ради «хлеба насущного», без дальнейших стремлений, без надежды на перспективы, без всякой общественной работы, без организации даже общей защиты экономического бытия. Эту общую апатию нарушило создание сельскохозяйственного товарищества в Минске. Минское сельскохозяйственное товарищество возникло не по инициативе местных землевладельцев. Оно имело своей целью объединить работу и влияние прибывших на Минскую землю новых граждан России, владельцев конфискованных имений, дабы общими силами вытеснить из имений отцов этой земли в связи с восстанием 1863 г. и получить освобождение, исключительные права и контрибуции на ликвидированные имения. Но получилось иначе.

Минское сельскохозяйственное товарищество было создано 20 августа 1876 г. тогдашним министром внутренних дел Л. С. Маклаковым, который получил конфискованное имение Блонь (Марьину Горку) и Новоселки в Игуменском районе недалеко от Минска. Министр, желая быть пионером российской культуры на Минщине, утвердил, что только лица «российского происхождения» (притертая в те времена номенклатура) могут быть членами этого Товарищества. Так как его светлость был инициатором и задавал тон, то тот, кто носил мундир, считал себя обязанным записаться в члены Товарищества. Один, два раза в год созывались общие собрания, в зал вносили деревянную борону и соху, чтобы придать «сельскохозяйственный вид» изысканному обществу, состоящему из председателей и членов различных палат и присутствий. Господа эти ничего о сельском

хозяйстве не знали, не понимали и о нем не думали, знали только, что Лев Саввич Маклаков этого хочет и что В. И. Павлов, губернский маршалок по назначению, председательствует – этого было достаточно.

Как правило, складчины не существовало, оплачивать даже несколько сотен рублей в год секретарь не имел возможности, и Товарищество катилось к упадку. Взвесив все это, В. И. Павлов, самый крупный землевладелец в Тамбовской губернии (поскольку свою карьеру начал в Вильно при Муравьеве), не имеющий националистических предубеждений, признал, что работать с пользой для Края, игнорируя его силы, невозможно.

Взвесив, продумав и рассудив, призвал местных граждан в члены Товарищества. При ограничениях статута, о которых я упомянул выше, призванные сначала колебались, принять эти предложения или нет, но чувство необходимости наличия какой-то организации, какого-то объединения, какой-то общественной работы пересилило, и после всеобщего согласия призванные стали членами Минского сельскохозяйственного товарищества. Первыми были призваны: Леон Ванькович, бывший минский маршалок по назначению, Виктор Свида, Александр Скимунт, врач Зигмунт Свентицкий и я. Это произошло в 1878 г., спустя два года после создания Товарищества.

Итак, первый лед был сломан, параграф в отношении национальной принадлежности членов в новом статуте был опущен, «мундиры» постепенно начали исчезать, а на собраниях все чаще стали появляться загорелые лица настоящих сельских хозяев. Количество членов все увеличивалось – если в 1878 г. их насчитывалось 64 человека, то в 1901 г. их было уже 675.

История первого 25-летия Товарищества в связи с празднованием этого юбилея очень добросовестно изложена одним из видных членов Товарищества Болеславом Грабовским в 1901 г., и к ней следует отсылать тех, кого этот вопрос интересует.

В дальнейшем буду вспоминать только о самых существенных особенностях и событиях из жизни Товарище-

ства, не упомянутых в брошюре Грабовского, либо произошедших после 1901 г.

К концу царствования Александра II, когда под влиянием неизбежности течения событий наметился некоторый возврат к реакционным направлениям. Либеральное министерство Лорис-Меликова взяло в свои руки государственное управление, начали подумывать о кристаллизации в общественном сознании определенных элементов конституционного строя, о котором то там, то здесь начали поговаривать о земских собраниях в России. И медленно, осторожно начали призывать к жизни «окружные съезды», на первых порах обязанные подумать хотя бы о нуждах сельского хозяйства в государстве. Эти округа создавались очень скрупулезно, чтобы их границы ни в коем случае не совпадали с определенными традициями автономий провинции. Так, Литва была присоединена к Прибалтийской губернии со съездом в Риге, а губернии Минская, Могилевская, Смоленская и Калужская были объединены в V округ со съездом в Смоленске. На такие съезды Земские губернии высылали до двух делегатов, а Минская и Могилевская губернии земств не имели, было поручено избрать новые. Это происходило в январе 1881 г. Невзирая на то, что в Товариществе в те времена число членов из России превалировало, все это представительство было заражено определенным либерализмом и «прогонами», и положительных результатов не давало. От Минской губернии были избраны Виктор Свида и я. Русские «мундиры» ехать на съезды желания не имели.

Избрание делегатом было для меня весьма почетным. Мне было всего 33 года, и в таком возрасте присутствовать на съезде в качестве представителя одной из крупнейших губерний было большой честью. Открытие съезда было назначено на 25 января 1881 г. По дороге я заехал в Смоленск к Невину, в имение Свида на Березине, но Свида не поехал, и я явился в Смоленск один. Помню, это было вечером. Узнав из афиш, что идет спектакль «Ревизор», я направился в театр. Мое внимание привлекла ложа с креслами, украшенными митрой. Это была ложа снохи достопочтенного

Петроградского генерал-губернатора Суворова, князя Италии, графа Рымникского. Управлял он еще перед покушением Каракозова. Редко кто из изгнанников (если только вывозился через столицу) не воспользовался его попечительством. У меня были знакомые, связанные с восстанием, преследуемые полицией. Они шли к нему, признавались в своих преступлениях, и князь, взяв с них слово в дальнейшем не принимать участия в заговорах, определял их к себе на службу в свою канцелярию, что им обеспечивало полную безопасность. Своего слова они не нарушали.

Княгиню в ложе активно развлекал тогдашний президент города и председатель Сельскохозяйственного Товарищества А. Энгельгардт. Театральные кресла были заполнены членами Товарищества и делегатами съезда, это сильно возбуждало местную публику.

Утром я направился осмотреть город, живописно расположившийся на берегах Днепра, застроенных старыми домами времен Бориса Годунова, напоминавшими времена польского господства. Например, одна из площадей называлась «Блонь», вторая – «Королевская крепость», а о Крае, расположенном западнее Днепра, говорили: «В Польше».

Когда пришел час регистрации, я вынужден был представиться местным членам съезда, список которых мне прислали в гостиницу. Начал с губернатора Томаза, типичного бюрократа, губернского маршалка, князя Серебряного-Овчина-Оболенского, очень симпатичного старичка, типичного джентльмена и настоящего аристократа. Членов съезда было более 30, из которых большинство было по назначению, благонадежность решений съезда была заранее обеспечена. Удивила меня одна особенность – присутствовала масса лиц с фамилий немецкого происхождения, например: отец и сын Энгельгардты, маршалок смоленский Гернгросс, Горн, Тиллер, Эрнротх, Цигель, Бартоломеи и т. д. Мне объясняли, что это семьи местные, предки которых переселились еще во времена Ивана Грозного и последующих войн.

Избранными делегатами съезда были: из Смоленска

– г. Энгельгардт и В. Гулевич, из Могилева – А. Сеноженский и Л. Менжинский, из Калуги – Н. Суходольский, из Минска – Э. Войнилович. На первом заседании, которое проходило в салоне дворянского дома, украшенного патриотического смысла картиной осады Смоленска в 1812 г., А. Энгельгардтом был поднят вопрос: «Поскольку сельскохозяйственные дела находятся в зависимости от государственного строя, можно ли будет переносить дебаты на почву общих «недомоганий» государства»? Этот вопрос из-за возмущения председательствующего губернатора и делегата министра Титова был отклонен. Такое положение г. Энгельгардт опротестовал, перестал посещать заседания и с княгиней уехал в Петербург.

На этом съезде впервые я встретился уже не с российской бюрократией, как в своем Крае, а с представителями российского земства, от которого у меня осталось хорошее впечатление. На других позициях господствовал Платон Энгельгардт, человек старшего возраста, «тертый калач», высокообразованный, либерального толка – этими чертами отличалась вся его семья на Смоленщине. Мне постоянно повторяли те земцы: «Просим не судить нас по тем массам чиновников, которые работают у вас: порядочный человек на чужие слезы не поедет». Я и сам прочувствовал их доброжелательность, когда по поручению Минского сельскохозяйственного товарищества поднял вопрос ипотечного кредита и сервитута, и губернатор запротестовал, заявив, что это вопросы решаются не на съезде, а на местном уровне, и слова мне не дал. Это вызвало возмущение большого числа делегатов, которые заявили, что представитель Минской губернии не виноват в том, что правительство присоединило его губернию к округу, который ничего общего с делами Минщины не имеет, и поэтому минский делегат должен быть заслушан.

Началась суматоха, губернатор вынужден был прервать заседание, через посредничество князя Оболенского принес извинения и после перерыва предоставил мне слово. Совещания были публичными, но уже заранее было известно, что результатом смоленского съезда должно стать

избрание двух делегатов на Всероссийский съезд представителей Общества в Петербурге. Хотя говорили о сельском хозяйстве, но ничего существенного по этому вопросу принято не было, так как каждый думал о чем-то ином и на что-то иное засматривался. Пробыли мы в Смоленске дней 8 – 10. Больше всего нас интересовали выборы делегатов. Избранными были Энгельгардт и Менжинский, заместителем, в случае невозможности их приезда, – Э. Войнилович.

Об Энгельгардте я уже говорил. Менжинский – обрусевший поляк, православный, человек особой интеллигентности, невероятно трудолюбивый и предприимчивый, отлично говорил по-польски. После съезда он пригласил меня в свое имение под Оршей. Его столовую комнату украшала галерея портретов его предков в кунтушах. Я осмотрел его огромное преуспевающее хозяйство, фабрику гвоздей, мельницу и т. п. С женой он не жил, имел двух дочерей, прекрасно воспитанных и образованных. Одну выдал за графа Замойского, вторую – за графа Леона Жолтовского из Познани.

В Смоленске не обошлось без обедов, экскурсий. Так, маршалок Оболенский свозил нас в имение одного из Энгельгардтов, расположенное недалеко от Смоленска, где мы осмотрели знаменитую конюшню рысаков, один из которых недавно получил премию на скачках в Париже.

Уезжали из Смоленска в надежде на скорую встречу в качестве делегатов большого съезда, созываемого предположительно в конце марта, в Петербурге. Но неожиданно произошел трагический случай 1 марта 1881 г.: Министерство Лорис-Меликова в связи со смертью Александра II прекратило свою деятельность, и вскоре я получил государственный документ от 19 марта 1881 г. от губернатора Томаза, который гласил: «В связи с потрясающими событиями в столице съезд окружных делегатов откладывается на неопределенный срок», и поэтому нет необходимости ехать в Петербург. Действительно: «L'homme propose, Dieu dispose». Все могло быть иначе, если бы намеченная конституционная реформа уже с 1881 г. стала бы развиваться и приводить в порядок государственные дела.

Не только радужные надежды привез я из Смоленска, но и одну реальную пользу: там я подробнее ознакомился с вопросом малого кредитования. Оформив в Смоленске статут сберегательно-кредитного товарищества, я решил открыть такое учреждение в своей местности. Благодаря личным связям с тогдашним минским губернатором А. И. Петровым, в дальнейшем – помощником варшавского генерал-губернатора, а затем сенатора, без особых хлопот по дороге из Смоленска я получил в Минске разрешение на создание такого Товарищества в Клецке.

Слова «старания и связи» сегодня кажутся употребляемыми не к месту, но в те времена, когда каждая акция, связанная с собранием, казалась подозрительной, без стараний и связей ничего нельзя было сделать. Возвратясь, я упросил своего соседа Михаила Межеевского поехать в Вильно и в Верках ближе ознакомился с ведением таких дел в таком же сберегательно-кредитном товариществе, основанном господином Ямонтом. Затем, собрав у себя соседей, и внеся три тысячи рублей как начальную сумму, открыл такое Товарищество, называемое у нас «Клецким Банком». В этом банке я никогда не работал, ибо на поездки в Клецк времени не было, и с бухгалтерией знаком не был. Всем этим руководил мой достойный сосед и приятель Ромуальд Римша.

Вскоре я получил обратно свои три тысячи рублей. «Клецкий Банк» приобретал все большее значение, и были годы, когда его оборот достигал 800 000 рублей, который для такой незначительной территории был огромным. Я только «*honoris causa*» считался Председателем наблюдательного совета банка, подписывал отчеты и председательствовал на общих собраниях. Влияние этого учреждения в сфере малого кредита и сбережений было значительным, так как прежде сбережений никто не делал, или держали в высокопроцентных, но ненадежных кредитах. После открытия этого банка редко кто из мелких собственников или работников не считал нужным держать капитал на книжке в банке: и приданое дочке было более эффективным, имея подтверждение в банковской книжке. И здесь мы

встретились с одной неожиданностью: все, кто работал, откладывали сбережения в банке, а местные помещики в большинстве пользовались кредитами. Позже за кредитами стали обращаться и крестьяне в связи с покупкой земли. Но согласно статуту банка кредит не выдавался без определенного поручительства.

Желая помочь нуждающимся и для оживления банковских операций, я охотно выступал поручителем. Бывали моменты, когда поручительства достигали 30 000 рублей и, должен похвастать, что потерял я немного. Банк работал один день в неделю – в понедельник (торговый день в Клецке). Крестьяне собирались на рынке, а помещики – в банке, что давало возможность обсудить многие текущие вопросы и создать другие сообщества, например, «Взаимной защиты посевов от пожаров» при условии обязательного выделения потерпевшему соломы и сена в натуральном виде и т. д. Сформировался сборный территориальный пункт. Каждый знал, что если он хочет встретиться с соседом, посоветоваться или договориться – достаточно поехать в понедельник в банк, в Клецк. Много лет руководителем и душой этого учреждения являлся мой достойный сосед Стефан Черноцкий.

21 октября 1881 г. я получил депешу от минского губернатора А. И. Петрова с просьбой явиться на заседание в качестве представителя землевладельцев в «высокоутвержденной еврейской комиссии», созданной в Минске под его руководством. Я поехал и с перерывами пробыл там почти шесть недель, так как в конце заседаний был избран в редакционную комиссию. В процессе работы этой комиссии (после ознакомления с результатами ее работы в Петербурге) было установлено – 3 мая 1882 г. – слишком тяжелое для евреев право. Не моя была в этом вина, так как я всегда придерживался точки зрения равноправия всех сословий, вероисповеданий и национальностей.

Я считал, что евреи часто были обижены всякими ограничениями, но, с другой стороны, надо было признать и то, что они имели и преимущества, которых не только католики, но и православные тогда не имели. Например,

приходское самоуправление, свободу собраний в синагогах для решения текущих вопросов, исключительную власть в своих кагалах, право обучения на родном языке почти без всякого контроля со стороны государства, свободу домашнего обучения и даже возможность исполнения через государственные исполнительные органы своих постановлений (например, в отношении кошерного и свечного налогов).

Я полагал, что для уравнивания сил в сотрудничестве с христианским обществом необходимо было обеспечить ему такие же преимущества, что в те времена реакции для государственных сфер казалось недопустимым. Это было моим первым участием в продолжительной и очень серьезной общественно-государственной работе. Комиссия состояла из тридцати человек, в основном из представителей судопроизводства и администрации. Представителей поляков от землевладельцев было только три: Юзеф Войнилович из Мокран, в прошлом слущкий маршалок, но уже по назначению, человек очень добрый и достойный; Александр Скирмунт из Пожеча, светило нашей провинции, статист, член редакционной комиссии по освобождению крестьян, человек очень опытный в решении общественных вопросов, смелый и дерзкий, Эдвард Войнилович – самый младший, тридцати трех лет. Учился, смотрел на Скирмунта как на образец гражданина.

Мы все время встречались после заседаний, когда возвращались в гостиницу, где проживали. Я близко с ним подружился и очень гордился этой дружбой. Дружеские отношения сохранились и у второго поколения – его сына Романа, вице-премьера Минского сельскохозяйственного товарищества и широко известного делегата в I Государственную Думу.

В еврейской комиссии представителем местного населения был Зигмунт Свентицкий, хорошо знающий все дела и проблемы евреев, и С. Дыминский – эрудит, гебраист и отличный талмудист. Они нам объясняли все ритуальные особенности еврейского обряда.

Губернатор Петров свою карьеру начал в Королевстве. Был крестьянским комиссаром в Скерневицах, где в

то время проживал князь Баратынский, который его протектировал на пост вице-губернатора. Это был очень способный и чрезвычайно трудолюбивый человек. Познакомился я с ним ближе во время редакционной работы в еврейской комиссии. Он был ко мне очень доброжелателен, навестил меня в Савичах и решил много вопросов, на которые власти смотрели очень подозрительно. А вопросы эти в большинстве своем касались обрядов католического вероисповедания, в которые постоянно начала вмешиваться государственная власть. Патриотические демонстрации, предшествующие восстанию 1863 г., ввели, если можно так выразиться, политику в Костел. Это использовало правительство во время восстания, особенно в Беларуси, и через эти открытые двери превратив Минщину в полигон для экспериментов, начало вмешиваться в дела «дополнительного богослужения» в наших костелах, т. е., к чтению проповедей и Костельному песнопению, проводимым на польском языке. Поддерживаемое печальной памяти духовными отщепенцами Сенчковскими, Кулаковскими, Юргиевичами и им подобными, они начали вводить русский язык именно в эти части богослужения, очень хорошо понимая, что простой народ, не вникая глубоко в значение догматов, а привязывая его к внешней стороне культа, очень легко из Костела, где введен государственный язык, перейдет в Церковь.

В нашем приходе в Тимковичах был, к несчастью, такой священник «ритуалист» (так назывались ксендзы, которые приняли дополнительные богослужения, проводимые на государственном языке) Кулаковский. Как раз в это время меня постигли и очень радостные, и очень тяжелые испытания, в которых Костел участвует с благословением и утешением. Не желая удовлетворяться только гражданским актом, я открыто направился к губернатору Петрову, который разрешал мне приглашать священнослужителя из другого прихода. После ликвидации монастыря и костела в приходе Святого Креста под Несвижем разрешил также забрать надгробную плиту моего прадеда Франца, умершего в половине XVIII ст., похороненного перед Алтарем в часовне,

в правой стороне нефа. Это надгробие я перенес на курган в Савичах. Вспоминаю об этих, таких незначительных эпизодах с целью дать характеристику тех времен религиозного притеснения в Беларуси.

Так как я вспомнил о моем участии в работе многих государственных комиссий, между прочим, в назидание и для памяти молодому поколению, обязан рассказать о так называемой «контрибуционной комиссии», или, говоря языком официальным, о «комиссии по распределению процентного сбора с лиц польского происхождения». Контрибуция сначала называлась «временный процентный сбор», была введена «великим управляющим» Муравьевым; вначале собиралась произвольно, иногда раз, иногда два раза в год, иногда со всех, иногда только с некоторых, временами вносилась в местные кассы, иногда в отделения полиции или военным властям, в зависимости от распоряжения или приказа. Величина этой контрибуции была также произвольной: или в зависимости от количества десятин земли, или от предположительной зажиточности плательщика.

Были случаи продажи инвентаря или даже имения, когда этот налог был непомерным, и как все в России, что было «временным», как правило, существовало очень долго. Этот платеж был аннулирован только высочайшим Указом 27 марта 1897 г. Неопределенность этой платы продолжалась до 1869 г., когда 3 марта были изданы предписания, определяющие размер контрибуции, собираемой с Минской губернии в размере 225 000 рублей. Здесь же был рассмотрен способ распределения и сбора, к урегулированию которого были привлечены сами плательщики контрибуции. В этих же предписаниях было установлено и время прекращения этого платежа, что могло наступить только при условии, когда 2/3 земельной собственности перейдет в руки россиян, и число этих владельцев превысит число поляков. Например, если бы один россиянин выкупил 2/3 земельных угодий губернии, остальная часть польских землевладельцев от контрибуции бы не освободилась. *Nota bene*, *аранаże* и их владельцы в этот счет не входили. В результате этого закона комиссии получили наименования: губернская комиссия для

распределения платежа между уездами и уездная комиссия для определения суммы, приходящейся на каждое имение. Эти комиссии, как это происходило на практике, состояли из определенного числа заседающих государственных чиновников и граждан, назначаемых губернатором по одному из уезда в губернскую, и по несколько – в уездные комиссии. Я был избран членом обеих комиссий.

Работа в районной отнимала массу времени, так как для каждого плательщика необходимо было подсчитать суммы налога, затем все проверять, рассматривать различного рода жалобы и заявления, а так как общая сумма сбора заранее была определена, то речь шла о том, чтобы поступления проводились по мере возможности добросовестно и честно, так как снятие суммы с одного повисало грузом на другом. Довольно скоро, 31 декабря 1870 г., сумма контрибуции, до сих пор называемая «процентным сбором», была уменьшена наполовину и составила 112 450 рублей с губернии. И когда в дальнейшем Высочайший Указ от 3 февраля 1874 г. предложил прекратить конфискацию имений и некоторые из них были возвращены их первым владельцам, Министерство своим Циркуляром от 13 января 1876 г. предложило включить эти имения в списки к оплате, не увеличивая нормы сбора с губернии.

С другой стороны, применялось освобождение некоторых имений от оплаты не только по причине перехода их в руки россиян, но и по другим обстоятельствам, например: имения малолетних и умственно больных, которые оплачивали только $\frac{1}{4}$ назначенной суммы; от уплаты освобождались имения раненых на войне и занимающих некоторые государственные должности, что увеличивало суммы оплаты остальных, так как определенная ранее квота безоговорочно должна была поступать из губернии. Такое положение просуществовало вплоть до издания министром Циркуляра от 30 июня 1880 г. об отмене взыскания с губернии недобранных сумм, создавшихся из-за предоставления вышеуказанных льгот. Необходимо подчеркнуть одну особенность: платить этот сбор обязано было только дворянское сословие; крестьяне и горожане, даже католики,

имевшие землю, налога не платили, кальвинистов считали поляками, лютеране в расчет не принимались. Помимо всяких государственных разногласий, принадлежность к польской национальности определялась не происхождением, а характером религиозного вероисповедания. Мне известны случаи, когда один брат, католик, платил контрибуцию, а второй родной брат, но православный, был от нее освобожден.

Отмена контрибуции или «подходного налога с лиц польского происхождения» произошла после издания Манифеста от 27 марта 1897 г. Пытаясь использовать этот момент ослабления бремени для восстановления прекративших с 1862 г. свое существование дворянских собраний (элексий), Александр Скимунт и я подали 21 апреля 1897 г. прошение губернскому маршалку о разрешении проведения собрания шляхты под его руководством для составления прошения и благодарственного адреса Светлейшему господину. К нашей просьбе присоединились: Адам Ельский, Карл Чапский, Оттон Богдашевский, Ян Кукевич. Но губернатор заявил, что, поскольку дворянские собрания упразднены в нашей губернии с 1862 г., он не может это позволить, а шляхта свои добрые намерения и выражение «верноподданнической благодарности» может высказать при посредничестве губернского маршалка, что и было выполнено за 50 подписями 23 мая 1897 г., использовав момент более многочисленного съезда шляхты на заседание Товарищества.

Вспоминаю об этом факте только для того, чтобы доказать наши неоднократные старания использовать малейшую возможность выйти на легальную дорогу восстановления утраченных прав после событий 1863 г., но, надо заметить, что мы постоянно встречались с отказами и неприязнью администрации Края. Затем пришли указы «свободы», пришли совещания законодательных органов, пришла революция 1917 г., и эти права никогда нашей шляхте не были возвращены. Как депутату от шляхты Слуцкого повета, избираемому более 30 раз, необходимо вспомнить о ликвидации избирательных прав этого сословия и о судьбе

движимой и недвижимой собственности в Минске, принадлежащей дворянскому сословию.

Последним слущким маршалком был избран брат моего отца, Тадэуш Войнилович. В 1863 г, когда все избираемые чиновники подали в отставку, вместе с ними подал в отставку и он. Последние выборы проходили в Минске осенью 1862 г. с большим воодушевлением, в предчувствии грядущих событий. Минская шляхта, используя свои права и возможности в подаче во время элексий и петиций Высочайшему престолу, а также, следуя примеру Подольской и Тверской губерний и некоторыми указаниям из Варшавы, готовила и редактировала адрес подданства, прося в основном о соединении Минской губернии с Королевством польским.

Губернские власти, руководствуясь указаниями, получаемыми из Виленского и Петербургского генерал-губернаторства, пригрозили закрытием совещания (элексии), что позже и произошло. Но перед этим шляхта приняла решение вместо адреса, который скорее всего мог оказаться под сукном губернаторского стола, оставить, казалось бы, вечный след своих прошений и требований в «протоколе», выразив в нем цель собрания, мотивы адреса и причины закрытия элексий вследствие «форс-мажорных» обстоятельств, что и сделала, прежде, чем разъехаться по домам.

Подобная выходка очень не понравилась правительству, и когда к власти пришел Муравьев, он попытался стереть со страниц архива следы подобной неблагонадежности минской шляхты, причем не путем физического насилия, а легально. Он направил в Минск генерала Чеватти, весьма удобного человека, который, собрав подписантов, вынудил их написать просьбу об удалении этого «протокола» из архива. С Муравьевым шутить было невозможно: большая часть шляхты выразила согласие на удаление протокола, за небольшим исключением «сопротивляющихся», главным образом, из кругов выборных «мировых посредников», которых после задержания на какое-то время в шляхетском доме, вывезли в Сибирь, а имущества приказали продать. Таков результат последних шляхетских выборов

на Минщине.

Поскольку минские тюрьмы в тот период были переполнены политическими заключенными, «посредники» были размещены в огромном помещении дома, приобретенного недавно специально для выборов. А поскольку режим был не строгим, арестантов можно было навещать не только родственникам, но и посторонним, в результате чего там возникло нечто вроде клуба людей исключительного характера и состоявшихся убеждений, управляющего в некоторой степени мнением города и всей губернии, что продолжалось до полного разгона его членов. Последние дворянские выборы проходили в доме Хаусмана – секретаря губернского маршалка, который для этих целей специально построил в сквере прекрасное здание.

Средства для дома он раздобыл благодаря мелкопоместной шляхте, которая, преследуемая различными указами из-за отсутствия документов, подтверждающих ее дворянское происхождение, вынуждена была доказывать свое происхождение, чтобы избежать зачисления в «сословие налогоплательщиков», что в свою очередь грозило обязанностью поставлять рекрута, и другим бременем. Таким образом, каждый собирал последнюю копейку, чтобы отправиться с ней в соответствующую комиссию для подтверждения принадлежности к своему сословию, а Хаусман всегда умел найти в архивах такие подтверждения или приписать просителя к уже утвержденным шляхетским родам.

Желая иметь свое собственное помещение, шляхта приобрела просторный дом на перекрестке улиц Подгурной и Доминиканской (Петропавловской), в сквере, напротив театра, в то время еще не существовавшего. Впервые шляхта там собралась не как свободное дворянское сословие для обсуждения своих проблем, а как узники своего сословия. Внизу был расположен архив с документами, подтверждающими шляхетское происхождение – один из самых больших и упорядоченных в Крае. Наверху часть дома была занята новыми губернскими маршалками, назначенными правительством, а большой зал с верхними хорами и приле-

гающими туалетами новые маршалки сдали в аренду российскому театру, а также под различные собрания и представления, которые ничего общего не имели с интересами шляхты.

Правда, заслуга одного из маршалков – В. И. Павлова – состояла в том, что он все это из шляхетского зала удалил, и первый раз шляхта вошла в этот зал в качестве собственника, кажется, 26 июня 1888 г., организовав прием в честь князя Владимира, когда он со своей супругой Марьей Павловной посетил Минск. Обед был прекрасным, приготовленным специально приглашенным из московского «Медведя» служителем ресторана.

На хорах местный композитор Яков Иодко дирижировал оркестром, исполняющим марш его собственного сочинения. На завтрак перед обедом была подана прекрасная «старка» Орды из Пинщины, которую опытный дегустатор Великий князь после того, как отведал, сразу же закрыл пробкой и никому не дал больше пить, а отослал в свой вагон. Нам запретили произносить тосты, чтобы невзначай не затрагивались «больные» вопросы. Тосты были официальные, поднимаемые Великим князем и губернатором князем Трубецким, а также маршалком Павловым. После обеда, как обычно, имело место «cercle», на котором Великая княгиня начала расспрашивать меня о Минской губернии. Я знал, что ее территория достаточно большая, а из школьной географии помнил, что одна из губерний (Вологодская) равна по территории Франции, поэтому я отрапортовал: «plus ou moins l'étendue de la France», что было весьма кстати. Менее любезно была выслушана моя реплика Великому князю о том, что шляхта, именно благодаря ему, имеет честь принимать в этом зале почетного гостя не в качестве узников, а в качестве хозяев, на что не последовало никакого ответа. Павлов воспользовался случаем, чтобы просить Великого князя взять патронат над Аграрным Обществом, на что он охотно согласился и осуществлял его до самой своей смерти.

Это не было официальной формальностью, поскольку учреждения, находящиеся под патронатом великих князей,

имели ту ценную привилегию, что не могли быть закрыты одним только росчерком пера губернатора. Во времена разгула произвола администрации было очень важно, а при соответствующих ходатайствах в различных министерствах, например, об изменении устава или в других случаях, можно было получить поддержку высокого патрона.

Визит Великого князя носил высоко официальный характер, во время которого князь старательно обходил местные назревшие проблемы. Во время своего пребывания Великий князь посетил реальную гимназию, которую шляхта открыла в 25-ю годовщину правления Александра II и передала из фонда средства в 50 000 рублей. Я также там присутствовал вместе с другим депутатом шляхты Яном Кукевичем в качестве куратора этого учреждения. Третьим куратором был известный деятель Александр Ельский.

Великий князь заложил первый кирпич в фундамент будущего театра в сквере и уехал. Следует добавить, что Великий Князь приехал в Минск через Несвиж, куда был приглашен Антонием Радзивиллом – в то время адъютантом императора Вильгельма, и его супругой, которая также в качестве придворной дамы была знакома с Великой княгиней Марьей Павловной. В Несвиже Великий князь принял участие в смотр-параде расквартированного там кавалерийского полка под командованием полковника Генричего, женатого на моей племяннице Петрозолоиновой из Кукович. Военные торжества и обед в замке затянулись, и, чтобы вовремя доставить гостей в Городею, князь Антоний почти загнал свою лошадь.

В обеде, организованном в честь Великого князя, принимали участие некоторые из граждан, которые в свое время участвовали в бале, данном в Минске еще до крестьянской реформы в честь императора Александра II, в том числе – Александр Скирмунт. Согласно их рассказам, и особенно отчету моего шурина Оттона Горватта, тогдашнего губернского маршалка, я повторю некоторые характерные детали, отличающие настроения и всю «mise en scène» (мизансцену) 1888 и 1857 гг.

Поскольку в то время в Минске не было подходящих

для такого мероприятия помещений, бал проходил в доме губернского правления, находившегося на площади возле собора. У входа в зал его императорское величество встречала губернаторша Людвика из Ошторпов Горваттов, первая супруга моего шурина. Она, подав руку императору, проводила его через комнаты в кабинет, в котором находились две украшенные цветами огромные картины, написанные маслом, кажется кисти Дамеля: на одном был изображен император Павел, выводящий Костюшко из тюрьмы, на второй – император Александр I, подписывающий Конституцию Польского Королевства. Тогда подобные намеки еще не воспринимались болезненно. Картины были привезены из Острогляд, принадлежали Прозорам. И надо же так случится, что после их разорения, я снова увидел картины на художественной выставке на ул. Морской. Они были немного подпорчены, так как прошли через руки многих спекулянтов.

Для бала было закуплено множество серебра, фарфора, мебели. Все это потом нашло приют в шляхетском доме, а остатки можно было встретить в домах новых маршалков, которые с течением времени испарялись вместе с воспоминаниями не оправдавшихся надежд. Для полной картины необходимо добавить, что последним избираемым губернским маршалком был Лаппа из Бобруйского повета, сосланный в Сибирь. После него был еще один поляк Евстафий Прушинский, но уже назначенный. А большой шляхетский зал служил позже местом проведения собраний землевладельцев и выборов в Думу и Государственный Совет, спектаклей и концертов, проведения благотворительных балов, только не суждено ему было служить для того, для чего он был предназначен.

После отмены элексий в нашем Крае шляхетские вопросы перешли, как я уже не один раз отмечал, в ведение назначенных маршалков, «предводителей дворянства», среди которых даже не все были дворянами: при этом от каждого повета назначался депутат. Для решения важных вопросов губернский маршалок приглашал поветовых маршалков и депутатов на заседания, которые должны были

заменять шляхетские собрания. Депутаты, кроме этого, подписывали декреты, наделяющие шляхетскими правами, после чего дела направлялись в Департамент геральдики в Петербург.

Хочется выразить опасение, что в условиях сегодняшних жадных взглядов в сторону дома как «Белорусской Рады», так и большевиков, может навсегда быть утерянным богатый шляхетский архив – огромное поле деятельности для исследователей истории. Большая заслуга в этом минского депутата Людвика, который делал все, чтобы подобное не случилось. Кроме большого дома, шляхта имела на втором пересечении этой улицы большую площадь и постройки, переданные во временное пользование так называемому «приюту» (дому сирот и подкидышей), шефами которого по долгу службы были почти все губернаторы. В результате халатности назначаемых маршалков, граничащей со злым умыслом, в процессе владения имуществом возникла большая задолженность, и шляхта потеряла право владения им. В шляхетских фондах были также достаточно большие суммы, более 200 000 рублей, которые с течением времени и по причине жадности разошлись то на различные «добровольные» пожертвования, то по случаю годовщин, то рождений, то вступления на трон. Остались только стипендии в кадетском корпусе в Полоцке и научных центрах в Минске, которыми распоряжалась шляхетская депутация.

13 мая 1883 г. из Министерства юстиции пришла информация о назначении меня почетным мировым судьей, обязанности которого я выполнял в течение 34 лет, заранее подписывая приговоры: «именем Его императорского величества», а в 1917 г.: «именем Временного правительства». Сегодня уже нет никаких прав, судов и правлений. Обязанности судьи я выполнял добросовестно, не пропуская ни одного своего судебного срока. Из-за того, что я был хорошо знаком с местными проблемами и охотно вникал во все дела, мне часто приходилось выезжать на места, особенно в сложных случаях, требующих вмешательства, и т. д. Часто мне приходилось заменять третьего члена

окружных судов по уголовным делам, включая присяжные суды в провинции. Однако хотелось бы вернуться к делам Аграрного общества, которые меня все более увлекали, особенно, когда в 1888 г. я был почти единогласно избран вице-председателем, а фактически председателем Общества: поскольку официальным председателем до своей смерти считался по долгу службы минский губернатор князь М. М. Трубецкой.

Аграрное общество, собирающееся до сих пор в шляхетском доме, находящемся под управлением назначаемого маршалка, приняло решение освободиться от его власти и приобрести свое помещение для канцелярии и проведения заседаний. С этой целью было снято в аренду помещение по улице Захарьевской в доме Павловского, почти напротив моего будущего личного дома. Рядом с залом заседаний имелось несколько небольших комнат, которые занимал учитель реального училища Лебедев, выполнявший у нас функции секретаря. Выполнял он свою работу добросовестно и точно, нежели его дорого оплачиваемые преемники. Квартира имела нечто вроде сарая, в котором члены общества Левин и Цыбульский открыли общий склад сельскохозяйственных машин, где также время от времени проходили небольшие выставки растений и семян. Это были первые ростки больших «складов синдиката» и большой юбилейной выставки 1901 г.

В этом помещении Общество работало до 1898 г., пока мне удалось приобрести для него большой дом графа Кароля Чапского благодаря займу, взятому обществом у моей сестры Ядвиги Костровицкой, записав, естественно, также в ипотечные книги городского кредитного общества.

Производительность труда каждого общества зависит в основном от управления, поскольку общие собрания обычно только «переваривают» ранее собранный материал. Прежде всего, необходимо вспомнить членов Сельскохозяйственного общества более раннего периода. На первое место я хочу поместить покойного графа Кароля Чапского – президента города Минска, человека незаурядных способностей, энергии, инициативы, широких взглядов, человека огромной трудоспо-

собности. Он не жалел себя и, наверное, поэтому так рано ушел из жизни.

После весело проведенной ночи в клубе, он на рассвете садился в седло и гнал лошадь в родное Станьково, расположенное в 5 милях от Минска, чтобы зарядиться энергией и дать указания своему управляющему. Однако тут же возвращался в город, чтобы успеть на совещание городского правления и представить там проекты по развитию и благоустройству города в перспективе. Ему не хватало хороших единомышленников: пусть подъездной путь с вокзала в город был узким, но зато вымощенным; пусть машина для освещения города была небольшой мощности, но зато работала, пусть трамвай не всегда функционировал, но он был. Город уже никогда не вернется к дорогам, выстланным фашиной, и к керосиновым фонарям на улицах или подвозу воды бочками и расшатанным omnibusам. Ему благодарен город и городское кредитное общество. Он даже начал работу над составлением проекта канализационной системы, но смерть помешала этому, и работа остановилась. Аграрному обществу граф уделял внимания столько, сколько мог. Придет, подбросит идею, выведет из состояния апатии, а реализацию ее поручит другим.

Полной противоположностью далеко идущим намерениям графа был уравновешенный, спокойный и трудолюбивый Михал Ленский, который всегда принимался за реальное дело, и то, что начинал, доводил до конца. Он не выступал на общих собраниях, но все знали, о чем он думает. Полным энтузиазма и страстного увлечения сельским хозяйством был Мельхиор Ванькович, который не верил в существование таких проблем, которые нельзя было бы решить, своей верой зажигал других.

Когда выступал доктор Зигмунд Свентицкий, то все уже знали, что у него все разложено по полочкам, тщательно изучено, исследовано, и в расчетах он никогда не допускает ошибок.

Казимеж Абламович хотя и был поглощен своими имущественными делами, но никогда не жалел ни сил, ни времени для дела Общества.

Оттон Богдашевский, неутомимый руководитель работ, связанных с поставкой зерна в интендантство, осуществляемых Аграрным обществом, а затем руководитель бюро страхования от пожаров.

Я здесь говорю только об умерших членах совета Аграрного общества. О заслугах живущих помнит каждый, а заслуги навсегда ушедших достаточно велики. Их перечень длинный. Кажется, только я их пережил, и поэтому хочу еще раз выразить свою благодарность за сотрудничество, почтить их память.

Каждый период деятельности Аграрного общества имел свою основную идею, свои задачи, на решение которых была направлена вся работа: на заседаниях, проводимых еще в доме Павловского, главной заботой было налаживание прямых связей между производителями и потребителями, чтобы избежать дорогостоящего, обычно еврейского, посредничества; для этих целей лучше всего подходили поставки зерна в интендантство, которые были тем более желаемы, так как рыночные цены были по-прежнему низкие, а производство дорожало с каждым днем.

При подписании правительственных договоров с этой миссией справлялся лучше всех граф Чапский; выполнением договоров руководил Оттон Богдашевский, мой же карман должен был накапливать залог, предусмотренный правительственными контрактами. Это было первое организованное коллективное предприятие, по пути которого со временем пошли и остальные. Не всегда все шло гладко, так как вырвать из когтей бывшего консорциума монополию на поставки в интендантство было нелегко. Но постепенно отношения складывались, и вырабатывалась определенная этика землевладельцев, совершенно противоположная той, которая существовала раньше при правительственных поставках.

Аграрное общество, предоставляя свою торговую марку группе помещиков-поставщиков, делало их своим добрым именем ответственными в деле и не позволяющими никому ради сохранения авторитета отклоняться от договора, даже если бы невыполнение договора с уплатой штрафа

было заранее предусмотрено в контракте. Так, например, когда в 1891 г. в связи с неурожаем цены вдруг подскочили, а Общество согласно контракту имело право потерять только задаток, отказываясь от его выполнения, которое было намного дороже; было решено выполнить договор, не обращая внимания на потери. Энергичный граф Чапский взялся за реализацию поставок, и я как председатель Общества, должен был рискнуть, и повезло: поставка была осуществлена, а мои 30 000 рублей граф вернул мне полностью, без каких-либо потерь для сторон.

Но дело даже не в том, что этот факт был в «верноподданническом отчете» подчеркнут губернатором, а император отметил на полях: «истинно благородный поступок», а в том, что мы научились себя уважать, беречь хорошее имя организации, члены которой в своих последующих обязательствах и действиях должны были следовать этому. Авторитет общества и уважение к нему выросли в глазах официальных и общественных властей, к которым приходилось обращаться по тем или иным вопросам. Правда, через несколько лет мы перестали осуществлять эти поставки, поскольку практика интендантства диктовала условия для поиска других поставщиков, имеющих больший опыт в этой области, однако первый лед общей апатии был растоплен, а коллективная акция получила право на существование.

Вторым важным делом, осуществленным Аграрным обществом, было введение принципа взаимности в страховании от огня и долгосрочном кредитовании.

В условиях существования многочисленных льгот, предоставляемых своим клиентам агентами компаний, страхующих от огня, Аграрное общество пришло к убеждению, что, сформировав определенные группы своих членов, оно может вступить в переговоры с правлениями акционерных обществ с целью получения для сформированных групп более льготных условий страхования по сравнению с предоставляемыми агентами. В этом направлении началась осуществляться деятельность, которая принесла плоды в виде подписания 8 февраля 1890

г. договора в Москве с Морозовым – главным директором Северного страхового общества. Переговоры вел неутомимый Чапский, и, несмотря на то, что наши взгляды были направлены в сторону конвенции с Варшавским страховым обществом, Северное победило, так как предоставило нам более выгодные условия по сравнению со всеми акционерными обществами.

В тот период все страховые общества были связаны конвенцией, определяющей нормативы страховых тарифов, Северное также не могло их в принципе снизить для нас, но законы для того и пишутся, чтобы их не всегда выполняли, и, таким образом, Аграрное общество как бы добилось главной агентуры у Северного страхового общества для всего так называемого Северо-Западного края и для проведения операции получило некоторые проценты, распределение которых между агентствами и страховщиками уже зависело от нас самих и приносило некоторые дивиденды. Главным управляющим директором наших агентств стал Оттон Богдашевский, который периодически возобновлял договор с Северным обществом, с каждым разом добиваясь все более выгодных условий, благодаря благосклонности к нам главного инспектора Северного общества distinguished Александра Бонковского из Варшавы, который по-прежнему приезжал в Минск на собрания нашего общества. А когда после более близкого знакомства со страховой деятельностью в стенах Аграрного общества появилась идея создания собственной страховой компании на основе принципа взаимности, Бонковский не только не препятствовал нам как конкурентам, а все время давал необходимые указания и рекомендации, а также руководил нашими первыми шагами.

Вопрос утверждения уставов общества не был легким. Трудности были двух видов: необходимо было ликвидировать определенное приходское соревнование между отдельными губерниями, с одной стороны, а с другой – преодолеть недоверие правительства к каждому коллективному действию общества землевладельцев на Кресах.

Ковенская губерния, которая находилась на порядок выше других северо-западных губерний и населенная

верующими католического вероисповедания, на сознание которого духовенство оказывало большее влияние, имела более удачную по сравнению с соседями статистику пожарных случаев, особенно от поджогов, в связи с чем требовала для себя привилегий и некоторой автономной самостоятельности.

В ее стремлениях исключение составляло Ровенское аграрное общество, которое по-прежнему находилось в тесных дружеских отношениях с Минским аграрным обществом. Оно поддерживало все наши стремления, а представитель и председатель общества многоуважаемый Бронислав Гружевский из Кельм очень часто приезжал на наши собрания.

Ковенские делегаты неоднократно приезжали на переговоры в Минск. Допустимые уступки, которые не противоречили бы основному принципу «взаимности», на котором основывались минские концепции, им были предоставлены, но все закончилось тем, что хотя Ковенская губерния и вошла согласно уставу в территориальную зону наших операций, однако там было создано специальное Ковенское общество страхования от пожаров.

Следует отметить, что литовцы присылали нам на переговоры не простых людей: в Минск приезжал Александр Мейштович, в последующем Председатель правления Виленского земского банка и член Государственного Совета, человек необычной энергии и политического опыта, устоявшихся убеждений и хорошо ориентирующийся в краевых вопросах, в будущем адвокат по вопросам национальностей и религий в законодательных палатах. В качестве представителя ковенских землевладельцев был ковенский помещик и губернский маршалок по назначению Петр Столыпин, сын Аркадия, с которым я тогда завязал свое первое знакомство. Председателем Минского аграрного общества был по долгу службы местный губернатор, генерал-лейтенант, князь М. М. Трубецкой, аристократ, националист, сторонник жесткого правления, женатый на дочери бывшего киевского генерал-губернатора Безака.

Я как назначенный вице-председатель Общества

перед каждым заседанием должен был к нему являться, докладывая о повестке дня собрания и направлении нашей работы. Я всегда говорил князю правду, чем и завоевал его доверие. Он поддерживал все начинания Аграрного общества настолько, насколько это было возможно в тогдашних условиях. Одну из своих дочерей князь выдал замуж за А. Б. Нейхардта, тогдашнего маршалка дворянства Нижегородской губернии, который позже стал создателем партии националистов в Государственном Совете. На его сестре Ольге был женат А. Столыпин, и последний, приезжая в Минск, бывал в гостях у губернатора.

Как-то заболел губернаторский повар, и князь поручил мне организовать обед в честь Столыпина. Прием был организован в местном клубе, с большим количеством спиртного, с речами, где Столыпин мог продемонстрировать силу ораторского искусства и умения убеждать. Меня он назвал «минским Бисмарком», но дело не продвинулось ни на шаг.

Конференции продолжались, но дело не двигалось. Ковенская губерния так и не отказалась от своих сепаратистских стремлений. Это было началом моих последующих отношений со Столыпиным.

В своих ходатайствах об утверждении уставов «Минского общества взаимного сельскохозяйственного страхования» мы всегда стремились охватить все 9 западных губерний. Но, несмотря на то что в Киеве у нас был очень серьезный заступник в лице А. И. Косича – бывшего военного министра в период Болгарской войны, затем командующего военным корпусом в Минске и Киеве и почетного члена нашего Общества, позже члена Государственного Совета, человека прогрессивного с либеральными взглядами – Киевское генерал-губернаторство отказало нам в «placet». Мы вынуждены были ограничить территорию своей деятельности шестью белорусско-литовскими губерниями. Но даже с тремя литовскими не так легко было, поскольку всяческие объединения не воспринимались тогдашней администрацией Края. Я был вынужден несколько раз посетить виленского

генерал-губернатора, генерала Троцкого, чтобы получить его согласие, что наконец и произошло. Здесь я хочу подчеркнуть заслуги в этом плане тогдашнего члена совета Аграрного общества А. К. Снитко, сестра которого была замужем за полковником, ставшим позже генералом, и чиновником по специальным поручениям при генерал-губернаторе Жиркевиче. Он помогал мне организовывать аудиенции у Троцкого и был благосклонен к моим стараниям. Отец Анджея Снитко, Константин, был католиком и даже выборным маршалком шляхты, крупным землевладельцем в Карлсберге около станции Радошковичи, кажется, был женат на православной, так как А. К. Снитко принадлежал к господствующей религии.

Пан Анджей был очень способным и полезным членом совета Аграрного общества, но разговаривал только на русском языке, был ярким националистом, одним из основателей и руководителей музея при архиерейском доме, собирающего материал и экспонаты, касающиеся российской истории на территории нашего Края. Его шурин Жиркевич стал автором антипольских изданий, реабилитировал деятельность известного ренегата князя Сенчиковского и т. д. Однако в данном случае как один, так и второй сыграли положительную роль в истории Аграрного общества, а Жиркевич даже был избран его почетным членом. Хотя следует отметить, что это избрание имело место еще перед началом его националистической деятельности.

После длительных стараний, наконец-то удалось получить утверждение в Министерстве устава Общества взаимного страхования, что и произошло 17 февраля 1900 г. Немалая заслуга в этом принадлежит адвокату Станиславу Костровицкому, который постоянно проживал в столице, бескорыстного заступника и попечителя нашего Общества. Весь год ушел на организационные вопросы, и только 1 января 1901 г. Общество взаимного страхования начало свою деятельность. Чтобы начать свою деятельность, понадобилось собрать 50 000 рублей залога, которые должен был найти я, но все так удачно сложилось, что деньги вскоре ко мне вернулись. Я был избран председателем наблюдатель-

ного совета, председателем правления стал Витольд Лопотт, членами правления: Зигмунд Венцлавович и Войцех Иванович, последний от Росенского аграрного общества. Общество развивалось хорошо и, несмотря на постоянные скидки для его членов, накопило приличный резервный капитал. Дай-то, Господь, и дальше так!

Второй вопрос – создание общества взаимного долгосрочного земского кредитования, начало которому было положено еще в 1893 г., было не таким удачным.

Сложное положение должников земских акционерных банков, высокие дивиденды их акционеров, более легкие условия начисления процентов и амортизации в Шляхетском банке, хорошее развитие общества земского кредитования в Королевстве, наконец, возможность создания еще одной организации, охватывающей наш кресовский Край, все это вместе взятое не давало покоя Аграрному обществу. Это была непреходящая проблема: она в том или ином виде появлялась на повестке дня на заседаниях Общества, затрагиваемая с переменным успехом в зависимости от напора инициатора. Она имела постоянных покровителей в лице Свентицкого, Эугениуша Ковалевского, графа Леона Лубенского, В. Ивановича и др. Периодически появлялись люди способные, страстно желающие помочь делу, например: Медекша, князь Пузына, Юзеф Карпович (в будущем талантливый директор Волжско-Камского банка в Варшаве), граф В. С. Татищев, в то время маршалок Минского повета, позже председатель многих кредитных учреждений и даже кандидат в министры финансов.

Мы разработали статуты товарищества, с которыми неоднократно в 1893, 1899, 1900, 1902 гг. в составе делегации Товарищества я ездил на прием к всемогущему в те времена министру финансов Витте, к уважаемому директору его канцелярии Болеславу Малешевскому и другим влиятельным в то время людям столицы, например, к известному генералу Богдановичу, автору ряда распространенных брошюр национально-патриотического характера и члену Совета, министру внутренних дел; были мы также у А. Суворина, редактора популярного «Нового времени», который оказывал

влияние на мнение компетентных кругов столицы и т. д. Везде наши старания считались справедливыми, все одобряли проект нашего устава, нас приглашали на чай и завтраки, и везде в итоге никто ничего не делал.

Одни объясняли это закулисной игрой акционерных банков, другие – нежеланием правительства иметь в стране такую мощную в перспективе организацию, как кредитное земельное общество в Конгресувке, а третьи объясняли тем, что министерство финансов считает, что в данный момент денежный рынок и так перенасыщен ценными бумагами, а правительство само планирует новую эмиссию; наверное, все это, налагаясь одно на другое, создало ситуацию не в нашу пользу. Был даже момент, когда все уже было готово, не хватало только подписи министра финансов в уставе, чтобы довести дело до конца.

Граф Витте потребовал внести небольшое изменение в один параграфов устава, на которое я, будучи уполномоченным от Общества, охотно согласился. К большому нашему несчастью в то время назревала война с Японией, и когда я пошел к графу Витте, то последний заявил, что в связи с этими событиями решение нашего вопроса переносится, и перенеслось «ad calendas graecas». После такой огромной работы и стараний нам удалось всего лишь добиться некоторых изменений в уставах акционерных банков: раньше 3/4 % направлялись на административные вопросы, а 1/4% – на амортизационные, а теперь 1/2% – на первую и 1/2% – на вторую статью, и в этом была заслуга нашего почтенного адвоката Станислава Костровицкого. Как я уже упоминал раньше, Аграрное общество ему многим обязано: мы наладили с ним отношения благодаря его коллеге и члену Совета Аграрного общества адвокату Игнатию Виткевичу, исполнявшему в течение многих лет обязанности казначея нашего Общества, который не только работал на этой должности бескорыстно, но иногда даже доплачивал из собственного кармана.

DWÓR W SAWICZACH

Поместье в Савичах

III

Аграрное общество, выбрав однажды путь объединения и коллективной работы, продолжало работать в этом направлении. По инициативе президента города Кароля Чапского в Минске начали действовать бойни, построенные в предместье города, в направлении Лошицы. Желая освободить мясную торговлю от еврейских спекулянтов, граф Чапский предложил Аграрному обществу взять в аренду бойни и рынок, на котором задерживался привезенный и предназначенный торговцами на убой скот.

Среди членов Аграрного общества выделилась группа заинтересованных пайщиков под руководством Ксаверия Ельского — человека весьма оборотистого и хорошо ориентирующегося в торговых вопросах. Аграрное общество разрешило предприятию пользоваться своей торговой маркой, и, кроме этого, совет Общества постоянно наблюдал за добросовестным выполнением условий аренды и принимал участие в решении возникающих проблем между партнерами.

Годовые отчеты утверждались на общих собраниях Общества, ибо раз и навсегда было принято (как и в случае с поставками зерна в интендантство), что фирма Аграрного

общества должна иметь безукоризненную репутацию. Общество арендовало бойню с 1 мая 1891 г. по 1 мая 1910 г., однако за этот период предпринимались неоднократные попытки перераспределить сферы влияния в мясной торговле. Такие попытки были и со стороны некоторых владельцев откормочного скота при винокурнях, чтобы легче было превращать товар в деньги при помощи городских боен. Прямой выгоды это почти не приносило, а косвенно разве что оказывало влияние на уменьшение влияния еврейских торговцев и придавало уверенность, что в критических случаях мясной товар можно всегда обратить в деньги на своей бойне. Однако в большинстве случаев эти тонкости торговли кошерным мясом и являлись помехой в управлении бойнями. По этим же причинам было невыгодно также открывать свои мясные лавки, функционирующие достаточно долго при городской бойне с целью уравнивания цен на мясо в частных магазинах.

Справедливости ради нельзя не вспомнить об одном из руководителей бойни Бальдвине-Рамулте, скромном сотруднике учреждения, который благодаря своему трудолюбию и способностям добился высокой должности. Между прочим, Балдвин-Рамулт, желая использовать пропадающий при сушке внутренностей убиваемого скота и других операциях теплоэнергию, организовал производство сушки овощей: картофеля, капусты и т. д. Эти консервы пользовались большим спросом в армии, поставлялись даже в Ташкент. Производство их было также выгодным для окрестных овощеводов. В качестве примера приведу цифры убоя скота в первый и последний год эксплуатации бойни:

Год	Степ. скот.	Мест скот	Телята	Овцы	Свиньи
1891	5.720	11.700	11.903	3.522	4.165
1910	2.361	19.990	19.483	2.165	24.857

Приведенные данные свидетельствуют о том, что местная продукция вытесняет степной скот, уменьшается количество выращиваемых овец и растет поголовье свиней. В 1910 г. консорциум членов Аграрного общества вынужден

был отказаться от дальнейшей аренды, так как городское правление перешло в другие руки, менее доброжелательные – к землевладельцам. Начались закулисные игры еврейских контрагентов, а выдвинутые городским правлением условия были приемлемы только для частных, которые могли быстро перестроиться, но не для Аграрного общества, которое слишком заботилось о своей репутации.

Встает вопрос, какую пользу принес договор аренды Аграрному обществу? Выгода, несомненно, была. Первая и незаметная на первый взгляд – это приобретение опыта работы коллективного предприятия, предоставление рабочих мест и заработка той категории людей, которая относилась к католикам, и была лишена возможности выполнять государственную службу, ну и, конечно же, регулирование, хоть и временное, цен на мясо. Вторая выгода могла быть представлена точными цифрами: бюджетные расходы Общества продолжали расти; секретари Общества, которые вначале выполняли свои обязанности на общественных началах – взамен за предоставленное при зале заседаний жилье, состоящее из нескольких комнат, начали получать зарплату. Средства же Общества состояли из членских взносов в размере 10 рублей, к тому же здание для Общества было приобретено без копейки собственного капитала, и доходы были недостаточными для выплаты процентов. В связи с этим необходимо было искать другие источники доходов.

Поскольку большая часть паев на бойнях принадлежала мне и близким мне людям, всегда можно было создать на общих собраниях большинство, которое соглашалось на значительные отчисления дивидендов в пользу Аграрного общества, и таким образом выравнивать его бюджетные статьи. И после того, как аренда бойни прервалась, бюджетный дефицит Общества стал весьма ощутимым.

Если представить события в хронологическом порядке, то необходимо отметить, что в 1900 г. общее собрание оказало мне большую честь, избрав почетным членом Аграрного общества и основывая при Обществе фонд моего имени, внося при этом 7 000 рублей, предназна-

ченных для стипендий и иных целей – на мое усмотрение. Я позволил себе округлить эту сумму до 10 000 рублей с предварительной оговоркой, что прежде чем позволить себе создавать фонды общественного назначения, необходимо выполнить свои обязательства, перечислив 10 000 рублей на счет Общества и направляя их на частичное погашение долга за здание, что также было всеми принято.

В условиях постоянного расширения деятельности Общества, естественно, набор используемых в работе «инструментов», авторами которых были Цыбульский и Левин, становился скудным, а пример Липавского «Consum-Vereinu» был слишком притягательным, чтобы не задуматься над созданием чего-то подобного у себя. К этому и призывал нас И. Виткевич в своем выступлении, докладывавал об этом и я. В результате была создана комиссия по разработке устава, в состав которой входил Э. Ковалевский, но главным автором устава, утвержденного 30 декабря 1896 г., был все-таки Эммануэль Обромпальский, которого позже избрали управляющим директором «торгового отдела при Минском аграрном обществе», называемого в народе «Синдикатом».

В комиссии, разрабатывающей устав, преобладали антикапиталистические настроения. Высказывалось опасение, что дела Синдиката могут быть сконцентрированы в руках меньшинства, больше заботящегося не о благе объединенных аграриев, а о величине дивидендов, вследствие чего в §3 была внесена оговорка, что общее собрание может в любой момент установить «максимум» паев в капитале предприятия для одного члена. Вероятно, уже тогда социалистические течения начинали будоражить общественные умы, а результат не заставил себя долго ожидать в виде ограничения предприимчивости членов общества. В итоге было собрано всего лишь 50 тысяч рублей уставного капитала, что было слишком мало для такого большого предприятия. Отсутствие оборотных средств мешало развиваться Синдикату. До установления «максимума» так и не дошли, и приходилось опять-таки обращаться к частному капиталу. Часть своего капитала

вынужден был вложить управляющий директор, и я как председатель Аграрного общества вынужден был вложить свои 30 тысяч, которые мне только 20 лет спустя были возвращены Синдикатом.

Начало Синдиката было трудное, а требования к нему достаточно высокие, так как члены Общества видели в нем панацею от всех существующих проблем в экономической деятельности. Таким образом, Синдикат должен был и поставки в интендантство осуществлять, и торговать пивоваренным ячменем, пользующимся в то время большим спросом, взять под свою опеку и заботиться о кредитных поставках дешевых и качественных машин и т. д., а денег на все не хватало. Со всеми этими задачами пыталось справиться правление в составе: президента Э. Обромпальского, а также членов: Игнатия Чечота и князя Геронима Друцкого-Любецкого. Своего расцвета Синдикат достиг только под руководством председателя Мечислава Поровского, человека необычайно талантливого и трудолюбивого. Обороты в 1913 г. уже превышали по балансу 1 000 000 рублей, а в товарном исчислении – 842 000 рублей.

Дивиденды росли, переоценка товаров на складах проводилась всегда крайне осторожно, сельскохозяйственный инвентарь, семена, калийные удобрения – всегда отборные, при постоянном стремлении курировать торговлю сельскохозяйственной продукцией (продажа крахмала, закупка в Бессарабии кукурузы для винокуренного завода и т. д.). Военные события, начиная с 1914 г., тормозили нормальный ход работы Синдиката, но талант и прозорливость нашего правления позволяли спокойно ожидать возвращения к нормальному образу жизни.

Одним из наиболее болезненных вопросов, связанных с собственностью землевладельцев в нашем Крае, на который с самого начала своего существования Аграрное общество обращало внимание – это сервитутное право – пережиток периода крепостничества, сознательно покинутый правительством в качестве постоянного раздражителя отношений между Двором и деревней. Ненормальность ситуации и вред, наносимый экономике сервитутами, видел

и понимал сам автор этих отношений – виленский наместник Муравьев, ибо одним росчерком пера при передаче конфискованных имений лицам российского происхождения он вычеркивал всяческие сервитуты, добавляя взамен к крестьянскому наделу по 3 десятины в собственность. К тому же тогдашнее правительство, продолжая притеснять собственность польских землевладельцев, не могло не замечать, насколько сильно сервитуты пагубно воздействуют на лес, на культурные растения полей и лугов, одним словом на богатство Края. С целью урегулирования этих проблем оно начало создавать различные комиссии, в результате начали появляться самые разнообразные, вначале относительно удачные, проекты ликвидации сервитутов. Так, в Вильно работали комиссии губернатора Стеблин-Каменского и генерал-губернатора Ожевского. Туда же представлял свои докладные записки губернский маршал граф Адам Платер. По поручению министра в Минске функционировало «Правление по крестьянским вопросам».

В Минском Аграрном обществе также работали комиссии, в том числе под руководством Массальского, который отвечал за крестьянские вопросы. Наконец, мной был разработан подробный проект урегулирования сервитутных прав, который был утвержден на общем собрании, а избранная „ad hoc” делегация направилась с ним в столицу. В итоге все эти проекты мало чем отличались, хотя основывались на различных принципах, и все они в качестве рабочего материала были переданы в комиссию, созданную в 1908 г. в Петербурге под руководством товарища министра внутренних дел Лыкошина, с которым в связи с этим мне как члену Государственного Совета приходилось встречаться. Членом этой комиссии был наш коллега из Государственного Совета, представитель Полтавской губернии Леонтович, славный и дружелюбный малый, которого мы с графом Олизарием постоянно навещали, чтобы узнать последние новости и поделиться своими идеями.

Смерть П. А. Столыпина помешала ему осуществить планы проведения основательных аграрных реформ, а куда приведет человечество война и революция – неизвестно.

Реферат мой вышел из печати отдельной брошюрой, поэтому здесь повторять свои идеи не буду. Однако я полагал, что прибавление в собственность крестьян 1/8 части наличной земли в большинстве случаев разрешило бы проблему сервитутных прав.

Одним из самых важных, по крайней мере, самых громких эпизодов в жизни Аграрного общества, была большая юбилейная выставка 1901 г., инициированная по случаю 25-летнего юбилея Общества. Выставки семян, овощей и фруктов, организуемые в доме Павловского, проводились и раньше в амбарах и залах Общества. Одна из них, достаточно большая, уже проводилась во дворе шляхетского дома, где были продемонстрированы достижения местного животноводства. Но только выставка 1901 года смогла продемонстрировать не только узкому кругу людей, а всему Краю, достижения Аграрного Общества за четверть века.

Проведение выставок всегда было связано со значительными финансовыми расходами. Аграрное общество не располагало специальными на это средствами, да и система правительственных субсидий тоже не слишком была развита. Я в свою очередь также умышленно обходил этот вопрос с целью развития среди землевладельцев принципов самодостаточности и взаимопомощи. Поэтому более состоятельные члены общества создали гарантийный фонд, освобождающий кассу Общества от нагрузки в связи с проведением подобных мероприятий.

Был избран комитет выставки во главе с графом Ежи Чапским и выставочным комиссаром Михалом Воловичем. Благодаря организационному таланту и огромной трудоспособности этих людей выставка была организована так, что вместо расходов она принесла несколько тысяч прибыли. И этот капитал не растворился в кассе Общества, а остался в фонде, предназначенном для организации выставок в будущем.

Поскольку Минское аграрное общество в тот период было почти единственным и объединяло большинство, занятое в крае в этой сфере, выставка была достаточно представительной, с огромной посещаемостью: в гостиницах

не хватало для приезжих мест. Играл оркестр Преображенского полка, прибывший из столицы, а вечером – выступала капелла Намысловского. На велодроме Общества, были сооружены временные ложи, демонстрировались экземпляры, получившие в свое время награды, здесь щеголяли стильными упряжками и различными «*soucoups hippiques*»; мимо проезжали «краковские свадьбы» и т. д. Причем чуть ли не трагично закончился для семьи графа Ежи Чапского один из таких выездов, когда лошади понесли и опрокинули телегу с детьми графа.

Конечно же, не обошлось без бала, организованного в честь гостей выставки президентом города графом Каролем Чапским. Был также организован праздничный ужин вскладчину с принятыми в таких случаях тостами и выступлениями, а все завершилось церемонией вручения наград в присутствии губернатора, известного гидротехника Полесья генерала Жилинского, владельца Несвижского майората князя Антония Радзивилла. Необходимо отметить, что тогдашний председатель Аграрного общества губернатор князь Трубецкой, полностью переложил на мои плечи свои почетные обязанности, которые мне пришлось выполнять.

Естественно, было создано «праздничное» собрание Аграрного общества с участием делегатов других сельскохозяйственных обществ, действующих на территории, расположенной западнее Днепра и Двины. Из-за Днепра только Стародубское аграрное общество из Черниговской губернии прислало своего представителя, которого мы специально чествовали.

В начале заседания президент города Несвижа, один из самых способных и трудолюбивых членов Общества, Болеслав Грабовский, обстоятельно изложил 25-летнюю историю Аграрного общества. Затем последовали выступления делегатов. Мероприятие закончилось моим достаточно объемным докладом, в котором я выделил самые знаменательные события из жизни Общества, а также подчеркнул огромное влияние, какое оно оказало на формирование общественного сознания у представителей класса землевладельцев, а также на развитие регионального сельского

хозяйства. По тем временам мое выступление было достаточно смелым, губернатор «стриг ушами», но неприятных последствий для меня с его стороны не последовало.

С тех пор за этот двадцатипятилетний период произошли существенные изменения. Наше Общество сегодня насчитывает не 50 – 70 членов, как это было раньше, а семьсот; вместо людей, которые записывались в Общество, чтобы угодить своему шефу, сегодня вступают высокопоставленные лица с целью поддержания идеи благородного дела. Вместо уходящих со сцены бюрократов появляются люди дела, состав Общества становится более представительным. Его светлость Великий князь Владимир является нашим достопочтенным покровителем, министры и директора департаментов – почетными членами нашего Общества, а председателем – его превосходительство минский губернатор. Достаточно ознакомиться со списками членов Общества, чтобы убедиться, сколько высокопоставленных лиц, которые, уважая наш легальный и плодотворный труд, пришли к нам с твердым убеждением, что наши цели и интересы являются общими, а именно: забота о расцвете и благосостоянии земельной собственности, независимо от того, передана ли она по наследству или приобретена. Они присоединяются к нам потому, что почетным сегодня является быть членом Минского аграрного общества.

Кто же стал инициатором изменения декораций? Господа, которые за зеленым столом пишут протоколы бывших заседаний? Нет. Авторами перемен стали люди, инстинктивно тянущиеся к брошенным когда-то в угол сохе и бороне, люди, которые выстояли в этих обстоятельствах и позже об этой же сохе и бороне непрестанно заботились, отодвинув в сторону политику, взялись поднимать родную землю-матушку, получая от нее сокровища, заложенные предыдущими поколениями. Господь Бог благословил наш благородный труд. Семена добра и правды, брошенные в землю нашими предками, взошли и дали прекрасный урожай – всеобщее благополучие.

Сегодня все кажется ясным и простым. Нет, господа. Нелегко было достигнуть этих результатов. А

достигли мы их благодаря тому, что наше Общество: 1) никогда не нарушало своего устава и не решало посторонних проблем; 2) принималось за работу и те дела, которые были ему под силу; 3) сосредоточивало свои силы и труд на достижение единой цели, а децентрализовываться начало только в последнее время, когда окрепло и выросло; 4) всегда и при любых обстоятельствах считало себя представителем класса землевладельцев в Западном крае и считало своей обязанностью всегда защищать честь и достоинство этого сословия. Преувеличением было бы сказать, что Общество выполнило задачи, стоящие перед ним. Вовсе нет. «Наш организм силен и должен жить...».

Не хватит места на перечисление экспонатов, которыми не одна выставка страны могла бы гордиться. Хочу, однако, подчеркнуть, что на этой выставке неожиданно появилась и сразу же вызвала у всех большой интерес и общее признание порода белорусского красного крупнорогатого скота, выведенного независимо друг от друга двумя животноводами нашей губернии Флорианом Свида из Хлевина Борисовского повета и Вильгельмом Ельским из Игнатич под Минском.

Если старания Аграрного общества, направленные на создание общества долгосрочного земельного взаимокредитования, не увенчались успехом по различным причинам, то ли по вине акционерных банков, то ли вследствие недоброжелательности официальных властей, нельзя сваливать свое поражение на других. Просто, мы добровольно согласились с фактом подчинения общественных интересов nepотизму и частным интересам.

В члены Совета Аграрного общества мы старались приглашать, россиян, во-первых, по причине нашей «благонадежности», т. е., чтобы убедить власть в том, что никакого национализма Общество не пропагандирует, а во-вторых, чтобы привлечь к нашей деятельности новых землевладельцев-россиян, с которыми будущее сотрудничество в земстве уже тогда принималась во внимание. Одним из таких членов совета был А. Беляев – ценный сотрудник.

Мы сильны своей искренностью, и горды своим прошлым. Аграрное общество стало для нас хорошей школой общественной жизни. Никогда за четверть века мы не выходили за рамки программы, а научились многому. Я не думаю, что кто-то может сомневаться сегодня в нашей компетентности для будущей работы в земских учреждениях, отвечая принципу равноправия учрежденных; не думаю, что кто-то может сомневаться в легальности нашей работы и наших устремлениях. Нам сегодня есть на что сослаться: на четвертьвековую деятельность Минского аграрного общества. Возможно это и косвенная, но самая большая наша заслуга.

Немногие из нас доживут до следующего такого момента, как сегодняшний, который наступит через лет так двадцать пять. Я обращаюсь к молодежи, к тем, кто займет наше место: «Помните, как нам приходилось работать, и что пришлось пережить. Мы передаем вам, уважаемая молодежь, принципы чести, труда и правды, которыми мы руководствовались в течение четверти века своей деятельности. Без них настоящее будет праздностью, а возрождение – невозможным».

В то время в Минске функционировало весьма солидное, но слишком рутинное Общество взаимного кредитования, состав и правление которого состояли исключительно из польских землевладельцев. В уездах организаций взаимного кредитования почти не было, или же они находились в руках евреев. С другой стороны, как это подчеркивалось выше, по причине просрочки оплат клиентами и нехватки наличных средств обороты аграрного синдиката тормозились. Беляев проявил инициативу и в этом направлении, представил на общем собрании Аграрного общества проект создания краткосрочного взаимного кредитования при обществе с головным предприятием в Минске и отделениями в провинции. Тем самым вопросы краткосрочного кредитования перешли бы в наши, землевладельцев, руки, и намного легче было бы регулировать вопросы, связанные с недоимками в синдикате, при

помощи филиальных кредитных отделов и сельскохозяйственных складов в уездах.

Существующее тогда Правление Минского общества взаимного кредитования, естественно, не могло справиться с этими задачами, а значит, необходимо было многоуважаемого господина X, честного господина Y и очень любимого господина Z заменить, с чем породнившееся большинство соглашаться не захотело. Если к этому добавить, что Беляев слыл известным националистом, весь этот проект был воспринят оппозицией как антипольский, а значит, был погребен. Об этом я очень сожалею, поскольку при его осуществлении мы имели бы в своих руках «*pergwus gegum*» всей провинции, у нас была бы организация, которая своей сеткой покрыла бы весь край, предоставляя многим людям средства к существованию.

В 1901 г. достопочтенная владелица имения Тухановичи в Новогрудском уезде, которое было связано с именем Адама Мицкевича, его творчеством и большим чувством к Марыле Верещако, Юзефа Тухановская, трепетно сохранявшая все, что было с ним связано, и желающая, чтобы после ее смерти любимые ею Тухановичи оставались своеобразным музеем памяти национального поэта, решила после длительных со мной переговоров переписать Тухановичи в пользу Минского аграрного общества. Она желала сохранить за собой лишь право пожизненного владения. Но это были времена, когда даже хорошие дела делались нелегко: чрезвычайные права не позволяли католикам ни завещать, ни приобретать путем покупки земское недвижимое имущество. Но в данном случае полезными оказались мои связи с губернатором, князем Трубецким. В связи с тем, что Минское аграрное общество не было исключительно польским учреждением, поскольку определенный процент членов составляли россияне, мне удалось получить у губернатора разрешение на приобретение Тухановичей на баланс Аграрного общества. Покупка состоялась, естественно, фиктивно, так как по существу это был акт бесплатной передачи Тухановской с сохранением пожизненного ею владения, что было гарантировано различными контрактами,

векселями, концепциями и т. д.

Аграрное общество обеспечило все условия для того, чтобы владелица не почувствовала себя лишенной собственности, а Тухановская позволила Аграрному обществу в фольварке «Новый мир» организовать опытную станцию. Правда, военные события не только задержали развитие этой станции, но и сами Тухановичи, как находящиеся возле самой линии фронта, с землей сравнивали; а помещица была выброшена на минскую улицу, еле выбравшись из военного ада. Какова будет дальнейшая судьба Тухановичей, будут ли они национализированы согласно большевистскому декрету, трудно сказать. Для точности необходимо добавить, что Тухановичи расположены примерно в 20 верстах от железнодорожной станции «Погорельцы» московско-брестской трассы, недалеко от местечек Городище и Цырин. Живописная местность, с «лесистыми холмами и бархатными лугами» на реке Сервеча, в старом парке с «Альтанкой Марыли» и небольшим каменным домиком, в котором жил и творил Мицкевич. Так было до войны...

Часто можно услышать, что Минское аграрное общество развивалось и укреплялось до 1900 г., а потом если не начало распадаться, то, во всяком случае, вступило в определенный период стагнации. Правда, как обычно, лежит посередине.

Нужно, однако, не забывать, что Минское аграрное общество как самое старое и в течение продолжительного времени единственное в Западном крае, объединяло лучшие силы региона. Общество витебских аграриев возникло немного раньше, но в связи с тем, что Витебск лежал в стороне от главного пути с востока на запад, оно в меньшей степени влияло на жизнь Края. Членами нашего Общества были представители почти всех районов; к нам приезжали поучиться и приобрести опыт все, кто планировал создать у себя подобные организации. Я уже не говорю о соседях близких и дальних, из Литвы и Беларуси, которые присутствовали на наших общих собраниях и в качестве членов, и в качестве гостей, землевладельцах из Королевства, из Седлец, Люблина, Сувалок, Варшавы, которые

Минское аграрное общество считали своей колыбелью. А когда местные условия позволили им открыть свои аграрные общества, естественно, они свою деятельность переместили на родную территорию, при этом, само собой разумеется, численность членов Минского аграрного общества снизилась.

Однако на начальной стадии своего существования Аграрное общество было единственным, кто занимался также вопросами общественной жизни. Не было еще земств, которые более или менее удачно начали заниматься местными проблемами, не было политической жизни, которая хоть на короткое время, в период выборов в первые законодательные палаты, достаточно активно проявилась. Одним словом, вся провинциальная жизнь концентрировалась вокруг Аграрного общества. Это был период, когда на его базе возникали новые организации, которые по мере своего развития и созревания от родной матери должны были отпочковаться, чтобы пуститься в самостоятельное плавание. Наступил период так называемой «парцелляции» наследия, созданного общими усилиями Общества. Общество должно было это учитывать, а работу свою сосредоточивать и направлять в более узкое русло, действовать по уставу.

А это значит, развивать специальные секции и отделы, которые с Божьей помощью так рьяно принялись за работу. Их заседания иногда вызвали даже больший интерес, чем общие собрания, ограничивающиеся только приданием законодательной силы решениям секций и продвижением их постулатов на уровень правительственных органов. Здесь необходимо подчеркнуть особые заслуги работы в секциях: З. Ревенского (агрономическая), Л. Иодко (животноводческая), Б. Любанского и Цюндевицкого (виноделия), Ф. Свида, П. Ваньковича (лесная). Каждая из секций в свое время была более или менее активной, в зависимости от потребностей текущего момента. Так, виноделие касалось в большей степени Минской губернии, в отличие от соседних, поскольку она занимала второе место в стране после «исландской» по производству спирта: число заводов доходило до 200, что

давало хороший заработок людям, которые выращивали картофель, заготавливали древесину, занимались поставкой спирта, а также создавало рабочие места в этой отрасли.

Обилие лесов, климатические условия и почва в Минской губернии способствовали тому, что винокурение здесь приобретало такое же значение, как, например, производство сахара в южных губерниях или в Королевстве. После введения монополии на водочные изделия с 1 июля 1897 г. в нашей губернии запрещалось открывать новые заводы с производительной мощностью свыше 200 000 декалитров, что было равнозначно их запрету.

Стоимость строительства завода, административные расходы и стоимость производства продукции поглощали почти всю прибыль предприятия в условиях конкуренции с более мощными заводами, которые эти затраты компенсировали большим объемом продукции. Нам приходилось сражаться на два фронта: с одной стороны – правительственные запреты, с другой – владельцы уже существующих заводов, которые не были заинтересованы в появлении новых конкурентов. 12 декабря 1897 г. я представил на общем собрании Общества докладную записку по этому вопросу. Собрание утвердило ее и поручило передать на рассмотрение в Министерство, о чем я тут же начал ходатайствовать.

Уже 28 февраля 1899 г., как сообщил мне наш почтенный адвокат Костровицкий, минимальное количество продукции, которую правительство должно было забирать, было увеличено до 400 000 декалитров, а превышение этой нормы новыми заводами подпадало под общие правила, установленные правительством для сельскохозяйственных винокурных заводов. Принятые изменения в законодательстве активизировали тенденцию появления новых заводов. Я и сам в 1904 г. открыл в Савичах новый завод, причем очень некстати, поскольку после 6 лет работы он был закрыт, а вложенный капитал пропал безвозвратно.

Говоря о вопросах, рассматриваемых на общих собраниях Аграрного общества, нельзя не упомянуть проблему пенсионных касс, которая неоднократно подни-

малась графом Леоном Лубеньским, и которая так и не была решена, несмотря на множество создаваемых комиссий по разработке уставов.

Кроме создания различных секций, о которых упоминалось выше, Аграрное общество вступило в период создания уездных филиалов, и, следуя далее по пути децентрализации, стремилось создавать аграрные кружки, имеющие свое руководство в уездах, а те в свою очередь подчинялись бы губернским. Это была бы организация, охватывающая всю губернию и объединяющая интересы всех классов землевладельцев. Была создана комиссия с целью изменения и дополнения устава Минского аграрного общества, однако, к сожалению, это не входило в интересы тогдашней администрации Края; проект не получил правительственной поддержки.

Военные события, значительность которых не могли оценить даже самые смелые предположения, коснулись Аграрного общества самым непосредственным образом – опять закипела работа.

После того как в первый раз были произведены опустошения помещичьих имений в Королевстве, члены Минского аграрного общества на одном из первых заседаний организовали под руководством Мечислава Поровского «Комитет помощи жертвам из Королевства». Этот комитет за очень короткое время собрал, главным образом среди землевладельцев, огромную по тем временам сумму в 106 000 рублей, которую хотели вручить местному отделению Центрального гражданского комитета. Но, поскольку организация имела в тот период правительственные дотации, было решено эту сумму оставить до лучших времен, разместив ее, после согласования с руководством ЦГК, на текущем счету Общества взаимного кредитования в Минске. Позже эта сумма была экспроприирована большевиками. Факт этот я упоминаю для того, чтобы подчеркнуть, что ни одно из аграрных обществ в то время не проявило себя в этом направлении.

Когда началась эвакуация из Королевства, Аграрное общество предприняло все, чтобы сохранить племенной скот

из Конгресувки и разместить его подальше от фронта. Началось массовое передвижение беженцев и отступление войск. В жертву приносились целые поля неубранных зерновых. Толпы людей уничтожали осенние посевы, сжигали ограды и хозяйственные постройки. Разложенные на окраине леса или просто посреди дворов костры своим заревом освещали темные осенние ночи...

Совет аграрного общества, не имея возможности в связи с транспортными перебоями собирать общие собрания, начал действовать самостоятельно. Не хвастаясь скажу, что миллионных потерь удалось избежать хозяйствам нашего Края благодаря стараниям и хлопотам совета Аграрного общества перед главнокомандующим фронта, генералом Эвертом. Достаточно вспомнить действующие правила, которые позволяли заезжать в частные владения, массово вырубать лес на дрова абсолютно всеми, кто в этом нуждался.

Достаточно вспомнить о реквизиции «всех», способных тянуть, лошадей, о которой распорядился Рауш фон Траубенберг. Достаточно вспомнить о нормировании количества тяглового скота и рентабельного инвентаря на одну единицу сельскохозяйственных угодий, свободного от реквизиции и т. д. Одним словом, совет Аграрного общества «*a bien merit  de la patri *», и все то, что он сделал, что разработал, имело значение не только для Минской губернии, но и для всего Западного фронта, командование которого размещалось в Минске. Я никогда не выходил от генерала Эверта с «пустыми руками», не получив добро на решение проблем, связанных с нуждами и потребностями Общества. Он всегда давал объективную оценку нашей деятельности. Но самое главное то, что совет Общества смог добиться от военных властей участия представителей общества во всех организациях и комиссиях, созданных на период военного времени, которые самоотверженно защищали интересы аграриев. Наконец, по примеру появляющихся профессиональных и сословных объединений с целью защиты своих прав совет Аграрного общества выступил с инициативой создания «Союза землевладельцев» и

«Информационно-правового бюро» для учета потерь, вызванных военными обстоятельствами. То, что Общество старалось укрепить и защитить, а также в качестве наследия исторической культуры передать будущим поколениям, было сметено большевиками – это уже не вина Общества.

Для уточнения хочу отметить, что эмигрантскому движению уже тогда были свойственны анархические и социалистические тенденции, как и в начальный период возрождения Польши. Толпы беженцев, несмотря на наличие проложенных дорог и широких трактов, охотнее шли, старательно обходя полосы и дворы крестьян, по нивам и посевам, вытапывая их, поскольку они были помещичьими.

Желание уничтожить все помещичье было настолько огромным, что, даже получая готовые и сухие дрова для костров, они предпочитали ломать заборы и ограды имений и сжигать лесные деревья и сложенные во дворах землевладельцев доски.

Они срубали новые сосны, не используя валяющиеся под ногами пни и ветки, срубленные их предшественниками. И не было ни одного учреждения, ни одного органа власти, к которым можно было бы апеллировать.

В данном случае Общество опять-таки обвинялось в том, что оно как организация, объединяющая элиту Края, не занялось делами беженцев и вопросами, связанными с помощью жертвам войны. О понимании Обществом насущных проблем текущего момента и осознании им своей общественной ответственности лучшим образом свидетельствуют собранные в первые дни войны 100 000 рублей для потерпевших от военных действий. А то, что оно уступило место вновь созданным организациям: Центральному гражданскому комитету и Польскому обществу помощи жертвам войны, то в данном случае Аграрное общество еще раз доказало свою рассудительность.

Отметим, что такая большая и располагающая серьезными средствами организация как Центральное аграрное общество в Королевстве, откуда собственно и перемещались волны беженцев, также уступила место ЦГК, и что ни одно из обществ не вышло на эту арену. Причем,

причина такого воздержания лежит намного глубже. А все просто. С волнами беженцев надвигались волны демократических настроений. Аграрные же общества, состоящие из землевладельцев, были консервативными; причем, местные его представители не всегда понимали их настроения, вследствие чего возникали коллизии, раздражение, самые лучшие друзья становились врагами. Вероятно, никто меня не сможет опровергнуть, если отмечу, что организации, близкие по духу и состоящие в основном из местной интеллигенции и беженцев (вынужденных и добровольных), приверженцы самых модных взглядов редко приходили к консенсусу. Местные землевладельцы работали в различных отделах Гражданского Комитета и Польского Общества помощи жертвам войны. Аграрное общество как коллективная организация никогда не вступало с другими организациями в полемику и не составляло им конкуренции (и это похвально), а только давало приют в своих стенах, заходя в своем гостеприимстве так далеко, что гости не раз забывали даже об обязанностях гостя перед хозяином.

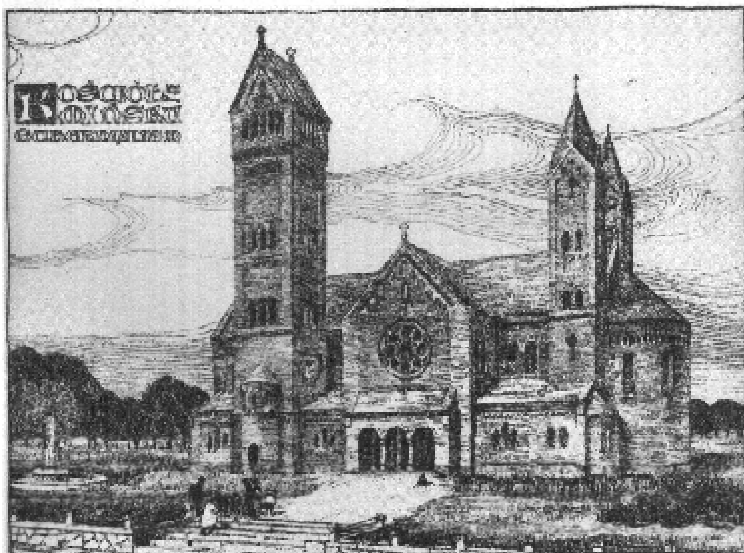
На этом я хочу закончить свои воспоминания, касающиеся деятельности Аграрного общества. Возможно, не один раз в дальнейшем я буду возвращаться к этой теме, так как Общество концентрировало в себе все жизнеспособные силы страны, участвовало во всех основных областях жизни провинции, часто ими управляло, и всегда решительно высказывалось по тому или иному вопросу. Но эта характеристика была бы неполной, если бы я не рассказал об обедах, устраиваемых моей сестрой Ядвигой Костровицкой при проведении общих собраний Общества. О сестре, как и о себе, писать не совсем удобно, но умолчать о той роли, которую она выполняла в жизни нашей организации, я не могу. Интеллигентная и гостеприимная женщина, активно занимающаяся общественной жизнью, она устраивала в Минске для участников общих собраний «политические обеды», на которые от ее имени я приглашал приезжих делегатов, а также известных членов Общества.

Сложно перечислить всех тех, кто побывал в ее салонах. Не было ни одного вопроса, какой бы не

затрагивался на этих обедах, связанных с деятельностью Общества, а позже не выносился бы на общее обсуждение и утверждение. Дискуссии проходили оживленно, каждый свободно мог высказать свои взгляды и убеждения. Старка и вино под остроумную шутку хозяйки оживляли банкеты, попасть на которые считалось большой честью, и мне как председателю легче было ориентировать гостей на коллективный труд, а также сглаживать существующие различия в их взглядах и мнениях. Отмечаю огромную заслугу своей сестры и благодарю за плодотворное сотрудничество.

Собрания Аграрного общества и заседания совета проводились на официальном языке и на этом же языке протоколировались. Однако, согласно актам так называемой свободной эпохи, на основании постановления Кабинета Министров от 1 мая 1905 г. общее собрание 6 декабря 1905 г. я открыл на польском языке, предупредив участников о возможности перевода на официальный язык для тех, кто не понимает польского языка. Перевод не понадобился, а реакция зала была ошеломляющая.

Но вскоре после этого мы получили от губернатора предупреждение и разъяснение из Министерства, что Аграрное общество как организация, подчиненная Министерству, и отчитывающаяся перед ним, должно пользоваться на заседаниях официальным языком. После 12-летнего перерыва, вернее, после февральских событий 1917 г., а именно 5 марта 1917 г., мы опять вернулись к своему языку. Неизвестно, как надолго.

KOŚCIÓŁ POD WEZWANIEM ŚŚ. SYMEONA I HELENY W MIŃSKU LITEWSKIM

Костёл святых Симона и Елены в Минске

IV

После длительного рассмотрения в верхах и взвешивания властями различных концепций, направленных на сокращение участия местного помещичьего элемента в деятельности, связанной с самоуправлением, наконец-то очередь дошла и до Минской губернии. Вопрос стоял о передаче в ведение земств финансовых, экономических и культурных вопросов. Все это проводилось с огромным опозданием, поскольку правительство по-прежнему сомневалось в «лояльности» наших землевладельцев и страстно желало сохранить в Крае действие «исключительного права». Поскольку я с самого начала, т. е. с 1903 и до 1917 гг. был членом уездного и губернского земств, с небольшим трехлетним перерывом во время работы в Государственном Совете, считаю свим долгом представить весь процесс создания земских институтов в губернии.

Перед вступлением в силу 1 июня 1903 г. в Минской губернии «Положения об исправлении земского хозяйства», принятого 2 апреля 1903 г., Минск посетил министр внутренних дел В. К. Плеве в сопровождении Н.А. Зиновьева – будущего члена Госсовета, а также Любимова – чиновника

по особым поручениям, будущего Варшавского губернатора. Время уже было беспокойное, за министрами охотились, поэтому в город Плевэ ехал с вокзала окольными путями, с зашторенными окнами кареты. Карета въехала прямо во двор здания губернского правления, где в зале заседаний его уже ожидали собравшиеся представители различных учреждений, в том числе и президиум совета Аграрного общества. После заседания последние были приглашены в его кабинет, где и ознакомлены с намерениями правительства ввести у нас земское самоуправление, но на специальных для нашего Края условиях. Он при этом поинтересовался, пожелают ли местные землевладельцы участвовать в этих институтах. Я ответил, что все «исключительные права» мы рассматриваем как унижающие наших землевладельцев, которые всегда охотно отзываются на любое приглашение правительства и всегда добросовестно выполняют свои обязанности, не давая, таким образом, никаких оснований для недоверия. В связи с этим мы требуем уравнивания нас в правах с землевладельцами внутренних губерний России. Но, поскольку мы руководствуемся принципами участия в любой деятельности, связанной с нашим краем, заявляем, что будем принимать участие во вновь создаваемых институтах.

Министр ответил, что не следует новые законы воспринимать как некое «исключительное право», так как подобным образом планируется реформирование земств во всей России, а Минская губерния должна подтвердить целесообразность этих намерений. На этом заседание закончилось. Я останавливаюсь на тех событиях подробно, чтобы показать, какое реакционное настроение уже тогда преобладало, особенно, если учесть, что согласно закону от 2 апреля 1903 г., вся деятельность должна была концентрироваться в губернских земствах. Об уездных земских собраниях даже не упоминалось. На губернских земских собраниях должно было соблюдаться численное преобладание назначенных правительством членов «wiryliści», и по два представителя от каждого уезда.

Нельзя сказать, что этот постепенный переход от

управления «губернского распорядительного комитета» к земскому, даже в рамках закона 1903 г., был для нас бесполезным. Мы, лишённые возможности в течение ряда лет принимать участие в экономической и культурной жизни Края, на первых заседаниях чувствовали себя слепыми котятками.

Но постепенно начали ориентироваться, «брать быка за рога» и, несмотря на то что количество оглядывающихся на мнение председательствующего губернатора было преобладающим, силой аргументации и неоспоримым стремлением к цели, далеко не второстепенным, а ради блага общества, мы заслужили себе авторитет и в основном свои идеи претворяли в жизнь.

Поскольку все считали закон 2 апреля 1903 г. временным, назначенные члены стремились как можно быстрее ликвидировать земский капитал, полагая, что введением хронической задолженности как в центральной России, так и в Минском земстве, они выполнят свою задачу. Мы же, представители землевладельцев, наоборот, стремились сохранить этот капитал до тех пор, пока не наступят равноправие и лучшие времена. Мы надеялись, что и в России станет возможным развитие и прогресс по человеческим и Божьим законам. Но этих лучших времен мы не дождались, и земский капитал потеряли. Из того, что осталось в памяти: на 1 июня 1903 г. мы имели дорожного капитала – 1 799 324 рубля; добровольного страхования – 1 112 366 рублей; обязательного страхования – 1 125 554 рубля; попечительских учреждений (приказ общественного призрения) – 381 831 рубль; всего – 4 419 075 рублей. Где эти средства сейчас? А сколько миллионов долга у нас? И что-то не видно, чтобы они отразились на благосостоянии и упорядочении Края.

Болезнь этих земско-бюрократических учреждений хорошо понимало правительство, но в связи с преобладанием в Западном крае польской интеллигенции боялось предоставить им полные права, которыми пользовались земства в центральной России. Оно долго над этой проблемой работало и обдумывало, и, наконец, закон от 14 марта 1911 г. после

контрассигнации Столыпина высочайшим указом был принят.

Несмотря на то что эти права прошли на основании §87 основного государственного законодательства, т. е. в перерыве между заседаниями законодательных палат, однако, на саму концепцию большое влияние оказали националистические партии: в Государственном Совете группа Нейхардта, а в Думе – партия Балашова. И как это не раз случалось, зло оборачивалось добром. Польские землевладельцы получили постоянное количественное превосходство в земствах, хотя и урезанное тенденциозной статистикой, но, во всяком случае, зависящее только от своих выборов, в то время как российские землевладельцы стали зависимы от выборов крестьянской курии. Так что нашим депутатам в законодательных палатах доводилось бороться против закона от 14 марта 1911 г. из принципа, как против «исключительного права». В самом деле, ликвидация в законе от 14 марта отдельной польской курии могла бы нас отстранить от участия в земских правах. Так называемые «стольпинские» земства существовали до середины 1917 г., последнее заседание проходило в Минске 24 июня 1917 г. в доме губернатора, и уже в так называемом «демократическом» составе, так как кроме бывшего состава членов присутствовали новые члены, делегированные волостными комитетами. Главной задачей этого собрания было найти деньги, даже путем займа из «неприкасаемых» фондов, так как не только «буржуи», но и «товарищи», и главным образом эти последние, никаких налогов платить не желали, поэтому и кассы земств были пусты. Позже были объявлены новые выборы волостных депутатов в земства, на которых уже ни один из землевладельцев не прошел, а прошли только большевистские крикуны и любители хорошо оплачиваемых земских должностей, поэтому и бюджет, например, Слуцкого уезда с полумиллиона рублей в 1917 г. вырос до трех миллионов рублей в 1918 г.

«Стольпинские» земства немногим отличались от предыдущих учреждений «по делам земского хозяйства». Только местные проблемы решались уже не только на

губернском собрании, но и на уездных, отличающихся постоянным и вполне оправданным стремлением к автономии и к стремлению к более сбалансированным налогам, удерживаемым с уездов, а также к удовлетворению нужд этого же уезда. Численное преимущество как на уездных, так и на губернских собраниях в этих условиях имели по-прежнему назначенные члены, к мнению которых обычно прислушивались крестьяне, традиционно воспитанные в духе уважения к властям, хотя иногда встречались и противоположные случаи. Однако голос польских землевладельцев, обычно звучащий серьезно и вселяющий надежду на справедливость, много значил в зале.

На губернских собраниях среди польских депутатов тон задавали: депутат Речицкого уезда, зажиточный землевладелец Михал Ястжембский, великолепно разбиравшийся в бухгалтерии и финансовых вопросах. Он пользовался большим авторитетом в комиссии по вопросам финансов и бюджета, легко ориентировался даже в самых запутанных вопросах; Роман Скирмунт, депутат от Пинщины, который обычно своим ораторским искусством и умением убеждать приковывал внимание собрания. И если мы уступали, то только будучи заброшенными шарами для голосования, а не аргументами.

Назначенные члены, например, маршалки, председатели «управы» и т. д. обычно руководствовались подсказками губернской канцелярии, а крестьянские представители, насколько они были полезными в уезде, представляя местные нужды, настолько в губернии шли вслед за мнением административной власти в надежде получить ярлык «благонадежности» и выбить для себя место депутата в Думе. Это обеспечивало им не только уважение односельчан, но и хорошие командировочные, на которые можно было приобрести приличный кусок земли.

В 1903 г. ко всем моим обязанностям прибавилась опека над Несвижским и Клецким майоратами князей Радзивиллов. Вначале она была номинальной, поскольку касалась всего лишь персоны и интересов душевнобольного князя Ежи, на что я получил мандат 20 июля 1903 г. А затем,

в связи со смертью князя Антония, на основании мандата от 11 декабря 1904 г., под мою опеку переходил весь фонд. Я вынужден был взять под опеку внуков вместе с княгиней Марией Радзивилл из Браницких, супругой князя Ежи. Князь Антоний – флигель-адъютант и личный друг императора Вильгельма I, владелец Несвижского, Клецкого и Давид-Городокского майоратов, генерал немецких артиллерийских войск. Он постоянно проживал в Берлине, но на летний период всегда приезжал в Несвиж со своей женой Марией – графиней Кастелляне, внучкой Талейрана. Он всегда навещал меня, охотно попивая за завтраком «старку» или сухое венгерское вино, при этом засыпая меня своими проектами и анекдотами, напоминающими юмор «Пане Коханку». Породненный с Берлинским Двором и пользующийся там уважением, он часто выполнял дипломатическую миссию. Хорошо был знаком и с европейскими дворами, наверное, не было ни одного ордена, которого бы он не имел.

Был отцом четверых детей: старшего сына, Ежи, будущего владельца Несвижского и Клецкого майоратов, женившегося на Браницкой; Станислава, женатого на княжне Радзивилл, дочери князя Доминика из Балиц; дочь Эльжбету, супругу графа Романа Потоцкого из Ланьцута и младшую дочь Хелену, супругу графа Юзефа Потоцкого. Двое сыновей как прусские подданные в свое время проходили военную службу в Берлине в качестве гвардии офицеров, позже приняли российское подданство, чтобы не потерять право наследования родового имущества в Беларуси. Принятие этого подданства происходило в ускоренном темпе благодаря существующим в то время связям между Берлинским и Петербургским дворами, а также личным связям супруги князя Антония со всемогущим тогда министром, графом Витте. Иначе, князь Ежи лет пять жил бы в Несвиже, прежде чем была бы принята присяга на подданство. А князь Станислав, который добровольцем вступил в отряд забайкальских казаков во время Японской войны, «ex nunc» получил офицерский ранг и разрешение на подданство. Князь Ежи Радзивилл от жены Марии, дочери графа Владислава Браницкого из Белой Церкви, имел шестерых детей – троих

сыновей: Альбрехта, Кароля и Леона, и трех дочерей: Розу, которая была замужем за князем Людвигом Светополк-Четвертинским, Тересу, супругу князя Любомирского из Ровно, а также Эльжбету, супругу графа Альфреда Тышкевича.

С годами у князя Ежи развилась душевная неизлечимая болезнь, которая проявлялась в нарастающем параличе. Благодаря стараниям отца, князя Антония, он был направлен в Вену на обследование, где ему и поставили диагноз – невменяемый. Там же, в Вене, он находился в отдельной вилле под наблюдением доктора и прислуги, специально присланной туда из Несвижа, где и провел остаток своей жизни.

Князь Антоний, желая урегулировать наследственные вопросы согласно своему волеизъявлению, еще при жизни выхлопотал в Петербурге в Министерстве право на учреждение опеки над фондом, несчастным сыном и его детьми. Он поручил опеку мне, на что я должен был выразить согласие не только по причине моего личного отношения к майорату, но и потому, что радзивилловское состояние, включающее три вышеупомянутых майората и составляющее 400 000 десятин (Несвижский и Клецкий около 135 тысяч и Давид-Городокский – около 300 тысяч), представляло собой внушительную часть Края и было связано с жизнью большого количества административных работников, арендаторов и мелкопоместной шляхты. Я считал, что не в праве отказаться от такого доверия, полагая, что подобным образом смогу быть полезным людям и Краю. Вступая в более серьезные и тесные отношения с семьей Радзивиллов, я не хотел делать это без присутствия официального лица. Поэтому попросил супругу князя Антония предварительно оформить просьбу в письменной форме; а с целью взаимопонимания с супругой князя Ежи и разъяснения ей намерений свекра, специально поехал в Белую Церковь, где и был любезно и гостеприимно принят графиней Марией Браницкой из Сапегов. Погостив несколько дней, я отбыл обратно, довольный результатами поездки.

Первый год моя опека носила формальный характер, поскольку владелец майората князь Антоний как отец управлял всем при помощи уполномоченного майората

достопочтенного Михала Свида. Но очень скоро – 4 декабря 1904 г. – он умер в Берлине. С 11 декабря 1904 г. осуществление опеки перешло ко мне и к матери несовершеннолетних княжичей Марии из графов Браницких. Как только самый старший сын Альбрехт достиг 21-летнего возраста, я сразу же постарался привлечь его к участию в попечительстве, не желая единолично нести ответственность за ведение многочисленных и серьезных дел. Осуществлял опеку до 28 декабря 1914 г.

Жена князя Антония пережила своего мужа, все это время находясь в Берлине и поддерживая постоянные контакты с немецким Двором. Ей удалось до конца жизни сохранить за собой жилье на Паризенплац № 5, получая по завещанию мужа пенсию и доходы от находящихся в Силезии «Кляйнитц», оставшихся после Талейрана. В Несвиж она приезжала только несколько раз: на похороны мужа и с целью раздела имущества между сыновьями.

Похороны князя Антония были пышными, согласно статусу покойного. Присутствовали генерал Дрентельн в качестве представителя российского императора, а также генерал граф Альвенслебен как представитель императора Вильгельма. Следовательно, и соответствующий этикет должен был быть сохранен. Присутствовало большое количество родственников и знакомых, военные почести отдавал направленный сюда «ad hoc» отряд кавалерии в сопровождении многочисленных, облаченных в новую униформу, представителей лесной охраны княжеских владений. Я вспоминаю, что когда был дан знак приглашать на обед, молодая хозяйка, жена Ежи, не зная, кому из представителей отдать первенство, вышла из сложной ситуации призывом: «Messieurs les Empereurs avancez”. Первым вошел генерал Дрентельн как представитель монарха, правящего в Крае.

Раздел огромного состояния проходил в присутствии вдовы князя Антония и согласно завещанию князя на удивление быстро, в полном согласии. В течение нескольких часов все вопросы были решены и подписаны: с одной стороны, владельцем Давид-Городокского майората князем

Станиславом, с другой стороны – опекунами Несвижского и Клецкого майоратов. Никогда по причине раздела между сторонами недоразумения не возникали, что я подчеркиваю с особым удовлетворением.

Вдова князя Антония, придворная дама, проникшаяся традиционными отношениями между Радзивилловским домом и Гогенцоллернами, несмотря на свое иностранное происхождение, многое сделала для сохранения и процветания майората. Я уже не говорю о решении матримониальных вопросов своих детей, в результате которых большое белоцерковное богатство в качестве приданого супруги князя Ежи присоединилось к радзивилловскому дому, а второй сын, князь Станислав, был обручен с графиней Хотек, сестрой наследницы австрийского трона. Реставрация Несвижского замка, закладка Альбанского и Замкового парков, упорядочение архивов, реставрация исторических портретов и картин, отделка большой столовой деревянными панелями, привезенными из одного из итальянских храмов, наконец, извлечение из фондов Эрмитажа в Петербурге части замкового золотого фонда, разграбленного после разделов Речи Посполитой – все это было сделано благодаря стараниям вдовы князя Антония.

Умерла она в Берлине в годы последней войны, и из всего княжеского рода только дочь графа Романа Потоцкого могла присутствовать на похоронах, так как проживала в австрийском кордоне. Предполагалось, что богатство ее «Клейнитц» перейдет к младшему сыну Станиславу, но, поскольку князь служил в российском войске, прусское правительство забрало его в секвестр.

Все вопросы, касающиеся опеки, решались при самом активном участии княгини Марии Радзивилл из графов Браницких. Рано выданная замуж, обаятельная наследница огромного состояния, малопосвященная в материальные дела, она, когда понадобилось, самые сложные вопросы решала быстро и легко, благодаря своему здравому и трезвому уму; переполненная любовью к своему краю и в силу своих обязанностей, всегда оказывалась на высоте при решении стоящих перед ней задач. Мы работали вместе в

полном согласии, и никогда с ее стороны я не чувствовал даже самого малого недоверия или огорчения, хотя случаи бывали разные.

Например, при осуществлении уполномоченным неудачной сделки, связанной с продажей осинового дерева в Денисковских лесах: в лесу не хватило проданного материала, поэтому необходимо было уплатить неустойку по контракту, составляющую огромную по тем временам сумму – 250 000 рублей. Потерю эту из собственного кармана возместила супруга князя Ежи. Михал Свидя после неудачной сделки сохранил свое место главного уполномоченного в майорате как проверенный временем друг радзивилловского дома, опытный работник еще со времен, когда князь Матвей Радзивилл из Полонечки управлял майоратом. Он не искал новых путей, но хранил старый порядок вещей, что в опекунской деятельности было весьма полезным.

Покойный князь Антоний был первым владельцем Несвижского и одновременно Клецко-Давид-Городокского майоратов. Последний перешел к нему после князя Леона, флигель-адъютанта императора Александра II по линии Неборовских, который еще в юношеском возрасте потерял родителей и воспитывался в пажемском корпусе, а затем вступил под давлением в брак с княжной Урусовой, известной своими тесными отношениями с императором Николаем I. Однажды, когда молодой офицер, князь Леон Радзивилл, на одном из придворных балов пригласил танцевать княжну Урусову, к ним подошел император и сказал: «Я вижу, что княжна Урусова очень тебе нравится, я могу вас сосватать». Опешивший князь Леон начал было объясняться, что он не настолько богат, чтобы думать о женитьбе, так как его владения находятся в состоянии долга и не приносят доходов. На что царь ответил, что купит у него «Старый Борисов» – владения, находящиеся в Беларуси и представляющие собой территорию, почти полностью покрытую лесом, около 200 000 десятин на Березине, а также велит решить проблему долгов.

С Николаем I шутить было опасно, и Борисовщина, по

велению его высочества, была оценена управлением государственной казны, а затем уже за установленную цену куплена для сына Николая. Назначенная «ad hoc» комиссия приняла решение, что, согласно майоратским уставам, майорат не может быть обременен долгами, превышающими стоимость его 1/4 части, тем самым, выделяя как бы четвертую часть имений, доходы которых должны направляться на погашение долгов отца князя Леона Людовика, и его деда, Юзефа.

Эти якобы 1/4 и 1/16 части даже фонда не составляли. Кредиторы были удалены из имений, которые они держали за бесценок, но на основании залогового права должны были питать надежду, что, может, хотя бы их внуки получат то, что им причитается. Тем более, что при аренде имений, так называемой «четвертой части», как и при осуществлении платежей, происходила шокирующая несправедливость, в связи с чем задолженности в майорате можно было приобрести за 1/5 – 1/10 часть их стоимости, если кто-либо не мог дожидаться оплаты.

У князя Леона жены и детей не было, поэтому новая православная ветвь в радзивилловском доме не возникла, тем более что с женой он быстро расстался. Княгиня осела в Париже, получая до самой смерти ежегодную ренту почти в 18 000 рублей из фонда мужа. Князь же продолжал заниматься военной карьерой при дворе, наезжая время от времени в свою резиденцию в Радзивиллмонтах, с целью приятного времяпрепровождения во время охоты на крупного зверя, так как был страстным охотником, а Денисковская и Гресская пуши никогда не подводили. Он был известен своей несдержанностью.

Рассказывали, что он однажды даже застрелил ямщика, который не хотел гнать лошадей галопом. Составившимся и больным с высочайшего согласия и не без влияния Берлинского двора, он уступил за пожизненную оплату в 30 000 рублей в пользу князя Антония Клецкий и Давид-Городокский майораты с многочисленным имуществом, как Гресск, Потейки, Столовичи и Тимковичи, но с сохранением права на охоту. Уже в качестве нового хозяина

князь Антоний устраивал большую охоту в денисковских лесах для тогдашнего преемника трона Вильгельма II, которая отражена в прекрасных акварелях Фалата. Благодарную память о гостеприимстве Несвижского замка император сохранил, и когда немецкие войска заняли Несвиж, Вильгельм несколько раз телеграммами приказывал оккупационным властям взять под свою опеку замок в Несвиже и могилы владельцев майората в костеле.

Большой раздел посвящен Радзивиллам, поскольку их владения занимали большую часть моего уезда, и масса людей, будь-то арендаторы или лесники, судейские чиновники или мелкопоместная шляхта, с ними были связаны. А мелких поместий здесь было очень много. Радзивиллы, как я уже подчеркивал, охотно их создавали, получая в лице осевшей шляхты военную силу и свои голоса на сеймиках. Когда позже такая потребность отпала, а обязанность поставок всадника и коня со сбруей от надела должна была быть уравновешена соответствующими оплатами, начались бесконечные конфликты и процессы, которые, за небольшим исключением, были ликвидированы аграрными законами 1886 г. (оборочники) и 1893 г. (православные арендаторы).

Город Минск накануне восстаний имел, кроме Кафедрального (rożejzuckiego) костела, еще храмы при орденах Доминиканцев, Бернардинцев, Бернардинок и Бенедиктинок, не считая приходского костела, расположенного за городом, на так называемой «Золотой Горке». После упразднения орденов и закрытия костелов к 1863 г. в Минске остался только один храм, бывший Кафедральный, который даже не помещал всех верующих, тем более что за 40 лет увеличилась численность населения. По большим праздникам, даже в сильные морозы и метели можно было увидеть толпы верующих, заполняющих площадь во время богослужений, находящуюся между Кафедральным костелом, домом губернатора и Собором.

Необходимость возведения второго храма в районе Брестского вокзала, в направлении которого расширялся город, чувствовали не только духовные власти, но и городские, а также высшая администрация Края, которая

неохотно воспринимала эти внешние проявления католической набожности. С целью построения нового храма или же возвращения отобранного после восстаний был создан городской комитет под председательством Михала Воловича. Однако все благие намерения разбивались из-за отсутствия средств, а также невозможности получить разрешение на строительство нового костела.

Господь распорядился иначе. В связи с тяжелыми ударами судьбы, которые по воле Всевышнего обрушились на меня, я решил сделать пожертвование путем построения храма Святых Симона и Елены – покровителей моих умерших детей. Для этой цели я выбрал Минск как город, которому я отдал большую часть своей общественной деятельности, и который больше всех нуждался во втором костеле. Я хотел, чтобы Минск имел храм, выделяющийся на фоне современных новых строений.

Полагал также, что невозможно, чтобы среди молящихся на новом месте никто не вспомнил о меценате и «Ангела Господнего» не прочитал за меня и за моих умерших деток, последних потомков нашего древнего рода.

В 1904 г. я предложил комитету по строительству свое желание построить костел на собственные средства, если городские власти выделяют место для костела, если я сам дам ему название, и никто в строительные дела и выбор стиля архитектуры вмешиваться не станет.

Город и комитет охотно откликнулись на мое предложение. Была избрана делегация, с которой я тут же выехал в Петербург. Мы передали свою просьбу тогдашнему министру внутренних дел князю Святополк-Мирскому. Разрешение на строительство было получено быстро. 19 мая 1905 г. я получил сообщение от комитета, что площадь, предоставленная нам на пересечении улиц Захарьевской и Трубной, от всяких построек очищена и можно приступать к строительству.

Я начал выбирать образцы и рассматривать различные архитектурные решения. Мне не хотелось останавли-

ваться на готическом стиле, во-первых, потому, что он стал слишком распространенным благодаря запланированному построению католических храмов в России, а во-вторых, слишком отличался от храмов восточных обрядов, существующих в нашем Крае. Этот стиль акцентировал бы внимание на отличии вероисповедания разных социальных классов, поскольку большая часть крестьян была православной, а землевладельцы – католики. Поэтому я остановился на романском стиле, процветающем в эпоху согласия между Восточной церковью и Римом.

В это же время мне на глаза попала иллюстрация с изображением костела в Ятросине под Познанью, построенного князьями Чарторыйскими по проекту архитектора Пайздерского. Я тут же направился в Варшаву, где Пайздерский, состоявший в браке с известной актрисой Хайота, преподавал в Школе изящных изобразительных искусств. Изучая проект Ятросинского костела и сравнивая его с изображением уже существующих в нашем Крае немногочисленных архитектурных памятников в романском стиле, а главное с храмами *padreńskimi*, под воздействием моих реминисценций от итальянских путешествий, мы с художником остановились на одном из проектов. Проект с Божьей помощью буквально в течение нескольких лет был осуществлен и освящен прелатом Его Святейшества, достопочтенным моим коллегой по Петербургу ксендзом Витольдом Чечотом.

Мне на всю жизнь запомнились минуты, когда, кроме меня, моей семьи и духовенства, участвующего в торжественном богослужении, в костеле никого еще не было. Под звуки песни «*Twoja cześć Chwała, Przedwieczny Panie*» распахнулась двустворчатая дверь храма, и толпа людей медленно начала вливаться в костел, повторяя вслед за священниками священные слова молитвы; и я подумал, невозможно, чтобы столько молитв, возносимых к нашему Господу-Заступнику, не были Им услышаны... А теперь я уже и не знаю, пошлет ли нам Господь Бог хотя бы спокойную смерть.

Строительством костела вначале занимался сам

Пайздерский, но поскольку он, как иностранец, не имел на это формального права, официально его замещал инженер Свентицкий, а когда во время строительства Пайздерский умер, дело до конца доводил архитектор Гай, из Варшавы.

Чтобы сохранить единый стиль и характер построения, Пайздерский сам выбирал образцы для всех деталей, включая дверные петли и ручки. Все, что было возможно, делалось собственными силами. При этом преследовались две цели: заинтересовать местное население в строительстве храма и дать ему возможность заработать. Большие проблемы были с фасонным и облицовочным кирпичом, который пришлось упакованным привозить из Ченстохова, а черепицу – из Вроцлава. Фундамент здания был освящен в 1906 году 6 сентября ксендзом прелатом Михалкевичем (позже администратор Виленской епархии) в присутствии огромного количества верующих. Богослужение проходило под специально сооруженным навесом, во время которого тогдашний губернатор Эрделли вместе со всеми верующими встал на колени, а затем подписал акт торжественной закладки.

Я вспомнил архитекторов и руководителей строительных работ, но особенно хочу отметить самоотверженность и огромную долю труда достопочтенного Витольда Лопотта, члена совета Аграрного общества и управляющего директора Общества взаимного аграрного страхования, а главное – самого лучшего моего друга. Он с первого дня строительства взял шефство над распределением финансовых средств и всеми проводимыми работами и, можно сказать, «не присел» отдохнуть, пока не довел все до конца. Для сохранения единства стиля все камнетесные и скульптурные работы внутри костела: алтари, амвоны, балюстрады, полы и т. д. были поручены весьма талантливому мастеру Зигмунду Отто из Варшавы.

Амвоны, балюстрады и полы пожертвовала для костела моя супруга Олимпия, дочь Марка и Матильды из рода Войниловичей-Узловских, герба «Топор». Этот герб рядом с моим гербовым щитом часто встречается в орнаментах костела. Впрочем, никаких пожертвований на

строительство костела я не принимал, желая только самому принимать в нем участие. Сразу же после окончания строительства я передал комитету 1 000 рублей, переданных моим другом Александром Болтуцем на изготовление колоколов, и 200 рублей, пожертвованных на органы некой Шантырувной. Принята была также от семьи Скирмунтов из Поречья старая икона Божьей Матери с соответствующей эпитафией, а также чудесная скульптура распятия, выполненная из дерева, напоминающая творчество Вита Ствоша. Она была доставлена из Слуцкого Фарного костела, бывшего владения Зигмунда Кейстутовича.

С целью завершения интерьера мной был подписан договор с известным краковским художником Франтишком Бруздовичем, который на основании утвержденных мной этюдов начал выполнять полихромную живопись, работу, которая была прервана военными событиями. Леса стоят, покрасочные работы выполнены наполовину, а художник как иностранный подданный интернирован в Харьков. Когда он вернется, не знаю, буду ли я жить, хватит ли мне средств на завершение работ, лишь одному Господу известно. В худшем случае, полагаю, что усердный ксендз Жолондковский, который так заботится об украшении храма, с Божьей помощью и помощью прихожан, наверное, «рук не опустит». Возле храма, сбоку от небольшой каплички я поместил выполненную на предприятии «Братя Лопеньские» бронзовую копию Матери Божьей, аналогичную той, которая стоит на наших родовых погребениях в Савичах, и которая стала предметом особого поклонения верующих.

На фронте внутренней галереи были помещены мое и жены изображения с надписью на латыни: «A. M. D. G. Templum hoc piae memoriae liberorum suorum Simeonis MDCCCLXXXV † MDCCCXCVII ET Helenae MDCCCLXXXIV † MCMIII c. Olimpia Uzłowska coniuge procreatorum dedicat vovetque Eduardus Woyniłowicz A. D. MCMVII”.

Пусть все служит делу прославления Господа Бога!

Минск. Виленский вокзал. Начало 20-го века.

V

Большие преобразования, осуществляемые в период правления Александра II (освобождение крестьян, реформа судебной системы, обязательная военная служба, введение института земств и т. д.), несмотря на то что их либеральный характер в конце его правления, а затем в период правления Александра III был искажен, сделали свое дело.

Присыпанный пеплом тлеющий огонь в очагах свободолюбивых мыслей поддерживался до тех пор, пока вихри Японской войны не сдернули холодную пелену и не начали раздувать пока еще скрытые желания. К сожалению, это предчувствовали лишь немногие российские государственные деятели, которые пытались свободолюбивое движение направить в нужное русло, чтобы им управлять и не позволить выплеснуться наружу. Их усилия были запоздавшими, но дали бы результаты, если бы были правильно восприняты и осуществлены верховной властью. Для представления полной картины следует подчеркнуть некоторые начинания. Одним из таких шагов, несомненно, стало создание по инициативе графа Витте и утверждение 22 марта 1902 г. вышестоящими органами так называемого «особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Совещание имело достаточно обширную

программу, которая при хороших намерениях участников и поддержке высших властей могла бы решить многие проблемы в общественной, экономической и даже политической жизни всей империи. Аналогичные совещания были созданы в каждой губернии. Принятые резолюции должны были обсуждаться на центральном совещании в столице, а на их основании осуществляться некоторые законодательные реформы с целью удовлетворения краевых нужд. Одним словом, программа напоминала бывший проект Лорис-Меликова, о котором я упоминал выше “ex re” Смоленского съезда 1881 г., но большей по объему и смелой по содержанию. Однако, похоже, России суждено было стать не на путь эволюции, а революции.

Проекты Лорис-Меликова были прерваны мартовской катастрофой на Екатерининском канале, а проекты графа Витте были сметены бурей Японской войны.

В Западном Крае такие губернские советы состояли из многочисленных, назначенных свыше и обеспечивающих правительственное большинство делегатов. Но и представительство землевладельцев, приглашенных губернатором, также было достаточно большим. В связи с тем, что 10 июня 1902 г. я был приглашен на эти совещания, как вице-президент Аграрного общества, то имел возможность работать над всеми пунктами параллельно: на губернских совещаниях и в Аграрном обществе, что и делал добросовестно и с большой ответственностью. Труды эти были опубликованы и представляли собой серьезную брошюру, свидетельствующую о способностях нашей организации осуществлять подобные разработки. За дело брались очень активно – люди еще верили, что их труд принесет хотя бы в будущем пользу нашему Краю. Мне кажется, что это был период самого интенсивного труда в Обществе. Некоторые разделы брошюры были направлены в столицу, другие же представлены на губернское совещание.

Первое совещание в губернии проходило 25 июля 1902 г., но это было всего лишь организационное заседание. Основная же работа на заседаниях началась в Минске 16 января 1903 г. и продолжалась дней десять под председа-

тельством губернатора, графа Мусина-Пушкина. Папки с протоколами заседаний, проводимых одновременно по всей России, оставались на стеллажах департаментов столицы и покрывались пылью забвения. Однако данный процесс, проходивший с большей или меньшей интенсивностью по всей стране, пробуждали общественные силы, и если бы они были приняты за основу реформы, то в корне изменили бы государственный строй. Если бы реформа пошла нормальным путем, она бы предопределила будущее России, но Японская война, которая обнажила гнилость всей системы, дала дополнительный импульс диверсионным действиям.

Помню, в 1904 г. я находился в Варшаве, когда стало известно об объявлении Японией войны и почти в тот же день о потоплении японцами двух больших российских линкоров «Ретвизан» и «Цесаревич», как раз во время пиршества, устроенного адмиралом Алексеевым, тогдашним наместником на Дальнем Востоке.

Война эта с самого начала не была популярной. Развязанная в результате чрезмерных аппетитов частной компании, эксплуатирующей несметные лесные богатства в русле реки Ялу, в Корее (фамилия инициатора Безобразова связывалась с именами правящей семьи), она велась на самых отдаленных окраинах огромной страны. Казалось, что в связи с огромной территорией и численным превосходством населения России, война закончится быстро и триумфально. Уже потирали руки генералы и министры, жадные к наградам и дарственным записям, потирали руки и предприниматели, заранее подсчитывающие огромные доходы. А народ только теперь начал изучать географию далеких окраин и узнавать, какие у него серьезные интересы там, далеко, на берегах Тихого океана.

Ход военных действий, естественно, не может стать предметом моих заметок. С каждым днем в ходе войны все сильнее проявлялся хаос, существующий в государственной системе: неготовность к войне, взяточничество в администрации, храбрость солдат, но бездарность командования и бездонная «бочка Данаид», в которую попадал и в ней исчезал национальный капитал. Начались волнения в

войсках, нарастало недовольство народных масс. Ситуацию не могли изменить, как это бывало раньше, ни частые поездки императора по стране, ни благословления иконами в военных лагерях отправляемой на Дальний Восток провизии. Заметным становилось снижение авторитета «власть имущих». Над головой самодержца начал исчезать ореол Помазанника Божиего.

Во время одного из проездов императора через станцию Барановичи велено было собрать на ней землевладельцев и крестьян. Уже само количество войск, направленных на охрану путей, и принятые на станции меры предосторожности свидетельствовали об отсутствии доверия правителя к своим подчиненным.

Поезд остановился, император вышел. Звучала мелодия национального гимна, и дружное «ура», выкрикиваемое толпой крестьян. Он пожал руку выстроившимся на перроне помещикам, принял рапорт и, не выступив с речью, уехал на юг отправлять на фронт дополнительные войска. Аналогичная церемония повторилась в Минске, где нас собрали на станции Либаво-Роменской железной дороги, лишь только с той разницей, что губернский маршалок по долгу службы и от имени шляхты передал собранную на военные нужды, насколько я помню, сумму в 20 000 руб. Император опять не выступил перед собравшимися, да и радоваться, собственно, было нечему: за несколько часов до этого была получена депеша о падении Порт-Артура.

Мукден, а затем Цусима, наконец-то, заставили Российское правительство серьезно задуматься над сложившейся ситуацией, хотя уже было поздно, поскольку разложение в войсках достигло своего апогея. Войска, отступая после поражения, создавали по пути различные сибирские республики, а в это время в государстве проходили съезды и собрания, на которых пытались перещеголять друг друга идущими далеко запросами. Постулаты, формулируемые на «особых совещаниях», о которых я писал раньше, уже были недостаточными, так как центробежные волны распространяли все шире и глубже волнующиеся круги. К этому движению начали присоединяться и даже доминиро-

вать демократические, а скорее, анархические, общественные слои – и, как обычно бывает, инициаторы движения – «земцы» оказались обойденными теми, кого они вначале привлекали к участию в движении.

Специфика этого движения тем и отличалась, что было оно не национальным, а государственным. Возникло не как обычно, на обособленных окраинах, «легких на подъем» в случае любых волнений, касающихся неудовлетворения своих требований автономии, а, наоборот, это движение исходило из глубины России, иницировалось земским самоуправлением и вовлекало свои «кресовые» провинции во всеобщий протест против существующего порядка. Происходило нечто необычное: на съездах «земцев» в России можно было увидеть представителей не только окраин, но и Королевства, до сих пор подчеркивающих своеобразие и отличие своей культуры и политических прав от остальных территорий государства и раньше не принимавших участия в российских волнениях.

Поскольку вся жизнь провинции концентрировалась в Аграрном обществе, единственной коллективной организации земской интеллигенции, естественно, что новые течения при помощи прессы или отчетов участников земских съездов не могли не отразиться на настроениях общих собраний Общества и на предложениях, вносимых время от времени членами в совет Общества. Совет как страж легальности собраний и уставных положений должен был не один раз сдерживать порывы выступающих и авторов проектов, чтобы не подвергать опасности существование самого Общества, по-прежнему находящегося под наблюдением «бдительного ока» местной администрации. С другой стороны, невозможно было не учитывать злободневные проблемы, вследствие чего перед председательствующим на собрании стояла трудная задача.

Необходимо добавить, что в связи с подъемом свободолобивых настроений в Королевстве многие были выселены правительством и осели в Минске. Они со свойственной «коронцам» презумпцией полагали, что их предназначение заключается в управлении жизнью нашей

провинции, не зная существующих здесь условий и не понимая специфики общественного строя здесь, на Минщине, где деревня имеет иную речь и иную веру в отличие от Двора. Причем, большую часть вынужденных эмигрантов составляли представители городской интеллигенции, люди свободных профессий, которые в какой-то степени уже на местах начали увлекаться социалистическими идеями. Эти господа охотно вступали в ряды Аграрного общества, и, не всегда заплатив вступительные взносы, получали доступ к трибуне на общих собраниях, где провозглашали «свободолюбивые идеи», и иногда громкозвучащими лозунгами увлекали за собой неискушенных и малоопытных членов Общества. Однако следует отдать должное здравому рассудку собрания: несмотря на бурные заседания, никогда Аграрное общество не выносило из зала постановлений, противоречащих старым традициям Края и возможностям его культурного развития в будущем.

Я помню, например, как после первой большой забастовки железнодорожников и почтовиков, которая летом 1905 г. потрясла всю страну и показала силу подрывных организаций, осенью того же года, когда Аграрное общество собралось в Минске, начали ходить слухи о том, что назревает новая, намного лучше подготовленная, забастовка, которая затронет уже наши селения и деревни, и по образцу России завершится всеобщим погромом. Некоторые события уже свидетельствовали о надвигающейся грозе, поэтому возвращающиеся с Японской войны различные осетинские, кавказские и т. д. сотни предлагали свои услуги землевладельцам по охране собственности. Это практиковалось во многих местах, особенно на юге России. Вспоминаю одну из фотографий того времени, на которой изображен один из крупных землевладельцев Херсонщины Фальц-Фейн на параде наемных осетинских сотен. Собравшиеся в Минске землевладельцы с возмущением отвергли эти предложения, будучи убеждены, что между Двором и деревней в Беларуси чужим элементам места нет. И это было бы самым разумным, если бы между деревней и Двором не начали работать чуждые подрывные элементы,

выдвигающие лозунги, возникшие на чужой почве и не имеющие ничего общего с духом белорусского населения, отравляющие этот дух.

Помнится, на одном из вечерних заседаний Аграрного общества, около восьми часов вечера, к председательскому креслу подходит секретарь и шепчет мне на ухо: «Забастовка назначена на утро, надо сегодня последним поездом отправить супругу домой». Я немедленно распорядился относительно жены, а сам продолжал вести собрание, не желая сеять всеобщую панику. Тут же приносят мне бумагу от тогдашнего губернатора Курлова (известного в период властвования Столыпина вице-министра по делам полиции), вызывающего меня как председателя Аграрного общества на заседание в 12 часов ночи. Заканчиваю заседание, еду к губернатору. В секретариате звонят телефоны: полицмейстер узнает, что якобы уже какие-то беспорядки начались на Виленском и Варшавском вокзалах. Вхожу в зал заседаний: здесь собрались высшие чиновники, представители прокуратуры, суда, государственной казны и т. д. На столе огромная карта, утыканная булавками, красными и синими флажками. Синего цвета-немного: возле Борисова, Бобруйска и Несвижа, в остальных местах преобладает красный цвет. Губернатор объясняет: синий цвет – это места расположения правительственных войск и кавалерии, а красные полосы – это населенные пункты, в которых ожидаются волнения. Перспектива невеселая. Губернатор предлагает направить сюда отряд осетинцев как предупредительную меру, за счет землевладельцев. Он может быть уже на месте через 6 – 8 недель, что было мало утешительным, особенно для тех, кого уже не стало бы к тому времени. Все взгляды останавливаются на мне.

От имени землевладельцев я отвергаю предложение и заявляю, что мы постановили возвращаться домой и личным влиянием противостоять любым анархическим намерениям. Собравшиеся иронично нас поздравляют с принятым решением. Выхожу, кто-то подходит ко мне в темноте на губернаторском крыльце и сообщает: «Будьте спокойны, господин председатель, мы вас еще завтра домой

пропустим». Это был агент нового железнодорожного правления. Выезжаю очень рано. На вокзале никакого оживления, все ждут новостей из Москвы: как идут бои на улицах Москвы, и как адмирал Дубасов, командуя Семеновским полком, топит в море крови участников уличных выступлений. И утопил – на все десять лет приостановил события. Я его как коллегу позже встречал в Государственном Совете. Он ходил без личной охраны (разве что имел тайную). Высокого роста, с гордо поднятой головой, опираясь на трость, он спокойно шел по Невскому проспекту. Это он во время турецкой войны 1877 г. подплыл в лодке к турецкому броненосцу и взорвал его миной. С Курловым я встретился в Петрограде, уже не как с гражданским сановником, а в форме генерала, как с начальником Главного тюремного управления.

Позже он занимал должность начальника полиции и государственной охраны, и на этом посту был привлечен к ответственности за служебную халатность во время убийства П. А. Столыпина в Киеве. Это был очень способный и ловкий чиновник, если и падал, то, как кот, всегда «на четыре лапы». Во время его службы в Минске он был обвинен в том, что отдал приказ стрелять в толпу демонстрантов около тюрьмы, а затем на Виленском вокзале, где был убит адвокат Ентыс. Однажды на похоронах местного военного сановника в Курлова была брошена бомба, но она оставила только шрам на голове от удара, скатившись по воротнику плаща и упав, не разорвавшись, на мягкий снег. Я видел его после этого происшествия, спокойно рассматривающего служебную корреспонденцию.

Покушение было организовано заговорщиками, которыми руководила дочь местного генерала Измайлова.

Что касается деятельности Курлова, связанной с решением местных проблем, то он плохого мнения после себя не оставил, в религиозных вопросах проявлял толерантность и, где было можно, давал поблажку. Я помню, был посажен в тюрьму местный адвокат К. Петрусевич, имеющий левые убеждения. Ко мне пришли его коллеги из адвокатуры с просьбой ходатайствовать за него перед

Курловым. Я потребовал от них обещания, что их осужденный коллега не будет больше вести никакой антиправительственной пропаганды, и отправился к Курлову. После того, как я заявил, что беру Петрусевича на поруки, Курлов тут же по телефону велел освободить заключенного. Позже я встречал Курлова в Петрограде, на приеме у Столыпина. Он всегда был готов мне помочь.

Губернаторство в Минске было нелегким трудом. Например, во время одной из демонстраций молодежи Минска был такой случай, когда тогдашний губернатор, граф Мусин-Пушкин, чтобы предотвратить бурные эксцессы и сохранить относительный порядок и спокойствие, сам пошел вместе с молодежью (16 февраля 1905 г.), за что был отстранен от должности.

Но вернемся к нашей общей теме. Поражение в Японской войне, съезды землевладельцев, постановления и совещания собраний землевладельцев и шляхты, рабочее движение – все это, наконец, заставило правительство задуматься над проведением реформ. Один за другим начали выходить «свободолюбивые» манифесты: 6 августа 1905 г., 17 апреля 1905 г., 26 февраля 1906 г.

Самое большое впечатление вызвал Указ Александра II от 17 апреля 1905 г., предоставляющий свободу вероисповедания.

Я помню, был первый день Пасхи, когда перед замком в Савичах остановилась почтовая карета с прибывшим ко мне нарочным, который привез из Минска радостное известие. Этот указ вызвал сильные эмоции, во-первых, потому, что затрагивал самые чувствительные струны человеческой души, а именно: его совесть; а во-вторых, если для претворения в жизнь других указов нужны были еще определенные обстоятельства, то здесь каждый был сам себе и хозяин, и судья. Хотя, как позже оказалось, и в этой области мои знания понадобились.

Я тут же отправился на праздничное богослужение в приходской костел в Тимковичах и рассказал об этом настоятелю и многочисленной собравшейся здесь мелкопоместной шляхте. Радости не было конца. Только за один день

несколько человек, насильно причисленных к господствующей религии, заявили о своей принадлежности к Католическому Костелу.

Формуляр-форму для подобных заявлений я лично составил в плебании, чтобы уже в готовом виде распечатать и передавать заинтересованным лицам. Затем эта форма была передана митрополиту Шембеку, который летом этого же года посетил с визитом Минск и Несвиж. Митрополит эту форму утвердил и рекомендовал духовенству.

Хочу отметить, что указом от 17 апреля 1905 г. воспользовалось большое количество людей, находящихся в условиях навязанного православного вероисповедания. Но после того, как вопросы были урегулированы, волна активности постепенно спадала, а жизнь входила в старое русло, без осложнения отношений между людьми, принадлежащими к разным конфессиям. Единственно, что стало более заметным, это большая старательность и усердие в вопросах набожности и пышности обрядов среди православного населения, раньше рассчитывавшего на привилегии господствующего вероисповедания и правовую опеку.

Однако вернусь к уже упомянутому визиту Его Высокопреосвященства митрополита Шембека в Минск, поскольку он стал большим событием для нашей провинции.

Минская епархия была создана 15 ноября 1798 г. на основании распоряжения Папы Пия VI и с согласия императора Павла I.

Первым Минским епископом и основателем в Минске Благотворительного общества был Якуб Дедерко, кстати, далекий родственник нашей семьи, подаривший чаши для домашней каплицы в Савичах. Поэтому также в presbiterjum (алтарной части) Минского Кафедрального собора долгое время висели портреты императора Павла I и епископа Дедерко, не знаю почему, но их позже убрали.

После событий 1863 г., а точнее в 1869 г. последний епископ Адам Войткевич был выслан, а епархия закрыта правительством. Однако это упраздне-

ние не было признано Апостольским Престолом, и каждый Митрополит Могилевский, получая назначение на должность, должен был дополнительно получать «экзекватор» на Минскую епархию. Таким образом, после 50-летнего периода преследований и правления в приходах и деканатах Кулаковских, Юргевичей и Сенчковских «et tutti quanti» приезд в Минск Минского Митрополита и епископа стал знаменательным событием, а представительная личность Шембека больше всего этому импонировала.

Произошло это событие в 1905 г. Поезд прибыл на Виленский вокзал. Представительские комнаты вокзала были «ad hoc» открыты. В них ожидали делегаты от города и провинций. Митрополит в порфире и длинной мантии входит, благословляя по пути становящихся на колени присутствующих. **После моего краткого приветственного выступления, Митрополит сел в открытый ландо, и мы направились в сторону Кафедрального собора.** Проезжая по главным улицам города, Митрополит благословлял собравшихся верующих, которые приветствовали высокого деятеля конфессии, само существование которой в течение длительного периода находилось под вопросом. На следующий день отмечали торжественный въезд в Кафедральный собор и, естественно, обед с речами и рядом официальных визитов, как это обычно бывает в таких случаях.

Представительная внешность и манера держаться, тактичное поведение и достоинство Митрополита произвели сильное впечатление на минских чиновников. Духовенство, столько лет не имевшее предводителей, прониклось уважением к духовным властям, а население – спокойствием, видя в лице Митрополита Шембека, сильного духовного наставника и защитника.

Не менее достойным, а, возможно, даже более торжественным, был последующий выезд Митрополита в Несвиж, приуроченный к церемонии погребения владельца майората, князя Антония, умершего в Берлине 4 (16 ст. ст.) декабря 1904 г. Князь Антоний был временно захоронен в Пшигодицах (около Познани). Летом на торжественное

перезахоронение князя в семейном склепе майората в Фарном костеле Несвижа приехал Митрополит.

Митрополит был встречен конной свитой, состоящей из местной мелкопоместной шляхты в Городее (Замирье), на железнодорожной станции, расположенной в двух милях от Несвижа. Свита, возглавляемая вторым сыном князя, Ежи Каролем Радзивиллом, на выездных лошадях сопровождала его до самого Несвижа. **Недалеко от бывшего костела Отцов Бернардинцев (впоследствии – церкви) была установлена триумфальная арка, возле которой по всеобщему желанию и одобрению я встретил Митрополита приветственной речью. Его Преосвященство был одет в торжественные одеяния. Под звон колоколов он в моем сопровождении вошел в Фарный костел, а после совершения молитвы направился в комнаты замка.** Но буквально сразу же почувствовал недомогание, причем в такой степени, что в похоронах князя Антония принять участия не смог. Это было началом тяжелой болезни Митрополита, от которой он уже не смог оправиться. Болезнь сломила в расцвете сил человека, необходимого нашему государству для возвращения независимости и уважения к нашим гражданам петербургскими властями, которым он импонировал своим образованием, графским титулом и тактом.

Подвластное ему духовенство вынуждено было соблюдать введенную им строгую дисциплину, которая расшаталась вследствие длительного отсутствия пастырской власти.

С этого момента события в стране начинают стремительно развиваться. Вышел указ о назначении выборов в законодательные палаты, т. е. в Думу и Государственный Совет. Начало работы было объявлено на 27 апреля 1906 г. Минская губерния должна была направить в Государственный Совет только одного члена, избранного на съезде землевладельцев, имеющих юридически обозначенный ценз. А в Думу губерния направила 9 делегатов, среди которых 8 представителей от населения независимо от сословия (был один представитель и от

крестьян). Выборы в Думу проходили в губернском городе не непосредственно, а из числа избранных на уездных собраниях.

Поскольку Аграрное общество было организацией, охватывающей все сферы деятельности землевладельцев, а первое избирательное право почти исключительно передавало выборы в руки этого класса, естественно, что среди членов Общества закипела работа. В губерниях и уездах начали проводиться съезды, заседания, создавались избирательные комитеты. Накануне общего предвыборного собрания в салонах госпожи Костровицкой собрались влиятельные лица, чтобы разработать основные принципы данного мероприятия. Речь шла не только о выдвижении кандидатов, но и о принципах их выдвижения. Одни предлагали провести выборы таким образом, чтобы были представлены все национальности и все социальные классы. Другие настаивали на том, чтобы в предвыборной борьбе каждый мог испытать свои возможности и преимущества, и сторонниками своих взглядов укомплектовать законодательный орган. Мнения расходились, велась острая дискуссия.

Первый принцип, предлагаемый мной, был поддержан с перевесом в один голос, отданный в последний момент почтеннейшим Александром Скирмунтом. Итак, было решено отдать один голос в Думе землевладельцу российского происхождения, поскольку количество российских помещиков в губернии благодаря декабрьскому исключительному праву было достаточно внушительным, и было бы неразумным игнорировать их права. Однако на завтра, на общем предвыборном собрании голоса распределились по-другому, и для того, чтобы обеспечить преимущество при окончательном голосовании, пришлось вступить в блок с еврейской партией, а также с городской, обеспечивая голос Розенбауму и адвокату Янчевскому. Таким образом, во время официального голосования в дворянском зале под председательством маршалка А. С. Долгова-Сабурова, в качестве депутатов в Государственную Думу вошли следующие лица: от крупных землевладельцев – Роман Скирмунт, князь Иероним Друцкий-Любецкий,

Евстахий Любаньский и Вишневский; от мелких землевладельцев Марьян Массониус; от городской интеллигенции адвокаты: Александр Ледницкий и Виктор Янчевский; от еврейской общины адвокат Розенбаум; от крестьян – Головниц.

Представители крестьянской партии, председателем которой был волостной писарь Грудзинский (позднее – националист), несколько раз приходили ко мне, стремясь переманить на свою сторону как минимум половину голосов. Но это было нежелательным, так как эта партия действовала с благословения местного архиерея и была настроена в духе национального социализма. Как оказалось, во время выборов во II Государственную Думу «первые скрипки» она, все-таки, «прибрала к рукам». Таким образом, было бы неразумным отказываться от своих прав в ее пользу.

В Думу баллотировался также горячо поддерживаемый профессором Марьяном Здеховским Николай Бжеский – директор департамента в Министерстве казначейства, владеющий небольшим имением в Борисовском уезде, поляк, женатый на красивой польке (оба православные), человек большого таланта, трудолюбивый и любящий свой Край. Несмотря на высокую должность, вероисповедание и место своей работы, он возглавлял в Петербурге Польский дом, в котором и мне не раз приходилось бывать во время нахождения в столице, как и на прекрасной его даче, расположенной в Териоках. Бжеский мог бы быть компетентным представителем в думских комиссиях, но уступил свое место более известным и популярным в провинции кандидатам.

Во время выборов на политическую арену вышла, занимая лидерские позиции, партия кадетов, радикальная аграрная программа которых могла получить многочисленных сторонников среди крестьянской массы. Их программа не могла импонировать классу землевладельцев, превалирующих на выборах, однако несколько ярких кадетов Минская губерния все-таки выслала. Янчевский и Розенбаум были избраны вследствие компромисса с городом и еврейской общиной, поэтому нет необходимости о них писать.

Остановимся на выборе А. Ледницкого, тем более, что его имя в связи с его родом деятельности в последние годы войны было довольно известно.

Александр Ледницкий, родившийся в Минске и владевший там недвижимостью, которая давала ему избирательное право, в 1906 г. стал довольно известным и даже знаменитым адвокатом в Москве, где в совете адвокатов и партии кадетов занимал видное положение и пользовался широкой популярностью среди польского землячества. Во время предвыборной кампании он ближе познакомился со своими минскими земляками на политических обедах у моей сестры Костровицкой, на которых собирались влиятельные лица, и привлек к себе внимание своим красноречием и широтой взглядов. Поскольку Аграрное общество в то время оказывало большое влияние на выборы, и голос председателя играл не последнюю роль, я спросил Ледницкого напрямую, не считает ли он возможным выставить свою кандидатуру, не отказываясь от кадетских взглядов на аграрный вопрос, хотя и полностью неприемлемых курией землевладельцев, тем более, что лишение помещиков имущества автоматически означало бы деполонизацию Кресов? Ледницкий ответил: «Господин Председатель, обещаю Вам, что за насильное отчуждение имущества землевладельцев я никогда ни выступать, ни голосовать не буду». Свое обещание он не однажды повторял, встречаясь со мной в кулуарах Думы, и добросовестно выполнял до конца срока своего депутатства. Проживал он тогда с женой в Петербурге, поддерживая тесные отношения с виленским епископом Эдвардом Роппом.

Выборы в Государственный Совет происходили одновременно с выборами в Думу. Общественное мнение уже давно готовило меня к этой миссии, и я не могу сказать, что не знал об этом, но, когда на последнем предвыборном собрании было сказано решающее слово, для меня это известие стало громом среди ясного неба. Я чувствовал, что, посвятив много лет своей жизни нашему общему делу, не имею права отказываться от этой нелегкой ноши, которую на меня возлагали, но оторваться от дома, земли, семьи, от

привычной работы и обстановки было для меня нелегко.

Я не знал, смогу ли удовлетворить требования широких горизонтов деятельности, и, принимая такую почетную обязанность, в своем выступлении сразу же сделал оговорку, что я по-прежнему буду независим от влияний города на Неве, а также Москвы, как и от подсказок города на Висле, что никаких мандатов «*imperatif*» не принимаю, а буду, как и раньше, двигаться в направлении, которое мне указывает моя совесть и собственное понимание потребностей делегирующего меня Края и народа. Если вы все это принимаете, то я готов.

В ответ раздались аплодисменты, и на следующий день ста голосами «за» и двумя «против» я был избран. Мне было приятно отметить, что во время выборов и российские граждане принимали участие в голосовании, выразив мне свое доверие.

Вышел из зала опьяненным, но нужно было мобилизоваться, поскольку уже на 29 апреля было назначено открытие законодательных палат. Все это время я был, как во сне: занимался своими имущественными и домашними делами, как бы надолго расставаясь со своей прежней жизнью, проведенной в усердном труде, в своем окружении. Так было до самого отъезда. В Минске после выборов, конечно же, был дан обед, который состоялся в известном в то время ресторане Саулевича. В огромном зале под звуки оркестра происходило братание, проявление чувств, произносились бесконечные речи. В обеде принимали участие все сословия. Но, как мне казалось, во всем этом почему-то не хватало искренности. Наступил день отъезда из дому. Через Городею я направился в Барановичи, чтобы успеть на курьерский киевский поезд, в котором уже ехали многие «народные представители». Я закрылся в купе и, глядя в окно, прощался с родными местами. Несмотря на то, что было только 25 апреля ст. ст., на улице стояла настоящая жара, а на приеманских песках даже рожь начала колоситься. Судьба распорядилась таким образом, что свыше трех лет мне пришлось мерить пространство между станцией Ляховичи

и Петербургом, тратить свое здоровье и силы, трепать нервы и отчаянно преодолевать трудности в надежде добиться на Неве лучших условий бытия для родного Края, расположенного на Немане и Припяти.

После прибытия в Петербург я поселился в забронированном гостиничном номере «Hotel de France» на улице Морской. Отель был расположен рядом с аркой Генерального штаба, в котором я провел большую часть своего „trienium“. Столица встречала депутатов, их семьи и обычных граждан, которые интересовались первыми шагами законодательных палат, не говоря уже об иностранцах и журналистах. Каждого депутата по приезду ожидал отпечатанный и разосланный «Церемониал выхода его императорского величества» в Зимнем дворце на открытии законодательных палат, порядок подъезда к Зимнему, а затем Таврическому дворцам. Естественно, членам Государственного Совета подобало приезжать в карете. Согласно конфиденциальному договору между депутатами Государственного Совета форма одежды – фраки без мундиров и наград. Отсюда наши коллеги, которые по долгу службы должны были быть в мундирах, расшитых золотом и увешенных орденскими лентами, прозвали нас «американцами».

К Государственному Совету подъезд был со стороны Невы, к крыльцу, названному «Иорданским», через которое император выходил во время торжественного освящения воды на Праздник Поклонения Волхвам. Через парадный вход мы вошли в галерею, соединяющую Эрмитаж с крылом Зимнего Дворца. Это было рядом со знаменитым Зимним садом, вошедшим в историю в связи с покушением на царскую семью. В галерее мы очутились среди коллег по службе, с интересом присматривающихся друг к другу, к тем, с кем придется провести не один месяц. У нас была также возможность ближе познакомиться с теми, о ком мы читали только в газетах. Каждый из них имел за плечами богатый опыт службы: граф Витте, свежееиспеченный посредник на Портсмутских переговорах и вдохновитель большого правительственного переворота в России, Н. Дурново, твердую руку которого в качестве министра

внутренних дел Россия еще почувствует, Алексеев – экснаместник на Дальнем Востоке, адмирал Дубасов – великий покоритель Москвы. Здесь же я пожал руку и обмолвился несколькими словами со Столыпиным, не зная еще, что он уже получил назначение на пост министра внутренних дел.

Ожидать долго не пришлось, придворный чиновник указал нам дальнейший путь, и сразу же за палатой, в которой, к большому нашему удивлению, мы увидели охрану императора – гвардейцев Преображенского полка во главе с офицером, при полном вооружении. Мы вошли в огромный, празднично украшенный, зал, где нам указали места на возвышении с правой стороны от трона. Мы остановились как раз напротив членов Сената. За Сенатом расположились члены Думы, а за ними – представители различных государственных, гражданских и военных учреждений, которым не было видно конца. Посреди зала лежала пурпурная ковровая дорожка, разделяющая зал на правую и левую стороны, и заканчивающаяся у возвышения, на котором стоял золотистый трон, с перекинутой через подлокотники мантией из парчи, расшитой гербами и подшитой мехом горностая.

Не буду перечислять, в каком порядке проходила придворная служба, несущая регалии. Я узнал графа Адама Плятера, виленского маршалка. Поражало великолепие нарядов придворных дам с глубокими, независимо от возраста, декольте, увешанными драгоценностями. Хочу только передать впечатление, которое произвели на меня две императрицы: мать-императрица с недовольной миной на лице, как бы говорящей: «Если бы не смерть моего мужа, не было бы этих новых порядков. Многих из этих «представителей народа» он приказал бы гнать со двора». А правящая императрица Александра Федоровна была сильно взволнована. Каждому было известно, что она погружена в мысли о своем сыне. Именно в этот момент решалась судьба его будущего в зависимости от того, какой поворот совершит история России. Мы сравнивали ее с Марией Антуанеттой в эпоху собрания «Etats généraux» (генеральных штатов). И

тогда наши симпатии были на стороне ее матери, и мы хорошо понимали состояние ее души. Обе императрицы заняли места рядом с тронном, стоя, однако, на некотором расстоянии от него, рядом с Государственным Советом.

Раздались звуки национального гимна, и в зал вошел император вслед за высокопоставленными чиновниками, несущими Государственный флаг и меч – Скипетр и Державу – атрибуты самодержавия; бледный и взволнованный, сел на трон. Ему передали обращение, которое он прочитал стоя. Мы хорошо его слышали в отличие от остальных, находящихся в отдалении. Нас удивило то, что, обращаясь ко всему народу, он специально подчеркивал: «дорогих моему сердцу крестьян», в то время как иные сословия не удостоились никаких эпитетов.

Подобное заигрывание «власть имущие» редко приносит желательные результаты. После прочтения Манифеста раздалось «ура», но не очень дружное, так как доносилось оно лишь со стороны стариков Госсовета и Сената, взволнованных и осознающих важность момента, когда безвозвратно перелистывалась страница истории государства. Это «ура» не было дружно подхвачено членами Думы, состоящими в основном из этих «дорогих сердцу крестьян». Позже мы узнали от наших депутатов Думы, что вид этой прекрасной свиты отнюдь им не imponировал. В золотистых украшениях они видели «людскую кровь и пот», а прелести придворных дам комментировались циничным образом. После криков «ура» военный оркестр опять исполнил гимн «Коль славен» («Славься»).

Император в сопровождении свиты покинул зал через противоположный выход. Мои размышления прервал подошедший Столыпин и поинтересовался произведенным впечатлением. Я ответил ему, что «меня удивило то, что из той среды, о ком его величество наиболее сердечно отзывался, почти ни одного возгласа в его честь не послышалось, а те, кого он специально не вспоминал, поддерживали его». Столыпин пожал плечами и сказал: «Едем в Думу, посмотрим, что будет там». Помнится, такие же впечатления были и у Витте, так как, спустя несколько

недель, он спросил у меня: «Как Вы думаете, с этой Думы что-нибудь получится?» И сам ответил: «Ничего из нее не получится, потому что только любви свойственно быть творческой, а я не заметил этого чувства у тех, для кого его высочество столько сделал и намеревается сделать. Я видел у них только ненависть ко всему тому, что возносится над толпой».

От Зимнего дворца до Таврического, в котором находилась Дума, было небольшое расстояние; ехать пришлось медленно, поскольку, чем ближе к цели, тем оживленнее было движение, а на Обойной улице было так тесно, что кареты еле продвигались, а конная полиция, и военные уже не могли управлять ситуацией. Чем ближе подъезжали к Таврическому дворцу, тем громче было слышно скандирование: «Амнистия, амнистия!». Хочу отметить, что со времени гапоновского шествия и до наших дней масса людей была выслана или брошена в тюрьмы за участие в демонстрациях и политических заговорах. Некоторых членов Государственного Совета, проезжающих в каретах, толпа узнавала и приветствовала аплодисментами; другие ехали с зашторенными окнами, боясь враждебных выходов. Таврический дворец, наспех построенный могущественной волей Екатерины для приема возвращающегося из Крымского похода Потемкина, менее пышный снаружи, имел очень красивые залы внутри, построенные и оформленные в стиле тогдашней эпохи.

Рассказывали, что здание не очень добротное по причине ограниченности времени на отделку, отведенного Екатериной архитекторам. Утверждали, что внутренние колоннады сделаны из дерева и покрыты искусственным мрамором. Однако же он простоял почти полтора столетия; а отслоение штукатурки и ее падение были связаны уже с более поздними работами, выполненными при подготовке зала для проведения заседаний Думы, что можно было списать на счет современных «умельцев». Прибыв во дворец и направляясь в ложу, предназначенную для членов Государственного Совета, я опять встретился со Столыпиным, который, открывая дверь в ложу и входя одновременно

со мной, сказал: **«Ну, перекрестимся и пожмем друг другу руки для будущего совместного труда»**. Имел ли он уже тогда в виду те свои предложения, которые через три месяца намеревался изложить подробнее?

Зал был переполнен, а напряжение было таким, что, казалось, достаточно небольшого инцидента, чтобы спровоцировать взрыв. В связи с болезнью дряхлеющего председателя Государственного Совета графа Сольского в кресле президиума заседал вице-председатель Фриш. Он зачитал обращение императора и поручил собранию приступить к избранию председателя Государственной Думы. В связи с необходимостью проведения всех манипуляций при подаче и подсчете голосов процедура избрания затянулась, хотя каждому было известно, что кадеты, правящие бал в Думе, уже давно назначили на это место Муромцева, московского адвоката, человека во всех отношениях соответствующего этой почетной должности.

После избрания действительный тайный советник Фриш уступил место Муромцеву, который под бурные аплодисменты, занимая председательское кресло, поблагодарил за доверие и оказанную ему честь и предложил «прокричать “ура” в честь нашего конституционного монарха». Употребление этого термина, нигде в официальных документах не предусмотренного и не утвержденного, вызвало шквал аплодисментов и громкое «ура», которое без этого акцента, или даже уловки, было бы далеко не таким громким. Одновременно на трибуну вскочил один из братьев Петрункевичей и выкрикнул слово «амнистия», которое вызвало новый ураган эмоций. После чего Муромцев сразу же отложил следующее заседание, чтобы согласно регламенту направиться в Царское Село для представления его императорскому величеству. Важно отметить, что во время подсчета голосов, когда вопрос избрания председателя отчасти был решен, тогдашний председатель Совета Министров Горемыкин (тип закоренелого на высоких постах бюрократа) взял под руку Муромцева и направился с ним за трибуну в полукруглую часть зала заседаний для решения с ним некоторых текущих, не терпящих отлагательства

вопросов. Их совещание продолжалось как минимум один час, чем и привлекло всеобщее внимание. Открытие Государственного Совета происходило в большом дворянском зале на Михайловской площади, поскольку так называемый «Мариинский дворец» еще не был готов. Все происходило очень спокойно, согласно церемониалу, с молебнами высшего столичного духовенства и прекрасным исполнением придворной капеллы.

Итак, в стране вроде бы началась новая жизнь, но на самом деле она была больше чревата опасениями, чем надеждой, поскольку правительство никогда не хотело искренне двигаться в направлении осуществления обещаемых в манифестах реформ, исполнения которых по-прежнему требовали депутаты. Между тем депутаты забывали, что они сами, несмотря на кажущиеся свободололюбивые настроения, уклонялись от выполнения своих обещаний относительно Кресов, так демонстративно провозглашаемых на съездах земцев и, якобы, следующих в националистическом направлении. После окончания торжеств по случаю открытия необходимо было подумать о постоянном месте жительства, что было вовсе нелегкой задачей в связи с неожиданным перенаселением столицы. Однако мне удалось найти меблированные и соответствующие моему статусу апартаменты с прислугой и всеми удобствами на Саперном, 19, которые мне предоставила баронесса Граевенитц, мать бывшего маршалка Пинского уезда и тогдашнего губернатора где-то в Новороссии. Сама она уехала за границу. Квартира была расположена между Думой и Государственным Советом, т. е. в весьма удобном месте. Там я и жил в период существования I и II Думы. Во время созыва III Думы я жил вначале на Морской, 56, рядом с кирхой, но дольше всего – в гостинице «Hotel de France».

Разработка устава

Польское представительство в Государственном Совете и I Государственной Думе было достаточно многочисленным, так как среди 412 думских депутатов со

всего государства, 36 депутатов были от Польского Королевства, причем так называемый «Западный край» поставил в I Думу больше 20 депутатов. В Государственном Совете поляки составляли 18 человек, среди которых 7 – из «Конгресувки», 9 – из Западного края (по одному от каждой губернии) и 2 – случайно избранных из числа российских промышленников, а именно: Глезмер из Петербурга и Винцент Поклевский-Козел с Урала. Таким большим представительством – 36 депутатами – Королевство должно быть благодарно искусно проделанной работе среди официальных властей Варшавы депутатом Государственной Думы Евстахием Добецким. К сожалению, это продолжалось недолго; правительство заметило, что польские голоса слишком сильно влияют на постановления Думы, и на следующих выборах количество думских депутатов от Королевства было сокращено до шести. С другой стороны, депутаты от Королевства, мало ориентирующиеся в ситуации правящих кругов, своим поведением способствовали этому сокращению. Но об этом ниже.

В состав членов Государственного Совета входили поляки от 9 западных губерний: от Киевской – Сырочинский, от Подольской – Вацлав Еловицкий, от Волынской – граф Ян Олизар, от Виленской – Ипполит Корвин-Милевский, от Гродненской – Димитр Корибут-Дашкевич, от Ковенской – граф Александр Тышкевич, от Могилевской – Александр Выковский (кадет, вскоре вышедший из состава Государственного Совета, а на его место был избран Владислав Войнич-Сеноженцкий), от Витебской – Лопатинский, от Минской – Эдвард Войнилович. Депутатами в Государственный Совет от Короны являлись: Евстахий Добецкий, барон Леопольд Кроненберг, граф Юзеф Островский, Антоний Напюрковский, Константин Пшевлоцкий и Станислав Гавронский, а также от города Варшавы – Станислав Ротванд. В связи с задержкой выборов эти депутаты прибыли в столицу позже.

Перед прибытием депутатов из Королевства мы вначале собирались на квартире гостеприимного коллеги графа Тышкевича на частные совещания. Затем, когда

депутатская группа была уже в полном составе, свои апартаменты нам предоставил барон Кроненберг на улице Моховая, 14. Там, за малыми исключениями, почти во все время существования законодательных палат проходили совещания депутатов Государственного Совета.

Редактирование устава нашей группы в Государственном Совете отнимало у нас массу времени. Зная из практики, что российские бюрократы всегда настороженно относятся к любой солидарности восточных окраин с Коронай, а также будучи убеждены сами, что иногда интересы этих двух регионов могут отличаться, мы единогласно решили, что должны существовать две группы, каждая со своим председателем, но объединенные одним уставом и под руководством общего председателя. Это была формальная сторона дела, по существу же мы шли в одном направлении. Пару раз в году появлялась необходимость отдельных заседаний той или другой фракции, и тогда решения данной фракции выносились председателем на «форум» обеих, которые должны были поддерживать одна другую солидарными действиями на пленарном заседании Государственного Совета.

Каждый, кто мог наблюдать за заседаниями законодательных палат, понимает, какую важную роль играет устав, и поэтому к разработке своего устава мы подошли самым серьезным образом. Опыт польских представительств в Вене и Берлине, плюс материалы и замечания таких государственных деятелей как Ю. Островский и Е. Добецкий, облегчило нашу задачу. После долгого обсуждения нами был разработан и принят «Устав союза фракций Польского Королевства и краев Литвы и Руси в Государственном Совете в Петербурге», оригинал которого можно найти в комментариях к оригиналу. Надо признать, что устав был жестким, а индивидуализм депутатов очень неудобным, но пока что полезным, так как коллектив наших депутатов вначале не имел ни политического, ни парламентского опыта. Возможно, благодаря этому уставу нашим представителям удалось избежать ошибочных шагов и заслужить почет и уважение в Государственном Совете.

Выборы.
Должность председателя группы депутатов
от Литвы и Руси

После принятия устава были проведены выборы вначале в каждой группе: на должность председателя депутатов Государственного Совета от Королевства был избран Юзеф Островский, а председателем депутатов от Литвы и Руси – Эдвард Войнилович. Затем единогласно общим председателем обеих групп был избран Эдвард Войнилович, а вице-председателем – Юзеф Островский, секретарем – Констанций Пшевлотский. Обязанности председателя я выполнял в период созывов I и II Думы. Когда мы собрались на III Думу, председателем обеих групп был избран Евстахий Добецкий, а председателем от Литвы и Руси – граф Олизар. Такая ситуация оставалась до конца нашей работы, т. е. до конца созыва, который продолжался вместо трех четыре года.

Должность председателя была весьма почетной, но сама работа на этом посту очень трудной. Во-первых, приходилось иметь дело с людьми, которые везде в своих провинциях занимали руководящие посты, сами везде были «председателями», и не привыкли подчиняться, во-вторых, большинство из них имели предвзятое мнение, что «Войнилович всех водит за нос», поэтому ему нужно показать, что здесь никакого «самовольства» не будет допущено. Кстати, это было всегда в традициях дворянства – выбирать короля на свободе, чтобы сделать жизнь его несладкой на троне. Поэтому я должен был быть всегда настороже, следить за собой и другими, чтобы никакие конфликты не смогли омрачить солидарность наших групп и порадовать чужой глаз. Удалось ли мне это сделать, судить лучше моим коллегам.

Я не буду здесь о них вспоминать, а вернее, давать им характеристики; многие из них еще живы, известные личности в нашем обществе и, полагаю, не нуждаются в моей аттестации. Хочу только отметить, что в трудных случаях я всегда имел возможность воспользоваться

доброжелательной и опытной подсказкой, обоснованной многолетним трудом на ниве общественной работы, моих коллег из Корлевства, Добецкого и Кроненберга. Также навсегда у меня осталось чувство благодарности моим «кресовым» коллегам, графу Олизару, Еловицкому, графу Тышкевичу и Корибут-Дашкевичу.

Три группы в Государственном Совете

Поскольку согласно основным государственным законам все законодательные вопросы должны быть предварительно рассмотрены в Думе перед тем, как будут переданы на рассмотрение в Государственный Совет, первые две недели, пока материалы находились на рассмотрении в нижней Палате, пленарные заседания Госсовета проводились относительно редко и касались, в основном, составления своего устава. Кроме этого, часто организовывались неофициальные встречи в Мариинском дворце с целью обсуждения текущих дел и взаимного знакомства, причем здесь выделились не партии, поскольку таковых в Государственном Совете не было, а три группы: правые, центристы и левые. Правые, которые своей численностью немного превышали центристов, но были едины, состояли в основном из назначенных членов, людей старшего возраста, искушенных, с большим чиновничьим прошлым, административным опытом и бюрократическими навыками, не принимающие нового порядка вещей. Центристы, состоящие в основном из избранных членов, маршалков шляхты, земцев и наиболее либеральной фракции высшей администрации. И, наконец, левые, насчитывающие немногим больше десяти членов, состояли из преподавателей университетов и левых земцев. Кроме всего, было, как обычно, несколько «диких». Согласно списку членов Государственного Совета за 1908 г., всего «присутствующих членов» было 194, из которых половина была назначена, а половина избрана. Из этого числа 80 – 100 членов считали себя центристами, в связи с чем преимущество при голосовании должно было быть всегда за ними. Но поскольку центристы не были партией, а всего

лишь группой, и регламент не предусматривал обязательную солидарность при голосовании на пленарном заседании, плюс ко всему то, что некоторые из них глубоко в душе разделяли идеи правых, не всегда постановления группы центристов на общих собраниях решали судьбу дополнений к законам.

С течением времени в Думе и Государственном Совете начали проявляться националистические тенденции. Националистов в Думе возглавил Балашов – крупный землевладелец в Руси, объединивший вокруг себя, главным образом, российских деятелей с западных Кресов государства. В Государственном Совете подобную фракцию создал шурин Столыпина А. Б. Нейхардт. Эта фракция, насчитывающая более десяти членов, по существу сильно тяготела к правым и использовала за кулисами свои отношения со всемогущим премьером. Чаще всего она являлась той стрелкой, которая указывала, в какую сторону «перевесят весы», и часто решала наиболее важные вопросы.

Членов Государственного совета было намного больше, чем упомянутая цифра 194, высокое звание назначенных членов оставалось с ними пожизненно. Ежегодно в декабре правительство оглашало список тех, которые по высшей воле в течение года должны были заседать, и использовало эту привилегию, чтобы убрать из списка тех, кто в прошлом году голосовал не в угоду правительству. Таким образом, правительственное большинство в Государственном Совете всегда было обеспечено.

Вопрос об амнистии

Вопрос об амнистии, поставленный на повестку дня в Думе, если можно так выразиться «улицей», естественно, предварительно должен быть затронут на неофициальных заседаниях членов Государственного Совета, прежде чем вынесен на пленарные заседания. На одном из таких заседаний в Мариинском дворце, кажется, под председательством Петра Трубецкого я первый раз вышел к микрофону, желая убедить присутствующих, что амнистия должна касаться только нарушивших публичное право, а не частное.

Я сослался на все предыдущие манифесты, выдаваемые по случаю радостных событий в государстве или в правящей семье, в которых его императорское величество прощал политические проступки, нарушения общественного порядка, а также проступки, связанные с пропагандой или прессой, но не мог прощать нарушения личных прав граждан. Я ни одно свое выступление не хранил в письменной форме, поэтому повторять их содержание или хвастаться им не буду, а то, что в данном случае об этом вспомнил, то только потому, что это выступление оказало определенное влияние на мое личное положение в Государственном Совете. Ибо, как иногда случается, какая-то мелочь может оказать большее влияние на ход событий, чем заранее составленная программа. Гончаров, идейный вдохновитель правых, прислал мне приглашение на организационное собрание, полагая, что я к ним присоединюсь. Придворный министр граф Фридерикс и начальник императорской ставки генерал Рихтер подошли ко мне знакомиться.

Доверие Витте

Граф Витте во время длительной со мной беседы пригласил заходить, чем я, естественно, не злоупотребляя, пользовался, и заслужил у него некоторое доверие. Помню, он бывал у меня даже в гостинице. А когда однажды возникла необходимость проконсультироваться с ним по телефону поздно вечером, то он приехал ко мне на автомобиле около часа ночи, чем вызвал в гостинице большое волнение. Несмотря на то что Витте одновременно с созданием законодательных палат подал в отставку, каждый его воспринимал как человека, который еще не сказал своего последнего слова в государственных делах и может в любой момент быть востребованным. Такие неофициальные собрания были очень полезными; собранным из разных концов государства людям необходимо было познакомиться и частично приспособиться к царившей атмосфере Государственного Совета, которая в одночасье не могла стать новой.

Программа группы «Центр». Князь Трубецкой

На одной из таких сессий бывший министр сельского хозяйства А. С. Ермолов, князь П. Н. Трубецкой и их единомышленники решили организовать группу «Центр» и тут же представили программу. Программа их мне показалась абсолютно реальной. К тому же, я понимал, что к правым, которые отвергали любую конституционность, мы записаться не можем, с левыми нас разделяла кадетская аграрная программа, а повиснуть между небом и землей тоже мы не могли. Я сразу же дал согласие и в списке организаторов этой группы одним из первых поставил свою подпись, так как не всегда идет на пользу колебание и промедление. Правда, среди моих коллег были и недовольные, когда я их через каких-то два часа поставил перед фактом на собрании у графа Тышкевича. Они заявили, что такой ответственный шаг нельзя было предпринимать без согласования с ними, но тем самым наше положение в Государственном Совете определилось и укрепилось, и, наконец, никто позже об этом не жалел.

Председателем группы почти единодушно был избран князь Трубецкой Петр Николаевич, маршалок дворянства Московской губернии, родной брат известного профессора Евгения Трубецкого, человек богатый, что позволяло ему быть независимым от правительства. Тот, который в свое время вместе с несколькими известными личностями появился в Царском Селе и осмелился заявить императору о необходимости проведения конституционных реформ. Что касается отношения князя Трубецкого к делам нашей группы, то оно всегда было корректным, а лично ко мне – самым доброжелательным. Он неоднократно обещал посетить Савичи. Погиб трагически в купе вагона на юге России.

Если я воздерживался от характеристики своих коллег по «Польской группе» в Государственном Совете, то ничто меня не могло сдерживать в отношении самых известных российских коллег, назначенных и избранных, с которыми мне приходилось общаться. Вообще, следует признать, что их отношение к нам искреннее или неискреннее, всегда было

корректным, и мы, если не своей численностью, то солидарностью, культурой, общностью взглядов вызывали к себе уважение.

П. А. Столыпин

Естественно, первое место в этом ряду отводится министру внутренних дел, который вскоре стал премьером, Петру Аркадьевичу Столыпину. Безусловно, это была незаурядная личность, строго следующая по пути своих четко обозначенных убеждений, не обращающая внимания на условия, в которых ей приходится этот путь прокладывать, и без колебаний устраняющая все препятствия на своем пути. Он поднял растаптываемую на улице власть и вдохнул в нее жизнь, а бюрократическую систему, наверное, в последний раз употребил в качестве двигателя в государственной работе. Имел смелость посягнуть на общинность российской деревни, а в проведении колонизации (хутора) и объединении крестьянских земель видел решение основных аграрных проблем. Если бы не его любимый и постоянно повторяемый принцип «вначале порядок, а затем реформы», то, возможно, он достиг бы своей цели, и не было бы такого трагического конца.

П. А. Столыпин родился в семье влиятельных дворян, был фаталистом, благодаря чему проявлял величайшую смелость в трудных жизненных обстоятельствах. Первичное воспитание получил в Вильно как сын действующего государственного чиновника. Возможно, отношения с коллегами, главным образом с поляками, задели его национальные чувства и способствовали его превращению в ярого националиста. Впрочем, психологической аксиомой является то, что мы всегда не любим тех, из-за кого упрекаем в чем-то себя. Так, например, националистическая партия в Думе состояла почти исключительно из тех россиян, которых когда-то служебные привилегии привели на Кресы, где они создавали фонды, получали дарственные, и у которых формировалось отрицательное отношение к коренному населению Кресов лишь за то, что оно на них обижалось.

Они понимали и не хотели допустить равноправия для этого населения, так как это было бы равнозначно потере их привилегий. Отсюда и Столыпин был враждебно настроен к Кресам, а также к представителям польской интеллигенции на Кресах, с которой, единственной, тогда считались. Не могло не повлиять, конечно, и то обстоятельство, что Столыпин был женат на Ольге, дочери Бориса Нейдхардта, сестре Алексея, члена Государственного Совета, организатора и руководителя партии националистов в Государственном Совете.

Служебную карьеру Столыпин начал с маршалства, вначале уездного, а затем губернского на Ковенщине, естественно, по назначению, так как имел большие владения. Позже он становится гродненским губернатором, а затем саратовским, куда был направлен в связи с волнениями из-за голода. Оттуда, продвигаясь «семиимильными» шагами, восходит на «пьедестал премьерства» после ухода графа Витте и недолгого правления состарившегося Горемыкина.

Партия кадетов, задающая тон в Думе, впервые столкнулась в лице Столыпина с министром, с мнением и аргументами которого пришлось считаться серьезно. Обычно из министерской ложи к трибуне в Думе выходили люди, которые, кроме того, что проповедовали бюрократические правила, ничего нового сказать не могли. А повестка дня, объявляемая председателем Думы, уже была заранее обсуждена на Потемкинской улице в офисе кадетов, которые, имея в Думе большинство, игнорировали любое мнение и обсуждение и писали заготовленную форму для голосования. А тут на пути встал Столыпин. Помнится, у меня была назначена встреча с профессором Петражицким, проживающим на Мойке. Прихожу в назначенное время, жду, профессора нет. Наконец он появляется, усталый и сконфуженный, переносит встречу на другой день. Профессор объясняет это тем, что нужно срочно отредактировать формулу, поскольку подготовленная ими стала неактуальной уже после первого выступления Столыпина в Думе. Следовательно, на трибуне появился министр, с умозаключениями которого уже нужно считаться, и которого,

надо признать, всегда внимательно слушают. А говорить он умел, имел соответствующую выправку, поставленный голос и тон, обезоруживающий противника, и смелость фаталиста.

Остался в памяти момент, когда в Думе обвалился потолок. Я собирался на заседание, когда один доброжелатель позвонил мне и предупредил, чтобы я не ехал в Думу, так как там что-то «нехорошее происходит». Естественно, это известие не только не нарушило мои планы, а наоборот, подстегнуло. Подъезжаю к подъезду, где был вход для членов Государственного Совета, вижу там своих коллег: Трубникова (из Казанской губернии) и Родзянко, который позже перешел в Думу и был последним ее председателем. Дверь закрыта, никого не впускают, не объясняя причины. Вместе направляемся к главному входу для членов Думы. У нас требуют пропуска, которых мы, естественно, не имеем. Мы передаем председателю Думы Головину свои билеты, после чего нас пропускают. Первый круглый зал и второй, так называемый Екатерининский, переполнены членами Думы, которые толпятся и жестикулируют в сильном возбуждении. Что случилось? Рассказывают: «Правительство, желая одним махом избавиться от народных представителей, устроило катастрофу: весь потолок в зале заседаний вместе с досками обвалился и покрыл сплошным слоем ряды, на которых через час должны были заседать депутаты». Кресла раздавлены, если бы кто там находился, живой души не осталось бы. Так думают депутаты, отсюда нервное напряжение – казалось, достаточно одной искры, чтобы произошел взрыв.

Мы направляемся на место аварии в зал заседаний. По помосту, образовавшемуся из обвалившегося потолка, ходят некоторые депутаты. Я спросил у одного из мусульманской фракции, что он ищет? Ответил, что ищет свое место в Думе, так как хочет знать, где его смерть могла настигнуть. И показывает на ту часть зала, которую занимали крайние правые, над которой потолок не обвалился, а завис. Это еще больше убеждает депутатов в организации покушения, и никто не хочет замечать, что такой же не обвалившийся участок остался над крайними левыми. А

причина всего этого – некачественное строительство, а не запланированное преступление.

Звонок председателя приглашает депутатов в круглый зал заседаний. Тесно, о сидячих местах даже не мечтаем, все толпятся стоя, гул, как в улье, и сквозь эту возбужденную и дышащую подозрением и местью толпу пробивается Столыпин с папкой под мышкой. Остановившись рядом с председателем, он пытается прочесть свою знаменитую декларацию, которая заканчивалась следующими словами: «И когда вы захотите сказать правительству: «Руки вверх!», – я скажу: «Не запугаете». Он хочет выступать даже в тех условиях, как я уже отметил, когда достаточно было одной искры, чтобы взорвать атмосферу собрания, когда один удар ножа в момент его прохождения сквозь толпу социал-революционеров мог прервать жизнь, но он объявил на сегодняшний день свою декларацию и не отступает.

К счастью, председателю Головину и другим членам президиума удалось убедить Столыпина, что его декларация в таких условиях не может быть выслушана и понята, и что они просят от имени Думы перенести выступление на другой день. Столыпин уступает, и снова, побледневший, но спокойный, пробивается сквозь толпу и уезжает, а Дума назначает «ad hoc» комиссию для установления причин катастрофы и определения времени, необходимого для ремонта, и расходится по клубам и партийным собраниям. Для уточнения хочу отметить, что потолок с целью ускорения ремонта должен был быть только подбит досками, а следующее свое заседание Дума провела в дворянском зале, в котором заседал Государственный Совет. Я находился тогда в ложе, что подтверждает фотография, сделанная в момент открытия заседания. Когда Столыпин занял место за трибуной, вся группа социал-революционеров бросилась к нему и окружила плотным кольцом, а он в конце выступления бросил им в лицо: «Вам нужна анархия, а нам большая и сильная Россия». Закончил историческими словами, которые я уже приводил выше. Чтобы закончить портрет этого единственного в то время государственного Деятеля с большой буквы, я должен сказать о своем к нему

отношении. Я познакомился с ним в Минске, как уже упоминал ранее, а возобновил знакомство во время его дружеского жеста по отношению ко мне на открытии законодательных палат. Насколько я помню, во время срока действия I Думы я вообще с ним не встречался. И только, когда Дума была распущена, а Государственный Совет отсрочен, я поехал к нему проститься. Было лето.

Столыпин жил на министерской даче на Аптекарском острове. Дом большой, несколько этажей, деревянный, стоящий на одном из рукавов Невы, засаженном липами. У берега на волнах качался пароход, готовый в любой момент отплыть в Петергоф, где находилась в то время резиденция императорского Двора. В доме – просторная прихожая, заполненная различными швейцарами, курьерами, жандармами. Дальше – небольшая проходная комната, в которой постоянно находился при всех регалиях старший чиновник, насколько мне не изменяет память, Яблонский, и молодой, по всему виду, хорошо справляющийся со своими обязанностями, офицер жандармерии, который, казалось, ничего не видел и не слышал, зачитавшись газетой «Новое время». За этой комнатой находился большой зал заседаний с обычными рядами стульев и длинным столом, покрытым традиционным зеленым сукном. Дальше – просторный кабинет премьера. Хозяин встретил, как обычно, радушно. Я сказал, что приехал проститься перед отъездом на каникулы. Столыпин поблагодарил и сообщил, что и сам хотел меня видеть. Задержал меня надолго. Он начал с того, что поскольку аграрный вопрос является одним из жизненно важных в правительстве и государстве, то для его решения он «набирает» команду. Он ищет для работы людей не среди бюрократов, а среди тех, кто работал в данном направлении и имеет опыт, подобный моему. **Попросил у меня прощения, что не может сразу предложить министерский портфель, хотя планирует это, а в данный момент надеется, что не откажусь принять должность вице-министра сельского хозяйства. Сообщил также, что моя кандидатура была обсуждена в Царском Селе и получила самое высшее одобрение, и что я должен**

благородному делу посвятить свое время и свой талант.

Для меня это было такой неожиданностью, что стоял, как оглушенный. Я ответил, что, даже отодвинув мои имущественные и семейные дела, которые также нельзя в данный момент не учитывать, я не думаю, что достоин принять такую ответственную должность, что я никогда не служил и не имею никакого опыта, что не был даже столоначальником. Но Столыпин прервал: **«Именно такие люди нам нужны»**. «Впрочем, я не являюсь человеком карьеры, а человеком принципов, – продолжил я, – и поэтому должен знать, куда мы идем и в каком составе кабинета я должен буду работать». «Я не введу Вас в плохое общество – сказал он, – я веду переговоры с Гучковым, Львовым, Стаховичем, бароном Хейденом, и Вы должны в таких сложных условиях передать им свой опыт». Я продолжал отказываться, приводя всяческие аргументы, в том числе такой, что назначение меня на столь ответственный пост в этот щекотливый момент может погубить сельскохозяйственные реформы.

Утомленный разговором, я поднялся, чтобы проститься. Столыпин проводил меня к выходу и сказал, что мой отказ не считает окончательно решенным, и берет с меня обещание, что если он отзовет меня с каникул в столицу, я немедленно явлюсь. Я пообещал, и ошеломленный таким предложением, прямо бежал к себе, не замечая по пути ни людей, ни домов, и даже не видя дороги, по которой меня вез извозчик. Я решил пока ни с кем не делиться новостью, храня тайну между мной и премьером. Но, как же я был удивлен, когда на общем завтраке у Донона с Юзефом Островским я услышал от него упрек в свой адрес, что не поделился вчерашней новостью со своими коллегами по группе. Он сам ездил проститься к Столыпину, и тот ему рассказал о нашем разговоре, жалуясь, как ему тяжело: со старым кабинетом работать уже невозможно, а нужные люди не хотят протянуть руку помощи, как, например, Войнилович, хотя мой отказ не считает окончательным. Я сказал Островскому, что считал предложение Столыпина кабинетной тай-

ной, но, поскольку сам инициатор ее раскрыл, я как председатель группы согласно уставу требую, чтобы Островский как заместитель назначил заседание с целью обсуждения предложения, но последнее слово все-таки будет за мной.

Островский правильно заметил, что вопрос является слишком важным, чтобы его обсуждать в небольшом составе группы, поскольку часть депутатов разъехалась на каникулы, и что только в Варшаве он всех соберет и после консультаций с другими серьезными людьми пришлет мне в Савичи решение.

И, действительно, я получил депешу от Островского, в которой говорилось, что они считают желательным мое принятие министерского поста, но при условии моей договоренности с «партией обновления», а также сообщалось, что вслед за депешей я получу письмо. В письме от 25 июля (7 августа) 1906 г. Островский подчеркивал, что решение было принято единогласно депутатами от Королевства, плюс голоса графа Олизара и Еловецкого.

Он также подробно излагал мотивы принятого решения, обуславливая принятие министерской должности столькими независимыми от контрагента обстоятельствами, что я пришел к заключению – мой приход в министерство будет преждевременным.

Сразу же в перерыве после I созыва Законодательных Палат министром сельского хозяйства был назначен князь Б. Васильчиков, крупный землевладелец. Несколько недель спустя после возвращения домой я получил от него письмо с приглашением от имени Столыпина приехать в столицу. Я понял, что означает это письмо и, хотя решение об отказе мной было принято, начал собираться в дорогу, помня свое обещание. В Вильно я задержался на один день, чтобы встретиться с коллегами по Государственному Совету от Литвы и Беларуси, заранее приглашенными телеграммой. Приехали только граф Тышкевич и Корибут-Дашкевич, которые, после изложения мной сути дела, решительно выступили за то, чтобы я принял предложение премьера, полагая, что участие в кабинете хоть одного представителя для Края будет большим плюсом.

Взрыв на вилле Столыпина

Задержка в Вильно на один день спасла мне жизнь, так как уже по дороге в столицу, в Двинске (Даугавпилс) я узнал о страшном взрыве на Аптекарском острове и почти чудесном спасении Столыпина и его семьи. Сын вернулся в нормальное состояние через два месяца, а дочь вынуждена была лечиться еще несколько лет. Я видел ее вначале, когда ее в шезлонге выносили в парк, а последний раз встретил уже сидящую верхом на лошади рядом с дворцовым перроном на Елагинском острове, позже ставшим летней резиденцией Столыпина (бывший дворец Павла I). Если бы я не задержался в Вильно, я был бы в момент взрыва в вилле на аудиенции и разделил бы участь тех 50 – 60 человек, которые погибли при взрыве. Фамилии погибших выбиты на обелиске, одиноко стоящем на том страшном месте, «ubi dacza fuit».

Хочу добавить для иллюстрации случайности и предназначения, что у чиновника Яблонского и офицера жандармерии, сидящих в небольшой комнате за одним столиком, о чем я вспоминал раньше, разные судьбы: Яблонского я встречал позже в комнате ожидания у Столыпина в Зимнем дворце, он остался цел и невредим. От офицера даже следа не осталось, только через несколько дней на липе была найдена часть ноги в сапоге со шпорой, по которой его опознали. Двое детей Столыпина находились над кабинетом отца на не поврежденном взрывом углу балкона, и уцелели. Из всего кабинета уцелела также икона в серебряном окладе, с которой Столыпин потом не расставался, и которую я всегда видел на рабочем столе премьера. Во время взрыва в зале ожидания находился мой коллега по Государственному Совету и друг барон Нолькен. Он был контужен, но, когда дым рассеялся, пришел в сознание и побежал за помощью в соседний полицейский участок. И только там он заметил, как из его ноги хлещет кровь. Трудно сказать, что было бы со мной.

Прибыв в столицу в такой трагический момент, когда Столыпин находился в состоянии тревоги за судьбу раненых

детей, я решил не беспокоить премьера, а встретиться с князем Васильчиковым, которому мне легче было сообщить о своем отказе. Мое решение укрепилось после сообщения, что создать кабинет из числа общественных деятелей не удалось, тем более, что хорошо относящийся ко мне госсекретарь барон Уексель, к которому я заглянул по пути, также подтвердил, что мое вхождение в состав кабинета пока преждевременно.

Присвоение ранга Государственного советника

Когда князь Васильчиков повторил мне предложение Столыпина и заявил о своем желании вместе работать, я сослался на различие в наших взглядах во время совместной работы в аграрной комиссии, созданной из числа членов группы центристов, одновременно подчеркивая, что от своих взглядов я как человек не карьеры а принципов, не могу отказаться. Князь Васильчиков успокоил меня, что он согласен разделить мои взгляды и что ему приказано принять все мои условия, касающиеся зарплаты и служебных прав (кстати, перед самой моей поездкой в столицу я получил известие о присвоении мне ранга Государственного советника, минуя две ступени). **Он продолжал, что, даже если я не хочу покидать избираемую почетную должность депутата Государственного Совета и менять ее на назначаемую должность вице-министра, то Столыпин сможет и здесь уладить все вопросы по моему желанию.** Однако я твердо ответил, что в то время, когда лучшие российские политики в связи с позицией, занятой правительством в вопросе о законодательных палатах, отказались от сотрудничества с кабинетом, то, как буду выглядеть, если войду в состав правительства? На это князь не нашел конкретного ответа.

Я поблагодарил князя за предложение совместной работы, просил передать благодарность Столыпину за доверие, которое он мне оказал, просил также передать слова сочувствия в связи с катастрофой на Аптекарском острове, и с легким сердцем покинул столицу. Скажу прямо, что я

никогда не жалел о своем решении, так как, приняв предложение, я мог очень легко оказаться не на высоте, а отказав, я вырос в глазах россиян и моих коллег по Государственному Совету. Ибо среди них было много таких, которые желали бы заполучить министерские портфели, и очень мало, которые бы отказались.

Выступление против доклада Столыпина

Что касается моего отношения к премьеру, то он стал еще более независимым от всяких посторонних комбинаций, при сохранении взаимного уважения, предоставил мне свободный к нему вход в любое время. Если бы я принял должность, то стал бы зависимым, отказавшись, я оставался сильным независимостью своих убеждений и свободой поступать согласно своей совести. У нас даже возникли своеобразные отношения. Я, не злоупотребляя знакомством, посещал его несколько раз в году. Мы всегда говорили достаточно резко друг другу правду в глаза, но всегда расставались хорошими друзьями, и никогда Столыпин не мог сетовать на то, что я где-нибудь бестактно распространялся об услышанном в его кабинете. А когда в конце моего заседания в Государственном Совете по поручению нашей группы я должен был выступить в Думе против доклада Столыпина, касающегося проекта выборов в Государственный Совет в Западном крае, Столыпин, сидя в министерской ложе, лихорадочно конспектировал. Я ожидал острой реплики в ответ, но он не выступил, а в перерыве пожал мне руку и сказал: «То, что Вы сказали, хотя и было направлено против меня, но это было так правильно и так спокойно сказано, что я даже не смог протестовать». Я сказал, что это моя лебединая песня, так как срок моего заседания заканчивается и я, скорее всего, в Государственный Совет уже не вернусь. Он начал убеждать, что вернуться я должен, даже обязан. Однако сложилось так, что я не вернулся и его больше не видел, так как он был убит в Киеве в театре на праздничном спектакле.

Хильденбант

Незаурядную должность в тогдашней государственной иерархии занимал Государственный Секретарь барон И. А. Уекскелль фон Хильденбандт. Хотя он оставался лютеранином, но почти не был связан с немецкими баронами из Прибалтийской провинции, поскольку имений там не имел, а просто продвигался по служебной лестнице. Человек очень честный и благородный, с которым у меня, даже не знаю, каким образом, установились близкие отношения, не прекращающиеся даже после моего ухода из Государственного Совета. Это знакомство для нашей группы по-прежнему было полезным, ибо барон всегда был хорошо осведомлен о том, какие настроения преобладают при Дворе, который, несмотря на существование Законодательных Палат, всегда оказывал решающее влияние на государственные дела. Он всегда был для нас хорошим советчиком. А отношения сложились так, что когда однажды нужно было от нашей группы передать императору приветственное письмо, я смело передал ему текст на утверждение.

Император, читая наше письмо, даже допустить не мог, что к нему был причастен государственный секретарь. Уекскелль проживал тогда с семьей в государственном доме на Литейном проспекте, а сама хозяйка всегда была гостеприимной и даже однажды лечила мою легкую простуду. Я бывал у них на обедах, обычно в узком кругу коллег. После моего ухода из Государственного Совета у нас сложилась традиция обмениваться пару раз в году письмами до тех пор, пока мартовская революция и немецкая оккупация не прервали связь с Петербургом. Барон, как государственный секретарь, ни к одной партии и ни к одной из групп не принадлежал, и даже, когда его должность занял вице-министр внутренних дел Крыжановский, он оставался беспартийным членом Государственного Совета.

П. М. Дурново

Незаурядной личностью в Государственном Совете

был когда-то всемогущий министр внутренних дел П. М. Дурново, председатель правых в Госсовете, человек, который отличался исключительно здравым умом и постоянством убеждений, непоколебимый в осуждении всякого парламентаризма и менее националистически настроен в отличие от многих псевдолиберальных членов Государственного Совета. Мне приходилось часто бывать у него, а из-за схожести наших взглядов он не раз высказывал сожаление, что я не принадлежу к его правой группе. Когда я должен был выступать «contra lex Pichno» и проекта Столыпина, касающихся выборов в Госсовет в Западном крае, а от правых в качестве оппонента был назначен вице-председатель Кобылянский, Дурново повлиял так, чтобы никто из правых мне не оппонировал, о чем мне заявил сам Кобылянский, пожимая руку перед моим выходом на трибуну.

И вообще, следует отметить, что правые больше всех имели в своих рядах государственных деятелей, которые были сильны своими служебными традициями и практикой. И во многих случаях нашей группе легко было бы с ними идти рука об руку, если бы не принципиальные разногласия, с которыми мы никогда не могли согласиться, а именно – отрицание начала в государстве конституционной эпохи.

П. М. Дурново считался одним из самых богатых и заботящихся о собственных интересах членов Государственного Совета. Он имел очень большие незастроенные городские территории на «островах», стоимость которых с каждым годом росла, и был втянут в постоянные конфликты с городским правлением на почве увеличивающегося налогообложения. Поскольку большинство тогдашних сановников начинало свою служебную карьеру в то время, когда он был министром, Дурново воспринимал этих господ достаточно снисходительно, к чему в некоторой степени обязывало и дальнейшее родство с председателем Государственного Совета М. Г. Акимовым.

Помнится, мы в финансовой комиссии рассматривали бюджет канцелярии варшавского генерал-губернатора, а докладчиком был тогдашний вице-министр внутренних дел Крыжановский, бюрократ до мозга костей и чистой воды

националист. Дурново, который не любил Столыпина (премьер был одновременно министром внутренних дел), начал доказывать, что абсолютно ненужным «винтиком» в государственном механизме являются заместители министров, что он, будучи министром, иногда уходил в отпуск, и император его спрашивал, кому из своих коллег (вице-министров) передаст свои обязанности, всегда отвечал, что никому, так как они обычно никакого понятия о работе не имеют. Есть директора департаментов, на которых он возложит ответственность за порядок. Поскольку он это говорил прямо в лицо Крыжановскому, мы боялись возникновения крупного инцидента в Государственном Совете. Крыжановский краснел, потел, но терпеливо выслушивал. Когда Дурново закончил, Крыжановский попросил микрофон и сказал: «Правила имеют свои исключения. Таким исключением в свое время был вице-министр Дурново, без чьей осведомленности и воли ничего в министерстве не могло происходить». Пришла очередь покраснеть Дурново, а присутствующие позавидовали хладнокровию и находчивости Крыжановского.

Витте

О моих отношениях с графом Витте, автором монополии на алкоголь и золотую валюту, я уже немного вспоминал. Не подлежит сомнению то, что он был одним из способнейших государственных деятелей в тогдашней России. Ушел из властных структур в момент, когда запланированные им реформы начали осуществляться. Предчувствовал ли он их хрупкость, или не верил в возможность выполнения, трудно сказать. Во всяком случае, чувствовалось, что он любит власть, отказаться от нее полностью не сможет и что вернется обязательно. Это понимали многие члены Государственного Совета и относились к нему с некоторой осторожностью. Не раз можно было услышать в кулуарах высказывания: «Не приведи Господь, чтобы Витте еще понадобился России», так как это свидетельствовало бы о том, что в России все очень плохо,

если обращаются за спасением к графу; т. е. равнозначно тому, как иногда люди обращаются к ростовщикам, если иначе не могут справиться с финансовыми проблемами. Его обвиняли даже в двуличности. О характерном эпизоде рассказывал мне однажды в клубе за завтраком бывший министр торговли Тимирязев: «Вы в провинции думаете, что манифесты пишут боги, мы же в столице знаем не только то, что их пишут люди, но и знаем, какие». О Манифесте 17 октября мы узнали из утренних новостей. Известно было, что это работа Витте. В тот же день было назначено заседание Совета Министров под председательством Витте. Торопимся, ожидая узнать, как этот новый конституционный строй обозначится. Граф Витте свое выступление начинает словами: «Мой самодержавный монарх» и т. д., и т. д. Мы смотрим друг на друга вот он весь, граф Витте.

Выступления графа Витте в Государственном Совете всегда были «sans façon», как бы он вовсе не обращал на этот Совет внимания. Обычно говорил без подготовки, но всегда по существу. Его всегда слушали внимательно и комментировали в прессе. Я иногда заходил к нему. Он жил в отдельном собственном небольшом дворце на Каменноостровском проспекте, принимал в прекрасном кабинете. Показывал мне портрет Вильгельма II с личной подписью, показывал место, в котором прячет браунинг, и где находится электрическая кнопка сигнализации, так как по-прежнему существовала опасность покушений. Когда выносился на повестку дня вопрос об автономии Королевства, он не был ее сторонником, зная о предложениях мне Столыпина, которого не любил, находил, что я поступил правильно, дополняя: «Видите ли, господин Войнилович, если бы мне сказали, что Столыпин хороший маршалок дворянства по назначению, я бы ответил – бесспорно; если бы мне сказали, что он очень хороший губернатор, я бы ответил – возможно, но если бы мне сказали, что он является ответственным государственным деятелем, я бы ответил – не годится. Знаете ли, уважаемый господин, я люблю после завтрака прокатиться в автомобиле – это мое развлечение.

У меня был идеальный водитель, я часто думал, что

я буду делать, если он покинет меня. В это время между ним и моей женой произошло какое-то недоразумение, и настолько серьезное, что жена, даже не предупредив меня, рассчитала его. Я сажусь в авто, смотрю – новый водитель. У меня даже возникло сомнение, стоит ли ехать. Но и провоцировать инцидент не хочется – еду. И вот, езжу уже третий день и думаю, как я мог довольствоваться тем одним водителем столько лет? Так и с Россией будет, когда не станет шофера Столыпина».

Граф не дождался переворота, но я убежден, что не было бы мирного конгресса без его участия.

А. С. Ермолов

Одним из главных инициаторов создания группы центристов в Государственном Совете был А. С. Ермолов. Это был человек устаревших взглядов, который не мог привнести свежую струю в собрание. При этом, поскольку его кандидатура не исключалась из числа предполагаемых на должность Председателя министров, он был очень осторожен в своих высказываниях, чтобы не скомпрометировать себя перед партией, которая управляла государством. И когда возник проект уменьшения числа представителей в Государственной Думе, он горячо поддержал этот проект даже вопреки принципам, которые сам редактировал в уставе группы центристов.

Боясь, что польские голоса могут составить в Думе не желаемое для блага государства большинство, он утверждал: «Нежелательно, чтобы польская капля могла переполнить российскую чашу».

Над аграрными вопросами он работал много в свое время, но не всегда ориентировался в современной обстановке.

Н. С. Таганцев

Н. С. Таганцев – известный профессор уголовного права, человек либеральных взглядов, патриот. Немного подобных ему имелось в Государственном Совете.

А. Ф. Кони

Не меньшими достоинствами обладал А. Ф. Кони, который пришел в Совет в конце моего пребывания в столице, и который очень внимательно выслушал мое выступление на тему выборов в Государственный Совет в Западном крае и отметил, насколько спокойно все было изложено.

Д. Д. Grimm

Ректор Петербургского университета Д. Д. Grimm очень дельно выступал от имени левых, но его группа была слишком малочисленной, чтобы повлиять на решение.

Д. А. Олсуфев

Граф Д. А. Олсуфев, хотя и был в то время правым, но обычно выступал в духе программы центристов, а наш председатель, князь Трубецкой, по-прежнему обещал «перетянуть» его к нам.

А. А. Сабуров

Одним из знаменитых членов Государственного Совета был А. А. Сабуров, государственный деятель, скорее английского, чем петербургского типа, благороднейший, не изменяющий своим убеждениям, человек, который всегда поддерживал нашу группу и искренне был к нам доброжелателен; уже после моего возвращения домой прислал мне свою фотографию с очень лестным письмом.

Представители Прибалтийских губерний

Не могу не вспомнить по-прежнему радушного к нам отношения представителей Прибалтийских губерний, баронов Тизенгаузена, Деллингаузена, Будберга и графа Ройтерна барона Нолькена (две фамилии и двойной титул). Они очень

близкие нам по духу, настоящие джентльмены. Непоколебимы в сохранении традиций, почитающие свое положение в провинции. При первой встрече барон Тизенгаузен приветствовал меня, как коллегу по «Потопу», в котором Сенкевич упоминает обе наши фамилии. Барон Деллингаузен, Ревельский губернский маршалок, заменил убитого крестьянами барона Будберга и всегда горячо поддерживал все постулаты нашей группы. Гостеприимный и общительный Ройтерн-Нолькен, курляндский губернский маршалок, был необычайно мне приветлив, и на обедах у него мне не раз приходилось встречаться с приезжающими прибалтийскими баронами.

Все эти бароны были членами центристской группы, но поддерживали тесные отношения с немцами, принадлежащими к правым и левым, а нам не уставали повторять: «Почему вы вошли все в одну группу, нужно иметь своих представителей в разных группах, чтобы знать, что в них происходит, и оказывать влияние на их решения». Но кто же из наших депутатов, избранных по одному от губернии, мог иметь гражданское мужество, чтобы, не боясь быть неугодным своим избирателям, вступить, например, в правую коалицию, выступающую против Законодательных Палат, или в левую, которая хотела отобрать земли у собственников? Несомненно, новый Валленрод был бы побит камнями.

М. М. Ковалевский, Мечников

Не всегда присутствовал на заседаниях, но появлялся в ответственные моменты в Государственном Совете и громким голосом оглашал свои аргументы профессор М. М. Ковалевский, обращаясь иногда за историческими примерами даже к эпохе фараонов, за что его часто призывал к порядку председатель Акимов.

Однажды, когда центристы вместе с левыми победили правых при избрании председателя финансовой комиссии, что весьма редко случалось, Максим Ковалевский и профессор Васильев предложили мне пойти вместе выпить шампанского. Но вместо «Кубата» или «Донона» отвели меня на Конюшенную в лабораторию лактобациллина

Мечникова, и там пришлось чашку этого препарата употребить, что при моей внушаемости (съел живые бактерии) у меня так пошла кругом голова, что, помнится, с огромным трудом я написал нужную телеграмму.

С. С. Манюхин

Из других членов Государственного Совета хочу назвать С. С. Манюхина, бывшего министра юстиции в кабинете Витте. Способный человек, хорошо знающий кодексы, но скрупулезно следивший за тем, с какой стороны «дует ветер», так как боялся потерять карьеру. После нескольких лет моего пребывания в деревне я прочитал в газетах, что он был направлен в Сибирь с целью изучения и составления рапорта по поводу пользующихся дурной славой случаев в золотоносных приисках на реке Лена.

Романов, Дмитриев, Пихно, поляки

Положительным, всегда беспристрастным и уравновешенным, постоянно избираемым председателем финансовой комиссии был И. М. Романов, а также не уступающий ему в достоинствах М. Д. Дмитриев, чего, наверное, нельзя сказать о Д. И. Пихно из Киева, олицетворявшем собой воинственный национализм, характерный для всех кресовых деятелей, человек способный и знающий право. Если то, что 9 западных губерний поставили в Государственный Совет 9 депутатов от польских землевладельцев, кололо в глаза, то Пихно, в связи с этим, спать не мог, и начал усердно работать над новым избирательным законом, который лишал бы поляков всякой надежды на представительство в Государственном Совете, против чего я должен был выступить от имени нашей группы. Но пока эти планы не осуществились, и еще после моего ухода из Госсовета наши Кресы были представлены поляками, пока так называемые «стольпинские» земства все не изменили. В конце существования законодательных палат только три губернии, Виленская,

Ковенская и Гродненская, не охваченные земствами, направили своих представителей из среды польских землевладельцев: А. Мейштовича, К. Скимунта и С. Лопатинского. Рядом с Пихно можно было бы поместить В. Ф. Дейтриха. Насколько Пихно ополчался против западных губерний, настолько попытки Финляндии в вопросе автономии не давали покоя Дейтриху. Даже не знаю, дожил ли он до момента признания ее независимости.

Представители от Кресов

Из представителей от кресов нужно назвать абсолютно беспристрастных и не отравленных национализмом Н. П. Балашова и Б. И. Ханенко. Первый из них – богатый российский землевладелец, к тому же наследник огромного состояния Паскевичей в Гомеле, несмотря на то, что его сын возглавлял в Думе партию националистов, без всяких предубеждений относился к нашим делам, должным образом оценивал заслуги наших землевладельцев на Кресах. Ханенко был большим нашим другом и охотно помогал своими связями и даже подписью при обращениях. Я познакомился с ним ближе и подружился на клубных обедах, после которых мы не раз ездили на острова подышать свежим воздухом. Находясь в Киеве, я посетил его дворец. Хозяина не было, но дворец я рассмотрел. Он представлял собой нечто вроде музея предметов искусства, собранных со всего света, но главным образом привезенных из Италии. Его имущественное состояние позволяло ему этим заниматься: он был представителем сахарного производства, к тому же был женат на сестре сахарного короля Терещенко.

Два представителя донского края – А. А. Донецкий и В. И. Денисов, первый из которых профессиональный адвокат, второй – владелец огромных богатств и губернский маршалок, всегда упорно, убедительно и по существу стояли на защите интересов казаков. У Денисова двери дома всегда были распахнуты для друзей, правда, до момента развода с женой и самоубийства сына (второе стало следствием первого).

Корф

С бароном П. Л. Корфом мне приходилось работать вместе в аграрной комиссии, и всегда между нами было взаимопонимание. Он был избран от Петербургской губернии и не поддерживал отношений с прибалтийскими баронами.

Куломзин

С А. Н. Куломзиным, который позже стал председателем Государственного Совета, я ближе познакомился в школьной комиссии, председателем которой он был. Бюрократическая карьера, которую он избрал с юных лет, дала ему как «управленцу» необходимый опыт. Но, помня направление, господствующее во времена Толстого, Победоносцева & К°, он нелегко воспринимал новое, связанное с народными школами и свободным обучением, за которые я его агитировал. Задача была практически невыполнима, тем более что второй член комиссии, вождь крыла националистов в Государственном Совете и шурин самого Петра Аркадьевича, Алексей Нейхард постоянно следил за тем, чтобы комиссия не сворачивала с пути, проложенного Министерством просвещения.

А. Б. Нейхард, человек способный и трудолюбивый, с огромными связями, к нам был настроен враждебно.

С Куломзиным же, несмотря на расхождение во взглядах, отношения оставались хорошие, и, когда я ушел из Государственного Совета, он мне присылал в деревню труды школьной комиссии, хотя я к ней „ipso facto” не принадлежал.

Леонтович

Почтеннейшим человеком был полтавский депутат, маршалок И. М. Леонтович, искренний наш друг, либерал, большой авторитет в вопросах, связанных с переселением, приглашаемый вице-министром Лукошиным для работы в «сервитутных комиссиях», о чем я упоминал выше.

Косич

Генерал А. И. Косич, в свое время военный министр в Болгарии, командир корпуса, расквартированного в Минске, принимавший участие в делах Минского аграрного общества, наш постоянный друг, недолго был членом Государственного Совета. Как человек, который не особо считался с настроениями высших сфер и не стеснялся в выражениях во время выступлений, вскоре был отправлен в отставку. Он приглашал иногда меня к себе на завтраки, на ул. Кирочную 24, где жил вместе с женой. Детей у них не было. Состарившийся, он уже не был способен к напряженной работе.

Хомяков, Волконский, Стахович

М. А. Хомяков и князь М. С. Волконский перешли из Государственного Совета в Думу и заняли там достойное место. Однако не оправдал наши надежды М. А. Стахович, который прошел путь «с точностью до наоборот», когда из выдающегося члена Думы он стал очень заурядным членом Государственного Совета, позже назначенный генерал-губернатором Финляндии.

Нарышкин, Коковцев

А. А. Нарышкин, ультраправый аристократ, но блистательный джентльмен, всегда уважающий мнение оппонентов, ценил нашу культуру и поведение в Государственном Совете. В. М. Коковцев, тогдашний министр финансов, ученик Витте, хоть и расходился в некоторых вопросам с министром, но был человеком способным и трудолюбивым, правда, любил говорить слишком долго, прислушиваясь к своей речи и любясь каскадом своих слов. Несмотря на мою уравновешенность, я однажды в Думе позволил себе процитировать историческую поговорку: «Слава Богу, у нас нет парламента». После трагедии со Столыпиным Нарышкин стал премьером, однако, не смог добиться такого

влияния, которое его предшественник имел в Законодательных Палатах.

Николай

Не могу не вспомнить также и о Николае – хелмском и варшавском архиепископе, с которым я также был близко знаком. Он проживал на улице Большой Подъячевской, на «Монастырском подворье». Над кроватью у него висела икона с изображением Матери Божьей Ченстоховской, подаренная, с его слов, известным в свое время аббатом О. Рейманом. Он рассказывал о своем аббатстве в Америке и в Крыму, где якобы татары с благодарностью вспоминают его толерантность; а выделялся ли он такой же толерантностью в Королевстве, другим лучше знать. Он подарил мне издание своих проповедей, одна из которых была прочитана в Ченстохове, и должна была выделяться особой толерантностью.

Нольде – Шум

Положительным героем в Государственном Совете был также барон Э. И. Нольде, представитель кавказского наместника князя И. И. Воронцова-Дашкова, а также благородный его защитник в Думе, чему сам был свидетелем. Когда левые депутаты, которыми изобиловал Кавказ, начали тенденциозно склонять доброе имя наместника, человека почтенного, барон Нольде из министерской ложи проследовал к трибуне и, сильно возбужденный, имел неосторожность выразиться: «Те господа, что так ищут наместника, даже в подметки ему не годятся». Шум поднялся неопиcуемый, по поводу, якобы, оскорбления представителей народа. Председательствующий Хомяков вынужден был прервать заседание. Дело дошло до Царского Села и закончилось предложением председателя Думы на заседании, чтобы барон Нольде объяснился, что не хотел оскорблять своих оппонентов как членов Думы, а обращался к ним как к частным лицам,

которые отрицательно отзывались о его шефе и друге. Получил ли выговор барон Нольде в Царском Селе, я не уверен.

Акимов

Наконец, хочу охарактеризовать председателя Государственного Совета М. Г. Акимова, грубого и властного, подрезающего крылья всем, кто хотел подняться выше крыльца Мариинского дворца. Акимов, Булыгин и Дурново – тройка с огромным влиянием в Царском Селе. Но, лично я на свои отношения с председателем не могу нарекать. Он иногда даже приглашал меня на совещания конвента сеньоров.

Здание Государственной думы (Таврический дворец)

VI

Теперь наступила очередь рассказать об отношении депутатов Государственного Совета ко всем депутатам Думы и об отношении депутатов Думы от Западного края к депутатам Думы от Конгресовки. В начале законодательной деятельности мы редко встречались с думскими депутатами от Королевства, несколько раз в году. Обычно это происходило в библиотеке костела святой Екатерины, например, с целью обсуждения участия наших депутатов в межпарламентской конференции в Лондоне, т. е. в случаях, не имеющих отношения к прямой законодательной деятельности. Чаще депутаты Госсовета и Думы от 9 западных губерний собирались в узком кругу с целью обсуждения своих проблем.

Епископ Ропп

Во главе депутатов Думы находился, согласно своему статуту, виленский епископ Эдвард Ропп – человек инициативный и знающий, чего хочет. Но нельзя сказать, что такое положение вещей давало только положительные результаты. Прежде всего, епископ Ропп стремился выполнить свою социально-католическую программу, если

можно ее так назвать, которая не каждому была по душе. Во-вторых, его должность создавала ту ситуацию, при которой депутаты, среди которых большинство составляли католики, обязаны были ее почитать, что препятствовало свободе споров и оппонирования.

Собрания, которые проходили на квартире думского депутата Болеслава Яловецкого, длились недолго, возможно, отчасти причиной тому было отсутствие собственного помещения, но, скорее всего – некоторые разногласия во взглядах и большая занятость как одних, так и других депутатов в комиссиях обеих Законодательных Палат, в которых, нужно признать, наши депутаты серьезно работали. Хочу, однако, сделать оговорку, что во всем сказанном мной выше, и в том, о чем еще расскажу, отражены мои личные взгляды. Возможно, я ошибаюсь, пусть другие поправят, но делаю я это, во всяком случае, с самыми лучшими намерениями.

Некоторые различия во взглядах

С самого начала, будь то на неофициальных собраниях нашей группы, будь то на официальных выступлениях в Думе, наблюдались некоторые различия во взглядах представителей Литвы и Руси и представителей Конгресувки. Да иначе и быть не могло. В нашем случае затрагивался вопрос о владении землей и нежелании от нее откаться, представленный в виде основной статьи политического катехизиса Литвы и Руси, на алтарь которого, как я уже вспоминал, польские землевладельцы Западного края положили все самое дорогое, чтобы сохранить свое имущественное положение, несмотря на всяческие декабрьские законы; земля, которая уйдет из рук, уже больше к ним никогда не вернется. Этот вопрос для депутатов от Конгресувки имел с национальной точки зрения второстепенное значение. Если бы, например, в Королевстве некий Подфилипский осуществлял бы распарцелляцию семейного гнезда, то вместо него там бы осели Войтки, Мацюси и другие потомки того же колесного мастера, от которого и бывший владелец

происходил, и из рук которых, само собой разумеется, земля «ускользнуть» не могла, а национальное воспитание и самосознание могли бы сформировать еще лучшего гражданина страны, чем господин Подфилипский. И поэтому программа кадетов, выдвигающая разные либеральные домыслы, и с самого начала указывающая на определенные «*fata morgana*» автономии Королевства, была для «коронцев», безусловно, привлекательной. Группа I Думы могла хоть десять раз заседать на тему повестки дня в Думе, но все знали, что «*le mot d'ordre*» определяется не в группе, а в кадетском клубе. Что касается депутатов Литвы и Руси, то для них кадеты были кошмаром, поражение которых отдаляло призрак принудительного отчуждения, поэтому представителям Литвы и Руси более близки были взгляды октябристов (российских реалистов).

Вторым вопросом, влияющим на расхождения во взглядах обеих групп, были основные цели политики: тамошние землевладельцы чувствовали в себе силы добиться лучшей доли для своего Края даже при существующем государственном порядке. А представители Короны, ссылаясь на Венский трактат, на органический статут, на реформы эпохи великого князя, считали широкую автономию единственно возможным решением этого вопроса.

На неофициальных собраниях нашей группы участники все дальше отклонялись в сторону, и даже уже обсуждался вопрос о цветах будущей армии, о праве евреев на жаргонную школу и т. д. Эти различия во взглядах характерны для представителей районов Речи Посполитой, для Литвы же и Руси (включая Белую Русь и Малую Русь) тогдашней мечтой было уравнивание в правах с другими губерниями страны.

Опытные и закаленные в сложных условиях исключительного права деятели проявлялись не только на неофициальных заседаниях, но и становились всеобщим достоянием, благодаря выступлениям депутатов обоих районов на пленарных заседаниях Думы. Хочу рассказать, как на неофициальном заседании депутат В. Грабский очень искусно объяснял, что отчуждение вовсе не является чем-то исключительным, что оно существует во всех законо-

дательствах в случаях совместного пользования, например, дороги, каналы и т. п.; наконец, раскрепощение крестьян в последнее время является ярчайшим тому примером. Он только забывал о большой разнице, существующей между этими понятиями. Что имуществом, экспроприированным под строительство железной дороги или канала, может пользоваться не только общество в целом, но и сам бывший хозяин, в то время как пашней, отобранной у Подфилипского, пользуется только Слика, который не только бывшего владельца, но и соседа Мацька с нее палкой прогонит. А пример «раскрепощения» крестьян уже, как свидетельствует сама номенклатура, по существу явился документальным оформлением собственности тех, кто этой землей фактически владел и всю жизнь считал своей.

В то время как «экспроприация» подрывает самое ценное культурное приобретение – право собственности: отнимается поле или луг у Яна, чтобы передать их Павлу только потому, что Павел в них нуждается или желает их иметь без всяких на то прав, в то время, как Ян имеет все документы, подтверждающие покупку или наследование, владел фактически своей собственностью, пользовался, работал на ней и повышал культуру земледелия и производительность.

Как-то случайно мне пришлось присутствовать в Думе на известном выступлении депутата Стецкого. Депутат Стецкий подобно евреям, которые, болея холерой, боялись даже произносить это слово, так лавировал, не употребляя слово «экспроприация», что каждый догадывался о том, что сам предмет разговора вовсе ему не противен. И то, что это выступление не только я один так понял, может свидетельствовать тот факт, что сидящий рядом в ложе, кажется, Дурново, даже спросил у меня: «Этот депутат из Польши, он что, кадет?». А после того, как я ответил, что нет, так как поляки составляют отдельную группу, он заметил: «Если он не кадет, то «кадетствующий». То, о чем я говорил, вспоминая В. Грабского, было сказано на неофициальном заседании, и, полагаю, господин Грабский не будет меня опровергать. Выступление депутата Стецкого можно найти

в стенограммах Думы, чтобы убедиться, правильно ли я понял его ориентацию и был ли прав Дурново. В конце концов, в крае его выступление так и восприняли. (Читай статью Езеранского в «Слове» за 14/27 августа 1907 г.).

Такое выступление, такое игнорирование наших интересов, такое отречение от польских Кресов, и все ради того, чтобы угодить кадетам. Кресов, которые столько натерпелись за свою солидарность с Короной, которые фанатично вступили в повстанческую борьбу 1863 г., чтобы своей пролитой кровью обозначить бывшие границы Речи Посполитой. Кресов, давших стране Костюшко, Рейтана, Мицкевича, Словацкого, Сырокомлю, Одынца, Монюшко, Вейсенгоффа, Кожона, Спасовича! Все это до глубины души возмущало посланцев Западного Края на заседаниях I Думы. Те господа из Короны не чувствовали за собой греха, доказывая, что мы читаем между строк то, чего нет, и что они ведут себя подобным образом только из тактических соображений. Но мы понимали, что тактическими соображениями руководствуются те, кто считает, что на двух стульях удобнее сидеть. Во время созыва II Думы опытный председатель группы депутатов Короны г-н Роман Дмовский совершенно четко обозначил проблему, признавая, что «западные провинции» (так в то время называли восточные Кресы) следует считать потерянными для Польши.

Польша не должна связывать свое будущее с ними, а отсюда — пусть эти провинции сами занимаются своими проблемами. Такая точка зрения постепенно начала влиять и на наших депутатов от Западного края, привыкших издавна прислушиваться к указаниям из Варшавы; начали появляться намеки на то, что «земля является милостью Господней, и все люди под Богом ходят», поэтому одно другому принадлежать может. Не скрывал лишь свои взгляды, направленные на защиту права собственности граф Юзеф Потоцкий, депутат от Волыни. Также смело и решительно с думской трибуны прозвучал голос минского депутата Романа Скирмунта из Поречья в защиту тех принципов, без которых ни одно общество, ни одно государство, ни одна культура существовать не может.

И от Вислы до Тихого океана прокатилось эхо: «еще собственность не исчезла».

Второй, похожий факт диссонанса между взглядами депутатов от Короны и депутатов от Кресов имел место уже во время созыва II Думы. Депутаты от Королевства, заигрывая с кадетами, подобно им не хотели путем голосования осуждать «террор», практикуемый левыми партиями. Только один депутат, Станислав Ванькович, вопреки постановлению группы выразил протест, поднимая таким образом этику с уличного уровня до уровня, соответствующего законодательному органу.

Об этом диссонансе я говорил на собрании в Варшаве, которое проходило в Зале техников в перерыве между созывами законодательных палат. Тогда выступили Р. Дмовский и владелец майората граф А. Красинский. Это были как бы предварительные переговоры, на которых обозначились различия между позицией Короны и ее бывших восточных территорий. Подобные взгляды одних удивляли, других шокировали, но все быстро к ним привыкли. Уже во время войны ко мне в гостиницу «Европейская» зашел Роман Дмовский, с которым на собраниях группы как с председателем партии «эндэков» в Петербурге не раз приходилось «шпаги скрещивать»; но при этом я высоко ценил его большой талант и политический опыт, а также его уважение к мнению оппонентов. Он начал рассказывать мне о докладных записках, направленных властям почти одновременно с графом З. Велепольским, отметив, что еще при подаче его спросили, почему в записке совсем ничего не упоминается о западных провинциях.

Всегда и еще совсем недавно на переговорах 1863 г., эти провинции являлись яблоком раздора между представителями Королевства и правительством. Дмовский хотел ответить: «В то время считалось, что край такой, какова его интеллигенция. В Западном крае интеллигенция была польской, поэтому Польша заявляла права на этот край, подкрепленные несколькими веками существования общего государства; сегодня же мир стал демократическим: край такой, каково его население; население в Западном крае не

является польским, поэтому в мемориале Литва и Русь не упоминаются». Я уже не говорю о том, что наш уважаемый председатель игнорировал факт влияния интеллигенции на народ и на формирование национального самосознания. Но вообще-то после разговора с господином Р. Дмовским я пришел к выводу, что со времен I Думы и все последующие годы взгляды партии «эндэков» изменились настолько, что под многими их докладными записками можно было подписаться. Больших отличий во взглядах депутатов Госсовета «коронных» и «кресовых» не было, возможно, благодаря политическому опыту представителей этих районов или тому, что почти все представители Короны принадлежали к более умеренной партии реалистов или симпатизировали ей. Во всяком случае, работа нашей группы в Госсовете проходила в полном согласии, что и подчеркиваю с удовольствием.

Когда я начинал писать свои воспоминания, планировалось, что изо дня в день буду представлять нашу деятельность в Госсовете, как из года в год я представлял историю Аграрного общества; это не составило бы мне труда, поскольку я собирал и относительно систематизировал соответствующие документы. Погром, которому подверглось все в Савичах вместе с домом, стал причиной тому, что я излагаю свои мемуары в свободной манере, ибо, составляя историю, следует или все точно описывать, или не претендовать на описание.

Протоколы заседаний «Групп Польского Королевства и краев Литвы и Руси» очень старательно вел неоценимый секретарь группы Констанций Пшевлотцкий. Когда мы разъезжались, их забирал депутат Ротванд и хранил в филиале Банка Вавельберга в Петербурге, чтобы возвратить секретарю после каникул. Я не знаю, какова их судьба сегодня, но уверен, что они не исчезли, и что много вопросов, затронутых в этом источнике, должным образом когда-нибудь будут освещены. А я постараюсь в своих записках остановиться еще на некоторых фактах, оставшихся в моей памяти от столичной жизни. Аграрный вопрос так и не был вынесен на повестку дня Палат первого созыва. Однако в

связи с тем, что на нем все было завязано, и то, что наиболее влиятельная партия кадетов оперировала его лозунгами, было решено и во время выборов, и во время созыва рассмотреть его в комиссиях, хоть и неофициальных, обеих Законодательных Палат, объединяющих в своем составе серьезных представителей различных направлений.

Аграрная комиссия

Аграрная комиссия в Государственном Совете, выделившаяся из группы центристов, к которой имел честь принадлежать и я, чаще всего заседала в зале клуба «Общественных деятелей» на улице Моховой, во дворце Строгоновых. Председателем этой комиссии был Хомяков Николай Алексеевич – бывший директор департамента в Министерстве сельского хозяйства, помещик из Смоленской губернии, который сразу же после перехода в Думу был избран на пост председателя. В состав этой комиссии входили главным образом выборные члены: губернские маршалки, председатели органов самоуправления, прибалтийские бароны, несколько деятелей периода больших крестьянских реформ, например, Семенов, а также бывший министр сельского хозяйства Ермолов и будущий министр князь Васильчиков. Дискуссии всегда были предметными и полезными; не один раз мы встречались с членами такой же думской комиссии для обмена мнениями или избежания больших разногласий во взглядах.

Точка зрения по аграрным вопросам

Я очень добросовестно посещал эти заседания и часто на них выступал. В главных вопросах придерживался мнения, что если бы во всей России действовали такие же аграрные законы, как в Западном крае, где они были приняты не в связи с экономической целесообразностью, а из политических соображений (освобождение оброчников от крепостной зависимости в 1886 г. и арендаторов – в 1893), то большая часть аграрных проблем в ней была бы решена, и вопрос

потерял бы свою остроту. Очень многие не разделяли мою точку зрения, считая ее слишком либеральной. К тому же князь Васильчиков и наша группа не уполномочили меня представить официально подготовленную мной на эту тему докладную записку, что я должен был сделать согласно четко обозначенному регламенту. Хотя позже ничто им не помешало рекомендовать мне продвигать в высшие сферы свои взгляды, которые я после клубных дискуссий переносил в комиссии, и которые, вероятно, повлияли на предложение Столыпина.

Политический клуб

Я упомянул о так называемом «политическом» клубе или клубе «общественных деятелей» на Моховой. Основанный еще до открытия законодательных палат группой общественных деятелей, ищущих пространство для обмена мнениями и взглядами, он играл весьма серьезную роль в жизни столицы. Основной его костяк составляли «октябристы», которые в указе от 17 октября 1905 г. видели панацею государственного возрождения. Там собирались депутаты обеих палат, высшие чиновники канцелярии Государственного Совета и различных министерств, журналисты и другие общественные деятели. Здесь можно было также встретить представителей различных провинций, граждан не только своего государства, но и других славянских.

По вечерам проводились лекции, посвященные обсуждаемым в обеих палатах вопросам, или на тему политической жизни. Таким образом, депутаты обеих палат сталкивались или с критикой общественного мнения в свой адрес, или получали рекомендации на будущее.

Религиозные темы

Проводились также диспуты на религиозные темы, в которых участвовали столпы правящей церкви, такие как Антоний Волынский, Евлогий Хэлмский, Тихон Вологодский. Им приходилось выслушивать обвинения в адрес официаль-

ной Церкви, которая уже не могла полностью удовлетворить религиозные запросы народа, ищущие свое воплощение в различных мистических и нетрадиционных верованиях.

Красовский

На клубных собраниях обычно председательствовал М. В. Красовский – посланник Черниговской губернии в Государственный Совет; человек талантливый, трудолюбивый, умело лавирующий в случае необходимости. По понедельникам в клубах часто устраивались обеды, оживленные и с шампанским, на которых можно было встретиться с теми, с кем в иной обстановке познакомиться было невозможно. В этот клуб мы все записались, а я был постоянным его посетителем. Клубное помещение было прекрасным, столовый зал обшит итальянскими панелями, которые вместе с мраморным камином были доставлены благодаря стараниям Строгоновых.

Просторный зал заседаний, масса помещений для кабинетных заседаний, читальные залы и канцелярии, ванны и иная комфортная обстановка. Через три года своего существования, неизвестно из каких соображений, клуб был перенесен на улицу Пантелеймоновскую, где уже не было так уютно. Кроме обычных, связанных со службой, занятий и заседаний, пленарных и в комиссиях, наши члены Государственного Совета получали огромную корреспонденцию из провинции, в основном частного, но нередко и общественного характера.

Избиратели в депутатах видели своих столичных адвокатов, поэтому часто приходилось собирать для них информацию в различных учреждениях и департаментах. А еще нужно было разыскивать документы или материалы, необходимые для депутатских выступлений. В нашей Группе всегда был такой сотрудник, который более или менее ориентировался в столичных учреждениях, и принимал на себя подобные обязанности. Одним из наиболее способных в этом направлении был наш уважаемый адвокат и литератор Богдан Кутиловский, который также в случае необходимости

выступал в столичной прессе. Что касается прессы, то наиболее популярные и оказывающие влияние на столичное мнение издания слишком дорожили своим авторитетом, чтобы пойти на поводу наших субсидий. Попытки установить более тесные отношения с некоторыми из них, например, «Словом» М. М. Федорова, оказались безуспешными.

Финансовая комиссия

Моя работа в столице была напряженной и отнимающей много сил, особенно последние два года, когда меня избрали членом финансовой комиссии Государственного Совета, так как практически не было ни одного вопроса, реферируемого в высшей палате, который бы без заключения финансовой комиссии выносился на повестку дня. Материалы поставлялись нам тоннами. Приходилось постоянно что-то просматривать, чтобы не приходиться на заседания абсолютно непосвященным. Все было интересным и поучительным, наконец, само общение с людьми, которые в свое время играли немаловажные роли в жизни государства, не могло не повлиять на умение ориентироваться в делах комиссии. Однако эти заседания с утра до вечера, не раз затягивающиеся далеко за полночь, в условиях постоянного напряжения ума и беспокойства о доме, как и тревожные вести, поступающие с разных концов государства, так воздействовали на нервную систему, что, помнится, однажды, когда нас отпустили на каникулы, я почувствовал, что не могу возвращаться домой в таком состоянии. И я за несколько дней до отъезда совершил морские прогулки в Кронштадт, в Шлиссельбург, чтобы привести себя в порядок.

Шлиссельбург

Во время одной из таких поездок я решил посмотреть Шлиссельбургскую крепость, переполненную в то время политическими узниками. Крепость, превращенная в тюрьму, находится на острове, точнее на скале, в том месте, где Нева берет начало в Ладожском озере, а поток воды здесь

настолько большой и течение такое сильное, что никакие весла здесь не помогают. Перевозчик, перегоняющий лодку с берега от пристани к крепости, вынужден был бросать весла и пользоваться натянутым в воде канатом, удерживая и натягивая его, как на пароме. А Ладога, вечно волнуемая и не имеющая, казалось, конца и берегов, своими размерами не уступала морям, которые мне приходилось видеть, а сила волнения на озере вовсе не уступает морской.

Начальник тюрьмы провел экскурсию, показывая камеры, связанные с известными истории событиями, за исключением помещений, занятых новыми жертвами. О превратностях людских судеб здесь можно было читать по не затертым на стенах словам. Главный каземат, как будто, строился Петром III для своей супруги Екатерины – Екатерина использовала его против Петра; Остерман готовил камеру для Миниха, Миних посадил Остермана. Интересной для меня была камера, в которой несчастный кандидат на трон Иоанн Антонович провел свыше десяти лет жизни с одним видом из окна на зацементированный вокруг квадрат света и мира, вместо огромного государства, и небольшая печурка для обогрева камеры в условиях восьмимесячной зимы. Я уже не говорю об условиях в других камерах и казематах, в которых провели добрую часть своей жизни известные истории узники – жертвы преждевременной борьбы за правду и свободу, которые не могли мириться с существующим режимом. Этих камер мне не показывали – они были заняты...

Польский дом

Еще несколько штрихов к столичной жизни того времени, оставшихся в моей памяти. Кроме официальных контактов с коллегами по Государственному Совету, нас объединяли также дружеские отношения по Польскому дому. Из депутатов только один Винцент Поклевский-Козел имел собственный, хорошо обустроенный, дом на улице Ново-Исаакиевской; женатый на землячке из Минщины, Хаттовской, имеющий почти взрослую дочь, он был известен

своим гостеприимством. Барон Кроненберг, как я отмечал выше, также предоставлял свои салоны для заседаний нашей группы, которая часто злоупотребляла его гостеприимством, засиживаясь далеко за полночь. Он также организовывал званые обеды, если к нему заглядывали известные гости из Варшавы или столицы. Из постоянных жителей столицы всегда перед нами гостеприимно распахивали свои двери П. Малешевские. Хозяйка – подолька, несмотря на свои сорок лет, была еще достаточно красивой женщиной, любила красиво одеваться и собирать гостей в своих апартаментах, вначале на набережной Адмиралтейства, а затем – на Морской. Ее супруг – Болеслав в течение длительного времени всемогущий директор кредитной канцелярии, профессор математики горной Академии, а затем сенатор, любил свой сад в приобретенном имении Бартодеи. Он считал себя польским шляхтичем и, умирая, большую часть своего капитала завещал национальным учреждениям.

Яцына

Подобные национальные чувства испытывал профессор Яцына, морской офицер по профессии, а позже известный генерал в Варшаве, у которого мне приходилось бывать, когда жил на Мойке, и который вместе со своей прекрасной супругой всегда был рад гостям. Хозяйка была дочерью известного в Москве химика-технолога когда-то и моего друга Оссовского. Было еще у меня одно место «пристанища» – дом моего родственника инженера Яна Петрозоллина, который проживал далеко от центра города на Неве, возле Шлиссельбургского шоссе, в связи с чем я не мог бывать там часто. Во время моего пребывания на Неве приезжала в столицу по делам супруга владельца майората Ежи Радзивилла, и вдова князя Михала Огинского, которые всегда были ко мне доброжелательны и гостеприимны. На Моховой проживали Плятеры (супруга из родов Потоцких и Незабытовских), охотно принимающие в своем доме поляков. Хозяйка дома – живая и энергичная женщина, часто подпевала Добецкому веселые краковяки, а мне – грустные

белорусские напевы. Я навещал также своего коллегу – прелата Витольда Чечота, в то время настоятеля прихода св. Станислава в Коломне. Однако времени для дружеских контактов у меня было очень мало. Его забирали заседания в группе, в Центре, пленарные заседания, а также домашнее выполнение заданий.

Польский салон Потоцких

По существу был только один польский политический салон у графов Потоцких. В период I Думы граф был депутатом – посланцем Волыни. Семейство вернулось в столицу во время созыва III Думы и заняло вначале красивый дворец графа Клейнмихеля на Сергеевской, а затем – прекрасные апартаменты турецкого посольства на набережной Невы, рядом с Николаевским мостом. С графом я познакомился ближе в период работы I Думы, а графиню Елену (из несвижских Радзивиллов) я хорошо знал еще девушкой. Оба были ко мне расположены весьма дружелюбно и сердечно. Я не один вечер провел у них в тесном семейном кругу, а также на званных обедах для высокопоставленных лиц.

Потоцкие, император

Дом Потоцкие вели на высоком уровне, с многочисленной прислугой и придворными казаками, поддерживая активные отношения с княжескими и дипломатическими кругами. На одном из приемов, данном в честь французского посла, кажется Бонпара, я услышал касающееся Его Императорского Величества умоzakлючение из уст тогдашнего председателя Думы М. А. Хомякова, известного своим острословием, которое помогало ему в самых сложных ситуациях. «Вижу не первого императора, – сказал Хомяков, когда мы уселись за небольшим столиком за ликером, – который среди придворной свиты имел своих советников с определенным весом и уважением в стране и при дворе. Теперь, когда я покидаю Царское Село, то всегда

думаю о Его Императорском Величестве – бедный сирота, ему даже не на кого опереться».

Хомяков был прав, что и подтвердили последующие события. Но не обходилось здесь и без основного фактора. Те, которые чаще посещали Двор, постоянно пребывали в сомнениях относительно преобладающих сегодня настроений: не изменит ли в одночасье свое мнение император, и не готово ли уже решение об отставке гостя, принимаемого им самым сердечным образом. А при падении трона во время мартовских событий весьма удивительным казалось то, что не нашлось ни одной партии, ни одного полка, ни одного министра, которые стали бы рядом с императором.

Приемы при Дворе

В период первого созыва Государственного Совета, наверное, Двор еще не привык к новому порядку вещей, и к тому, что, например, не только бывшие министры, послы и генерал-губернаторы могут стать членами Государственного Совета, но и выбранные обществом люди. Этих представителей Двор игнорировал, и если выборный депутат желал попасть на аудиенцию к Его Светлости, то представлялся в списке не с титулом члена Государственного Совета от той или иной губернии, а как камер-юнкер, камергер, маршалок или председатель органа самоуправления и т. д. В период действия II Думы уже произошли изменения, и из Царского Села объявили, что выборные члены Государственного Совета могут быть приняты при Дворе в назначенные дни. Чтобы никому не было обидно, очередность устанавливалась по алфавиту. В связи с тем, что буква «В» находится среди первых в алфавите, я оказался одним из первых вместе со своим коллегой по группе Войнич-Сеноженцким (избранным вместо Выковского), Арсением – архиепископом псковским и порховским, С.Е. Бразодем, В. А. Бутлеровым и другими, претендующими на прием Его Императорского Величества. За несколько дней до визита, на обеде у барона Кроненберга, я встретил вице-церемониймейстера Двора Евренева, который спросил меня, не буду

ли я «счастлив» (вместо «не изъявлю ли желания») быть принятым Ее Величеством Императрицей. Если да, то он как министр может мне в этом оказать содействие. Естественно, я поблагодарил, а он тут же начал записывать детали моей биографии и рода, которые обычно сообщаются Ее Величеству, чтобы иметь о госте представление, и знать, о чем с ним вести разговор. При этом он предупредил, что самому вести беседу нельзя, а всего лишь отвечать на вопросы, что, наверное, если Ее Светлость подаст руку, то ее следует поцеловать, и, наверное, пожелает разговаривать на французском языке, то не следует ее называть по титулу, а всего лишь «мадам» и т. д.

Аудиенция

Аудиенция в Царском Селе была назначена на 11 часов утра. Нам были присланы пропуска в царские покои железнодорожного вокзала, откуда по специальным путям двора, таким же поездом, во фраках, мы отправились в путь. Нас удивило то, что при въезде на вокзал и посадке в поезд от нас не требовалось никаких документов. Нам объяснили потом, что все железнодорожные служащие и жандармы на вокзале — это агенты «охранки», и, наверное, наши фотографии находятся у них в карманах. После прибытия в Царское Село придворный чиновник называл наши фамилии по списку, и по два человека садились в кареты. Нас отвезли в павильон, где угостили кофе и пирожными. Затем мы переместились в главный дворец, в котором через галерею комнат нас проводили в гостиную (в английском стиле) самой императрицы, с английскими иллюстрациями на столах и развешенным на стенах холодным оружием. Только на одной стене висела написанная маслом картина с изображением казаков в степи, отправляющихся на войну, сильно напоминающая «Приветствие степи» Брандта.

Из салона дверь была распахнута в широкий коридор, в который выходили двери кабинетов императора и императрицы, охраняемые маврами в красочных костюмах. На мой вопрос, адресованный церемониймейстеру графу

Хендрикову, почему забота о жизни ценнейших для России людей доверена не своим подданным, например лейб-казакам семеновцам, а чужим, как и на вопрос Арсения: являются ли эти мавры привезенными или местного «производства?» (sic), мы услышали в ответ, что мавры были подарены Его Императорскому Величеству императором Абиссинии, и что они очень быстро адаптировались к местным условиям, доказательством чему является то, что один из них влюбился в прислугу императрицы, и теперь проблема – избранница боится иметь черных детей, и то, что вообще мавры очень верные и преданные своим хозяевам слуги. После недолгого ожидания, поскольку аудиенция с императрицей была только у меня, я был приглашен в кабинет.

Мавр раскрыл дверь. Императрица стояла посреди кабинета возле стола, в светло-пепельном костюме «taylor» и хорошо выглядела. Она подала для поцелуя руку и при свете солнечного мартовского дня начала меня расспрашивать о домашних делах: как давно наш род владеет имением (я чуть было не выпалил, что раньше, чем род Романовых вззошел на трон). Есть ли у меня дети? и т.д. А когда я ответил на все вопросы, и поведал с некоторым волнением о своих несчастьях, которые по воле Божьей меня встретили, она опять протянула мне руку со словами «eh bien, Vous etes a plaindre, Monsieur (Вы достойны сострадания, Монсеньор)», а я, забыв про этикет, продолжил «puisse le bon Dieu Vous eparher, Madame, les malheurs, que j'ai eprouve (Всемогущий добрый Бог да убережет Вас от тех бед, которые я испытал)». Она опять протянула для поцелуя руку. Произнося эти слова, я даже не мог предположить, что мои слова окажутся пророческими.

История скажет свое слово об Александре Федоровне. Мне она показалась человеком интеллигентным и имеющим доброе сердце. Вспоминается, с каким волнением, возможно, предчувствием, она присутствовала 27 апреля 1905 г. при оглашении акта, учреждающего Законодательные Палаты. Тогда еще влияние Распутина на двор не было таким сильным.

После возвращения в салон мы были приглашены всем составом в кабинет императора. Весь кабинет был отделан красным деревом, даже антаблементный потолок казался морской каютой: в центре стоял бильярд, в углу – стол, за которым, как мне рассказал барон Уекскуль, был подписан декрет 17 октября и контрассигнован бароном как госсекретарем. Дежурный адъютант расставил нас и показал, куда следует направляться после аудиенции.

Император появился в форме франтирьеров и малиновой шелковой сорочке в национальном стиле. Каждому по очереди подал руку и расспрашивал каждого в основном о ситуации в губерниях, об аграрных волнениях. Подойдя ко мне, начал расспрашивать о мелиоративных работах генерала Жилинского. Я рассказал о мелиорации в нашем уезде, в имении Регеля. На вопрос, касающийся условий существования у нас в деревне, а также аграрных настроений, я ответил, что «несмотря ни на что землевладельцы сидят в деревнях, занимаются землей, работают, и все было бы хорошо и спокойно, если бы можно было установить границы или карантинную полосу и отгородиться от центральных российских губерний, откуда приходит вся зараза». Когда я излагал свои мысли, коллеги, стоящие рядом начали дергать меня за полы фрака, боясь, что я слишком далеко зайду, но император подал мне руку и сказал: «Несомненно, так».

Аудиенция закончилась, нас пригласили на завтрак, организованный министерской службой Двора, но я отказался, так как в этот день у меня было очень важное совещание, и я без труда уехал на поезд, поскольку у каждого из нас была своя карета и свой камердинер к нашим услугам. Кстати, чаевые приняты везде, даже прислуга, стоявшая в чулочках и беретах со страусовыми перьями, и открывавшая многочисленные двери галереи, охотно их принимала.

Возвращаясь, я проходил через детскую игровую комнату, где увидел сооруженную горку наподобие ледовых, возводимых во время карнавала в Летнем саду: дети поднимались по ступенькам на горку, усаживались на подушки и с криками «ура» слетали вниз. Неприятное

впечатление вызвал караул со штыками, осуществлявший обход дворца, а также конный патруль в парке, которые создавали атмосферу военного лагеря и как сквозь землю провалились в кульминационный мартовский период.

Позже мне также приходилось бывать в Царском Селе, например, на именинах императора, или на богослужении, где в исполнении придворного хора звучали чудесные песнопения, в том числе знаменитая композиция Чайковского «Верую». Исполнители были в чулочках, малиновых фраках и напудренных париках. Император стоял, а императрица сидела в кресле, установленном на ковре. После церемонии поздравления всех пригласили в огромный зал отведать яств, расставленных на круглых столах примерно на шесть человек, с винами исключительно национального производства. Но больше так близко сталкиваться с царской семьей мне уже не доводилось.

Как я уже упоминал, заседания Государственного Совета в период обоих созывов проходили в Дворянском зале на Михайловской площади. Зал обрамляли логи, в которых по специальному разрешению располагалась публика, кстати менее заинтересованная, в отличие от Думы, поскольку непарламентских инцидентов в таком высоком собрании никогда не случалось, а дирижерская палочка назначенного, а не избранного, председателя деспотически гасила все возможные разногласия. У входа находилась ложа для журналистов; там было все необходимое: письменные материалы, бумага, карандаши; приносить портфели и бинокли охрана не позволяла по причине безопасности, что, как позже оказалось, было вовсе нелишним, поскольку вскоре был раскрыт заговор против Столыпина под руководством журналиста, получившего приглашение от одного из посольств.

Благодаря посольской протекции он имел привилегию на портфель, который неизвестно каким образом стал связующим звеном во взрыве, в котором должен был быть уничтожен Столыпин, а вместе с ним большая часть членов Госсовета. А поскольку у каждого было постоянное, закрепленное за ним, место, были найдены планы, с

указанием тех лиц, которые должны были погибнуть, причем с шутивными приписками, так, например, возле места вице-председателя И. И. Голубева – «жаль старика», а возле других: «не мешает» и т. д. При случае мы узнали, что за большой драпировкой у входа с левой стороны по-прежнему находилась военная охрана, поставленная в целях безопасности. А поскольку польские депутаты сидели недалеко от ложи журналистов, то, проходя мимо, мы дразнили охрану просьбами смотреть на нас дружелюбнее при новом покушении.

Сенат и правительство

Все вопросы, будь то поднятые по инициативе Думы, будь то вносимые правительством, должны были вначале проходить через Думу, прежде чем выносятся на повестку дня в Государственном Совете. Самые жаркие споры происходили там, в Думе, где сталкивались противоположные течения. По инициативе Государственного Совета за мою бытность в нем затрагивался только один вопрос, малоценный широкой публикой, но имеющий большое значение – это реформа Сената – высшей кассационной власти, объявляющей и интерпретирующей законы.

До сих пор на формирование списка сенаторов самое большое внимание оказывал министр юстиции, т. е. контролеров выбирал сам контролируемый. Отсюда Сенат утратил всяческую независимость, которой он гордился и в которую верил народ. Вопрос заключался в том, чтобы не исказить мысль создателя Сената и вернуть ему бывшую независимость. Естественно, что эта реформа, метившая в сердце сегодняшнего бюрократического строя, была не по душе правительству. Однако правительство, согласно основному государственному закону, имело право само разработать соответствующую законодательную новеллу, и в этот раз оно воспользовалось этим правом, чтобы с помощью затягивания похоронить саму мысль или избежать ее обострения.

Вопрос «морских должностей»

Второй вопрос, который вспенил дремлющие волны Госсовета и чуть не спровоцировал упадок Министерства, это вопрос так называемые «морских должностей». Согласно основному государственному закону, император является командующим вооруженными сухопутными и морскими силами, но, с другой стороны, Законодательные Палаты вотируют все кредиты и, таким образом, не завотировав кредиты, они могут разрушить любые реформы и постановления об армии и морфлоте. В Думе правые, естественно, признавали только компетенции Верховного главнокомандующего, левые – наоборот.

Однако, что весьма удивительно, правительство заняло сторону левых, и в таком оформлении этот вопрос поступил в Государственный Совет, где вызвал большие страсти, и где вышеупомянутая троица: Акимов, Дурново и Булыгин (говорят, что и Трепов) поддержала единовластие императора во всех вопросах, касающихся армии и флота. Но правительство, непонятно почему, оставалось при своем первоначальном мнении. Акимов то ставил вопрос в перечень дел, подлежащих рассмотрению, то снимал соответственно присутствие тех или иных членов палаты, желая обеспечить успешную реализацию своих комбинаций.

Наступил решающий день. Нейхардт, который был близок к Столыпину, доказывал, желая привлечь на свою сторону наши голоса, что «еще сегодня ночью правительственная резолюция лежала на ночном столике Его Императорского Величества, который по-прежнему отстаивает правительственную ориентацию». Однако, видимо, что-то должно было произойти, ибо те, которые всегда отдавали свои голоса с оглядкой на Царское Село, проголосовали против, и в итоге проект провалился. Пошли сплетни, что Столыпин, который должен был защищать правительственный проект, после резкого изменения ориентации Двора был скомпрометирован и подал в отставку. В кабинете возникли трения, успокоенные, вероятно, какой-то милостью Двора, и все постепенно вернулось на круги

своя. Как я уже отмечал, в течение двух созывов я был членом одной из важнейших комиссий Государственного Совета – финансовой. А то, что с финансами были проблемы, и то, что, утверждая каждую бюджетную или кредитную операцию, постоянно нужно было напрягаться: откуда взять деньги и какой налоговый субъект обложить процентами. Было очевидно, что существующий порядок вещей не соответствует ни потребностям, ни национальным запросам государства. Будучи не в состоянии предпринять что-то иное, Государственный Совет в 1909 г. постановил образовать финансовую подкомиссию, которая будто бы «ex ge» утверждения бюджета должна была выявить причины порочного строя.

Подкомиссия называлась «Восстановление производительных сил страны». А поскольку при рассмотрении бюджета всегда обнажаются болячки государственного строя, то ожидалось, что эта комиссия в очень спокойной и одновременно предметной форме, свойственной всем разработкам, исходящим из Государственного Совета, сможет затянуть раны и подсказать профилактические средства, следуя известному афоризму: **«faites nous de la bonne politique, et nous ferons de bonnes finances»** (*Если нет хорошей политики, то не будет и хороших финансов*), о котором, к сожалению, сегодняшняя власть или забыла, или вовсе его не слышала. В состав комиссии были избраны: Дурново, Карпов, Пихно, председатель Романов, Ротванд, Череванский, Экеспаре и Войнилович.

Вопрос национальностей

Излагая свои взгляды в докладной записке от 21 марта 1909 г., я делал основной акцент на различных правовых и политических причинах, тормозящих нормальное экономическое и общественное развитие страны, что, естественно, не могло понравиться другим членам этой комиссии, состоявшей в основном из правых элементов. А когда я коснулся проблемы уравнивания в правах всех национальностей в стране, а также вопроса устранения всяческих

границ в зоне поселения евреев, мой голос утонул в возмущенном шуме. Моя позиция в комиссии стала известна прессе, в связи с чем ко мне начали поступать длинные депеши из различных еврейских общин в стране. Даже граф Олизар начал подшучивать, что после моего появления в Варшаве, евреи устроят мне в «Новостях» публичные овации. В «Новостях» я был, обошлось без оваций, моя докладная записка, распечатанная и разосланная членам Государственного Совета, по крайней мере в этой, общей части не получила поддержки.

Распуск Думы

Как известно, первая Дума была распущена через несколько месяцев после начала своей работы, так и не рассмотрев ни одного серьезного вопроса. Акт от 3 июня 1906 г. установил новое избирательное право, благодаря которому крестьянская курия и собственники россияне в нашем крае, получив огромное преимущество, ни одного поляка в законодательную палату не пропустили. Выборы в Минске проходили 14 октября 1907 г. Избиратели от крестьян после угощения в доме архиерея и определенной обработки его сторонниками плотной стеной явились в зал, чтобы проголосовать за назначенных «сверху» кандидатов, в том числе за Густава Шмидта – большого, как это было свойственно Германии, российского националиста. Шмидт был морским офицером. Судим в Кронштадте за государственную измену, лишен когда-то прав и вернувшийся из Сибири благодаря различным манифестам, выдаваемым в разное время по случаю радостных событий в царской семье. Правда, выбор этот 19 января 1908 г. был отменен комиссией, проверяющей правомочность выборов в Думу, а Шмидт, заседаая какое-то время в Думе, маялся, «как Марк в пекле», не принимаемый ни в одну из партий. Но сам факт возможности подобного выбора свидетельствовал о настроениях, господствовавших тогда в компетентных сферах. Именно поэтому я упомянул об этом эпизоде. Для уточнения добавлю, что Шмидт был известным полякофо-

бом, а также редактором газеты «Минское слово», субсидируемой губернскими властями.

Выборы

Настроения провинции проникали в столицу вместе с избранными на волне этих лозунгов депутатами. Всем колот глаза факт, что от Минской губернии в Думу прошли только поляки. И несмотря на закон от 3 июня 1906 г., в Государственном Совете оставалось 9 депутатов-поляков от девяти западных губерний, которых представители российского национализма так и не смогли устранить. Дошло до того, что депутат из Киева Д. Е. Пихно, принял на себя всю деятельность, связанную с предотвращением такой возможности в будущем, несомненно, согласовав со Столыпиным. Столыпин вначале затронул этот вопрос в Думе, но после вынесения его вместе с соответствующей разработкой Пихно на повестку дня в Государственном Совете премьер сам туда явился, чтобы его поддержать.

Наша группа поручила мне выразить протест, что, учитывая мои предыдущие отношения с премьером, было для меня нелегким испытанием, но я должен был повиноваться большинству. Вся эта ситуация и мои с ним отношения были описаны мной выше, когда я давал характеристику Столыпину, поэтому повторяться не буду. Факт представления 9 западных губерний исключительно поляками так раздражал националистов обеих палат, что мы в своей группе от «Литвы и Руси» решили пойти на хитрость, которая смогла бы смягчить эти настроения, а именно: передать один или даже два голоса в Государственном Совете представителям российских землевладельцев из западных губерний. При этом мы полагали, что нужно передать один мандат россиянину от шести литовско-белорусских губерний и один – от трех губерний южной Руси, предотвращая таким образом принятие правовой новеллы о земских выборах, над которой работал Пихно. Это правовое дополнение должно было вытеснить польский элемент из сферы влияния на земские выборы и, таким образом, косвенно обеспечить

победу на выборах в Государственный Совет исключительно россиянам от западных губерний, что и произошло позже, после образования у нас так называемых «столыпинских» земств.

Перед тем, как разъехаться, т. е. в конце созыва (некоторых депутатов уже не было), мы собрались в своем кругу – в кругу депутатов Государственного Совета от Литвы и Руси, и приняли постановление, которое я ниже привожу полностью:

«11 июня 1909 г. на запрос господина Сирочинского (представителя Киевской губернии) о том, является ли необходимым избрание в 1909 г. в Государственный Совет определенного количества россиян (при участии поляков) от западных губерний, нижеподписавшиеся члены Государственного Совета согласились с тем, что передача россиянам нескольких мандатов может быть полезной для страны, ибо таковые являются представителями беспристрастной части русского общества и выступают за равные права. Точное количество и места избрания будут указаны после согласования с поляками из названных губерний». Подписали его: Олизар, Войнилович, Орловский, граф Тышкевич и Корибут-Дашкевич. Сирочинский как лицо, вносившее интерпелляцию, не подписал, а Корвин-Милевский уже сложил свои полномочия.

Далее следовало: «Вышеизложенную точку зрения разделяем: Добецкий, Кроненберг, Напюрковский, Ротванд». Поскольку инициатива была выдвинута членами «Группы Литвы и Руси», представители Королевства подписались только в качестве разделяющих мнение. С этим решением мы собрались, кажется, 29 августа 1909 г. в Вильно на квартире депутата Думы Юзефа Монтивилла. Передать мандат россиянину из литовских губерний, где русских землевладельцев было мало, было бы нереальным. Разумнее было бы выбрать какую-нибудь из белорусских губерний, где преобладает русская земельная собственность, а это значит – на Могилевщине или Витебщине. Но поскольку депутаты Лопатинский (от Витебщины) и Сеножецкий (от Могилевщины) уступать свои места не

собирались, я согласно решению группы от 11 июня принял на себя обязательство осуществить этот маневр на выборах в Минской губернии, которые должны были состояться 10 сентября 1909 г. Для этих целей имелись в виду два кандидата: граф К. А. Бутенев-Хрептович из Щорсов и М. М. Кирьяков – помещик со Случчины – гвардии полковник в отставке. Графа Бутенева-Хрептовича я лично не знал, но Роман Иодко и профессор Марьян Здзеховский в разговоре с зятем графа, князем Григорием Трубецким, пришли к выводу, что граф Бутенев-Хрептович охотно принял бы мандат, что и было позже подтверждено графом в письме от 21 августа 1909 г.

Что касается полковника Кирьякова, то я его знал лично, а поскольку граф сам на выборы в Минск не приехал, то на предвыборных собраниях я сам поддерживал кандидатуру М. М. Кирьякова, даже вопреки пожеланиям некоторых избирателей, и настаивал на том, чтобы он свою кандидатуру не отзывал. В связи с этим собрание проходило в нервной обстановке. Значительная часть избирателей, не видя возможности прийти к общему соглашению, покинула зал Аграрного общества. И лишь на следующий день мы узнали, что предложение и мандат были приняты князем Иеронимом Друцким-Любецким. Кандидатура прошла предварительное голосование в дворянском зале 129 голосами из 234 голосующих, что также подтвердил подсчет голосов. Мои призывы к тому, что подобный выбор, а точнее то, что, не допуская по доброй воле российского представителя в Государственный Совет, мы испортим все начинания, связанные с земствами, остались «гласом вопиющего в пустыне», что и подтвердилось очень скоро.

Новое избирательное право после непродолжительного пребывания в Госсовете князя Любецкого и после сложения полномочий Романом Скирмунтом и приходом на его место Кароля Незабытовского было так изменено, что на выборах год спустя, на которых избирал уже не съезд землевладельцев, а земское собрание, членом в Государственный Совет мог пройти только россиянин, поэтому до мартовских событий 1917 г. Минскую губернию представлял истинно

русский, полковник в отставке, помещик из Бобруйского повета Г. А. Лашкарев. Центристы в Государственном Совете на своем первом заседании 16 сентября 1909 г. выразили сожаление по поводу моего отсутствия, а также во время представления вновь избранных депутатов Столыпину. Он также сожалел, что не видит среди них меня. Таков эпилог моей деятельности в Государственном Совете.

Делегация из Вильно

Преследование поляков российскими националистами вообще, и польского представительства в законодательных палатах в частности, хоть и было заметно на депутатском уровне, но в основном оно велось в провинции, вдохновляемой столицей. Осуществлялось оно главным образом архиереями и подчиненным им духовенством. В результате в мае 1909 г. прибыла из Вильно делегация, которая была принята и заслушана Его Императорским Величеством, и которая заявила, что «польские землевладельцы в Западном крае настроены антигосударственно и действуют во вред интересам державы». Поскольку на эту тему появились заметки в прессе, мы поняли, что в ответ нужно действовать аналогичным способом.

Я подготовил соответствующий адрес, отредактированный с помощью почтеннейшего барона Уекслюя, и подписанный восемью депутатами от восьми губерний, напечатанный одновременно с ответом императора в газете «Слово» 19 июня 1909 г., № 831. Император как раз отправлялся в морское путешествие, кажется в Ревель, и не мог нас принять лично, как это было в случае с виленской делегацией. Благодаря добрым личным отношениям князя Орловского, подольского депутата, заменившего Еловицкого, с придворным министром бароном Фредериксом, адрес был вручен императору прямо на яхте, и тем же путем поступил ответ.

Вообще, все эти годы работа в Государственном Совете и полученный опыт свидетельствовали о том, что влияние Двора и личная расположенность правящего лица

имели тогда огромное значение при решении государственных дел в России, и недостаточный учет этого фактора был большой ошибкой нашего представительства в Думе. Когда, например, при зачитывании во II Думе ответа Его Величества на адрес, представленный Думой, крайние левые не встали, а наши депутаты также последовали их примеру, тут же нашлись «доброжелатели», которые донесли императору. Об этом мне рассказывал сам Столыпин, который тут же после заседания Думы поехал в Царское Село с надеждой, что еще инцидент не известен Двору, а император с сожалением сообщает ему о поступке польских депутатов, который наложил соответствующий отпечаток на весьма длительное время.

Несмотря на то, что идеи изменения государственного строя исходили сверху и стали выражением воли вышестоящих, они были «otkrojowane» (предоставленными властями), а не завоеванными народом. По-прежнему отмечались реакционные настроения, тормозящие любые начинания, абсолютно нормальные в конституционных государствах, но не принимаемые правящими сферами в Таврическом дворце. Не говоря уже об известной фразе Коковцова: «Слава Богу, у нас нет парламента», которую можно было бы отнести на счет его излишней эмоциональности во время выступления. Бесспорно, знаменательным стало также вынесение на первое место в повестке дня первого заседания Думы новеллы «О создании прачечной при университете в Дерпте» (sic), на заседание той законодательной палаты, которую веками ждала вся Россия, к которой были обращены лучшие умы народа и от которой ожидали решения всех наболевших вопросов и излечения «государственных болячек». Поистине трудно найти более нелепое начало законодательной работы.

Крестьянский класс. Предсказание мартовских событий

Правительство в первой редакции избирательных прав абсолютно сознательно отдало преимущество крестьянству, будучи уверенным, что оно по-прежнему в своих сердцах

носит лозунги «за веру и царя», которые когда-то были написаны на фуражках ополченцев Крымской войны, и что депутаты из этих кругов составят лояльный противовес либеральным интересам представителей интеллигенции. А ведь крестьянские депутаты пришли с лозунгами «земли и воли», видя в земле собственность, которую необходимо отобрать у помещиков, а свободу – в таком виде, в каком когда-то провозглашали Стенька Разин или Пугачев на Волге.

Патриотизм как одних, так и других проявлялся в эксплуатации других наций, проживающих в границах государства. Никакого Пожарского или Минина не нашлось в России, когда Германия тяжелым башмаком топтала российские земли до самой Волги, а народ, придумывающий драконовские законы против евреев, очутился, как бы по иронии судьбы, под самодержавной властью Бронштейнов и Нахамкесов, от которой, трудно даже сказать, когда он сможет избавиться. Новое избирательное право дало III Думе контингент, который послушно следовал за «дирижерской палочкой» правительства. Но, как говорится, золотой рог был утерян. После киевского покушения не стало единственного человека, который имел бы смелость взять государство «под уздцы», а широко задуманное намерение ликвидировать волостное правление и перевести малоземельное население на хуторскую систему с целью успокоения аграрных волнений не имело уже достаточно времени на свое осуществление. Бездарное правительство не могло найти поддержки даже в таких консервативных сферах, как Государственный Совет, куда уже из послушной Думы проник оппозиционный дух. Мартовские события должны были произойти.

Беженцы в Слуцке, 1915 г.

VII

Съезды

Но вернемся к событиям общественной жизни в нашем крае, в Литве и Руси. Несмотря на то, что наши депутаты в Законодательных Палатах проявляли на выборах абсолютную независимость мнений и почти нигде «mandats impératifs» (*навязанных решений*) не принимали, однако чувствовали обязанными отчитываться перед избирателями о «modus praecedendi» (*предшествующем поведении*) и своей депутатской деятельности во время парламентских каникул. Дискуссии же, возникавшие на этой почве, давали возможность избирателям воздействовать на своих представителей. Это происходило на съездах, которые проводились в основных краевых центрах.

Первый такой съезд проходил в Вильно, второй – в Киеве, следующий должен был проводиться в Минске, но не состоялся, поскольку согласно новому избирательному закону Беларусь и южная Русь были лишены польского представительства в Законодательных Палатах на земских выборах, и только три литовские губернии: Вильно, Гродно и Ковно, в качестве неземских, еще могли делегировать в

столицу своих поляков. На таких съездах, как правило, отслеживались два направления: первое – «всепольское», поддерживающее лозунги национал-демократической партии Королевства; второе – так называемое «краевое», учитывающее местные условия и национальные особенности Кресов и идейно близкое к партии «реалистов», «примиренцев» Королевства. Большая часть думских депутатов были приверженцами первого направления, а в Государственном Совете – второго. Это означает, что резолюции этих съездов были или компромиссные, или проходящие незначительным большинством голосов, поэтому не оказывали решающего влияния ни на ход событий, ни даже на провинциальную прессу, субсидируемую соответствующей и диаметрально противоположной партией. А о сложностях воздействия на российскую прессу в столице я уже писал выше.

В Вильно по существу состоялись не один, а два съезда еще до открытия Законодательных Палат. Один был инициирован людьми из президиума Виленского земского банка: Юзефом Монтвилло, Эдмундом Борткевичем и Павлом Коньча и имел своей целью разработать принципы и направление деятельности будущих депутатов; второй носил партийный характер и был созван тогдашним виленским епископом Эдвардом Роппом с целью организации социально-католической партии, которую, как известно, реализовать не удалось. Участниками этих съездов были предполагаемые депутаты Законодательных Палат, обсуждались организационные вопросы избирательных комитетов, создаваемых в каждой губернии, составлялись политические программы. Аналогичные съезды в последующем имели место в каждой губернии.

Позже съезды проводились с участием депутатов законодательных палат. Основной спорной проблемой, как в Вильно, так и в Киеве, была «обязательная» или «факультативная» солидарность польских групп «Литвы и Руси» с группой Польского Королевства. И это касалось в основном Думы, поскольку в Государственном Совете такие отношения без каких-либо конфликтов сразу же установи-

лись, и был принят общий регламент.

Виленский съезд 6 – 7 декабря 1906 г. в § 6 своего решения подчеркнул необходимость солидарности в обеих группах: «Литвы и Руси» и «Короны», киевский же съезд, проходивший 1 сентября 1907 г., предоставил свободу своим депутатам в этом вопросе с некоторой оговоркой, касающейся виленских и частично киевских депутатов. Поскольку большая часть думских депутатов от Западного края была приверженцами программы «эндеков», не всегда соответствующей кресовым интересам провинции (как это ярко проявилось на мирных переговорах в Риге), в среде землевладельцев возникла мысль организовать свою «краевую» партию. Программа такой партии была разработана на съезде в Вильно в 1907 г. и подписана ее организаторами и сторонниками. Второй, независимый от первого, проект был разработан и подписан в Киеве на съезде 1907 г., а затем в Вильно на съезде, проходившем 13 февраля 1908 г. был принят проект «Принципы организации краевой партии Литвы и Беларуси».

Необходимо отметить, что краевая партия, одернутая «эндековской» прессой и нелюбезно встреченная местной администрацией, была подорвана возникшими с обеих сторон националистическими течениями на заре своей деятельности и исчезла, не покинув какого-либо серьезного следа, несмотря на то что принятые ею принципы то и дело возникали на повестке дня в трагические моменты общественной жизни Кресов.

С момента появления в Государственном Совете «истинно русского» Лашкарева, представляющего Минскую губернию, всякие отношения нашей провинции с представительством в Законодательных Палатах, можно сказать, прекратились, так как эти посланцы Беларуси ничего общего с ее историей и традициями не имели и не участвовали в ее общественной жизни. Минские священники в Думе слушались указаний архиерея, впадая в крайний фанатизм, как, например предпринятая мозырским депутатом, протоиереем Якубовичем, «охота на лис» в церкви, осуществленная, кстати, немцем Кнобельсдорфом, который

«ad hoc» (*по случаю*) был превращен в польского пана. А крестьяне экономили на депутатских командировочных, чтобы прикупить после возвращения домой кусок земли, и, поскольку их избрание зависело от административных директив, всегда голосовали так, как хотелось начальству, чтобы обеспечить себе повторное избрание на новый срок или «тепленькое» место чиновника после возвращения в родные пенаты. И когда правительство лишилось сильной руки и гордо поднятой головы Петра Столыпина, почти весь законодательный процесс с момента киевского покушения до самого начала мировой войны велся в условиях вялой борьбы национального представительства, лишенного ярких предводителей, с бюрократическими эпигонами Столыпина, тщетно ищущими реальной поддержки монархических идей в условиях падающего авторитета самодержавия и династии, подорванных влиянием авантюристов типа Гелиодора, Восторгова, Распутина и т. п. Весь этот хаос отражался и на краевой жизни, особенно в тех его провинциях, в которых благодаря исключительным правам отсутствовали даже те условия для развития самоуправления, которыми пользовалась центральная Россия.

Относительно неплохо пока еще функционировали муниципальные учреждения в уездах, в состав которых входило не так много назначенных членов (вирилистов) или представителей различных правительственных учреждений, поскольку крестьянские представители, хорошо знакомые с представителями землевладельцев, быстрее постигали сущность местных потребностей и, как правило, голосовали вместе с помещиками. Зато в губернских земствах всемогущими были закулисные влияния губернатора, согласно которым голосовали почти все чиновники, заботящиеся о своей карьере и продвижении по служебной лестнице, а также крестьяне, стремящиеся выслужиться перед властями, чтобы получить мандат в Думу – предельная мечта каждого «члена магистрата» из крестьянских слоев. Таким образом, немногочисленные представители местных землевладельцев, а их было 13, вместе с городскими представителями среди 70 членов

губернского собрания, могли добиться чего-либо только тяжелым трудом, хорошим знанием вопроса и огромной беспристрастностью взглядов.

После трехлетнего перерыва участия в работе местного самоуправления мне приятно было опять встретиться с такими славными деятелями, членами магистрата, как М. Ястжембский и Р. Скирмунт и трудиться с ними в комиссиях земского самоуправления. В Аграрном обществе после потрясений, вызванных общим свободолоубивым подъемом 1905 – 1907 гг., основная работа переместилась из общего зала собраний в отделы, а точнее – в агрономическую и животноводческую секции, а перед лицом происходящих событий 1914 г. опять возвратилась в общий зал.

В провинции деревня, разочарованная в своих аграрных устремлениях, которые не были осуществлены в «первых Думах», пыталась втиснуть свою жизнь в тесные рамки существующего строя. Двор не считал аграрный вопрос безвозвратно потерянным, но в условиях постоянного отступления от, казалось, уже предоставленных освободительных прав и бесплановой государственной экономики, не видел пути дальнейшего рационального развития крестьянского вопроса, начало которому положил Столыпин в своей новелле о колонизационном праве (хуторах). Правда, вскоре некоторые окрестности покрылись мозаикой хуторских селений, хотя тут же начали возникать тенденции объединения земель вокруг усадеб, и колонисты уже начали думать по-другому. Кто знает, возможно, острота вопроса была бы смягчена путем объединения земель и разумно проведенной парцелляцией. Однако нормальный ход событий был прерван и остановлен начавшейся мировой войной, продолжительность и значительность последствий которой даже самые смелые пророки не могли предсказать.

Война

Мне хорошо запомнилась дата 18 июля 1914 г. В ту ночь меня разбудили и вручили конверт с красной повесткой.

В повестке содержалось предписание явиться в уездный Слуцк для выполнения обязанностей председателя мобилизационной комиссии. Нужно было принимать лошадей, повозки и другой инвентарь для формирования обозов. Уборка урожая была прервана, людей мобилизовали, а телеги, упряжь, лошади – все прямо с полей ушло в уезд. Город приобрел вид военного лагеря, заполнился толпами сельского населения, провожающего своих мужей и сыновей с плачем и причитаниями, а еще больше оплакивающего реквизированное имущество. Все смешалось: дикое полупьяное пение на призывных пунктах, несмотря на суровый запрет на продажу алкоголя (но чего не купишь за деньги). В этом аду мне пришлось работать десять дней. Возвратился домой: лошади почти все были реквизированы вместе с хорошей упряжью и повозками, а в поле остались покинутые перед отъездом снопы, которые свозить было нечем.

Манифест

Не успел осмотреться, как опять получил телеграфный вызов, привезенный мне нарочным из Несвижского замка, подписанный несколькими известными представителями Минска. Мне надлежало явиться и возглавить политическую деятельность в связи с известным манифестом верховного командующего князя Николая Николаевича. Впечатление, вызванное манифестом, было ошеломляющим: никто уже давно так не обращался, даже думать подобным образом запрещалось. Все понимали, что такое обращение не могло быть принято без высшей санкции. Становилось очевидным, что решались жизненно важные вопросы.

После прочтения таких серьезных трактатов о войне, автором которых был Блох, предсказывающий продолжительность европейской войны 3 – 4 месяца, каждый в мыслях переносился в будущее и задавал себе вопрос о том, в каких условиях он встретит следующий год. Никому даже во сне привидеться не могло, что семь лет понадобится для того, чтобы вернуть взбудораженному войной миру равновесие и

уверенность в завтрашнем дне. Одновременно с объявлением войны поступило распоряжение об эвакуации в глубь России подданных воюющих государств. Помнится, я ехал к минскому поезду через Несвиж, заночевал в замке. Вместе со мной отъезжал доктор из Вены, когда-то осуществлявший медицинскую опеку над душевно больным владельцем майората Ежи Радзивиллом. День был унылый, в небе носились стаи ворон, предчувствующих легкую добычу, вслед за которыми неслись наши мысли: доктора – в бескрайние российские просторы, куда его увозили, а мои – в будущее, полное опасений в связи с войной и ощущения того, что уходит что-то старое и зарождается новое.

В Минске многие меня ожидали как председателя Аграрного общества, единственного в то время учреждения, объединяющего польскую интеллигенцию. Еще до моего приезда в их кругах зародилась мысль, что в столь ответственный исторический момент землевладельцы, как передовой класс, должны высказать свое мнение относительно трона.

Послание

Сразу же после приезда я направился на квартиру энергичного президента нашего сельскохозяйственного синдиката М. Поровского, где собравшиеся землевладельцы и представители городской интеллигенции приняли решение направить Его Светлости свое послание. Некоторые из нас вызвались отредактировать текст адреса, который будет зачитан и принят на вечернем заседании того же дня. Приняли мою редакцию. Адрес необходимо было согласовать с тогдашним гражданским губернатором Гирсом – племянником министра иностранных дел, и новоназначенным военным генерал-губернатором, бароном Рауш фон Траубенбергом, и после одобрения решить, кто будет подписывать. Поскольку действовать нужно было в ускоренном темпе, общее собрание Аграрного общества не созывалось, а шляхта в то время не могла собираться и выступать.

Адрес и ответ царя

Властям понадобился один день для наложения санкции, вероятно, для получения указаний свыше. В конце дня мы получили достаточно оригинальный ответ. Адрес надобно снабдить всего лишь одной, моей, подписью, причем не указывать никаких титулов, например: «бывший депутат Государственного Совета» или «председатель Аграрного общества» и т. д.

30 июля 1914 г., после получения полномочий у собравшихся в зале Аграрного общества землевладельцев я подписал и вручил адрес Раушу, а через несколько дней, уже после возвращения домой, получил ответ от Его Светлости, составленный в духе заявления и почти теми же фразами. Оригинал и подтвержденная Гирсом копия были мне вручены. Хранились как исторический документ в моем архиве, но во время погрома моего имения в 1918 г. все было уничтожено. Не может быть, чтобы ни у кого не сохранились обе эти редакции; однако, на всякий случай, сообщу, что в адресе я ссылался на события Грюнвальдской битвы, выигранной объединенными польско-литовско-русскими войсками, которая остановила волну германизации, заливавшую славянские земли, и предоставила возможность славянским народам развиваться самостоятельно. И сегодня эти народы также имеют право надеяться на подобное развитие событий с разрешения Его Светлости после победы над врагом. Почти дословно также звучал ответ императора.

Потянулись дни и ночи, заполненные ежедневными тревогами и новостями, поступающими с линии фронта. Везде на стенах были развешены военные карты, утыканные флажками, обозначающими наступление или отступление войск.

«Рота» Конопницкой. Враждебность

И все вначале шло достаточно удачно, подчеркиваю – удачно, потому что на удивление дружно национальные чувства сплотили общество против Германии, а значит, за

коалицию (Антанту) и идущую вслед за ней Россию, от которой народ ждал пробуждения чувства справедливости и осуществления обещаний, изложенных в обращении великого князя. Во-вторых, в славянских сердцах пробудились враждебные чувства против Германии, которые вынашивались с самого начала нашей истории, чувства непритворные, не знающие снисхождения, но в то же время подсознательные, пястовские, отображенные в «Роте» Конопницкой.

Чувства, которыми жил весь народ в Королевстве и украшал цветами штыки отправляющихся на фронт пехотинцев под командованием барона Рауша на Аллеях Уяздовских, о чем он сам мне рассказывал. Правда, в условиях, когда время шло, а правительство ничего не предпринимало для выполнения обещаний, содержащихся в обращении великого князя, исчезал энтузиазм и начали появляться грустные мысли. Особенно после предложения коалиционных государств рассматривать польский вопрос как внутренний вопрос России. Немецкая точность приносила успех на Западном фронте, а первоначальные победы россиян оказались ничем не подкрепленными.

По существу у нас не было другого выхода, как оставаться в стороне в качестве наблюдателей, а не участников силовой борьбы. Не помню точной даты, но примерно в этот же период я отправился в Варшаву, чтобы сориентироваться в ситуации. Обязанности наместника в Королевстве выполнял князь Енгальчев. Варшава собиралась, совещалась, ориентировалась, пыталась использовать правительственные настроения с целью проведения желаемых реформ, подавала докладные записки. Подавал граф Зигмунд Велёпольский, подавал Р. Дмовский, как я уже упоминал раньше. Докладные записки, хоть и составлялись в разных лагерях, друг другу не противоречили, а скорее дополняли, поскольку в общественном сознании уже произошли определенные изменения: правые шли на встречу левым, а левые шли к правым.

В Варшаве из представителей различных партий формировался Национальный комитет. Представительство

от восточных Кресов (*понятие Западного края уже исчезло*) не планировалось, чтобы не дразнить правительственные круги. К тому же настроения отказа от «ягеллонской идеи» постепенно начали проникать в умы варшавских политиков, как я уже отмечал в своих воспоминаниях о Дмовском. Дмовский был последовательным в своих убеждениях, которые отстаивал во время деятельности в Государственной Думе и о которых он сам упоминал в разговоре со мной в гостинице «Европейская». Верным этой концепции он оставался до конца, и, будучи председателем Национального комитета в Париже, при обозначении линии границы на востоке, включал только те уезды, в которых большинство населения составляли поляки или католики, покидая остальную Беларусь на поглощение огромной Россией.

Вопрос об отказе от восточных земель не был решен до конца, и чтобы прийти к взаимному соглашению Короны с Кресами, было решено выбрать представителей от обоих субъектов при помощи избирательных комитетов, существовавших на местах еще со времен выборов в Думу и Государственный Совет. Представителем от южной Руси был избран граф Ян Олизар, от Белой Руси – Эдвард Войнилович. Литва в связи с большими разногласиями прислала двух своих представителей: Александра Мейштовича и графа Вавжинца Путкамера, которые, однако, на совещаниях имели право одного голоса. В случае разногласия эти представители должны были созывать, каждый в своей провинции, съезды и принимать решение, а затем собираться для согласования постановлений.

В Минске проходило несколько таких съездов, однако быстро развивающиеся военные события и нарушение средств коммуникации положили конец такой возможности, и каждая губерния начала жить самостоятельно.

Национальный комитет

Подобная судьба ожидала и Национальный комитет, который формировался в Варшаве. С приближением к городу

немецких войск некоторые общественные деятели вместе с депутатами Законодательных Палат во главе с графом Велепольским ушли в Петроград и Москву, и, таким образом, после занятия Варшавы были оторваны от Родины. Другие же разными путями пробирались в Лозанну, а затем в Париж, где начали формировать Национальный комитет во главе с Р. Дмовским, графом Замойским и Э. Пильтцем, который позже был расширен путем кооптации. Единственным путем, по которому осуществлялась связь, оставалась окольная дорога-*via* Стокгольм. После российской революции и роспуска Законодательных Палат польское представительство в Петрограде «*ipso facto*» было распущено и возвратилось домой, а парижский комитет набирал вес и авторитет на международной арене.

Эпизоды войны

В мои задачи не входит описывать историю войны, начавшейся в 1914 г. Все собранные материалы бесследно исчезли во время погрома имения. Хочу напомнить только о некоторых эпизодах, касающихся наших окрестностей и не нашедших отражения на страницах прессы. Как известно, главнокомандующим был назначен племянник императора великий князь Николай Николаевич. Его Ставка находилась в Барановичах, расположенных на пересечении основных железнодорожных магистралей: Москва – Варшава и Петроград – Киев – Одесса.

Назначение с одобрением было воспринято общественным мнением, поскольку великий князь считался человеком беспристрастным, не подверженным влиянию Двора и строго требовательным как к солдатам, так и к генералам. Верховный главнокомандующий вместе со штабом проживал в поезде, приспособленном для работы, с постоянно работающим локомотивом, готовым в любой момент поменять дислокацию и в случае необходимости доставить даже из Восточной Пруссии в Восточную Галицию.

Икона Матери Божьей Минской в дар великому князю

На сессии Минского губернского земства в 1915 г., в период поста, было принято решение направить к Верховному главнокомандующему делегацию с поздравлениями и, чтобы передать в дар, как это практиковалось в то время, икону чудотворной Матери Божьей Минской, находящейся в Минском соборе. Великий князь никаких делегаций не принимал, чтобы не отрываться от ратных дел, но для минской делегации сделал исключение, поскольку он, будучи собственником Борисовщины, когда-то Радзивилловской, о чем я упоминал выше, являлся одним из крупнейших землевладельцев в нашей губернии, и поэтому нас воспринимал как своих земляков. В Москве известными мастерами по заказу была изготовлена копия иконы Матери Божьей Минской и назначена делегация от землевладельцев в лице губернского маршалка Долгова-Сабурова, Э. Войниловича и представителя от крестьян (больших делегаций в Барановичах не принимали).

Представлять нас великому князю должен был губернатор. День приема делегации был назначен на воскресенье. Накануне нам предоставили специальный вагон из Минска, а поскольку это был ночной поезд, то вагон на вокзале в Барановичах был отцеплен от поезда. После непродолжительного сна, застегнув на все пуговицы мундиры и следуя ранее полученным указаниям, мы направились на богослужение в полевую церковь, после чего должны были предстать пред очи великого князя. На специально присланных за нами автомобилях мы направились к достаточно просторной церкви, построенной таким образом, чтобы ее легко можно было разобрать и возвести на новом месте.

В церкви, заполненной военными, специально для нас был расстелен ковер. Службу вел отец Шавельский – протопресвитер всей армии, в сопровождении придворного хора. Великий князь стоял в стороне, за перегородкой. Собирали пожертвования для раненых. После богослужения и молитв за победу над врагом нас на тех же автомобилях

отвезли в сосновый молодой лесок, среди которого виднелся поезд Ставки главнокомандующего. От поезда десятки проводов тянулись к небольшому домику, увитому сетью телеграфных проводов. Дежурный генерал проводил нас в комнату ожидания – вагон-салон, увешанный военными картами. В поле зрения попала репродукция «Грюнвальдской битвы» Матейко – мизансцена, свидетельствующая о намерениях Главнокомандующего. Вскоре пришел адъютант, предлагая нам встретить возвращающегося из церкви великого князя.

Великий князь – мужчина огромного роста, встретил нас любезным пожатием руки, выслушал произносимую с дрожью и заплетающимся языком речь маршала, поцеловал икону и сразу пригласил на завтрак в вагон-ресторан, где нас устроили за самым близким от князя столиком. Рядом с князем сидели начальник штаба, генерал Янушкевич и отец Шавельский. Завтрак был обычным, вина было много, водка отсутствовала, поскольку продажа и употребление «монополюшки» строго были запрещены. Нескольким старым генералам принесли по рюмочке, но только по предписанию врачей.

В конце завтрака подали кофе и коньяк, что меня весьма удивило: русскую водку нельзя, а французскую можно. Великому князю подали что-то специальное в рюмке. После того, как великий князь пожал каждому из нас руку и простился, я подошел к Шавельскому и генералу Янушкевичу, чтобы обменяться любезностями. **При случае я спросил о том, что употребил после кофе великий князь, а, узнав, что это была «старая водка», которую князь очень ценит, я сообщил, что у меня в вагоне имеется бутылка старки и я охотно бы передал ее великому князю, но при одном условии, что он получит вторую бутылку, как только вступит в Берлин. А если не войдет, то уже никогда больше такой водки не попробует.** Мои слова всех развеселили, а мое намерение было дружно поддержано, причем передать презент князю можно было через сержанта, который будет меня сопровождать до поезда. Так и произошло. Упаковывая

и передавая бутылку хорошему моему знакомому еще по киевскому съезду, графу Адаму Замойскому, который состоял в свите князя, я положил также билет, на котором повторил поставленные мной условия, подчеркивая, что, если великий князь не войдет в Берлин, то никогда уже не понюхает старки. Граф Замойский, получив бутылку и догадавшись о ее предназначении, не распаковывая, понес князю. При распаковке выпал билет, который великий князь велел прочесть и перевести. Он улыбнулся, приказал принести штопор, отведал содержимое и сказал: **«Стоит идти в Берлин».** Как известно из истории, **российские войска в Берлин не вошли, поэтому великий князь второй бутылки не получил.** В результате различных перестановок великий князь был отправлен на Кавказ, а главнокомандующим стал сам император.

К осени Ставка главнокомандующего переместилась из Барановичей в Могилев на Днестре, что было связано с поражением в Галиции и Королевстве после захвата Варшавы и Бреста. Отступающая армия и толпы беженцев из Королевства двигались по нашим нивам, вытаптывая их и сея вокруг тревогу и опустошение. Я не могу говорить за весь Край, но в наших окрестностях ущерб, который онинесли, был более ощутим по сравнению с тем, который причинили войска.

Солдаты были суровы, старались без необходимости ничего не трогать, в то время как беженцы, вытаптывая несжатые поля и злоратно уничтожая все попадающееся под руку, заявляли: «Мы не столько потеряли». Дворы и фольварки с ужасом встречали длинные обозы, состоявшие из повозок, покрытых брезентом и полотном, с характерными дугами на оглоблях. Такие обозы, хаотично двигавшиеся на восток, останавливались там, где еще можно было что-либо раздобыть и, как саранча, оставляли после себя пустыню. Так, из 600 возов сена в моем сарае осталось на зиму всего лишь 2 – 3 воза корма. Зерно в снопах было растаскано, колодезный журавль сожжен на костре, а солома с крыши пошла на обработку убитых кабанов. Правда, судьба этих несчастных беженцев была нелегкой. Первые

их партии покинули свои родные места по принуждению вместе с отступающими российскими войсками, а последующие руководствовались, можно сказать, стадным чувством.

В Беларуси же в условиях ранней осени они страдали от холода и слякоти. Началось распространение инфекций, иногда холеры, которую, правда, удалось быстро обуздать, скорее по воле Божьей, чем в результате принятых властями мер, но которая в некоторых окрестностях унесла много жизней. Помню, когда я приехал в имение жены, то увидел семь гробов, выносимых из крыльца жилого дома. Вначале, пока во дворах были запасы досок, ворота и т. д., людей хоронили в гробах. Позже погребали без них, а часто случалось, что трупы присыпали землей у дороги, или забрасывали мхом в лесу, покидая местному населению заботу о лучшем погребении.

Население выполняло эту миссию неохотно и только под давлением властей. Ряды придорожных могил метили тот путь, по которому тянулись толпы беженцев, захватывая все большее пространство, чтобы раздобыть средства к существованию для себя и своего «живого инвентаря». Среди крестьянских телег встречались помещичьи фургоны, управляемые самим баринком или управляющим, содержащиеся в относительном порядке. Но встречалось и самовольно угнанные из имений дворовой прислугой, которая таким образом пыталась приумножить свое имущество, оправдываясь, что действует с позволения своих кормильцев. Следует отметить, что правительственная администрация о нуждах беженцев совершенно не заботилась: никто их не встречал, и ничего не было подготовлено по пути их следования.

Вначале хватало запасов в имениях, расположенных возле дорог, но и они исчерпались. В связи с отсутствием средств на личные нужды и бандитским поведением беженцев пропадало всякое желание помогать им и собирать пожертвования. Позже появилась другая крайность. После мобилизации государственных и общественных сил правительство старалось ни в чем не отказывать потерпев-

шим от войны: беженцы имели все, даже больше, чем местное население. Они, получив свой паек в одном месте, шли в другое, а затем – третье, при этом завышая число членов своих семей, нуждающихся в помощи. Бывали случаи, когда беженцы продавали излишки местному населению и кормили свиней. В глазах зарябило от таких организаций как «Всероссийский земский союз», «Союз городов», «Красный Крест», которые не всегда имели больных или нуждающихся в опеке, но зато имели хорошо откормленных и полногрудых «сестричек» и толпы обслуживающих чиновников.

Многочисленные отделы обществ: «Центральный гражданский комитет» и «Польское общество помощи жертвам войны» были переполнены хорошо оплачиваемыми руководителями, их заместителями, инструкторами, помощниками и т. д. Все эти толпы функционеров породили разнузданную бюрократию, которая способствовала исчезновению таких понятий, как самоотверженность и бескорыстный труд, которая, как зараза, прилипала и проникала в новые структуры зарождающейся польской государственности.

Землевладельцы Минщины, с тревогой наблюдая за событиями, за всей этой трагедией «exodusu», не поддались всеобщей лихорадке, а решили оставаться на местах вопреки давлению со стороны отступающих российских войск, считая: «Если погибать, так лучше под своим забором, чем под чужим». Некоторые женщины с детьми перебирались в город, оставшиеся сооружали укрытия на местах. Например, расквартированные у нас артиллеристы с разрешения офицера соорудили нам окопы и землянки, в которых мы намеревались укрыться в случае приближения линии фронта. Крестьяне, видя, что двор никуда не собирается, начали обрабатывать поля. В данном случае имения, за исключением тех, которые находились рядом с линией фронта, свою миссию выполнили сполна – население не подверглось эмиграционной лихорадке. К тому же и отступление войск приостановилось, а фронт обозначился возле тех же Барановичей, где в начале войны на реке Щара находилась Ставка Главнокомандующего. Все это продолжалось до тех

пор, пока весь наш край до Днепра и Двины не был занят врагом. Часть спасающегося от войны сельского населения осела в наших окрестностях, а часть ушла на Восток. Имена и город кишели беженцами, которые принадлежали к правящим кругам. Минск стал приобретать черты польского города.

Несвиж в стенах замка принимал многочисленных гостей. Было время, когда почти все Радзивиллы собрались в родных стенах. В силу моих бывших отношений с Радзивиллами мои Савичи посетили такие почтенные гости, как председатель Польской группы в Берлине князь Фердинанд, князь Доминик из Балиц – предполагаемый отец польского короля Иеронима, женившегося на дочери эрцгерцога Стефана из Живца. Гостили также князь Константин из Парижа, председатель Центрального аграрного общества в Варшаве князь Северин Четвертинский с братом Людвигом и шурином Жултковским и многие другие. Семьями, а часто и всем двором, ожидали перелома в стратегической и политической жизни, чтобы возвратиться домой. Они все же дождались этого момента, в то время как те, кто их принимал и угощал, вынуждены были покинуть родной порог и остаться без крыши над головой. Хоть Савичи и находились в 50 верстах от Барановичей, артиллерийская канонада доносилась и до них. В окнах дворца звенели стекла, открывались двери, а вражеские самолеты, пролетающие над нашими лесами и полями, сначала вызывали тревогу, а затем перестали пугать людей, которые даже не смотрели им вслед и не отрывались от полевых работ.

Дорога, проходившая по территории имения, прямо между домом и конюшней, построенная с помощью австрийских пленных и ведущая из Барановичей вокруг Клецка, через Тимковичи – Слуцк – Бобруйск на Восток, была причиной нервозности и беспокойства. Постоянное движение военных обозов, перебазирование военных отрядов, к которым мы постепенно привыкали, поскольку вреда особого они не приносили, а российские войска скупали все, что продавалось, и хорошо платили. В силу своих обязан-

ностей председателя Аграрного общества, а также во время работы в Государственном Совете, я был знаком со многими из военного руководства, которые часто меня посещали. Среди них следует назвать генерала Данилова – командующего Барановичским фронтом, который часто бывал у меня со своими адъютантами, бароном Бенкендорфом и Довбором-Мусницким, кажется, племянником генерала. Приезжал всегда без предупреждения, вначале из Савеек, а затем из Иванова, где находилась его Ставка. У меня оставались запасы «старки», которую очень ценили эти господа, и не одна бутылка венгерского была осушена за беседой у камина.

А общество было приличное: генерал был профессором военной академии, Бенкендорф служил при посольстве в Берлине и находился в хороших отношениях со всеми прибалтийскими баронами, знал также и моих коллег – баронов по Государственному Совету. Довбор-Мусницкого я встретил позже в Варшаве случайно в трамвае, но уже как офицера польской армии. Реквизиции российских войск были необременительными, за исключением лесных материалов и особенно молодых лесных посадок, которые шли на строительство трактов и на фашину. Но и эти моменты можно было уладить и найти общий язык с помощью командующего белорусским фронтом генерала Эверта, находящегося в Минске, к которому я всегда имел доступ и который никогда мне как представителю Аграрного общества не отказывал. Аграрное общество оказывало неиссякаемые услуги своему Краю в период российского военного правления, а затем немецкого, смягчая последствия конфликтов, самоволия и потерь, неизбежных в условиях военного положения.

Союз помещиков Минской губернии

Аграрное общество состояло в основном из членов, проживающих вне города (председатель проживал в 120 верстах от Минска), а средства коммуникации в условиях немецкой оккупации или отсутствовали, или были затрудни-

тельными. К тому же, в период правления Керенского возникло множество всевозможных «союзов», «объединений», в том числе по профессии (только класс землевладельцев не имел своей организации).

В лоне Аграрного общества при активном участии адвоката Людвика Унеховского зародилась идея о создании союза, в задачи которого входила бы защита как большой, так и малой собственности помещиков. Было созвано общее собрание Аграрного общества, разработан устав и создан «Союз помещиков Минской губернии», председателем которого был избран Ежи Чапский, который в то время постоянно проживал в Минске, а заместителем председателя и основной «пружиной» – Людвик Унеховский. Мы гордились, что были первыми, а не последними, потому что, когда на наше собрание прибыл из Москвы представитель Центрального союза помещиков с целью создания у нас аналогичной организации и приглашения нас к сотрудничеству, он застал все готовое и действующее. До прихода немцев наши представители охотно ездили на общие заседания в Петроград и Москву, где их гостеприимно встречали и поддерживали, ибо центральное учреждение было хорошо организовано, имело большое влияние и денежные средства.

После ухода большевиков деятельность союза была восстановлена в условиях немецкой оккупации и работала даже активнее, чем раньше, поскольку немцы считались с этой организацией, имея у себя аналогичную: «Verein der Landwirthe». Причин для этого было предостаточно.

Правительство Керенского и его эпигоны продвигали в земства ультралевые элементы, которые облагали непосильными налогами и земскими повинностями помещичьи имения и уравнивали налоги на лес и землю, стремясь уничтожить крупную собственность, в чем неоценимую помощь им оказали волостные органы самоуправления, состоящие исключительно из крестьян, по-прежнему жаждущих разделить собственность землевладельцев. Союзу землевладельцев с переменным успехом приходилось защищать свои имущественные права и искать справедливости у оккупационных властей. Собравшись у же

в качестве беженцев в Варшаве в 1918 – 1919 гг., мы восстановили наш Союз на варшавской земле в виде представительства кресовых землевладельцев под польским руководством. А после возвращения на Родину осенью 1919 г. мы опять возобновили свою работу в Минске под руководством того же правления. Но, к сожалению, на незначительный срок, поскольку возвращение большевиков в июле 1920 г. лишило нас должностей.

После ухода из Конгресувки российских войск, как я уже отмечал, должность Главнокомандующего из рук великого князя Николая перешла в руки императора. Главная Справка была перенесена в губернский Могилев, а железнодорожное сообщение с Петроградом было организовано через Оршу и Витебск. Ожидания, связанные с «Обращением великого князя», рассеялись, как туман ввиду непримиримого отношения официальной власти ко всему польскому, особенно на Кресах. Крайне жесткую политику проводили российские оккупационные власти в Галиции, где наместник, граф Бобринский, арестовал и вывез в Россию митрополита Шептыцкого, а церковные купола начал перекрашивать в зеленый цвет, чтобы порадовать глаз привезенного из Хелма и пользующегося дурной славой архиерея Евлогия.

С Варшавой связь отсутствовала. Изредка приходили вести о жестокости немецких властей. Но и у нас ситуация была не лучшей. Активно по-прежнему действовали в крае самые разнообразные организации: просветительские («Просвещение»), занимающиеся просвещением местного населения, или же курирующие деятельность, связанную с оказанием помощи беженцам и «жертвам войны». Я хочу остановиться на «Обществе помощи жертвам войны» в связи с его далеко идущими интересами, которые преследовал председатель центральной московской организации Александр Ледницкий.

В связи с действием в Конгресувке и Западном крае «исключительного права», а также преследованием поляков на местах и запретом исполнять ими обязанности руководителей в собственном Крае, российские губернии от Днепра

и Двины до Владивостока были переполнены польским элементом, ищущим хлеба и работы то ли в государственном секторе, то ли в других местах. Среди эмигрантов были потомки беженцев первых волн, которые по разным причинам не могли вернуться на родину, а также ссыльные, которых всегда было предостаточно. Попадали сюда также многие госслужащие и железнодорожники, которые в силу осуществляемой в тот период государственной политики перемещались с окраин в глубь России. Многие ехали туда по собственной воле в поисках пространства для реализации своих способностей и идей. Но каждая из эмиграций, добровольная или вынужденная, за небольшим исключением, должна была регистрироваться в книге национальных потерь. В отличие от немцев, которые при имеющихся трех создавали как минимум четыре «*vegeiny*» (союзы), польская эмиграция жила вразброс, постепенно утрачивая чувство национального единства, подвергаясь влиянию российской литературы, клубной жизни в районных городах, вступая в брачные союзы и т. д. Хотя последние и приносили положительный элемент, но сами для своей родины были потерями навсегда.

Большой наплыв беженцев из числа крестьян и интеллигенции, убогавших от немецкой оккупации, подействовал отрезвляюще и заставил вспомнить о национальной ответственности многих эмигрантов. Начали возникать союзы, оказывающие помощь беженцам – их сетью была покрыта вся Россия. На фоне отсутствия в их деятельности какой-либо общей программы и солидарности адвокат Александр Ледницкий – известный в широких российских и польских кругах своими организационными способностями – поставил своей целью сконцентрировать в Москве деятельность всех польских союзов, действующих за границей, и придать им единое направление и чувство солидарности.

Съезд представителей союзов проходил в Москве. Делегаты от Западного края также были приглашены. Был создан Московский центр, избрано правление во главе с председателем Ледницким.

Польские организации, разъезжаясь, уже не были разобщенными в своей деятельности, а чувствовали себя связующим звеном общей цепи, объединяющей всех поляков на востоке. В любых сомнительных вопросах они могли обращаться в Московский центр, из которого одно лишь нажатие клавиши решало многие проблемы поляков, если не от Вислы, то, по крайней мере, от Буга до Владивостока. Таковы были замыслы господина Ледницкого.

В ежедневной газете, издаваемой в Москве, был напечатан очень строгий устав, согласно которому не только членов, но и каждого поляка, не принадлежащего к этой организации, но игнорирующего ее распоряжения или, например, не платившего установленные налоги, можно было поставить к позорному столбу. Планировалось назначить контролеров, которые могли задержать любого прохожего и потребовать документы, подтверждающие уплату или просрочку налога, определяя тем добропорядочных и плохих поляков. Газеты сообщали, что, в московских съездах участвовали представители «Польской группы» из Законодательных Палат, «Центрального аграрного общества Королевства», «Центрального гражданского комитета» и т. д.

Создавалось впечатление, что, соглашаясь с принятыми съездом резолюциями, они как бы подчиняли компетенции своих организаций компетенции этого «съезда съездов»: и впрямь замахнулись на функции национального правительства. Это уже было слишком, особенно если принимать во внимание мои взгляды в отношении национального правительства и о безропотном повиновении ему общественного мнения в 1863 г. Появились опасения, что мы опять можем стать на путь самозванных и конспиративных организаций.

Я склоняю голову перед организационными способностями господина Ледницкого, и если бы ему ставили памятник за большие заслуги и неиссякаемую энергию в области объединения в «Союз помощи жертвам войны» всех поляков, находящихся в российской эмиграции, я охотно положил бы и свой рубль. Но в данном случае речь шла о

другом. Господин Ледницкий должен был следовать от Владивостока, но остановиться на Днестре и Двине, за которыми были уже не эмиграционные отряды, а земли, владельцы которых, как и городская интеллигенция, формируемые испокон веков польской культурой и сильные своим имущественным состоянием, сами умели и управлять, и организовываться. Эмигранты же никогда не смогут управлять краем с пользой для него, потому что они живут теми реалиями, которые существовали здесь в момент их ухода. Они не держат руку на пульсе, на который следует ориентироваться. А беспрекословное подчинение решениям московских съездов было бы равнозначным отречению от родного края и права распоряжаться своей судьбой, так как наше представительство всегда было бы в меньшинстве, располагая 9 голосами от 9 западных губерний, против, как минимум, 70 центральных губерний страны. Причем, это были бы представители эмиграции, представляющие другие общественные сферы и вовсе не связанные с землей. А ведь владение землей польскими землевладельцами составляет главную опору польской идеи на Кресах.

Принятие директив Московского центра могло бы привести к такому абсурду, что инженер из Вятки, цирюльник из Саратова, железнодорожник из Тифлиса или парикмахер из Харькова решали бы, как обустраивать жизнь на Минской, Виленской или Волынской земле. Утверждение сторонников этой организации в том, что московские решения стали результатом съезда всех польских организаций страны, были ошибочны, поскольку, если в этом съезде участвовали члены «Польской группы» или «Центрального аграрного общества», то, как частные лица, а не как уполномоченные своих организаций, которые вовсе не отрекались от своей автономии по отношению к Московскому центру, что и было подтверждено президиумами этих организаций.

Взвесив все и принимая во внимание то, что в период событий 1863 г. никто не проявил гражданского мужества, чтобы противостоять самозванному «Национальному правительству», я решил не брать грех на душу, поскольку, по моему мнению, здесь замахивались на нечто подобное.

Поэтому я охотно согласился на приглашение графа З. Велепольского в Петроград, на политическое заседание, и уехал, чтобы рассказать о своих сомнениях и опасениях. Я не могу точно назвать дату поездки в связи с исчезновением при погроме моих записок. Помню, что встретил там своего коллегу и друга Э. Добецкого, уезжающего в Стокгольм, представителей от нашего Края: А. Мейштовича и К. К. Скирмунта. Были там делегаты от Руси, а также представители нашей колонии в Москве: Грабский, князь Четвертинский, князь Радзивилл и многие другие.

В Петербурге было мало военных, обычно представляющих неотъемлемую часть «столичного интерьера», но гостиницы были настолько переполнены, что если бы не предоставленное мне место в читальном зале французской гостиницы, пришлось бы, несмотря на зиму, ночевать на скамейке в Исаакиевском сквере. Мои взгляды на возможные последствия московских съездов после их обсуждения были разделены большинством присутствующих. Таким образом, с чувством исполненного долга я возвращался домой, что было нелегко сделать, поскольку билеты на поезд невозможно было купить (только за большие деньги или по большой протекции). Мне помог в этом почтенный мой родственник Ян Петрозоллин, работавший в железнодорожном управлении.

Дома я находился недолго. Несмотря на мартовскую распутицу и отсутствие железнодорожного сообщения, воспользовавшись тем, что по пути находится гостеприимный дом родственницы, графини Марии Красницкой в Стажицы, на лошадах добрался до Минска, чтобы застать на месте участников съезда, собранного там сторонниками московской концепции, на которой останавливался командированный президентом Центрального комитета член правления Ян Морозовский. В своем выступлении он представил московскую организацию как высший народный институт, имеющий право руководить, облагать налогами. Я выступил против этого с острым протестом, к немалому возмущению зала. Перед голосованием, как всегда, я был поддержан речью Скирмунта. Однако меня поддержала только 1/3

часть. Меня это не сразило, поскольку даже не почувствовал неприязни зала по отношению к себе, ибо когда его покидал, то сказал, что несмотря на возраст, бездорожье и сложившуюся ситуацию, увидел обстановку и своей речью вызвал «скрежет зубов» в зале. **Я спешил исполнить то, что считал своим долгом. Поверили в чистоту моих стремлений, так как после выступления зал провожал меня аплодисментами.**

О своих убеждениях открыто заявил Ледницкому, когда встретил его на варшавском шоссе во время эмиграции 1918 – 1919 г. Однако это не испортило моих с ним отношений. Благодаря доброй взаимной вере в чистоту намерений, а также – убеждению, что ни один из нас не руководствуется собственной выгодой, а лишь пониманием общественного благополучия.

Минский театр, где проходил 1-й Всебелорусский
Конгресс

VIII

Падение царизма. Керенский

В конце февраля 1917 г. в Минске было назначено проведение собрания губернского земства, в котором я по долгу службы должен был принять участие. Собрание шло своим ходом, пока не разнеслось, как гром среди ясного неба, известие о перевороте, произошедшем в Петрограде 23 – 27 февраля (8 – 12 марта н. ст.). Эта весть подтверждалась прибывающими из столицы людьми. Падение царизма никого не удивило, но везде расклеенные в столице обращения руководителя социалистов Хрусталева-Носара рядом с плакатами Родзянко, тогдашнего председателя Думы, заставляли призадуматься.

Минский губернатор, князь Друцкий-Соколинский, перестал появляться на улицах, а военные власти вначале старались игнорировать факт переворота, полагая, что какая-то часть войска восстанет против революции, останется верной императору и все как-то образуется само собой. После отречения от престола императора (от своего имени и от имени своего преемника) нам в один из дней объявили, что нужно идти в собор присягать на верность брату императора, великому князю Михаилу. Даже прибыл

архиерей, но приказ был отозван, а земское собрание распущено. Мы видели из окна, как по улицам города шли демонстрации с красными, черными и еврейскими флагами, участники которых вышагивали под музыку в сопровождении городских властей во главе с президентом Б. Хржонстовским. Евреи направлялись в сторону кафедральной площади, на которой с трибуны выступало военное командование, призывая к порядку и единению перед лицом стоящего на фронте врага, но другие приглашенные и неприглашенные ораторы произносили пламенные речи, пронизанные большевистскими лозунгами.

Началось правление Керенского, которое основывалось на принципе «несопротивления злу насилием», вследствие чего анархисты постепенно начали расшатывать хоть какой-то существующий порядок.

Весь ход этой революции, конца которой не видно, известен всем, а проживая в провинции, я не могу быть точным историографом. Удивляли факты: легкость, с какой пал многовековой, и вчера еще казавшийся несокрушимым, царизм, и факт второй – никто не встал на его защиту, даже из числа тех, кто был обязан ему своей карьерой. Даже та избалованная и якобы верная гвардия, те же бюрократы и придворная клика, с головы до пят расшитая в золото, духовенство, которое не только за царя, но даже и на него привыкло молиться. Кроме военных неудач, которые и стали основной причиной, необходимо отметить, что немалую роль в падении строя сыграли мизерность самого царя и укрепляющееся влияние при дворе Распутина „et tutti quanti» *(и ему подобных)*.

То, что появлялось вместо царизма, не обещало многого и не придавало людям оптимизма и веры, так как оно возникало и основывалось на угодничестве низменным инстинктам толпы, жаждущей власти и получения всего и сразу без особого труда и личных заслуг. Минская общественность и особенно городская интеллигенция, и эмигрантская среда, которой Минск был переполнен, поддались настроениям, господствовавшим в Петрограде. Вспоминаю о многолюдном собрании в зале Общества

взаимного кредитования под председательством уважаемого адвоката Виткевича, которое проходило сразу же после упомянутой минской демонстрации. Я появился на собрании вместе с Р. Скирмунтом только около полуночи, после второго белорусского собрания, которое вел Скирмунт.

Слушая различные выступления, усматривающие в петроградских событиях зарождение эры возрождения и удачи для наших Кресов, призывающие протянуть руку российской революции, мы оба заявили протест. При этом утверждали, что должны поддерживать отношения с представителями новой власти только для того, чтобы уменьшить то зло, которое может появиться вследствие анархии, поскольку социалистические принципы и предлагаемая система голосования уничтожит преобладание культурного элемента, нарушит общественный порядок и значительно сократит имущественное состояние поляков на Кресах. Наши голоса утонули в шуме, и в качестве протеста мы отказались войти в состав «Польской Рады минских земель», которая тут же возникла во главе с Иеронимом Кеневичем.

Подобные польские организации были сформированы в Могилевской и Витебской губерниях; время от времени начали проводиться съезды представителей рад. В конце 1918 г. большинство землевладельцев вынуждено было уходить от большевиков и переселиться в Варшаву, а рады появились и там, уже хорошо организованными. Мои прогнозы относительно направления, по которому пойдет российская революция, к сожалению, сбылись слишком быстро. В столице началось правление Керенского, а Иванова, Островского «et tutti quanti» – в Слуцке; и все это под управлением сыновей Израиля, объединенных в эфемерные союзы, которые возникли в результате митингований, и посылающих своих делегатов на голосование и избрание функционеров.

Начались аграрные волнения, вначале игнорируемые властями, а позже даже ею организуемые, приведшие к известному «Декрету о земле». На основании его положений началась экспроприация земли и имущества помещиков,

передача их в распоряжение «имущественных комитетов», состоящих из батраков и делегатов из соседних деревень, которые, кажется, во второй половине октября 1917 г. забрали у меня ключи от амбаров и других хозяйственных построек, начали хозяйничать, продавать собранный мной урожай, великодушно позволяя мне после долгой канители покупать из собственных закромов зерно на хлеб и кашу. Волостные делегаты разъезжали на моих цуговых лошадях на вечеринки, иногда разрешая съездить на моих же лошадях на богослужение.

Все то, о чем я писал до сего момента, было документально подтверждено с указанием дат, а иногда и номеров соответствующих документов; все было упорядочено в надежде на то, что я сам или кто-нибудь другой использует материалы при написании картины общественной жизни Беларуси конца XIX и начала XX в. С этого момента все изменяется, уже очень редко встречается документальное подтверждение, и все чаще факты основываются на воспоминаниях, которые на семидесятом году жизни иногда и подводят. Если придется ошибиться, то не по злой воле и, надеюсь, что меня исправят другие. Это касается воспоминаний о XX в., причем более позднего времени, и касающихся современных людей, еще живущих среди нас. К тому же в это время уже большое количество людей начало заниматься общественной деятельностью, поэтому намного легче будет рассчитывать на более объективную информацию.

Многие материалы пропали в результате погрома, которому подвергся мой двор, и особенно дом в Савичах в период с 6/19 по 7/20 – 8/21 февраля 1918 г., во время которого было уничтожено все культурное наследие одиннадцати поколений. Безвозвратно потеряно то, что было собрано с середины XVI в. в виде инвентаря, портретов, предметов искусства и т. д., а самое главное – в форме документов, систематизированных и упорядоченных так, как делалось в самых известных национальных архивах. И хотя я обещал в самом начале, что в своих воспоминаниях постараюсь как можно

реже затрагивать личные проблемы, однако произошедшее в Савичах 6 – 8 февраля ст. ст. было настолько типичным, что на основании его можно получить представление о погромах, которым подвергся весь Край в тот период.

Приблизительно к середине ноября 1917 г., в результате так называемых «декретов о земле», изданных Керенским и осуществляемых Лениным, все помещичьи имения, если не находились под немецкой оккупацией, то были заняты «комитетами», состоящими из дворовой службы и делегатов из соседних деревень, а собственники от управления своим движимым и недвижимым имуществом были отстранены. Как обычно бывает в этих случаях, когда управляет толпа, на поверхность выплывает пена, так и в случае с комитетами, в которые входили люди, фанатически управляемые большевистской пропагандой, проводимой в окопах, в различных организациях, «союзах», на митингах и т. д. Туда входили люди, кому нечего было терять, а только приобретать. Пропаганда велась уже давно, еще в царский период, в условиях апатичного отношения к ней местных властей, которые в связи с появлением «свободолюбивых» манифестов потеряли всякую ориентацию.

Анархия. Погромы

В качестве иллюстрации напомним, что как-то во время моего нахождения в уездном городе в Слуцке на судебном заседании какой-то оратор, заканчивая свою речь перед публикой, прокричал: «ура, ура, убьем царя». Присутствовавшая здесь полиция спокойно это воспринимала, и когда я рассказывал об этом прокурору, тот ответил, что полиция не имела права в связи с провозглашенной свободой слова арестовать анархиста. Комитеты вступили в наши имения, как на землю обетованную, так как осенью весь собранный урожай находился в гумнах, в буртах – бери и пользуйся, а цены взлетели очень высоко. В некоторых имениях отнятие их проходило в спокойной атмосфере, в других – в более драматичной.

В одних случаях отношение комитетов к бывшим

владельцам было сносным, в других – не позволяли даже купить собственное зерно на хлеб насущный, отказывали в стакане молока, дровах, лошадях для поездки в костел или к доктору; все зависело от доброй воли комитетов и их состава. Члены комитетов менялись очень часто, так как многим хотелось получить доходы без всякого контроля, в худшем случае – поделиться ими с волостными комитетами. Землевладельцы оставались на месте, терпя унижение, поскольку, подобно комитетам, предчувствовали, что так долго продолжаться не может и особенно в условиях, когда и сам объект эксплуатации не мог долго выдержать, – помещичьи запасы исчерпались. Не все желающие дождались своей очереди поуправлять двором, как повеляло другое направление, особенно среди возвращающихся из глубины России солдат, воодушевленных идеей создания в нашем Крае рая, о котором из газет доходила до нас информация с Днепра и Волги. Начались погромы, которые не столько зависели от богатства двора или его отношений с соседней деревней, сколько от настроений, витающих в деревне или среди дворовых служб, которые талантливые агитаторы смогли возбудить.

Погромы перед тем, как докатиться до моего двора, прошли месяца два назад. Они накатывались волнообразно от окопов в Барановичах на восток. Волна эта подбиралась все ближе и, задержавшись в двух верстах от меня, как бы спала, и прошел еще один месяц, не говорю в спокойствии, так как не одна бессонная ночь была нами проведена, но в ожидании, которое перешло в стадию апатии. Утром вставали и благодарили Бога, что он позволил провести нам эту ночь в кровати, а вечером ложились спать после молитвы о том, чтобы в предстоящую ночь нас обошла эта напасть. Даже уже появилась маленькая надежда, подпитываемая различными слухами, что в Савичах погрома как бы и не будет. **Тем более хотелось в это верить, поскольку, проживая с самого детства в имении и чувствуя свое единение с местным населением, я всегда шел ему на встречу то ли советом, то ли конкретной помощью.** Трудно было встретить человека в окрестности, который мне не

был тем или иным образом обязан. Все это давало мне надежду, что именно эти отношения и весь мой труд в этом направлении будет оценен, и Савичи не должны будут разделить общую судьбу имений. **При этом, исходя из своего жизненного опыта, я был уверен, что судьба каждого человека расписана где-то свыше, и ничто не может предотвратить то, что должно с ним произойти.** А то, что архив нашего рода, содержащий столько документов, и касающийся не только нашей семьи, но и всего Края, пережил столько веков (московскую, шведскую и татарскую войны), даже ни один листок не потерялся – все это укрепляло меня в вере, что ему суждено пережить и сегодняшние катаклизмы. Возможно, именно поэтому я никуда его не эвакуировал. Тем более, что все старания, связанные с эвакуацией архива, даже самые продуманные, не кончались добром, например, эвакуация части коллекций Несвижского замка, вывезенной в Москву перед немецкой оккупацией, когда не смогли предвидеть большевистский террор. И, видно, было суждено, чтобы архив погиб вместе с его наследниками, так как и я остался последним из рода и имея уже 70 лет, не намного дольше его переживу.

Катастрофа

А теперь о самой катастрофе. Не предчувствуя беды, мы с женой поехали к моей сестре, которая была замужем за маршалком Хорваттом и жила в миле от нас в имении Пузово, также мне принадлежащем. Пузово уже давно было занято отрядом военных транспортников, со штабом, абсолютно революционизированным, комитет которого, собственно, и заседал в соседнем зале, внизу. Собрание проходило слишком шумно в то время, когда мы обедали. Вдруг все утихло, и наше внимание привлекло оживленное движение «товарищей». В зал влетает огородник сестры – немец, с криком: «Немцы уже в Сенявке». Сенявка – небольшое местечко и железнодорожная станция, находящаяся в 4 милях от Пузова. Это известие и стало причиной

общего переполоха и интенсивного передвижения «товарищей». А что касается нас, то хотя мы всегда были антинемецки настроены, но известие немного успокоило, что, наконец, господство большевиков закончится и хоть какой-то правопорядок появится.

После обеда у камина мы активно обсуждали происходящее, а вечером после возвращения в Савичи узнали о том, что Сенявка занята немцами, и что солдаты бегут из окопов. И то, что главный тракт из Барановичей через Слуцк до Бобруйска проходил через савичский двор – между домом и конюшней – еще до нашего возвращения убегающие мародеры, угрожая револьверами и штыками, увели лучшую четверку цуговых лошадей. Мы поняли сразу, что это не шутки, и что наступил последний час ликвидации нашего благосостояния на савичской земле. Ночь выдалась ясной, месячной, мороз около -15°C .

Перед ужином мы наблюдали за обозом, следовавшем через двор огромной колонной, «разбавленном» пехотой и несколькими верховыми. Неожиданно обоз остановился, к нему подбежала из темноты группа людей, членов «комитета». Это был сговор о проведении погрома. Через несколько минут обоз двинулся дальше, мы вздохнули с облегчением, не предполагая, что он остановится за полверсты дальше, за парком, в деревне, которая также называлась Савичи, которая никогда, ни во времена крепостничества, ни сейчас, ни потом, не имела никакого отношения к имению. После непродолжительного ужина, который был съеден наспех, мы отправились спать. Я предварительно оставил возле кровати длинные сапоги и короткую лисью шубу. Не успели задремать, как нас разбудил негромкий стук в дверь нашего писаря Димитра Шкутько, который сообщил, что пришли те, кто будет нас грабить.

Сам он быстро убежал вниз. Я вскочил и, проводив жену по черной лестнице в сад через боковую дверь, сказал, чтобы она шла в садовый домик, в помещение прачки, и там, не беспокоясь обо мне, пересидела эту катастрофу. А я, находясь уже внизу, узнал от писаря, что он, обеспокоенный этим обозом и совещающимися комитетчиками, с дровови-

ком на плече, в старой колушке, вышел как ночной сторож во двор, где возле амбара к нему сразу же подскочили двое, а затем еще двое вооруженных людей с вопросом, что он здесь делает. Писарь ответил, что является ночным сторожем и проверяет, все ли в порядке во дворе, и одновременно спросил их, чего они хотят. Солдаты заявили, что пришли за овсом, который им очень необходим, даже ночью, поскольку они должны ехать дальше. Писарь предложил им пойти к члену комитета, который распоряжался двором. Пока те совещались, он воспользовался минуткой, чтобы нас разбудить и предупредить.

Я опять выпустил писаря из дома, полагая, что, если нападать будут не солдаты, а местные крестьяне, то ничего мне плохого не сделают. И почти сразу же заметил бегущих к парадному входу 12 – 15 вооруженных солдат. Я выбежал через ту боковую дверь, через которую недавно выпустил жену, и направился через парк в сторону дома в саду, за которым я все время наблюдал. Прежде чем добежал до первых деревьев, которые должны были меня укрыть от грабителей в такую ясную ночь, я услышал шум, гам, выстрелы, рев толпы, ворвавшейся в дом. Начался грабеж, который затем прокатился по конюшне, каретному сараю и прекратился через пару часов. Все это время, позабыв даже о морозе, я простоял между двумя липами, не отводя глаз от места укрытия моей жены, слыша крики и грохот в доме.

Немного приутихло, я вышел из укрытия и увидел писаря, который предупредил меня о появлении новой партии солдафонов в сопровождении крестьянской братии из соседних Савичей. Крестьянам приказали искать владельца, который должен понести наказание. Писарь посоветовал мне от себя и от имени жены уходить со двора, что я и сделал, проведя остаток ночи и весь день до вечера следующего дня в лесу, следя при этом за происходящим во дворе. А оттуда по-прежнему доносились выстрелы и к ним присоединялись какие-то взрывы. Количество отступающих войск (т. е., мародеров) увеличивалось, тянущиеся вереницей крестьянские телеги, вернее, мои собственные телеги, захваченные дворовыми людьми, следовали туда и обратно

с наворованным имуществом. Я видел перегоняемый скот и лошадей, видел ссорящихся и дерущихся за добычу грабителей.

Нервное возбуждение не давало замерзнуть, несмотря на то, что я был легко одет, хотя был сильный мороз. Только вечером на следующий день я осмелился пойти в соседний фольварок «Малые Савичи», принадлежащий Чарноцким, где хозяев уже не было, и где я нашел свою жену под опекой управляющего. Ночь я провел, не раздеваясь, в кресле, в теплой комнате под крышей. Погром продолжался еще два дня, а мы всю неделю провели в чужом имении, не показываясь людям на глаза и получая известия со двора только от близких дворовых людей, как меня там ищут и растаскивают остатки имущества. Только 13/27 февраля за мной прислали посыльного с известием, что прибыл отряд немецкого войска, саксы, полк № 100, и меня вызывают. Я поехал, в усадьбе нашел дворовую службу, собравшуюся на крыльце дворца.

На компасном столбе размещался пулемет, рядом двое самых рьяных из дворовых большевиков под стражей, которых готовили к повешению. Человек 20 солдат с начальником ходили по помещениям и удивлялись тому опустошению, которое люди иногда в состоянии осуществить безрассудно и без особой нужды, ради удовлетворения своих варварских инстинктов. Ни одного столика, ни одного гвоздя в стене, ни одних дверец от печей не осталось. Многие двери и окна были выбиты, многие вывезены. Из-за того, что канализационные трубы были вырваны, полы на верхнем этаже и потолки на первом были залиты водой. А что стало с архивом и библиотекой, насчитывающей свыше 5000 томов! Все изорвано, картины и портреты родоначальников порезаны на полосы или прострелены.

Я упросил саксов не вешать арестованных при условии, что они и еще четыре самые неблагонадежные семьи на следующий день уедут со двора, что и было сделано. Они же осели в соседних деревнях, расположенных в 1 – 2 верстах, и продолжали свою пропаганду. Больнее всего было то, что среди самых

враждебно настроенных людей оказались те, у которых не только родители, но даже деды родились и провели всю жизнь во дворе на службе у моих предков, внуков которых я помогал воспитывать. Правда, было много людей, оставшихся мне верными в самые тяжелые времена, которые все время находились рядом и всегда были готовы разделить мою судьбу. К их числу, в первую очередь, я должен причислить сына бывшего нашего извозчика, управляющего Димитра Шкутько, экономку, писаря, повара и лакея.

После того, как саксы вернули меня в имение в качестве владельца и хозяина, еще пару недель я должен был провести у сестры в Пузове, пока хоть несколько комнат с южной стороны приведут в порядок. Но управление в имении сразу же взял в свои руки, и те же самые люди – члены комитета, которые так еще недавно вредили, стали такими послушными и податливыми. И нужно открыто признать, что, если им нелегко это забыть, то, с другой стороны, очень трудно их пожалеть, если принять во внимание, что с момента разделов Польши, или в течение четырех поколений, правительство не уставало при помощи своих чиновников, священников, ряда законов и планов аграрных реформ, в суде, волости и школе, проводить политику, направленную на то, чтобы деревню со двором поссорить и разжечь национально-классовую борьбу. Я должен также с удовлетворением отметить, что крестьяне бывшей дворовой деревни Братково с самого начала никакого участия в погроме не хотели принимать и подчинились только после того, как им пригрозили, что если не пойдут грабить, то при разделе земли их обойдут.

Я уделил столько внимания этому эпизоду из личной жизни, чтобы представить картину того, что в тот период происходило в Крае: все происходило подобно туче с градом, которая в одном месте уничтожит все, а в другом, неизвестно почему, все сохранит, несмотря на то, что закрывает весь горизонт и везде одинаково гремит. Не будем ходить далеко за примерами. Имение Пузово, в котором проживала моя сестра, в тот раз обошли стороной. Утром на чай к ней пришли большевики, и хоть бы одна ложечка исчезла или

вред какой-либо был нанесен ей и племянницам, находящимся под ее опекой. Настоящее чудо Господнее.

В результате этого погрома я лишился всех своих записок и документов, что прошу учитывать при проявлении некоторых неточностей. Но, как я уже говорил выше, все это не по моей вине.

Немецкая оккупация

В Савичах этот период завершился погромом 6/19 февраля 1918 г., события которого я уже описал, а в стране наступил период немецкой оккупации, о котором несколько слов следует сказать.

Ближайшей, занятой немецкими войсками, точкой был Несвиж. Приехало несколько кавалеристов в разгар торга на рынок, заполненный многочисленными повозками из окрестных деревень. Офицер и несколько „Gemaines” (*рядовых солдат*) вошли в ратушу и объявили, что с этого момента власть переходит в их руки, и уже с этого момента они начали «отмерять справедливость», выдавать законы, рассчитывать марками и пфенингами, а также назначать налоги.

Первым правителем в Несвиже, на большой территории, распространяющейся за Слуцк до Минска, был полковник Ф. Тетлау, прусский юнкер, однофамилица которого фрейлина при прусском дворе была выделяема среди других даже кронпринцем, Фридрихом II.

Он поселился в замке как в собственном доме, в окружении штаба, состоящего из офицеров с хорошим знанием русского языка, которых заранее готовили к своим будущим обязанностям путем выполнения торгмиссии в России. После ходатайств, которые длились несколько недель, мне удалось выхлопотать у полковника разрешение посетить Минск с банальной целью – приодеться, поскольку я был лишен полностью одежды в результате погрома 6/19 февраля. У меня было сильное желание сделать покупки в Варшаве, и фон Тетлау ходатайствовал перед Бесселером о разрешении на мою поездку. Знаю, что за меня замолвил

слово бывший мой коллега по Государственному Совету, а тогдашний член регентства Е. Островский, но эта последняя протекция скорее мне навредила, чем помогла. Немцы считали меня политическим деятелем с антинемецкой политической ориентацией, и поэтому весь оккупационный период, хоть отношения со мной были весьма «корректны», глаз с меня не спускали.

Оккупационные власти по мере продвижения немцев влубь, на восток, были перемещены из Несвижа в Слуцк, где в это время правил баварец, генерал фон Вебер, однако независимо от отдельных личностей немецкая система не подверглась серьезным изменениям. Немцы в большей степени эксплуатировали дворы, чем деревни, облагая их данью на яйца, масло, правда, оплачивая исправно, но за смешные цены. Действующие органы власти они покинули почти без изменения, при этом безжалостно зажимая налоговые «гайки». Оккупационные власти укреплялись с каждым успехом на Западном фронте, особенно после того, как Минск был определен Ставкой главнокомандующего, генерала фон Фалькенхайна – эксинтендента императорского двора, эксминистра военных дел, эксшефа штаба кронпринца во время осады «Verdun», позже переведенного на румынский фронт, а затем на минский.

После бегства Керенского и прихода большевиков, особенно в результате Брестского мира, на белорусских Кресах произошел ощутимый крен в немецкую сторону. Это не от того, что наше общество питало сильную любовь к немцам или его стремление ко всему славянскому стало менее заметным, а просто потому, что в них видели защитников общественного порядка и стражей общественной безопасности, особенно в условиях все больше распоясывающегося большевизма в России и скрытой, но с каждым разом все более активной, деятельности его сторонников в Беларуси.

Эти махинации стали поводом двух собраний землевладельцев в Минске, дату которых я не привожу, поскольку все мои записи пропали во время погрома. Одно из этих собраний проходило в начале немецкой оккупации,

второе – в конце. Первое и второе – в период правления фон Фалькенгейна. В обоих собраниях я принимал участие, во-первых, по требованию моих сограждан, а во-вторых, в связи с тем, что немцы, которые уже узнали о положении, которое я занимал в Крае перед оккупацией в Госсовете, и будучи многолетним председателем Аграрного общества, требовали моего участия и моей подписи на некоторых документах, как мне доносили организаторы этих собраний.

Не могу привести тексты этих мемориалов, поскольку не я их редактировал, но при возможности всегда старался удалять из них излишне филонемецкие концепции, а черновики мои пропали. Могу, однако, отметить, что первое заявление было более уравновешенным по сравнению со вторым; предполагалось, что первое не пойдет далее, как через штаб Фалькенгейна, до Главной Ставки, находящейся в то время в Короне. Там шла речь всего лишь о благодарности оккупантам за то, что вернули общественный порядок, а также о желании отделиться от большевиков и быть с народами Запада, опираясь на сильное немецкое государство.

Второе заявление было вручено в связи с тем, что в результате Брестского договора на повестку дня встал вопрос об отступлении немцев с востока и передаче ими в установленные сроки большевикам определенных участков белорусской территории «до Березины и за Березину».

Первым, передаваемым немцами совдепии, должен был стать Сененский уезд Могилевской губернии, причем немцы предоставляли военную охрану и вагоны беженцам для перевозки их имущества на запад. Мы все болели за судьбу почтенного землевладельца Кароля Свяцкого, который отправлялся в такой «исход», даже не предполагая, как ему будут завидовать, что он прошел этот путь беженца под опекой властей и в вагоне, в то время, как мы все перед лицом страха быть расстрелянными большевиками и в панике вскоре будем покидать родные места, будучи уже невольными. Эта передача по частям Беларуси большевикам была самой настоящей катастрофой для местных польских землевладельцев. Ссылаясь на исторические традиции, мы даже желали создания Великого княжества

Литовско-Беларусского под немецкой кураторией и просили фон Фалькенгейна сообщить о нашем стремлении императору Вильгельму.

Это последнее обращение было настолько противным моим политическим взглядам, настолько мерзким, что я в течение трех суток боролся, чтобы не ставить своей подписи, а вместе с тем среди «senioren Conventu», состоящего из 30 человек, только один, самый младший, Зигмунт Ревеньский, меня поддержал. И, будучи вынужденным и заклиняемым на «salus reipublicae suprema lex» (*призыв республики – высший закон*). Правда, не на первом месте, как это было в первом обращении, но подпись свою поставил.

Мой протест был запротоколирован добросовестным секретарем М. Поровским с пометкой, что согласился подписать только под давлением собрания и как бы закулисных инсинуаций, что якобы отсутствие моей подписи лишило бы авторита всю эту акцию. Во всяком случае, когда мы пошли к фон Фалькенгейну, не я, а граф Ежи Чапский возглавлял тогда делегацию в отличие от первого обращения, на котором первой стояла моя подпись. И я представлял тогда делегацию ф. Фалькенгейну. Следует также отметить, что в этой делегации принимал участие и поставил свою подпись замещающий отсутствующего губернского маршалка борисовский маршалок Бурнашев, выступающий, как официальное лицо. Ф. Фалькенгейн, в ответ на произнесенную графом Чапским речь отметил, что передача по частям территорий Беларуси была предусмотрена в Брестском договоре, который он не подписал бы, если бы там находился, и который сегодня должен слепо выполнять. А что касается наших политических стремлений создать буферное государство между Германией и Россией, то он постарается доложить об этом в Главной императорской Ставке.

Мы даже не предполагали тогда, что, вследствие военных неудач на Западном фронте немцы вынуждены будут намного быстрее покинуть белорусскую территорию. И не по частям, а всю сразу. Хочу в нескольких словах охарактеризовать немецкое правление в Беларуси: оно было

твердым, непреклонным, но в определенной степени достаточно культурным. Назначенная и высылаемая еженедельно в «Фатерланд» дань могла бы со временем совершенно опустошить край, лишить рентабельного инвентаря и тяглового скота, но всегда характеризовалась определенным нарастанием репатриации, четкостью при получении, правильным взвешиванием и оплатой, хотя очень смешной, зато своевременной, хотя и своими «остмарками», насильно приравненными к бывшему царскому рублю. Взятки наличными встречались редко, зато продуктами принимались охотно и даже деликатно вымогались. Что касается польского элемента и его значения на оккупированных территориях, то он не только не воспринимался равнодушно, а демонстративно не признавался. В то время как немцы охотно играли на белорусской дудке, стараясь подчеркнуть, что ее легче настраивать на свой камертон. Здесь одновременно можно затронуть и белорусский вопрос.

Автохтоны. Белорусский вопрос

Достаточно значительную часть польских землевладельцев Беларуси, включающую частично Виленскую, большую часть Гродненской и всю Минскую губернии, а также Могилевскую и Витебскую составляют автохтоны – шляхта местного происхождения, когда-то признававшая восточное вероисповедание, ставшая в XVII в. католической и ополяченной. Они чувствовали себя едиными с местным населением, к тому же знали его язык, обычаи и, по крайней мере, не стремились его ополячить. Были сочувствующими возникшему еще во второй половине XIX в., хотя еще слабому, но существенному национальному движению, первыми пионерами которого были польские землевладельцы, такие как Чечот, Зан, Сырокомля, Дунин-Марцинкевич и другие.

Наиболее известное произведение Дунина-Марцинкевича – «Гапон», в котором был замечен свет театральных ламп в Минске на шляхетских элекциях (*представлениях*). Владея белорусским языком в той же степени, как и

польским, и постоянно употребляя его в отношениях с моими работниками, занимающимися сельским хозяйством, в течение десятилетий я был в постоянном контакте со всеми проявлениями белорусского движения, вначале в Минске, где приходилось встречаться с Луцкевичем и Костровицким (увечным), а затем в Вильнюсе и Петербурге – с Ивановским, Шипилло.

Изо всех белорусских объединений, принимая в них участие материально, я, в конце концов уходил, так как их деятельность, которая начиналась с самопознания и национального возрождения («Лучынка», «Саха», «Загляне сонца і ў наша аконца» и т. д.) обычно в конце приобретала социалистическое направление, которое претило всем моим убеждениям и с которым я не мог согласиться. Польские шовинисты в связи с моими симпатиями к белорусам обвиняли меня в том, что я не поляк, а белорус, что я оставляю на их совести. Но определенное мнение существовало, подтверждением чему явился визит поздним зимним вечером в Савичи, кажется, иезуита, а затем базилианца, в мирской одежде, священника Ломницкого, который только на следующий день открылся мне, что является духовным лицом, и эти пару дней пребывания в Савичах пытался добиться от меня: во-первых, смогла ли бы церковная уния найти в нашем Крае себе благодатную почву как ликвидированная недавно, в 1839 г., а во-вторых, соглашусь ли я ее пропагандировать и быть ее прозелитом. Священник Ломницкий – человек прогрессивный и проворный, который до этого побывал в Петербурге и Москве, где встречался со многими влиятельными лицами и отправлял богослужение по своему обряду, и, кажется, с самим Победоносцевым совещался.

Рассказывал нам много интересного о галицийских отношениях, о которых мы имели небольшое понятие. Ушел он от нас ни с чем. **Так как ничего не предложил, кроме манифеста о свободе вероисповедания, зная же из опыта на Подляшье и Хелмщине, как эта свобода понимается в России, я сказал священнику Ломниц-**

кому, что если бы тот, кто хочет отречься от православия, пришел ко мне спрашивать совета, то я, скорее всего, посоветовал бы ему принять католицизм как сильнее контрастирующий с православием в отличие от унии, в которой избавление от мнимых римских наслоений заканчивалось обычно возвращением к православию. То же самое я повторил в Минске Его Эксцелленции Митрополиту, графу Шептицкому, когда он также приходил ко мне в мирской одежде, кажется, в обществе упомянутого Луцкевича и с тем самым вопросом, что и ксендз Ломницкий.

Белорусское движение, как я уже говорил, доброжелательно встреченное польскими помещиками, было возрождено при участии представителей этих же помещиков на последних земских заседаниях в 1917 г. Главным инициатором этого был Смолич, сотрудник земства, под патронатом Р. Скирмунта, который тогда работал в военном снабжении, призванный при мобилизации. В белорусских собраниях я участвовал нерегулярно, будучи его приездным членом. Главной нашей задачей было разбудить национальные чувства у белорусов, чтобы отделить их от Москвы и освободить этот спокойный, здоровый белорусский народ, еще не затронутый анархией, которая в самой России все глубже пускала корни.

Собрания носили скорее характер протеста против только что павшего царского режима. В них принимали участие и князья, среди которых это движение находило своих сторонников, и одной из наиболее шовинистических его членов была кн. Магдалена Радзивилл, дважды вдова после смерти гр. Людвика Красинского и кн. Николая, сына Вильгельма Радзивилла по несвижской линии, родовая фамилия Завишанка, наследница огромных территорий на Минщине и имущества в Кухщицах, Жарнувке и т. д., которая основывала белорусские народные школы и поддерживала белорусское движение своими средствами. Это движение, как и все другие белорусские организации, начатое как национальное, постепенно приобретало социалистическую окраску, что, естественно, оттолкнуло помещичий элемент,

но находило поддержку у Керенского. Нужны были средства, а белорусское общество, состоявшее из малосознательных элементов и небогатых, не могло их предоставить, в связи с чем необходимо было обращаться к восточному соседу, где деньги печатались в необходимом количестве и где протезировалась любая революционная деятельность, однако при условии подчинения директивам Центра.

Представительный белорусский съезд, созданный в декабре 1917 г. и состоявший из элементов не совсем сознательных, но послушных, дорога которых в Минск и нахождение в нем были оплачены, избрал «Раду Белорусской Народной Республики», которая имела неосторожность упомянуть о своем суверенитете. Большевики – сторонники «единой и неделимой России», – разогнали Раду, которая в период немецкой оккупации начала опять собираться, заняв Дом губернатора и вывесив на балконе белорусский бело-красно-белый флаг, а также повторно проявила неосторожность, объявив Раду краевым правительством. Также тот факт, что из правых группировок вождей белорусского движения возник «Комитет», находившийся с Радой в некоторой конкуренции, и что немцы вообще не желали иметь правительство в правительстве – стал причиной прибытия фельдфебеля, который разогнал собравшуюся Раду. Дом же был передан в распоряжение генерала фон Фалькенхайна.

Необходимо также отметить, что немцы, хотя и видели в польских землевладельцах единую культурную силу в Крае, но всегда и везде были настроены против польского элемента, стараясь устранять любое польское влияние, а белорусов, в котором видели элемент протестующий и против Польши, и против России, поддерживали, конечно же при условии, что последние полностью принимают оккупационные власти. В таких условиях Белорусская Рада опять воспрянула духом, но, быстро поняв, что не сможет справиться с задачами, стоящими перед ней, а также по причине отсутствия в своих рядах интеллигенции и борьбы на два фронта (против поляков и русских), решила отказаться от принципа обособленности и притянуть к себе все общественные классы. Таким образом, точно не помню, на

каком из заседаний Аграрного общества в 1918 г., на которое всегда съезжалось в Минск много участников, было организовано большое белорусское собрание, как обычно в «Народном» (бывшем «Юбилейном») доме на архиерейской территории, на которое были приглашены представители всех общественных организаций: города, Аграрного общества, еврейской общины, православного братства и т. д., в количестве, ранее установленном белорусами. Среди приглашенных был и я. Дом этот был построен по случаю 300-летнего юбилея правления Романовых.

Собрание было многочисленным, на стене за председательствующим вывешена была огромная карта Беларуси, границы которой с одной стороны доходили до Подляшья, с другой – до Смоленска и Чернигова на востоке. Председательствовал «председатель министров» Лёсик, рядом заседали «министры». После объявления установления правительства «Независимой Беларуси» было решено сообщить об этом соседним государствам, естественно – только Центральной Европы, поскольку все это происходило во время немецкой оккупации в 1918 г. Папе и Московскому патриарху планировалось выслать только телеграммы, в Берлин, Вену и Швейцарию было решено направить делегации. Были даже подсчитаны расходы данной миссии примерно в 29 000 рублей, но после заявления министра финансов, который проинформировал о том, что в казне имеется в наличии всего лишь 7 рублей 50 копеек, осуществление предприятия оказалось под угрозой. Но Германия назавтра выделила необходимую сумму, придерживаясь принципа «*divide et impera*» (*разделяй и властвуй*), как я уже сказал, и поддержала в определенной степени белорусское движение.

Необходимо отметить, что в состав делегации вошли, уже не помню кто из белорусов, а также Р. Скимунт и несвижский владелец майората, на международные связи которого делалась большая ставка. Но данная миссия не принесла конкретных результатов, поскольку немецкое правление близилось к концу. Как я уже упоминал, большевистское правление, которое пришло после немецкого,

вовсе не было расположено поддерживать белорусских националистов, твердо придерживаясь принципа «единой и неделимой» когда-то царской, а теперь «солдат и рабочих» России.

Белорусские организации распались на провинциальные фракции: минскую, гродненскую, виленскую, самой различной, в большей или меньшей степени, красной окраской, в зависимости от того, как эти провинции начали входить сферу польского правления. Белорусские представители ориентировались быстро. Нежели на предыдущем съезде упоминание о «легионах» вызывало бурю негодования, то зимой 1918 – 1919 гг. уже появились и начали пробиваться к высшим правящим кругам в Варшаве делегации от белорусских организаций с давлением, чтобы «легионы» продвигались дальше, до Днепра и Двины, занимая под знаки «Орла» и «Погони» весь белорусский край.

После занятия Минска польскими войсками и установления там гражданской власти, на белорусском собрании в том же Народном доме, 13 ноября 1919 г., выделилась группа социал-революционеров, которые под предводительством все того же Лёсика пришли с красными бантами и начали придумывать в стиле «польских жандармов» и с такими настроениями печатать статьи в белорусском издании, кстати, неосмотрительно субсидируемом польскими властями. Однако это принесло один результат: в редакции начались ревизии и аресты некоторых членов, в связи с чем в их рядах произошел определенный, возможно, всего лишь кажущийся раскол в ориентации. В это же время известный белорусский деятель Павлюк Алексюк возглавил вербовочное бюро и под эгидой польских властей, которые его субсидировали, пытался сформировать в Минске белорусскую армию, на которую белорусы получили «добро» у Пилсудского 28 июля 1919 г. Это и дало им основание произносить похвальные тосты в честь Главы государства на банкете 28 июля 1919 г. в гостинице «Европейская».

Дальнейшее развитие событий покажет, насколько

избранный путь был верным. Наверное, не один из вас удивится, что вопрос о польских легионах в моих воспоминаниях абсолютно не затрагивался. Скорее всего потому, что я в основном отмечал те события, в которых самому приходилось участвовать, или же на ход которых мог лично повлиять. Что же касается легионов, то в них я не принимал никакого участия, кроме как серьезными выплатами. Я повторяюсь, что этот порыв нашей общественности, хотя и должен был в будущем стать зародышем Войска польского, считался мной тогда рискованным и не совсем понятным. Рискованным потому, что легионы, состоявшие из отрядов, в которые входили представители из разных слоев общества, поступками и поведением могут оставить после себя негативный осадок в местах расквартирования, как это бывало, а также и в боевых мероприятиях, или же могут умышленно всегда для нас чужим главнокомандованием быть подставлены на полное уничтожение, лишив наше общество самых предприимчивых его членов.

С другой стороны, я не понимал, и до сих пор никто не смог мне объяснить эту концепцию. Легионы формировались под патронажем государств Центральной Европы, поэтому я не мог допустить, что они с чистой совестью смогут выступать против западных стран, так как, сражаясь против России, еще состоявшей еще в Коалиции, они сражались бы на немецкой стороне против Англии, Франции и Италии, что по доброй воле поляк еще никогда не делал. Правда, риск вышел во славу и в пользу польского государства, а традиции легионов немало послужили делу поднятия духа и дисциплины в будущей польской армии, но я этого не могу понять до настоящего времени. Выделение некоторых польских боевых единиц имело место еще в царской армии.

Помню храбрый отряд польских уланов, расквартированных в Своятичах возле Клецка. Оттуда в Савичи приезжали полковник Обух-Вощатыньский с бравым хорунжим князем Станиславом Радзивиллом и уланами, князьями Каролем Радзивиллом, Немцевичем и другими. Среди них находился и сын моего эконома Адамович. С ответным визитом я был у них вместе с владельцем

майората из Своятич. Они устроили в нашу честь показательную строевую подготовку, преодоление препятствий, парад с песнями и оркестром. Выпивая за их здоровье, я пожелал, чтобы они никогда не проливали кровь в боях против свободы народов, как в Испании, и чтобы никогда им не пришлось сражаться со своими братьями, хоть и одетыми в чужую форму. На этом я заканчиваю свои «Воспоминания» и начинаю дневник пережитых впечатлений.

Варшава. Старый город (Старе Место).

IX

2 декабря 1918 г. в 11 часов утра я вместе с супругой выехал из Савич, покидая, возможно, навсегда родное гнездо, в котором стольким поколениям нашего рода в течение более 300 лет пришлось жить и работать. Находиться дольше здесь было неразумно. Немецкие оккупационные силы вот уже несколько дней, как покинули соседние Тимковичи. Разошлись слухи, что банды Красной гвардии заняли Бобруйск и продвигаются к Слуцку. Местные большевистские элементы, которые при появлении немцев затихли, начали опять появляться, как лягушки после дождя, поднимать головы и активно агитировать. Опасения анархистского правления заставляли дрожать за жизнь и имущество одних, принося другим надежду разбогатеть за счет более имущих. Мне хотелось провести дома еще один день, но, будучи предупрежден доброжелательными людьми, что уже прошлой ночью готовилось на меня покушение, я решил не откладывать отъезд.

Мы отправились на санях как бы в Несвиж, прощаясь только с некоторыми преданными нам людьми, хотя трудно было допустить, что остальные не могли догадываться о нашем отъезде. Куда и как надолго – не знал никто, так как мы сами об этом не знали. Поскольку в Несвиже еще

находились немецкие войска и нам было трудно расставаться с родной стороной, мы решили переждать во всегда гостеприимном для нас Замке до момента ухода немецких войск. В городе заезжие дворы были заполнены нашими близкими и более далекими соседями, находящимися здесь с аналогичными намерениями. Такое состояние ожидания длилось недолго и после двух ночей, проведенных комфортно в Замке, вместе с отступающими немецкими войсками мы покинули Несвиж, направляясь на железнодорожную станцию в Городее, откуда намеревались попасть в Барановичи, на железнодорожный узел, а оттуда уехать туда, куда будут билеты, возможно в Вильно или Варшаву. Тем временем наши имения занимали «комитеты», состоящие из местной службы фольварков и бродяг из соседних деревень и местечек. Если кто-то из собственников не смог вовремя уехать, то все для него заканчивалось не самым лучшим образом. Еще в Несвиже до нас дошло грустное известие об убийстве в Наче достопочтенного нашего соседа Михала Чарноцкого вместе с сыном, которые шли открыть амбары «комитетчикам» для сдачи провианта. Без всякого сопротивления пали жертвами от ударов топорами из-за спины. Чарноцкий был известен своим дружелюбным отношением к прислуге и местным крестьянам.

В Барановичах мы не без труда раздобыли билеты до Бреста – ближе к Варшаве. Ехать пришлось в холодном вагоне с разбитыми окнами, переполненными беженцами, и таких грязных, что, несмотря на мороз и длинные сапоги, в которых я ехал, мои ноги промокли от грязи на полу. Штурмом добывая места в поезде из Бреста, мы с трудом добрались до Междуречья, последнего пункта, занимаемого немцами. Там железнодорожное сообщение заканчивалось, и до Лукова можно было добраться с большой переплатой на повозках, которые ожидали пассажиров на вокзале. В морозный день, по промерзшей земле, длинным табором мы тянулись весь день до Лукова. Кто отставал – подвергался риску; у одного из наших сотоварищей, который немного промедлил, крестьяне отобрали чемодан, в котором вроде бы находилось 6 000 рублей. В Лукове кажущийся порядок

поддерживала якобы уже польская милиция. Не без интереса мы наблюдали за первыми представителями нового порядка.

Увиденное вызывало мало доверия: вооруженные карабинами и одетые в основном не в форменную одежду, они имели такие физиономии, с которыми не каждый желал бы встретиться ночью с глазу на глаз – так выглядели стражи общественного порядка. После трехдневного путешествия вместо обычных 13 часов, только утром добрались до Варшавы, голодные и не выспавшиеся. Мы с женой, покинув свою ручную кладь (а другой и не было) на Венском вокзале, направились в противоположные стороны в поисках жилья в переполненном беженцами городе. Только к вечеру с большим трудом нам удалось найти небольшую комнатку на Аллеях Ерозолимских, в которой мы ютились до тех пор, пока Пульяновские не предложили две комнаты в своей квартире со всеми удобствами на Смольной 32, где в интеллигентном окружении мы отдыхали от всего пережитого в дороге.

В Варшаве я не был почти четыре года. В глаза, прежде всего, бросилось отсутствие извозчиков и вообще упряжек, небольшое движение на улицах и переполненные трамваи. Магазины демонстрировали все, о чем можно только мечтать, как в славные былые времена, только цены сказочные. Радости на лицах никакой, а скорее большая удрученность, как у тех, кто проиграл, так у тех, кто победил. Везде царила атмосфера временности и как бы безнадежности. Все выглядели как в чем-то провинившиеся.

6 декабря 1918 г. На Мазовецкой 7, в зале «Построения польского государства» по инициативе Мирослава Обезерского, Константа Гордзялковского и К^о проходило первое организационное собрание «Союза поляков белорусских Кресов», на котором я встретился почти со всей Минщиной, выброшенной из собственных домов, выбитой из колеи, без надежды на завтрашний день. Для разработки устава было решено избрать комиссию, в которую включен был и я. 9 декабря на улице Карова, в зале Общества гигиены прошло общее собрание под моим председательством, в котором принимало участие 400 – 500 человек, принят устав

и свыше 200 человек записались в качестве членов, внося по 1 марке годовых и 60 марок в качестве вступительных взносов. После этого общего собрания небольшие заседания в течение нескольких дней проходили у меня, поскольку я имел просторную комнату, лиц, которые недавно прибыли из Минщины, в узком обществе, состоявшем из 14–18 человек с целью определения общей ориентации в политической ситуации Королевства, а главное, чтобы принять решение: насколько является возможным и необходимым участие в гарантиях инвестиций на планируемое выступление корпуса генерала Ивашкевича на литовско-белорусские Кресы.

Генезис этого мероприятия следующий. Раньше еще по инициативе князя Евстахия Сапеги из Гродненского края и под его руководством был создан в Варшаве «Литовский комитет» по вопросам трех литовских губерний. Затем в этот комитет вошли представители «Польских Советов» из белорусских губерний, а из этой организации выделился «Комитет защиты Кресов» от большевистского насилия. С Минщины вначале, пока по долгу службы его не отозвали, был наиболее полезным и преданным талантливый минский адвокат Эдмунд Ивашкевич, весьма популярный не только в среде левых в Минске, но и среди националистов, который в свое время, после мартовской революции, после удаления губернаторов и замены их «комиссарами», был помощником первого минского комиссара Б. Н. Самойленко, а сейчас вместе с другими беженцами из Минска очутился на варшавских улицах. «Комтет защиты Кресов» (КЗК) поставил перед собой задачу организовать самооборону, т. е. вооруженную силу, которая смогла бы защитить от большевистской угрозы еще незанятые участки восточных Кресов, с чем и обратился к Главе государства Пилсудскому. Заручившись его согласием, рьяно занялся формированием вооруженного отряда или экспедиционного корпуса под командованием генерала Ивашкевича, известного достойным отсутствием из глубины России до Бобруйска для соединения с польскими legionами.

Генерал Ивашкевич, родившийся в Сибири, сын ссыльного 1863 г., был даже далеким родственником

адвоката Ивашкевича. Для формирования отряда, даже из 4 000 человек, необходимы были немалые материальные средства – миллионы. Правительство могло вооружить и одеть их, даже, возможно, хотело, только в недостаточной степени. После долгих и трудных ходатайств оно решилось предоставить 20 миллионов, но в виде «государственного займа», который никто не торопился осуществить. Поэтому пытались найти другой выход.

«КЗК» взял на вооружение идею, свидетельствовавшую скорее о его патриотических чувствах, а не о финансовых концепциях: предоставить определенные реальные гарантии в виде земли, которой владели заинтересованные в данном предприятии беженцы, хоть и находившейся уже почти везде в руках большевиков, передавая ее в долг, и получив в финансовых сферах средства на военное предприятие. Согласно планам «КЗК», каждый кресовый владелец должен был передать в залог (ипотеку) не менее, чем $\frac{1}{4}$ своего недвижимого имущества, принимая при этом на себя солидарную ответственность за долг в отношении капиталиста.

Следует отдать должное гражданским чувствам наших землевладельцев – необходимое количество ипотечной ответственности было собрано в короткие сроки, причем львиную долю ответственности приняли на себя кн. Сапега, Пусловский, гр. Генрих Грабовский, Л. Четвертинский, кн. Альберт Радзвилл из Полонечки и т. д. Был, казалось, момент, когда этот подъем должен был финансировать «Банк Союза обществ заработной платы в Познани», но, естественно, все было загублено на корню, так как ни одно серьезное учреждение не могло рисковать и ставить на имущество, которое должно было быть добыто при помощи оружия. Это было, как в случае с Португалией и Нидерландами.

Вопрос о гарантиях был одним из основных тем проходивших у меня собраний, о которых я упоминал выше. Почти все присутствующие восприняли его негативно, т. е. отказались от участия по следующим причинам: во-первых до Беларуси по-прежнему доходили известия, что в

Конгресувке все плохо, и только после приезда в Варшаву каждый замечал, что большевизм, которым заразились массы беженцев из Королевства, распространяемый реэмигрантами, пустил корни слишком глубоко на почве экономических отношений Королевства. Фабрики остановились, так как не могли удовлетворить требования рабочего класса, забастовки служб в фальварках уничтожали сельскохозяйственное производство и привели в некоторых местах Люблинщины к сокращению имущественного управления при помощи батраков, «tout comme chez nous».

Одним словом, начали повторяться условия, созданные в Беларуси осенью 1917 г. российской революцией, условия, казалось, протезируемые правительством Пилсудского под руководством Морачевского, Тугутта и К°, которые таким образом старались объединить своих избирателей перед приближающимся голосованием в Законодательный Сейм 26 января 1919 г. Пересечение же границы экспедиционным корпусом «Защиты Кресов» генерала Ивашкевича могло произойти только с разрешения правительства, и казалось удивительным, что правительство, протезирующее большевизм на собственной почве, могло с ним сражаться на почве литовско-белорусской. И правительство, естественно, не давало такого разрешения, несмотря на многократные обращения генерала Ивашкевича и заявления, что огромные запасы обуви, обмундирования и других военных реквизитов лежат в Белостоке. В связи с отступлением немцев эти запасы обуви и обмундирования можно было бы заполучить без единого выстрела, иначе они могут, так оно и случилось позже, попасть в руки большевиков.

Во-вторых, экспедиционный отряд, даже если бы и достиг количества в 4 000 человек, мог бы сыграть определенную роль только в отношении местной большевистской партии, и никогда не мог бы преградить путь тем большевистским сонмищам, которые из глубины России двигались, чтобы занять Беларусь. Такой отряд, не имея резервной поддержки, был бы обречен на гибель после первого поражения, а те, кто его формировал, т. е. польские землевладельцы, своими головами заплатили бы за подобное

предприятие.

В-третьих, абсолютно всех больше всего пугала солидарность должников перед финансовыми учреждениями, не позволяющая одинаковый риск всем подписчикам, поскольку кредитор добивался бы всегда от того должника, который давал бы самые определенные гарантии, или в отношении которого процедура была бы самой легкой, а последний обязан был бы искать объединенных, что было связано с большими трудностями и неприятностями. Все это вместе взятое, а главное нежелание правительства отправлять экспедиционный корпус, не говоря уже о Беларуси, занятую большевиками, но даже в Литву, которую можно было защитить, отбивало охоту от этого мероприятия, которое «КЗК» только мог финансировать, но не руководить им, к тому же большая часть беженцев из Беларуси уезжала неожиданно, захватив с собой всего лишь средства к существованию своего и своей семьи, кто на год, а кто и на месяц, не говоря уже о средствах на лечение или воспитание детей, в чем не нашла ни малейшего сочувствия или помощи в правительственных и общественных кругах Королевства.

Об условиях, в которых очутился отряд Ивашкевича в Лапах, я узнал от него самого за ужином, который для него давал владелец несвижского майората в гостинице «Европейская», на который был приглашен и я. Генерал в теле и почтенного возраста, не совсем свободно владеющий польским, рассказывал, что правительство не только не дало разрешения на добытие военного имущества в Белостоке, но даже отобрало частично выданное ранее вооружение; не разрешило вербовать добровольцев в Королевстве, а всего лишь среди кресовцев, которые большими или меньшими группами ожидали на Кресах пересечения корпусом границы, чтобы присоединиться к нему, и, не дождавшись, рассеивались постепенно, а солдаты в бездействии прозябали, проедаая собранные средства. Генерал был настолько поражен двойственной игрой правительства, что уже засобирався уходить в отставку, и это случилось бы, если бы не был призван к выполнению почетной миссии – защищать Львов. Как видим, финансирования белорусских территорий не

удалось осуществить, но средства были найдены иным способом. Широко разрекламированный государственный заем «выжал» остатки из и так небогатых карманов кресовых землевладельцев на счет реализации этих 20 000 000 правительственных поручительств; чего не хватило (а не хватало много) дополнил «Банк Союза обществ заработной платы», закупая остальные облигации. Из этой суммы 13 000 000 ушло для литовско-белорусского экспедиционного корпуса, а более 6 000 000 марок позволили «КЗК» продолжить культурную и экономическую акцию на Кресах в пределах своего понимания.

На одном из очередных собраний союза «Поляки из белорусских Кресов» было избрано его правление по принципу – 3 человека от каждой губернии, которые должны были избрать председателя. От Минской губернии были избраны: Констанций Околов, Юзеф Свентицкий и Иероним Кеневич. Последний был избран председателем Союза. Общие собрания должны были собираться по мере необходимости, но было решено, чтобы минские землевладельцы для постоянной связи и лучшей ориентации в ситуации собирались еженедельно, по четвергам, в 7 вечера, в арендованном Союзом помещении, в так называемом «Пассаже Симонса», на пересечении улиц Беляньской и Долгой. На этих собраниях, на которых меня всегда избирали председательствующим, мы выслушивали отчеты членов правления, каждый делился услышанными новостями, и с особенным интересом мы выслушивали новости, доходившие хоть нечасто из Края. Первое известие о занятии Минска большевиками принесли нам ксендзы-настоятели из костела св. Симона и Елены и с «Золотой горки», Жолондковский и Маевский, которые были приговорены большевиками к смертной казни и покинули свои приходы с разрешения епископа.

Большевики входили в Минск со стороны вокзала по Захарьевской улице: впереди ехали красные сани, запряженные лошадьми, покрытыми также красной попоной (как в погребальных упряжках). В санях стояли два красногвардейца, также во всем красном, а за санями маршировало

войско. Согласно рассказам священников на сто большевиков, вступивших в город, приходилось 90 евреев. Среди партийных деятелей, к сожалению, были и поляки. Начали брать заложников из числа землевладельцев, которые по той или иной причине не смогли вовремя уехать. У арестованных требовали большие выкупы, которые шли на создание новых отрядов красногвардейцев, состоящих из мобилизованных принудительно мужчин 18–45 лет. В их ряды люди серьезные и солидные шли неохотно, но городской и сельский пролетариат, экс-солдаты и растленная молодежь записывалась массово.

2 марта 1919 г. Обычное еженедельное заседание Союза под моим председательством. Отчет Рогалевича, прибывшего из Минска, о местных условиях жизни, он был свидетелем ареста моей сестры и тайно привез мне ее письма, полные душевной стойкости, покорности воли Божией, а также родственных чувств ко мне. Первые декреты Сейма, устанавливающие секвестр лесов и частных лесопилок – это предвкушение дальнейших распоряжений.

3 марта 1919 г. Большой раут в Гражданском ресурсе на Краковском предместье в пользу восточных окраин: многолюдно, наряды, роскошь, а из Львова известия все хуже и хуже: городу грозит страшная опасность. Миссия Коалиции по заключению перемирия завершилась ничем.

5 марта 1919 г. Заседание комиссии у меня по вопросу «мемориала». Моя встреча с агентом Мицкевичем по делу возможного освобождения сестры Костровицкой.

9 марта 1919 г. Возглавлял президиум на обычном заседании нашего Союза. Запланировали вместе с кресовяками из Украины приступить к издательству «Глосу Кресового». В Сочельник Сейм провозгласил принудительное арендование помещичьих земель, якобы лежащих под паром. Это решение почти созвучно с «Декретом о земле», изданным большевистским правительством и год назад действующим на Минщине. Нет ничего удивительного в том, что это решение было принято большинством голосов депутатов Сейма, но то, что в Сейме ни один голос не опротестовал этого, надо подчеркнуть.

10 марта 1919 г. Собрание проводилось у Антония Луневского (более 40 человек). Депутаты Сейма отчитываются о прениях, пришедших на заседаниях. Работать в Сейме тяжело, потому что преобладают неспособные вести публичные дела крестьяне, а городская интеллигенция в Сейме им угождает, чтобы получить популярность и кресла в Министерстве, а потом министры под давлением своих партий не реагируют на анархичные прихоти большинства в Сейме. Я упрекал депутатов в том, что им не хватает гражданской смелости, которую продемонстрировал Р. Скирмунт в Думе, они не могли мне ничего ответить в свое оправдание. Жаловались на загруженность одних и тех же работой в комиссиях, в которых не хватает компетентных членов: в комиссиях, насчитывающих по 30 членов, работает по 5 – 8, а остальные ничего не понимают и спят на заседаниях.

14 марта 1919 г. Многолюдное собрание у меня, на котором обсуждался вопрос вступления помещиков из восточных окраин в образовавшуюся «Партию конституционного труда»; принято решение вербовать сторонников.

15 марта 1919 г. Скирмунт, Мейштович и я были утром у ордината Замойского, вице-председателя Парижского комитета, по вопросу восточных границ будущего польского государства. Он показывал нам мемориал Народного комитета, который удовлетворил нас больше, чем первоначальный проект Дмовского. Мы заметили, что впадение Припяти в Днепр, недалеко от Чернобыля, должно принадлежать Польше как своего рода белорусский Гданьск. Ординат не верит в то, что аграрные проекты Сейма могут когда-либо полностью претвориться в жизнь.

16 марта 1919 г. Обычное воскресное заседание членов нашего Союза под моим председательством. Интересный отчет пинского декана, ксендза Букрабы о входе в Пинск польских войск: легионы проявили смелость, заслуживающую похвал, но, к сожалению, их обвинили в грабежах. Сейм все больше и больше ошибается в аграрных делах, и нет там никого, кто взялся бы за права собственности. «Эндеки» со Станиславом и Владиславом Грабскими

во главе расплачиваются нашей землей за объединение с народниками и за получение министерских портфелей.

22 марта 1919 г. Заседание по вопросу возобновления деятельности «Союза помещиков» на варшавской почве, решили создать «Варшавский союз помещиков Литвы и Белоруссии», меня выбрали в редакционную комиссию по разработке соответствующего устава.

24 марта 1919 г. Заседание в зале городского кредитного товарищества «Главного комитета по поддержке государственного займа», на которое я получил приглашение в качестве члена от Министерства финансов. Во главе президиума был мой давний друг из Государственного Совета, барон Л. Кроненберг.

25 марта 1919 г. Благовещение. Некому посмотреть, сядут ли аисты на гнездо, что на крыше конюшни в Савичах. На свете становится все хуже и хуже. Начало большевизма в Венгрии не предвещает ничего хорошего, в Минске глухо.

26 марта 1919 г. Заседание ковенского Союза, на которое я был приглашен. Не могут решить, что лучше: самостоятельная Литва или союз с Белоруссией. Хотели бы иметь Вильно, но знают, что литвинов там не найдут. Вообще все кресовые организации посылают в Народный комитет в Париже заявления о том, что хотят видеть Литву, объединенную с Белоруссией в границах 1772 г. и в унии с Польшей. Сейм принял закон о печатании ассигнаций.

28 марта 1919 г. Первый раз был на заседании Сейма. Входил с чувством, что пришел не на собрание, прежде всего, защитников Отечества. Попал я на заседание очень интересное, потому что рассматривалось дело о 5-миллиардном займе, который мечтали получить за границей. По вопросу перед зевающими и уставшими крестьянами выступал председатель финансовой комиссии Радзишевский, говорил о неисчислимых богатствах Польши, где одна угольная шахта, уже не помню, какая, могла бы погасить весь заем. Требуя принятия решения, ссылаясь на жертвенность и патриотизм депутатов.

На трибуну поднялся депутат Диаманд и, несмотря на отсутствие симпатии к его партии, я должен признать,

что он в пух и прах разнес речь референта, постоянно с иронией относясь к его доводами. «Вероятно это правда, что, как говорит г-н Радзишевский, Польша богатая, – кричал Диаманд, – если может жить без бюджета, тогда как самые богатые государства без бюджета обойтись не могут, разве что шахтами будет погашать заем, ведь не из государственных же доходов, которые и составляют-то всего 750 000 000 марок, а проценты от 5 миллиардов, которых остается менее 7% после вычетов расходов на финансирование, разницы курсов, разных куртажей и амортизации, т. е. 350 000 000 марок, иными словами, половина доходов. Я удивляюсь, – говорил далее Диаманд, – что в Сейме никто даже не спросил, для каких целей нужен этот заем, как он будет финансироваться, как будут начисляться проценты, какая будет амортизация, из каких налоговых источников будут выплачиваться проценты? Я слышу, что председатель финансовой комиссии ссылается на запал, жертвенность, патриотизм Сейма, все это прекрасно и возвышенно, но в какой торговой или финансовой рубрике учетной книги государственных долгов велит г-н Радзишевский эти позиции зарегистрировать?» и т. д. Радзишевский с явным нетерпением выслушивал эти реплики Диаманда. Когда он вззошел на трибуну, мне было интересно, как будет их парировать, но, когда г-н Радзишевский не нашел иных аргументов, кроме как: «г-н Диаманд пренебрегает запалом, жертвенностью и патриотизмом, а был ли без этих добродетелей Сомосьерра». Я надел шляпу и покинул с тяжелым сердцем зал заседаний. Неужели эти депутаты должны решать судьбу государства? Помню, как в финансовой комиссии Государственного Совета, когда Россия со 150-миллионным населением, простирающаяся от Калиша до Владивостока, должна была взять миллиард ссуды, мы целый месяц ломали головы с таким финансистом, как граф Витте, над тем, как это дело решить с наибольшей пользой, а здесь это решается простой атакой легкой кавалерии. И что из этого может быть?

30 марта 1919 г. Прием в Центральном сельскохозяйственном товариществе коалиционной миссии. Мой сосед,

тимковичский распорядитель Червинский, пытается сегодня выехать в Тимковичи. Посмотрим, удастся ли ему доехать, может привезет для меня весточку от моей сестры, жены маршалка Хорватта, которая, не желая уезжать далеко из родных мест, инкогнито поселилась в отдаленном дворе в Несвиже, у бывшего огородника в замке Постаремчика.

7 апреля 1919 г. Общее еженедельное собрание нашего Союза под моим председательством. Печальные новости из Минска о переводе сестры Костровицкой из Минска в исправительную тюрьму в Смоленске.

9 и 10 апреля 1919 г. Собрание и выборы в доме графа С. Лубенского «Партии конституционного труда». Утром этого дня многочисленное собрание у меня, которое дало от Литвы и Белоруссии 30 членов этой партии. Делегатами от Кресов выбрали А. Мейштовича и меня. В собрании у Лубенского принимают участие представители Галиции и Украины. Я познакомился с Голуховским, производит впечатление венского бюрократа. Дай Боже, чтобы от этих заседаний была какая-либо польза.

11 апреля 1919 г. Я был в ратуше на открытии съезда представителей «Матежи школьной» от трех захваченных территорий, а вечером на большом рауте у М. Карского, где встретил монсеньора Рати, кучу бюрократов и министра сельского хозяйства Яницкого, призывающего помещиков, чтобы пока не продавали землю, поскольку покупателями будут богатые крестьяне, а пролетариат останется неудовлетворенным.

13 апреля 1919 г. Обычное еженедельное заседание нашего Союза. Мы узнаем, что новый министр финансов Карпинский отказывает в субсидиях беженцам. Никого это не удивило, потому что это нормальное отношение польского правительства и общества к кресовцам.

18 апреля 1919 г. Великая Пятница, торжественное богослужение в кафедральном соборе, которое отслужил полевой епископ Галл. Лида занята польскими войсками.

19 апреля 1919 г. Вечером, в 8 часов, я был на торжественной пасхальной заутрене в кафедральном соборе. На посту у Гроба Господнего в полном вооружении польские

солдаты в боевых касках.

20 апреля 1919 г. Пасха. Радостное известие о взятии Вильно польскими войсками. Дай Боже, чтобы удержали. К сожалению, главой Литвы назначен Ежи Осмоловский, гражданин с Пинщины, некогда директор «несчастной» фабрики пробок, которая принадлежала в Пинске мне, Кеневичу и Э. Еленскому; человек почтительный, но ультралевый, к тому же не сумевший выработать в себе административных способностей, но имевший давние отношения с Пилсудским. Одновременно с Вильно заняты Барановичи и Новогрудок. Из Минска якобы ушли большевики и учинили там что-то вроде погрома. Ничего не известно, что случилось с сестрой Костровицкой. Мы были на пасхальном приеме, гостеприимно устроенном семьей Петра Ваньковича.

28 апреля 1919 г. Обычное под моим председательством заседание нашего Союза. Заслушали отчет прибывших из Вильно и Петрограда о тяжелых условиях жизни под большевиками. Завтра как триумфатор должен вернуться из виленского похода Пилсудский, оставивший там административный хаос и самоопределение путем голосования, против чего даже местное население якобы возражало. Вроде бы запретили в Белостоке вербовать добровольцев в литовско-белорусскую дивизию.

Вчера окончательно сформировался «Варшавский союз помещиков из Литвы и Белой Руси». А. Мейштович и я, несмотря на усиленное давление, отказались от председательствования. Председателем был выбран достойный Доминик Довгялло, вице-председателем – Л. Унеховский. Гродненцы, по своему обыкновению, от участия в Союзе отказались, виленцы еще сомневаются, стремясь к прямому союзу с Королевством. Подтверждаются известия о том, что большевики вывезли большинство заложников из Вильно и Минска в Смоленск – в том числе и сестру Костровицкую.

30 апреля 1919 г. Торжественное благодарственное богослужение в кафедральном соборе в честь взятия Вильно, отправленное епископом Еловецким.

3 мая 1919 г. Манифестации, уличные шествия, в которых участвует вся Варшава, несмотря на то, что полиции немного, порядок не нарушается.

4 мая 1919 г. Обычное еженедельное заседание нашего Союза под моим председательством. Интересный отчет помещика из новогрудского уезда Романа Иодко о том, как он провел 4 года в доме в деревне во время различных оккупаций. Решили выбрать делегацию, которая постарается получить согласие Главы государства на взаимный обмен пленных большевиков на заложников, взятых из людей нашего круга. Тревожные вести из Вильно о повторной попытке большевиков занять город.

5 мая 1919 г. Встретил меня на улице и остановил Курлов, бывший губернатор Минска, а потом товарищ министра внутренних дел и начальник «охраны» в Киеве во время убийства Столыпина. Не только он, но вообще многие бывшие царские сановники бежали от большевиков в Варшаву.

11 мая 1919 г. В зале Техников на Чацкого лекция Немоевского «О Литве и Польше» в пользу «Матери школьной». Возвращение Падеревского из Парижа и мнимое покушение на него недалеко от Венского вокзала.

16 мая 1919 г. Встреча моя и еще нескольких лиц у А. Мейштовича с некоторыми членами законодательных российских палат – членом Государственного Совета князем Ширинским-Шахматовым, Искрицким, Лелюхиным, известными националистами из Думы и т. д. – для информационной беседы. Они мечтают только о царской России, иной не понимают; многие свои ошибки, допущенные по отношению к нам, признают, только старательно обходят молчанием дело так называемых «западных провинций».

17 мая 1919 г. Ужин у кн. Миколаевой-Радзивилл с епископом O'Rourke и известным делегатом литовского правительства д. Шаулисом, яростным литвоманом, требующим Вильно и не соглашающимся с концепцией, что литовцы только при государственном сосуществовании с Белоруссией могут получить Вильно.

21 мая 1919 г. На Долгой отчет графа Леона Лубен-

ского из Парижа о польском вопросе на мирной конференции и о восточных границах Речи Посполитой, которые нас мало устраивают.

23 мая 1919 г. Многолюдное политическое собрание у меня по поводу того, что Коалиция явно считается с возрождающейся Россией.

25 мая 1919 г. Обычное еженедельное заседание нашего Союза под моим председательством. Отчет В. Пржигодского о положении в Новогрудке, а Крупского – в Минске.

26 мая 1919 г. Многолюдное собрание у меня как дальнейшее продолжение заседания от 23 мая. Постановили, что ничем не связываясь с русскими, не избегать с ними контактов.

30 мая 1919 г. В связи с «конституционным трудом» на Краковском предместье 5, выступление кн. Януша Радзивилла по вопросу украинских Кресов как дополнение к такому же выступлению перед той же публикой, которое прошло 23 мая и которое проводил Богдан Кутыловский, прибывший недавно из Киева. Как и у нас в Литве и Белоруссии, где вырисовываются два направления: прямые «аннексии» или «уния» Восточных Кресов с Короной, так и на Крессах Украинских существуют два ориентира. Первый – это поддержка украинского движения и государственная самостоятельность этих Кресов, сторонниками чего являются кн. Януш Кутыловский, а второй – это неверие в искренность украинской концепции и вероятное, ценой польской стихии на Руси, слияние Украины с великой Россией-матушкой, что упорно предвидит бывший член Государственного Совета из Киевской губернии Станислав Хорватт.

31 мая 1919 г. Собрание членов Тов. Акц. Резни в Лодзи, затем собрание у председателя Товарищества кредит. земельного Глинки, Мазовецкая 4, состоящее в основном из советников Товарищества и других выдающихся старших представителей общества. Затем 1-е собрание Польско-белорусского товарищества на Шпитальной 1, проведенного по инициативе Леона Дубейковского, архитектора по

профессии, председателя Белорусского союза, который должен выполнять специальное задание – помогать пленным, по происхождению белорусам, интернированным в лагере на Повонзках.

Дубейковский – человек очень порядочный, уравновешенный, с которым, подходя к делам беспристрастно, всегда можно прийти к согласию. Из белорусов присутствуют только Дубейковский и Смолич, деятель с территорий еще минских. Из поляков присутствуют Гордзялковский, Цывинский, Обезерский и т. д. Я встретился там с министром Ивановским, как оказалось, сыном моего коллеги из технологического института в Петрограде, настроенным очень радикально. Как я уже вспоминал выше, наступил определенный перелом то ли во взглядах, то ли в тактике белорусов, и насколько в Минске все съеживались только от одного упоминания «легионов», настолько теперь решили работать на варшавской почве, чтобы эти легионы занимали Белоруссию даже до Днепра и Двины. На большевистской практике убедились, что те мечтают всегда и всюду о «единой и неделимой», тогда как только Польша со своей исторической толерантностью и свободой развития всех национальностей может обеспечить культурное будущее белорусскому народу.

Поскольку вся эта акция должна была развиваться на варшавской почве, белорусы совершенно правильно поняли, что нужно в нее втянуть польские элементы с Кресов и заинтересовать собой варшавскую общественность. Для выполнения первой задачи должно служить это товарищество или, скорее, «Варшавский польско-белорусский союз», зародившийся сегодня и, как обычно, требующий разработать устав, для чего была избрана редакционная комиссия, а затем уже избранный президиум обязан был сделать соответствующие шаги, способствующие получить одобрение белорусской концепции у варшавской общественности.

1 июня 1919 г. Обычное заседание Союза: работа над некоторыми неудачными распоряжениями Осмоловского в Вильно, а отсюда – планирование перенести правления

некоторых наших кресовых организаций в Вильно для упрощения воздействия на власти.

6 июня 1919 г. В «Партии конституционного труда» отчет графа Жултовского, возвращающегося из Парижа: очень доброжелательное отношение Франции к Польше, менее доброжелательное – Англии, якобы на почве возникших личных отношений Дмовского и английской миссии.

7 июня 1919 г. Субботнее собрание у Глинки, там я познакомился с маршалом Сейма Тромпчинским, впечатление положительное, хотя менее охотно слушает о кресовом вопросе. В обычную субботу у генерала Яцины я встретил бывшего варшавского вице-губернатора Любимова с женой; видно, они неуютно себя чувствуют в роли простых смертных, да еще в Варшаве.

8 июня 1919 г. Зеленые святки, но без березок на дворе в Савичах и без посыпанных аиром сеней. Обычное еженедельное заседание нашего Союза.

11 июня 1919 г. Из разорванного кармана я потерял на улице полторы тысячи рублей, всегда это была бы ощутимая потеря, а тем более в изгнании.

14 июня 1919 г. Заседание президиумов сельскохозяйственных товариществ трех захваченных территорий: созревает проект создания «Крестьянской палаты».

15 июня 1919 г. Обычное заседание нашего союза. Чеслав Крупский рассказывал о съезде белорусов в Вильно: на нем зарисовалось стремление к Польше, но с сильной социально-революционной ориентацией.

16 июня 1919 г. Общее заседание Центрального сельскохозяйственного товарищества под руководством М. Кинерского, который в прекрасной вступительной речи охарактеризовал всю несостоятельность работы и программ Сейма, а также правительства. Под общие аплодисменты собрание выразило желание, чтобы он свою речь отдал в печать.

21 июня 1919 г. Субботнее собрание у Глинки: комендант гродненской крепости генерал Фалевич жаловался на бездействие польской армии, которая в настоящее время

легко бы справилась с немцами и большевиками, не ожидая того, пока немцы окончательно опустошат страну. Ян Немцевич жаловался на деморализирующее влияние, которое оказывает на службу в фольварках и сельское население присланная на Гродненщину якобы для поддержания порядка и безопасности «народная милиция», которая популяризирует забастовки среди работников фольварков и отговаривает крестьян поставлять продовольствие для расположившейся там армии. Нехорошие отчеты и о поведении армии на Кресах, особенно офицеров на оккупированной Литве: реквизиционные требования часто граничат с грабежом предметов, которые являются не предметами первой необходимости, а скорее— излишествами.

22 июня 1919 г. Дошла до меня и была проверена новость об освобождении из смоленской тюрьмы сестры моей Костровицкой, подробностей нет.

29 июня 1919 г. Обычное еженедельное собрание Союза, как всегда под моим председательством: белорусский деятель Павлюк Алексеук выступал с речью на белорусском языке, оживленная дискуссия по вопросу польско-белорусского соглашения, немного выступал с шовинистическими репликами представитель «Кресовой стражи» Мельхиор Ванькович.

1 июля 1919 г. Общее собрание «Партии конституционного труда», затем коалиция у председателя графа Генриха Потоцкого, на этой коалиции ко мне подошел вице-министр иностранных дел и, познакомившись, утверждал, что ему очень бы хотелось провести со мной двухчасовую конференцию, и попросил назначить место и время. Будучи весьма заинтересованным в том, что министра может интересоваться, и, зная, что Скржинский, по причине постоянных разъездов Падеревского, фактически был министром иностранных дел, но не ограничивался компетенциями своего Министерства, так как всюду можно был почувствовать действия его пружин, на которые он же и нажимал, — я ответил, что у меня есть свободное время и я буду ждать приглашения в его кабинет на Медовой.

2 июля 1919 г. Завершение заседания «Партии

конституционного труда», выступление графа Агенора Голуховского, призывающего к отстаиванию на принципах ненарушаемости права собственности. Был я в Ратуше на больших торжествах по случаю 350-летия заключения Люблинской унии. С утра, в 10, получив письменное приглашение, посетил министра Скржинского в Министерстве иностранных дел на Медовой, где когда-то помещалась резиденция архиереев и помощников варшавских генерал-губернаторов.

В приемной, как обычно, крутились молодые кандидаты на дипломатические должности, выполняя обязанности приближенных чиновников; я отметил присутствие Дерналовича и графа Пржездзецкого. Скржинский извинялся, что принимал меня в утреннем костюме в кабинете, который одновременно является и спальней, оправдываясь, что лег спать только в 3 часа утра, так все заняты особенно теперь, когда заканчиваются дебаты по сельскохозяйственному вопросу. Начал с расспросов об Осмоловском и его правлении на Кресах. Я сказал, что та линия, которую он проводит, не пойдет на пользу польскому вопросу на Кресах, но, к сожалению, это, наверное, линия нынешних правящих кругов. Поэтому и большой правитель иным не может быть, ведь, наконец, мы придерживались этой тактики и во времена царского правления. При плохом губернаторе каждый стремился, чтобы этот губернатор не сменялся как можно дольше, потому что всегда удавалось со временем найти тот или иной способ воздействовать на него, чтобы вредил как можно меньше. Поэтому мы надеемся, что люди найдут способ влияния и на Осмоловского, тогда как назначенный новый администратор для завоевания марки в авторитетных сферах захочет перегнуть предшественника в радикальном направлении.

В своем дальнейшем разговоре Скржинский перешел к аграрному вопросу и поинтересовался моим мнением относительно принципа определения «максимум» владения землей. Я сослался на то, что это не новое изобретение: лозунг этот был брошен в первой Думе создателем партии так называемого «мирного обновления» бароном Гейденом, человеком очень стойким и разумным. Я его когда-то

спросил, как он мог пойти на такой абсурд, то он ответил: «До сих пор я собрал только 17 последователей в Думе, если бы этот лозунг не выдвинул, то имел бы только 3, мы победим экспроприацию, а тогда справимся и с остальным, и сделаем этот лозунг безвредным». Что касается моего мнения, то я вынужден «максимум», безусловно, осудить как признающий экспроприацию вне нормы, как ставящий рогатку, через которую частное предпринимательство не сможет переступить как средство, перекрывающее всякий труд и инициативу, а также стремление личности к увеличению собственности как своей, так и своего потомства и т. д. Скржинский ответил, что мою точку зрения полностью понимает и разделяет, так как сам имеет несчастье иметь в Галиции около пяти тысяч моргов земли, но по его точке зрения это «максимум» стало таким популярным лозунгом, что отказаться от него пока нельзя без сеяния в стране определенной паники, для устранения которой нужно было бы применить и армию, которая, есть сомнения, везде ли была бы послушна. А имея неприятелей, подстерегающих на Западном и Восточном фронтах, это предприятие было бы более чем рискованное.

Далее продолжал, что правительство находится в тех условиях, когда может одним или двумя голосами дело «максимум» в ту или другую сторону наклонить, что сейчас он едет на заседание кабинета, где этот вопрос будет обсуждаться, и что «максимум» принять стоит. Но принятие такого важного решения только парой голосов уже одним только этим дискредитирует его весомость и в дальнейшем применении этого решения можно будет ввести желаемые изменения. Все это взвесив, надо согласиться на «максимум». Я поздравил Скржинского, что наконец-то нашлось правительство, которое чувствует себя хозяином оппозиции, потому что до сих пор у нас было впечатление, что правительства нет, что то правительство, которое имеем, прислушивается только к тому, чего желает улица и им руководят партии, но оно над партиями не стоит.

Дальше Скржинский спрашивал, знаю ли я Р. Скирмунта, что о нем думаю и приехал бы Скирмунт в случае

вызова в Варшаву? Я ответил, что знаю его так же хорошо, как и себя, и могу за него поручиться в любом случае как за себя; в случае его приглашения ручаюсь, что его привезу. Мы расстались очень дружелюбно с моим заверением, что я всегда готов служить информацией и своей точкой зрения, сколько раз министр посчитает это полезным или об этом попросит.

3 июля 1919 г. Неожиданно приехал Скимунт. Белорусский обед у кн. Магдалены Радзивилл, Скимунт, кн. Харасимович, Алексюк и я. Народная демонстрация на Театральной площади перед Сеймом на Вейской, стрельба по толпе.

4 июля 1919 г. Как протест против вчерашних репрессий – всеобщая забастовка водителей трамваев, электриков и многих других – нет света в театре, по этой причине перенесен американский праздник на воскресенье 6 июля.

6 июля 1919 г. Обычное еженедельное собрание нашего Союза под моим председательством. Приехавший из Риги Фризендора рассказывает о жизни в Риге и о формировании князем Ливеном в окрестностях Риги вооруженных отрядов для адмирала Колчака.

7 июля 1919 г. Вместе с графом Здиславом Грохольским мы приглашены А. Ледницким в качестве секундантов для разрешения недоразумения между ним и Жваном. В общих чертах – конфликт возник по следующему вопросу: польское регентство, действующее под покровительством центральных держав, назначило г-на А. Ледницкого своим уполномоченным в Москве. В результате своих отношений с Керенским и уважения, которым пользовался у российской демократии, Ледницкий очень много сделал для польской эмиграции в Москве; многие были обязаны ему жизнью и имуществом.

Ледницкий вел открытый дом, в котором сосредоточивалась жизнь земляков в Москве, а Жван был гостем здесь почти каждый день. В это время началась ликвидация польских отрядов, выделившихся из российской армии на юге России, и отступление этих остатков армии через Москву

и Мурманск к войскам коалиции. Ледницкий, несмотря на то что многим из них частным образом упростил этот побег, как представитель Регентского совета, являющийся по сути немецкой эманацией, хотел соблюсти формальности относительно своего начальства и, допуская, что надо о том, что происходит, информировать немецкие власти, написал черновик рапорта Лерхенфельду в Варшаву. А тот обратился в Регентство с вопросом, рекомендуется ли такой рапорт и можно ли обойтись без него. Регентство не посчитало, что это необходимо, и рапорт выслан не был. Но в ходе всего этого московские власти, начинающие сомневаться в правоте Ледницкого, в его отсутствие потребовали провести тщательный обыск.

На письменном столе был найден черновик, и недоброжелатели напечатали его не как черновик, а как написанное письмо и выслали Лерхенфельду. На этой почве возникли различные закулисные инсинуации, отравляющие жизнь Ледницкому, который, как мне рассказывали, только и ждал возможности вынести свое дело на суд людей, пользующихся уважением в обществе. Возможность такую дал г-н Жван, постоянный и популярный член Охотничьего клуба, который якобы в клубе публично обвинял Ледницкого в том, что тот передал немцам списки людей, уходящих от них на Мурманск, а также тех, кто им в этом помогал. Об этом донесли Ледницкому, который схватился за давно ожидаемую возможность распутать все дело и потребовал от г-на Жвана или отозвать инсинуации, или дать сатисфакцию чести, для чего попросил меня и графа Грохольского быть в качестве секундантов. Признаюсь, что я никогда не принимал участия в таких делах, но знал, что в этом случае отказывать не следует и, доверившись опыту графа Грохольского, взял на себя эту обязанность.

9 июля 1919 г. Мы со Скирмунтом отправились по приглашению в Министерство на Медовую. Скржинский был очень занят приближающимся моментом голосования по аграрному вопросу, поэтому медлил с нашим приемом, а поскольку у меня было назначено время встречи с секундантами Жвана, а в таких случаях нельзя опаздывать ни на минуту, то я решил оставить Скирмунта для совещания

с Скржинским, а потом в Бельведере с Пилсудским, а сам поспешил вернуться к себе.

Сейм проголосовал за национализацию лесов. Пропадет еще один источник государственного богатства. У меня многочисленное собрание для обсуждения целесообразности вероятного вхождения делегатов из Литвы и Белоруссии в Сейм, неужели это вхождение не предreshало бы «унии» или «аннексии» Кресов польским государством? Скимунт отчитывался передо мной о своем визите в Бельведер. Впечатление скорее положительное. Пилсудский признавал исключительность аграрного вопроса у нас, предreshающего национальный вопрос и силу Польши на Кресах.

10 июля 1919 г. Голосование в Сейме по аграрному вопросу. Всем дирижировал Скржинский, «максимум» прошел с перевесом в один голос, могло бы быть иначе, потому что сторонники противоположного результата, такие как депутат Абрамович и кто-то второй, не помню, кто, умышленно не пришли на заседание Сейма. В Сейме, после подсчета голосов, кто-то крикнул «Скржинский победил»; я знал о таком результате за несколько дней вперед, но, храня это в секрете, молчал. Дай Боже, чтобы эта комбинация пошла на пользу.

13 июля 1919 г. Обычное еженедельное заседание нашего Союза; выступал прибывший из Минска адвокат Анцута о плачевном положении в Минске, а адвокат Обейзерский прочитал потрясшее всех письмо о замученных польских детях на Могилевщине.

14 июля 1919 г. Большие торжества в честь Франции. Французский посол Праллон возлагает венок у подножья памятника Мицкевичу; большой раут вечером на Фоксале у графа Адама Замойского; я не мог там присутствовать — у меня не было фрака.

15 июля 1919 г. Пилсудский собирается в Вильно, где представители Кресов должны дать ему мемориал о своих нуждах. Мне поручено разработать мемориал, что я и сделал, делегаты его одобрили, поехали в Вильно и передали Главе государства.

21 июля 1919 г. Плохие новости из-под Минска: от

Вилейки, Радошкович, Молодечно сильное наступление большевиков; решается судьба Минска. Я был втянут в акцию Красного Креста в бюро на Мазовецкой.

27 июля 1919 г. Я был на большом рауте, который давался в купеческом ресурсе маршалком Сейма Тромпчинским; приглашение получило 1500 человек, а было где-то около тысячи. К сожалению, в нашей квартире у г-на Пульяновского реквизируют для офицеров две комнаты, из которых нас выбросили, отсюда большие неудобства и беспокойства для наших достойнейших хозяев.

28 июля 1919 г. Большой полдник, а скорее ужин в гостинице «Европейская», устроенный «Белорусским комитетом» с Леонидом Дубейковским во главе. Идея этого собрания, которое должно было познакомить лиц, которые могут повлиять на варшавскую общественность, с белорусским движением, возникла на заседании 30 мая, о чем говорилось выше. Приходил перед этим ко мне Дубейковский, просил меня взять на себя обязанность организовать это собрание, на что я не мог дать согласия, поскольку считал правильным, что первое движение в сторону совместной польско-белорусской работы должно исходить от белорусов. Я давал только свои указания относительно подробностей организации и приглашения на ужин, также я взял на себя обязанность пригласить тех, кого могу считать желанными.

Необходимо сказать, что и правящие круги доброжелательно посматривали на эти шаги к общему сближению; доказательством чего явилось присутствие министра Ивановского, представителей Министерства иностранных дел, председателя правления города Балинского и многих других официальных лиц. Была даже версия, что весь этот достаточно дорогостоящий пир был оплачен из казны государства. Собралось более 50 человек. Первую речь на польском языке произнес председатель Дубейковский: просто, искренне и сердечно высказал желание объединить «одну и неделимую Белоруссию с Польшей» как свободную со свободной и равную с равной. Затем я должен был произнести речь, подчеркивая свою веру в искренность белорусских намерений, насколько они стоят на почве

возрождения своей национальности, поскольку такую возможность они имеют только в польском государстве, которое никогда не стремилось к вырождению своих народов, а давало даже им преимущество там, где данная народность имела численное преимущество.

Самым лучшим доказательством этого было то, что даже польский шляхтич должен был учиться говорить по-белорусски, если хотел судиться, что, к сожалению, любил делать, поскольку Литовский Статут на этом языке был написан и даже до раздела страны на этом языке на Кресах выносились судебные решения. С другой стороны, российское правительство до того русифицировало страну, что, если бы еще пару поколений прошло через народные школы, то белорусский язык исчез бы совершенно, и Москва за полтора века господства затерла бы следы всех племенных различий. Мое выступление было принято белорусами очень доброжелательно, мне горячо аплодировали и благодарили.

От имени города речь произнес Балинский, затем представитель от Белоруссии, не помню, Алексюк или Луцкевич; и если в предыдущих выступлениях старательно избегались любые намеки на нынешнее правительство, эта речь была одним похвальным гимном Пилсудскому. Потом оказалось, что Глава государства в этот же день принимал белорусскую делегацию и обещал дать ей разрешение на создание белорусской армии. Разошлись мы в наилучшем настроении и с верой в возможность польско-белорусского согласия и работы.

29 июля 1919 г. Навестили меня две панны Едкувны, которые во время большевистского нашествия находились в Несвиже. Оставили в крестьянской одежде, с корзинками, как будто шли за грибами в лес, прорвались через фронт и добрались до Варшавы; принесли они мне первые известия, что сестра моя Хорваттова жива и находится в Несвиже.

3 августа 1919 г. Обычное еженедельное заседание Союза, как всегда я возглавляю президиум. Из Слуцка две панны Крупские сумели полесскими околицами перейти фронт и добраться до Варшавы. Рассказывали о приключениях во время своего путешествия.

5 августа 1919 г. Заседание «Польско-белорусского

союза» на Шпитальной 1, устав предварительно уже был принят и президиум выбран. Несмотря на сильное давление, я отказался от председательства, был выбран заслуженный деятель Мирослав Обьезерский, а вице-председателем – Леон Дубейковский. Дебаты над призывом, с которым должен выступить Союз при вступлении польской армии в столицу Белоруссии – Минск; был принят призыв в доброжелательном духе для легионов. В очень радикальном настроении были высказаны декларации д. Длуского и Мотза, возвратившихся из Парижа, куда они были делегированы Пилсудским.

9 августа 1919 г. Князь Михал Мирский из Мира пришел объявить мне о том, что польские войска вошли в Слуцк и Минск.

10 августа 1919 г. Обычное заседание Союза: выясняется, что Слуцк был взят с 5 на 6 августа, при этом на рыночной площади пал смертью храбрых ротмистр Станислав Крушевский, которого люди сразу же занесли в костел. Устроили достойные похороны, в костеле была прибита памятная таблица. Минск был занят 8 августа. Заседание прошло с небольшим оживлением, потому что каждый был озабочен тем, как доберется домой, что там найдет и как там справится, особенно что касается аграрных законов, одобренных Сеймом.

13 августа 1919 г. Торжественное богослужение а кафедральном соборе с пением «Te Deum» в присутствии послов и Пилсудского по случаю взятия Минска. Шествие из кафедрального собора и возложение венков к памятнику Мицкевичу.

14 августа 1919 г. Доходят новости о боях, которые еще идут между Минском, Борисовом, Койданово, Шацком и Слуцком, с сильными бандами большевиков. Приехал наш органист из тимковицкого костела; рассказывает, что бои еще продолжаются под Слуцком, Койданово и Несвижем с большими потерями для страны, а перед взятием Несвижа польскими войсками большевики вывели из города многих заложников, среди них и моя любимая сестра Хорватова, которой уже более 70-и лет, наполовину слепая и больная. Заложников повели по направлению Слуцк – Бобруйск. Бог

знает, что с ней. Тяжелые удары судьбы падают на нашу семью.

16 августа 1919 г. Первые прямые новости из Савичей, от почтенного Михаила Ярошевича, которого большевики посадили управляющим в Савичах. Знаю, что все у нас уничтожено, в Пузове ни одного коня не оставили, это в разгар жнива. Голова разламывается от мыслей, что там происходит и как всем распорядиться, если за коня уже надо платить 8 – 12 тысяч рублей.

17 августа 1919 г. Обычное еженедельное собрание нашего Союза. Узнаю от графа Эмерика Чапского и Кароля Незабытовского, что сестра моя Костровицкая, заключенная в Смоленске, уже в Минске, а также о разных подробностях взятия Минска. Большевики до последней минуты издевались над местным населением, которое загоняли в подвалы и там в него стреляли, оставляя на месте без захоронения. Хуже всего приходилось евреям, а особенно еврейкам.

19 августа 1919 г. Я получил прямое известие из Минска от сестры Костровицкой; с 10 августа она уже на месте, других подробностей нет.

22 августа 1919 г. Хлопоты, связанные с отъездом из Варшавы. Намереваюсь ехать сначала в Минск, чтобы встретиться с сестрой, а заодно узнать, в целости ли наши наличные средства, которые она хранила. Непреодолимые трудности, чинимые со стороны польских властей, запрещающих привозить в Варшаву капитал в российских рублях, поэтому то, что удалось сохранить от большевиков, опять будет под угрозой потери, и принесет ли прибыль польскому государству то, что польский гражданин будет беднее и имущество польское останется в руках большевиков.

23 августа 1919 г. Вечернее собрание у Ледницкого по делу выяснения еврейского вопроса в Польше до высылки из Америки сенатора Моргенти, кажется, тоже еврея.

Вильно

Х

26 августа 1919 г. Отъезд моей жены из Варшавы через Атечизну, Несвиж в Савичи, полностью опустошенные; завтра еду в Минск.

27 августа 1919 г. Мой отъезд в Минск, путешествие относительно не утомительное благодаря Каролю Незабытовскому, обеспечившему мне место в вагоне Красного Креста, которым он распоряжается.

28 августа 1919 г. Приезд в Минск. Извозчик вместо 1 рубля потребовал за поездку до города 60 рублей. Встреча с сестрой после ее выхода из тюрьмы. Минск словно вымер, магазины закрыты, на лицах прохожих не видно уверенности, что все плохое уже позади, а скорее опасение того, что готовит будущее. Местные большевики как будто припали к земле и только ждут удобного случая, чтобы воскреснуть.

29 августа 1919 г. Первое заседание Совета сельскохозяйственного Товарищества (*бывшего Аграрного общества*) в наполовину разрушенном доме Товарищества; встреча с членами совета, которые во время правления большевиков оставались если не на месте в домах, то хотя бы в Минске. Одни, прячась то здесь, то там, переодевшись и выдавая себя за кого-то другого, другие – занимая даже разные ответственные должности в большевистском

правлении, что было, с одной стороны, залогом безопасности, а с другой стороны, позволяло делать разные распоряжения Советов менее вредными для своих сограждан. Нельзя сказать, что та атмосфера, в которой они находились, совершенно не влияла на их мировоззрение.

Действуя в наилучших побуждениях, приняли определенную декларацию по аграрному вопросу, которая позволяла некоторое вмешательство государства в дела помещичьей собственности, право первенства при покупке и другие компромиссы. После ухода большевиков вместо того, чтобы проводить принцип, согласно которому польское правительство ликвидирует все распоряжения большевиков, считает их власть и распоряжения бесправными и ни для кого не обязательными, требовали, чтобы владельцы, возвращающиеся в свои усадьбы, следовали всем соглашениям, заключенным между большевистской властью и сельскохозяйственными работниками, что только могло убедить население в могучей большевистской силе. Если немцы игнорировали царские распоряжения, поляки – немецкие, неужели только большевистские никто не имел права нарушить? Эта линия в дальнейшем была Сельскохозяйственным товариществом осуждена, и окружной минский комиссар Рачкевич отменил это распоряжение.

3 сентября 1919 г. Новое заседание совета Сельскохозяйственного Товарищества. Решили склады и магазины сельскохозяйственного синдиката сдать в аренду Каролю Незабытовскому, разрешая вести дела под названием «Минский помещичий синдикат». Рассказ сестры Костровицкой о ее полном самопожертвовании и стойкости, поведении в смоленской тюрьме, из которой вышла за выкуп в 25 000 рублей. Когда ее опять собирались арестовать в Минске, вынуждена была два месяца скрываться в застенке Слободка, что недалеко от Борисовского тракта.

4 сентября 1919 г. Неожданное возвращение сестры маршалыши Хорватовой в Минск из Бобруйской тюрьмы, из которой ее освободило взятие Бобруйска польскими войсками. Провидение ее хранило, потому что днем позже она была бы выслана с партией заключенных в Смоленск,

откуда неизвестно когда освободилась бы, да и осталась ли бы жива. Мой отъезд из Минска в Варшаву.

5 сентября 1919 г. Возвращение в Варшаву. Во время моего отсутствия был отредактирован Стецким и подан выдающимися представителями сельского хозяйства, торговли, промышленности и финансов мемориал, вручен во время выступления Юлиана Толочко Падеревскому, Тромпчинскому и Пилсудскому; в мемориале указывалось на неправильную линию правительства и говорилось о необходимости роста производительных сил страны на фоне угрожающего банкротства во всех сферах. Был это первый здоровый порыв сил общества. Падеревский был этим мемориалом сильно раздражен, Тромчинский принял мемориал доброжелательно, Пилсудский – понуро.

8 сентября 1919 г. Отъезд из Варшавы домой. Прощание с нашими достойными хозяевами господами Пульяновскими, у которых мы чувствовали себя спокойно и в безопасности, как у ближайших родственников. Возвращение домой без обычного в таких случаях чувства счастья, потому что неизвестно, что этот разрушенный дом в анархической стране, в разоренном хозяйстве принесет.

9 сентября. 1919 г. В Городее ждал фурман, который когда-то возил на повозке, запряженной четверкой лошадей, а сейчас – парой жалких подъездных, и повозка лестничная, потому что не оставили нам никакой другой брички. Въехал я на двор под дворец по заросшей травой дороге. Меня приветствовала жена, которая уже неделю была дома, и пара слуг – с искренней радостью, остальные – с определенным смущением, а может и с тоской по разврату и вседозволенности, по прекратившимся незаработанным доходам. Парк, покинутый и одичавший, поля в большей части необработанные, урожай плохой, полное отсутствие инвентаря и орудий труда. Все это можно было бы перенести, все со временем можно было бы исправить, если бы была уверенность в завтрашнем дне, в правах собственности, уверенность в государственной принадлежности, в правовом строе.

17 сентября 1919 г. Первый день сева ржи. В прежние годы сев в эту пору был бы уже закончен 2 – 3 недели назад,

а не начинался бы только. Почва плохая, сухая как пепел, не вылежавшая, не хватает рабочего инвентаря, как здесь можно рассчитывать на урожай? Но на все воля Бога: бывало, человек посеял хорошо, а урожая не дождался. Вообще, у меня нет такого впечатления, что я вернулся в отчий дом, скорее у меня впечатление, что я нахожусь на каком-то этапе, это временная остановка во время путешествия по жизни. Не вижу вокруг себя того, на что смотрел 72 года. Голые стены, поломанная мебель, обувь на мне дырявая, архив и библиотека разграблены, пара тарелок и несколько столовых приборов к каше и картошке, вечера без света, соседи разбрелись – и впереди не май или июнь, а темные и слякотные октябрьские и ноябрьские дни, а главное – такие же понурые политические и общественные гороскопы.

19 сентября 1919 г. Я получил неожиданный вызов из Староства приехать в Слуцк чтобы встретить там Пилсудского, который был в Минске и через Барановичи собирался приехать в наш уездный город.

20 сентября 1919 г. Шабаш. На углу улицы Шосовой и Мостовой приготовлена триумфальная арка, собрана пожарная охрана, оркестр, весь день ждем с хлебом и солью. Местные власти в мундирах выглядят, как переодетшиеся актеры какого-то любительского театра, которых забавляет их новая роль: нет серьезности и переживания за свои обязанности, скорее – за атрибуты власти. К вечеру приходит депеша, что Глава государства, вызванный важными делами в Варшаву, в Слуцк не заедет. Вечером местные дамы идут в «солдатскую господу» на танцы с солдатами местного гарнизона. На следующий день 3-й полк уланов должен был выйти из города в восточном направлении. Почта не работает, газет нет, широкое поле для различных разговоров и догадок.

26 сентября 1919 г. Постепенно возвращаются соседи, сегодня на завтраке у меня был ординат несвижский, прибывший из Парижа.

1 октября 1919 г. Первые, но сильные заморозки; вода замерзла в корыте, а только завтра начинаем убирать

картофель. Большая ярмарка в соседних Тимковичах, мужики слишком рано возвращаются из местечка, жалуются, что прибывшие из Слуцка на машине солдаты у них отбирают полотно, овчины, сукно якобы по цене, которая не равна и четверти стоимости. Надо донести об этом властям, чтобы сохранить авторитет польского правления.

16 октября 1919 г. Я поехал в Минск, рассказал Рачкевичу об инциденте в Тимковичах; взял записи и выслал депешу, чтобы сразу же отреагировать на эти злоупотребления и эксцессы. Владислав Рачкевич, хоть и радикальной ориентации, производит впечатление человека энергичного, чистого и безусловно желающего добра нашей стране. Вот бы таких администраторов давали на Кресы, другим был бы авторитет польского правления. Минск на удивление быстро стал польским: названия улиц польские, вывески, написанные, правда, на тарабарском польском языке, но польские, школы польские, даже евреи начинают по-польски говорить на улицах, хоть они и не совсем уверены в том, что настоящий «статус-кво» продлится долго. Только рубль не капитулирует, все растет, а марка дешевеет. Из Минска я поехал в Варшаву. Объявленная по всей стране забастовка работников фольварков не удалась, частично благодаря протесту городского населения, которому грозил бы голод, если вовремя не был бы убран картофель, который, однако, во многих местах из-за временной проволоочки с уборкой померз. Как будто бы и правительство начинало немного понимать, что попуская анархию, недалеко уйдет.

8 ноября 1919 г. Я приехал в Минск на собрание Сельскохозяйственного товарищества. Собрание было немногочисленным, на нем присутствовала в основном та часть помещиков, которая или оставалась в Минске, или еще не успела доехать до своих имений.

9 ноября 1919 г. Торжественное богослужение в Кафедральном соборе в честь годовщины освобождения Польши, присутствовали военные и гражданские власти. В первом ряду занимает кресло генерал Желиговский, почетно известный своим возвращением из Одессы, в настоящее время главнокомандующий на отрезке белорусского фронта

в Минске; с другой стороны, начальник гражданского управления Владислав Рачкевич со своим заместителем Ольгердом Еленским, сыном моего соседа, помещика Эдварда Еленского, который, несмотря на свое помещичье происхождение, сильно окрашен своими подрывными взглядами и в границах своей власти с добрыми, вероятно, намерениями, но принося большой вред, влияет на порядок в столице и помещичьи дела.

Епископ Лозинский, поддаваясь белорусско-демагогическому влиянию, в своем обращении упрекал между прочим помещиков за якобы отсутствие жертвенности. После богослужения заседание Сельскохозяйственного товарищества, возмущенного проповедью епископа, которую я намерен отпарировать на рауте, устраиваемом в тот же день генералом Желиговским и Рачкевичем в Шляхетском зале, на который я получил приглашение. На рауте много приглашенных, но больше военных. Несмотря на необогреваемые соседние комнаты, в них танцуют женщины в декольтированном с желающими потанцевать поручиками под звуки 2-х военных оркестров. Среди присутствующих и местный архиерей, который очень сердечно приветствовал Пилсудского во время его пребывания в Минске. Я объясняю епископу, как он ошибается относительно вопроса жертвенности помещиков, не говоря уже о том, что они одни во время меняющихся оккупаций несли на себе всю тяжесть войны, тогда как крестьянство только обогащалось, но ведь самой большой жертвой является жертва кровью, которую, превзойдя все мои ожидания, так широко и охотно понесли наши помещики. Ведь, например, в Слуцком уезде нет ни одного двора, в котором остался бы сын. И так, от уезда ушло в ряды: 3 – Радзивиллов, 3 – Войниловичей, 2 – Залеских, 2 – Доманских, 2 – Околовых, 2 – Чарноцких и т. д. Епископ слушал внимательно и, не находя ответа, говорил, что его выступление было неправильно понято, что он так не думал и т. д. В конце раута – ужин в узком кругу: Желиговский, Рачкевич с женой, я и еще пара человек; несколько тостов с речами, и на этом конец. Желиговский, видно, что солдат по профессии, не политизирует, но

заботится о солдатах и чести знамени.

13 ноября 1919 г. Заседание «Народного совета Белорусской Речи Посполитой», состоящее из одних «социал-революционеров», высказывающих наиболее крайние теории. Во время заседания Сельскохозяйственного товарищества были отправлены, по указанию Рачкевича, три депеши, подписанные мною и предварительно отредактированные, следующего содержания: Пилсудскому: «Собравшееся впервые в освобожденной от иностранного насилия стране старейшее на Кресах «Минское сельскохозяйственное товарищество» шлет Тебе, достойный Начальник, выражение чести и признания за продвижение победоносных польских войск к границам 1772 года и обеспечение народам страны, здесь проживающим, условий жизни, определенных их культурой и историческим прошлым». Тромпчинскому: «Собравшееся в Минске «Сельскохозяйственное товарищество» приветствует в Твоем лице, Достойный Маршал, Законодательный Сейм. Ссылаясь на давние традиции, белорусские Кресы уверяют, что в возвращенных границах 1772 г., к которым стремится местное население, Кресы эти по-прежнему будут твердыней Речи Посполитой». Падеревскому: «Минское сельскохозяйственное товарищество», присоединяясь к выражению почтения и благодарности всего народа за Твою политическую деятельность на Западе, твердо верит, что поспешишь вернуть Отчизне границы 1772 г. на Востоке». Но сановники Ясной Речи Посполитой не желали почтить нас своим ответом.

15 ноября 1919 г. Вернулся домой и нашел уланов 3-го полка, реквизирующих у меня и в окрестностях зерно для армии. Просидели у меня две недели с лошадьми вместе, я вынужден был их кормить, сам довольствуясь немногим, так что сомневаюсь, хватит ли у меня хлеба для работников до нового урожая.

29 и 30 ноября 1919 г. Был в Слуцке. Первое организационное собрание воскрешенного «Союза помещиков» после ухода большевиков. Торжественное богослужение, военный парад, торжественное шествие на Рыночную площадь, где построена трибуна. Выступал староста, а потом

мелкопоместный шляхтич из Качанович, Крашевский, говоривший о значении для народа этих памятных дней; население смотрело на все совершенно безразлично и участия не принимало, а когда один из выступающих вспоминал, что Польша несет народу «волю» в смысле свободы, кто-то из толпы крикнул: «Пусть бы лучше принесла нам соли». Вообще эти манифестации из-за безразличия людей считаю преждевременными и показывающими только иную ориентацию этой немногочисленной группы манифестантов.

11 декабря 1919 г. Поскольку вот уже пару недель пассажирские поезда не ходят по причине перевозки войск с Восточного фронта в Варшаву для замены их свежими силами, я отправился в Минск на лошадях через Старицу на заседания 12, 13, 14, 15 и 16 декабря в разных учреждениях, таких как Синдикат, Сельскохозяйственное товарищество, Взаимное страхование, Союз помещиков и т. п. Беседа с начальником округа Рачкевичем по вопросу оплаты труда сельскохозяйственных работников, нанятых большевиками, закончилась успешно, в смысле так, как этого хотело Сельскохозяйственное товарищество. Аресты некоторых промосковских белорусов.

20 декабря 1919 г. Заседание в Слуцке «Союза помещиков».

1 января 1920 г. Улан, несколько нетрезвый, ворвался верхом на лошади через кладбищенское ограждение в сени Савичской церкви, собравшиеся люди стянули его с коня и сильно побили, так, что истекающего кровью и в бессознательном состоянии, принесли его в наш дом, где моя жена и привезенный фельдшер сделали ему первую перевязку.

7 января 1920 г. Я выехал в Минск и Варшаву, ночевал в Несвижском замке, но, узнав, что Пилсудского не застану в Варшаве, так как он выехал на волынский фронт, а минский поезд надо было бы ждать очень долго, я вернулся домой. Началось возвращение заложников от большевиков в Минск и окрестности. Смерть жены Антония, Пуляньовской, Эдварда Еленского, князя Иеронима Друцкого-Любецкого. Я вспомнил о заседании депутатов шляхты 13 – 16 декабря прошлого года. Для точности надо указать генезу так

называемого возрождения института шляхты, которое наступило во время немецкой оккупации, в основном по инициативе г-на Людвика Унеховского.

Депутация в Минске, имеющая необычайно богатые и относительно упорядоченные архивы, касающиеся родословных шляхты и неоднократно разрешающие вопросы не только родственных отношений, но и прав на наследство, по счастливой случайности избежала большевистской анархии. Но, оставалась на попечении Бога и только под надзором бывшего секретаря, маршалка губернии Молибжко, который остался без жалования и власти над собой. Но когда немцы начали намекать на то, что вовсе не думают так быстро убираться из страны и стали посматривать на остатки различных учреждений и общественных институтов, при возобновлении деятельности которых удалось бы захватить страну, то в «Союзе помещиков» возникли опасения, чтобы эти учрежденные институты, возникшие во времена Керенского и большевиков, расширяя свои подрывные концепции, не завладели бы страной опять. Нужно было им противопоставить такую организацию, у которой было бы свое прошлое в стране и свое значение в дореволюционное время. Такой организацией были маршальские управления уездов и губерний, назначаемые, правда, правительством, но играющие главную роль во всех административных и судебных правлениях нашей страны.

Поэтому, не отсутствие желания вернуться к классовому строю, противопоставленному всесловным институтам, а надежда, что монархическая тогда еще Германия захочет вцепиться в те остатки прежнего консервативного строя, было причиной того, что инициаторы возобновления шляхетских институтов стали искать поддержки у оккупационных властей и добились положительного результата. Как только появилась возможность, в Минске, в зале моего дома, собралась шляхта и провела выборы. При этом губернским маршалком был выбран всеми уважаемый председатель «Союза помещиков» граф Ежи Чапский. Я не хотел выдвигать свою кандидатуру, так как никогда не согласился бы поселиться в Минске, особенно

после потери такой большой части моего состояния во время погрома. А когда некоторые мои друзья выдвинули мою кандидатуру, то при повторном голосовании я не прошел, подчеркиваю, в результате моего несогласия при формировании «польских советов» и их начальной ориентации. Остался я, как и раньше, только депутатом от шляхты Слуцкого уезда, чего всегда и хотел. Маршалок губернии квартиру в шляхетском доме не занял, так как временно отдана она была епископу, но шляхетские архивы получили опекуна, правда, без жалования, так что маршалки и депутаты вынуждены были класть деньги из собственного кармана до тех пор, пока обратно не вернулись большевики, и никто до сих пор не знает, какова была судьба архивов депутации.

29 января 1920 г. Выезд в Минск, опять на лошадях, 20 миль, через Старицы. В Минске заседание у Рачкевича по хозяйственным и снабженческим делам. Для того чтобы постоянно быть готовым дать совет Рачкевичу, очень быстро ориентирующемуся, но с экономическими делами еще не достаточно познакомившемуся, с его согласия выбрали постоянных представителей: от Сельскохозяйственного товарищества Зигмунта Ревенского и Ольгерда Свиду; от «Союза помещиков» Людвиг Унеховского и Юзефа Свентицкого. Обсуждалось также дело по раскрепощению мелких арендаторов довольно согласно, без большого сопротивления владельцев поместий. Из Минска в Варшаву я отправился через Вильно, так как других поездов не было. В «теплушке», предназначенной для 40 человек, ехало нас 100; через двое суток такого путешествия я добрался до Варшавы.

Перед этим на общем завтраке, на который меня пригласил мой кузен Алекс Ванькович из Минска, я познакомился с известным Мережковским, почти все произведения которого я читал или в переводе, или в оригинале. С Мережковским ехала его жена, публицист Философов и поэт то ли Зотов, то ли Зорин, не помню хорошо. Вся эта компания жила в Минске в монастыре монашек и начинала объезд: Минск, Вильно, Варшава – граница с

главной мыслью: Россия сама встать и возродиться не может, нужны новые «варяги», этими «варягами» должны быть поляки; они должны побить большевиков, взять Москву, навести порядок в России, организовать и ввести в федерацию славянских народов.

Если Польша не возьмется сейчас за эту историческую миссию, то этот момент уже никогда не повторится и Россия будет вынуждена упасть в объятия Германии, которая потом вместе с Россией задушит Польшу. Эти соображения высказал Мережковский генералу Желиговскому, командующему операционной группой на белорусском фронте. Этот простой солдат, выслушав, сказал: «Очень хорошо, возьму 10 дивизий, и через две недели Москва будет в руках Польши, но она нам не нужна, кому, профессор, скажешь ее отдать?» Мережковский не сумел на это дать ответ, и в этом заключается весь трагизм положения России.

В Варшаве вопросом дня был мир, заключить который предложили большевики. На следующий день после приезда я был на многолюдном собрании «Партии конституционного труда», для которой барон Кроненберг предоставил свои апартаменты. Депутат из Галиции, он же член комиссии по иностранным делам в Сейме, Старовейский отчитывался на заседании комиссии, что министр иностранных дел Патек, в присутствии высоких военных властей рассказывал о результатах своего пребывания в Париже и Лондоне, а также требовал, чтобы комиссия высказалась по вопросу мира с большевиками. Комиссия пришла к выводу, что отрицательного ответа давать не следует, а выжидать, пока дело само по себе больше проявится и, наверное, недели через 3 – 4 что-нибудь ответить. Военные власти утверждали, что на фронте имеются достаточные силы, чтобы оказать сопротивление большевикам и как следует их побить.

Общее настроение собрания было мирное. Я выступал против, доказывая, что мир без полного разгрома большевиков, это только открытие наших границ для пропаганды на Беларуси, и так уже засыпанной большевистскими прокламациями. Казалось, что меня поддержали, но когда я выходил, барон Кроненберг взял меня за локоть и шепнул:

«Польша дальше воевать не может, потому что война стоит ей миллиард в месяц, а в кармане нет и гроша».

На следующий день, чтобы сориентироваться в настроениях Варшавы, я пошел к графу Юзефу Потоцкому. Тот также был настроен на мир, утверждая, что «поскольку судьба наша находится в руках человека такого масштаба, как Пилсудский, то мы можем чувствовать себя в безопасности, все будет предвидено». Затем я отправился к бывшему члену Совета государства, очень со мной дружному Игнатию Шебеко, недавно назначенному послом в Берлин, несмотря на его германофобское настроение. Он скорее подходил для Парижа или Лондона, где прежде долго был и установил много контактов и связей. Тот также был настроен достаточно мирно, доказывая, что большевики, будучи очень ослабленными, примут сейчас все условия, поэтому условия надо выдвигать самые жесткие, потому что откладывая, мы рискуем, в случае прихода к власти в Польше еще более левых элементов, которые сами по себе мирно настроены, что те сами начнут предлагать большевикам мир и согласятся на худшие условия.

Через два дня Шебеко должен был выехать в Берлин, был на аудиенции у Пилсудского, от которого услышал, что Польша не так богата, чтобы могла себе позволить издержки революции, он лично никогда до этого не допустит, а приведет страну через эволюцию к порядку. Шебеко в Париже и Лондоне встречался с бывшими царскими государственными деятелями и своими прежними коллегами из Законодательных Палат: Сазоновым, Львовым, Милюковым и т. д. и объяснял им ошибочность политики России, воображающей себе, что ее миссия на Западе. Тогда как ее миссия на Востоке, где захваченный кусок страны стократно вернул бы потерю нескольких бедных белорусских губерний. Я пошел искать другие настроения. Встретил такие только на обеде у Ледницкого и на обычном субботнем собрании у председателя Глинки. Там меня все уговаривали, чтобы я шел со своими взглядами в Бельведер и добивался отказа от заключения мира сейчас. Но поскольку срок моего отъезда был точно определен и я не мог рассчитывать на

то, что меня выслушают тогда, когда я захочу, я выехал и через трое суток путешествия в невероятных условиях, чудом не заразившись какой-нибудь болезнью или заразой в переполненных солдатами вагонах, добрался домой.

Во время моего пребывания в Варшаве была забастовка пекарей и другие забастовки, вызванные, по рассказам, инструкциями, полученными из Москвы непосредственно от Ленина и Троцкого. Вообще, большевизм на Востоке менее страшен для нас, но хуже и в сто раз опаснее тот, который начинает просачиваться в армию. Во время моего пребывания в Варшаве у Пилсудского была большая делегация от левых сил Сейма, которая требовала заключить мир в течение трех дней, в случае отказа грозила начать всеобщую забастовку. Пилсудский очень метко ответил, что «с большевиками проще воевать, чем заключать мир».

4 марта 1920 г. Я поехал в Слуцк на организационный съезд по делам самоуправления, на котором должен был присутствовать начальник минского округа В. Рачкевич. Дебаты велись о первоочередных нуждах повета, которых оказалось так много, что на их удовлетворение не хватило бы и миллиарда. От повета выбрали четырех делегатов на такой же съезд в губернии, в их числе и меня. В честь Рачкевича мы устроили ужин, а на следующий день я был на обеде, устроенным в честь Рачкевича старостой Грабовским. Я должен был обязательно на следующий день быть в Минске на заседании Сельскохозяйственного товарищества, поэтому Рачкевич предложил поехать с ним машиной до Бобруйска, откуда генерал Конаржевский, временно там расположившийся, должен был отправить меня в дальнейшую дорогу каким-нибудь военным поездом.

Путешествие было неудачным, постоянно портились резиновые колеса, так что в Бобруйске мы были не в 10 вечера, а в 3 утра. Нас ждали с ужином председатель временного самоуправления Регульский и заместитель старосты Ежи Чарноцкий, который затем пригласил меня отдохнуть пару часов, поскольку в 7 утра мы должны были выехать в Минск. В Бобруйске до нас дошла хорошая

новость о продвижении отрядов генерала Конаржевского до самого Рогачева, и если бы не поступил приказ отступить, то лошади уланов первый раз напились бы воды из Днепра. Вместо 7 только в 11 удалось отправиться из Бобруйска в обществе Рачкевича и его 2-х помощников: по гражданским вопросам – графа Эмерика Чарского, и по военным делам – поручика Годлевского, очень интеллигентных и симпатичных молодых людей, которые, работая у начальника округа, станут способными и опытными чиновниками.

В Минске 7, 8 марта 1920 г. Заседание Сельскохозяйственного товарищества и «Союза помещиков». Главные дебаты над проектом закона о раскрепощении мелких арендаторов, который, неумело разработанный Осмоловским, удалось временно приостановить для введения необходимых изменений. Я выступал на собрании, поддерживая сам принцип, считая необходимым сделать так, чтобы закон, которым пользовались при царском самодержавии православные арендаторы, в условиях нового государственного строя был расширен и для католиков, для этого в нем надо было сделать только необходимые изменения. Общее собрание разделило эту точку зрения и выбрало делегатов для проведения переговоров по этому вопросу в генеральном комиссариате в Вильно: З. Ревенского, Л. Унеховского, графа Х. Грабовского и Семашко. Меня торопили принять участие, но, ссылаясь на тяжелую дорогу и необходимость посидеть немного дома, я отказался и на завтра, по ужасной дороге, большую часть которой я прошел пешком, хотя ехал на лошадях через Старицы, пришел домой.

12 марта 1920 г. Не удалось мне долго отдыхать, потому что на завтрак ко мне приехал несвижский ординат со своим доверенным лицом А. Оскерко и привез срочную депешу из Вильно от графа Ежи Чапского и Д. Довгялло. В депеше говорилось, чтобы я обязательно приезжал на 15-го, так как срок перенесли с 20-го на 15-е, чтобы я смог принять участие в виленском совете, так как 20-го я должен быть в Минске на окружном сеймике. Я не мог отказать, особенно Довгялло, которого заставил принять должность

председателя Варшавского союза помещиков, приняв этим на себя обязанность быть ему послушным, если меня будут вызывать в случае крайней необходимости. Пробыв таким образом дома только полтора суток, я отправился через Замок, Минск в Вильно.

Из-за беспорядков на железной дороге путешествие это заняло две бессонные ночи. Уставший, при совершенном отсутствии мест в гостиницах, я остановился у моего двоюродного брата Станислава Ваньковича, когда-то депутата Думы, а сейчас председателя правления Торгового банка в Вильно. Сразу же я отправился за указаниями к почтенному Д. Довгялло. Довгялло рационально обосновал, что работа Союза помещиков из Литвы и Беларуси совершенно потеряла смысл в Варшаве, поскольку Гражданское правление восточных земель с Осмоловским во главе переехало в Вильно. Выдавая различные декреты, иногда для помещиков очень вредные, нуждается в постоянном контакте на месте с организацией тех же помещиков, чтобы быть хорошо информированным, а часто и контролируемым. Затем следует Союз, возникший в Варшаве, распустить (председатель Довгялло, вице-председатели Унеховский и Ледницкий). Поскольку союзы в губерниях уже возобновили свою работу, следует выделить из них Союз с постоянным представительством в Вильно и начальником бюро, работа которого хорошо бы оплачивалась, а должным образом защищал бы интересы помещиков в Гражданском правлении восточных земель.

Для организации такого института и было собрано общее собрание помещиков из Вильно, Гродно, Ковно, Минска, Могилева, Витебска и Польских Инфлянтов, на которое надо без промедления идти и которое, из-за определенных коллизий и некоторой неорганизованности местных элементов, хочет видеть меня председателем. Поэтому-то так настаивали на моем приезде. Таким образом, 15-го в 5 вечера собрался круг представителей помещиков, 40 – 50 человек, в зале «Льна кресового». Уставший после дороги, невыспавшийся и малопосвященный в атмосферу Вильно, должен был председательствовать. Я выговаривал

собравшимся, что меня к этому вынудили, так как на этом собрании было столько людей, которые не хуже меня справились бы с этим заданием. Назову присутствовавших: Д. Довгялло, Х. Гецевич, А. Мейштович, Вагнер, А. Хоминский, С. Ванькович, граф Чеслав Красицкий, Марьян Плятер и многие другие. Собрание сочло необходимым организовать такой Союз союзов с центром в Вильно и выбрало редакционную комиссию, которая должна была быть временным правлением Союза, разработать устав и собрать следующее общее собрание для избрания постоянного правления.

Редакционная комиссия стала временным правлением по необходимости, так как почти ежедневно появляется необходимость действовать в авторитетных сферах Гражданского правления восточных земель. Если я не ошибаюсь, в состав комиссии вошли: Довгялло, С. Ванькович, Марьян Плятер, Коллонтай, Адамович, Скиндер, Мохль, и на этом собрание закончилось. На следующий день, *16 марта 1920 г.*, прошло очень важное совещание в Генеральном комиссариате, полуофициальное, со стенографистами по вопросу разработки декрета о мелких арендаторах и возможном их раскрепощении. Из-за отсутствия Осмоловского, который был в Варшаве по причине болезни, председательствовал его заместитель, Эдмунд Ивашкевич, в окружении своих главных сотрудников из управления.

От Виленщины делегатами были: С. Ванькович и адвокат Скиндер; от Минщины: Людвик Унеховский, Зигмунд Ревенский, граф Грабовский, Семашко и я. Делегаты поручили мне выступить от их имени перед началом заседания. Я начал с того, что подчеркнул добрую волю помещиков в решении судьбы мелких арендаторов. Но с другой стороны, не до конца легальна работа правительства в изменении гражданских законов в оккупированной стране, до сих пор не аннексированной ни одним декретом, что противоречит конвенции в Гааге. Если бы не причины легальности, то помещики сами выступили бы с инициативой правового изменения и т. д. Говорить об этом мне было очень легко, потому что когда-то похожий проект раскрепощения мелких арендаторов я должен был представить Столыпину

и только решение Польского круга в Государственном Совете меня остановило.

Ивашкевича очень обрадовало мое выступление, он повторял, что завтра оно будет передано по телефону в комиссию Сейма, чтобы и она имела понятие о взглядах помещиков на Кресах, которые, как когда-то первыми подали проект раскрепощения крестьян, так и теперь понимают необходимость определенных аграрных реформ. На следующих перерывах ко мне даже подходили коллеги, благодарили за выступление. Потом началась организационная работа над некоторыми параграфами изменяемого закона, которую очень по-деловому вели Ревенский, Унеховский и все те, кто хорошо изучил вопрос, безусловно, опережая виленских делегатов, что даже подчеркнул Ивашкевич ко всеобщему недовольству последних.

Из Вильно я вернулся в Минск на так называемый окружной сейм или «окружной съезд представителей населения Минской земли», или «Съезд самоуправления уезда», так как номенклатура должна была определиться потом, в зависимости от решения, вынесенного собранием, и от выводов, которые будут преобладать на заседаниях и будут одобрены правительством. Съезд был открыт *21 марта 1920 г.* Рачкевичем в зале окружного суда в присутствии четырех представителей от каждого уезда и четырех представителей от товариществ, действующих на территории Минщины: от Сельскохозяйственного товарищества был я, от Союза помещиков – Унеховский, от Товарищества врачей д-р Оффенберг, от кооперативов – ксендз Харасимович.

Кроме того, впервые приняли участие в минском заседании представители недавно присоединенного к Минщине Лепельско-Полоцкого уезда. Работа съезда носила характер скорее теоретический, чем практический, так как говорили в основном о том, чего нам не хватает для нормального течения жизни в стране и что надо сделать, не считаясь вообще с тем, что вообще можно сделать, когда хозяйства разрушены, а производственные силы страны исчерпаны. Были и такие участники съезда, которых меньше

всего интересовали общественные дела, и которые представляли себе, что сумеют воспользоваться обстоятельствами для решения своих личных интересов. Так, мелкий арендатор из-под Логойска начал плаксивым голосом жаловаться, что сначала он платил за 20 десятин сорок рублей аренды, а теперь г-н Незабытовский назначил 60 рублей, из-за чего он и его дети лишены самого необходимого. Хотя такие дела не могли быть предметом обсуждения на съезде, председатель Рачкевич терпеливо выслушал жалобы, исходившие от «представителя народа». Замечательно ему ответил г-н Регульский, который, якобы соглашаясь с фактом эксплуатации «помещиков», советовал этому арендатору купить курицу, а так как в среднем курица несет 50 яиц в год, которые продаются в Минске по 3 рубля за штуку, то такая курица принесет 150 рублей, от которых, после вычета 60 рублей арендной платы, останется еще 90 рублей на нужды семьи крестьянина. Собравшиеся одобрительно приняли эту реплику, а неудачный выступающий сконфуженно уселся на свое место. Во время собрания в зале находился бывший министр Врублевский, который должен был ехать затем с Рачкевичем в Борисов для ведения переговоров с большевиками, но эти переговоры по причине несогласия большевиков ни к чему не привели.

Предполагая, что большевики захотят играть во время переговоров на «белорусской струне», хотелось предварительно выработать с белорусскими предводителями определенные «*modus vivendi*» (*способы поведения*), что и было сделано при участии того же Рачкевича. Белорусы получили заверения в возможности свободного национального развития и получения определенной автономии в польском государстве, при этом на текущие нужды 9 000 000 марок, из которых им 2 00000 марок «*ex nupis*» (*тут же*) было выплачено. С их стороны переговоры проводил в основном Ивановский. Работа шла в ускоренном темпе относительно борисовских комбинаций и в последний день, 22 марта 1920 г., закончилась только в 3 часа утра, а поскольку уже была традиция заканчивать такие собрания посланием Пилсудскому или в Сейм, поэтому и здесь без этого не

обошлось. Поскольку я имел честь быть приглашенным в президиум, то лепельские делегаты, думая, что являюсь важной фигурой, первыми обратились ко мне с просьбой отредактировать и выслать такое послание. Я дал им слово, что займусь этим.

Дебаты над такими декларациями никогда не проходят гладко; на общем собрании иногда неожиданно могут возникнуть спорные вопросы и резкие предложения; послания такие должны редактироваться уполномоченными доверенными лицами разных партий и единогласно быть принятыми на общем собрании. Поскольку в этот день Рачкевич пригласил меня на обед, то там я затронул этот вопрос. Рачкевич, рассмеявшись, осветил, что это послание уже находится у наборщика, чтобы выйти в утреннем выпуске ежедневной минской газеты как решение собрания. Когда после обеда мы оказались в зале, мелкий шляхтич выступил с предложением выслать послание, будто бы по собственной инициативе, ссылаясь на текст послания, который якобы где-то уже был обсужден на частном собрании. Естественно, все было предварительно подготовлено, так как речь шла о том, чтобы инициатива шла из демократических сфер.

Редакция уже печатающегося послания была принята единогласным приветствием в честь Главы государства. Мне вспомнились царские времена, когда мы также «верноподданнические» чувства вынуждены были демонстрировать. Видимо способы правления, не зависимо от государственного устройства, всегда одни и те же. Хорошо, что нынешнее правительство Речи Посполитой начинает им учиться. Вообще этот окружной сейм прошел спокойно. Делегаты из Бобруйска, один – бывший волостной писарь, второй – бывший деревенский учитель, объясняя, что не знают польского языка, говорили не по-белорусски даже, а по-русски и выступали с предложением национализации лесов. Но этот диссонанс был тактично устранен председателем. На этом собрании я с трудом добыл до конца; измученный дорогой в Вильно и постоянным умственным напряжением при непрерывной работе, сначала в Минске, затем – в Вильно, и опять в Минске, а к тому же,

может, где-то в тесноте вагонной зараженный, я заболел испанкой. Измерив температуру – 39°, я спешно выехал 25 марта 1920 г., чтобы, упаси Господь, не болеть и не умереть вне дома.

5 апреля 1920 г., на второй день Пасхи, согласно традиции, к нам приехали с поздравлениями все соседи. За стол село 24 человека, и каждый только и думал о том, насовсем ли мы вернулись под родной кров. Я был уже совершенно здоров, только очень ослабленный горячкой.

8 мая 1920 г. Выбрался в Варшаву. Попал на различные манифестации по поводу успехов в Украине и взятия Киева. Скорее это было путешествие, а не военный поход, по сути дела рискованный, потому что с Киевом, как и с Москвой, как говорит Желиговский, взять не проблема, но что потом с этим делать? Взятие Киева, без сомнения, понравилось Европе и показало, что Польша в международных делах не является «*quahtité négligeable*» (последней).

В комиссии Сейма по иностранным делам заслушали позорное выступление определенного крыла во главе с С. Грабским против польских начинаний в восточных креслах и некоторых обязательств в связи с этим «Матежи»: «*der Mohr hat seine Pflicht gethan – der Mohr kann gehen*» (Мавр сделал свое дело, Мавр может уходить); извечный лозунг Польши по отношению к нам. В 1863 г. нам говорили: нашей кровью обозначать границы прежней Речи Посполитой; мы шли безо всякой надежды, испытывая потом на себе последствия восстания в условиях угнетения, конфискаций и «исключительных прав», а сейчас родина Костюшко, Рейтана, Мицкевича и т. д. им не нужна.

По мнению Варшавы, концепция Грабского потерпела поражение, так как военные успехи соответствовали национальному шовинизму и ореолу Главы государства, поэтому из варшавского кафедрального собора раздавалось торжественное песнопение «Te Deum» в честь взятия Киева. Все ожидали, как Сейм отреагирует на это событие, но Сейм перешел, минуя это событие, к порядку дня. Тромпчинский ни словом не отозвался, заседание началось с «кассы больных». Мне это очень хорошо напомнило ход дел в

Государственной Думе, когда весь народ с дрожью ожидал первой реакции собравшихся после стольких лет молчания и недоли представителей народа. Первым делом, внесенным в порядок дня, было «оборудование прачечной при университете» (sic). Повторяю, способы правления остаются всегда одинаковыми, так, наверное, есть со времен Макиавелли.

Украинская победа была первым самостоятельным продвижением без оглядки на Европу, стоящую на мировой шахматной доске, но дальнейшая судьба Украины, соглашение со всегда коварными русскими с Петлюрой во главе – все это дела очень сомнительной ориентации и реальной пользы. В любом случае, это было продвижение в сторону политической мысли князя Януша Радзивилла и Б. Кутиловского. Во время моего пребывания в Варшаве прошло заседание правления Польско-белорусского союза.

Поскольку в различных обращениях белорусы постоянно говорили о суверенной Беларуси, я обратил внимание собрания на тот факт, что Беларусь ни одного гроша на эту цель не дала, ни одного солдата на фронт не отправила, то абсурдом будет думать, что Польша за них все каштаны вытянет из огня. Когда, жертвуя своей жизнью и имуществом, белорусы дойдут до этнографических границ Беларуси с востока, тогда жизнь поставит их перед дилеммой: хотите принадлежать нам или России? Поэтому следует отречься от самостоятельности, стремиться к союзу с Польшей на основании исключительной автономии, которую, в зависимости от условий существования, можно будет сузить или расширить согласно историческим обстоятельствам.

Придерживаясь, таким образом, основного принципа неделимости Беларуси, которая никогда не может согласиться быть объектом торга или договора между Польшей и большевиками, следует издать соответствующую декларацию и представить ее в законодательные органы польского правительства. Присутствующие признали правильность этих аргументов. Президиум получил задание отредактировать это заявление, что и было исполнено. Вернувшись домой, я прочитал его в газетах, причем принцип

независимости Беларуси был подчеркнут, но о суверенности умалчивалось.

26 мая 1920 г. 24 мая, второй день Троицы. У нас собрались многочисленные соседи. Пришло тревожное известие о прорыве фронта большевиками недалеко от Игуменя и Борисова. Утром 25 мая я поехал в Несвиж по приглашению принять участие в обряде захоронения в подземелье Фарного костела останков первого ордината Давид-Городка, князя Станислава Радзивилла, ростмистра 3-го уланского полка и ближайшего адъютанта Главы государства. Князь Станислав был солдатом необыкновенного мужества.

Я слышал из рассказов уланов, что с боем надо было взять неприступную позицию, и в рядах началась паника; князь Станислав, отбросив оружие, со шпирцутеном в руке бросился вперед, повел за собой своих солдат и взял высоту. А сейчас, будучи личным адъютантом Пилсудского, мог бы не принимать участия в действиях на фронте, однако настоял на своем, чтобы ему доверили отряд кавалерии, командуя которым под Малином, возле Киева (*Житомирская обл.*). Был тяжело ранен и оставлен в крестьянской избе, окруженной потом преобладающими силами большевиков. Хозяин избы раскрыл тайну, какого гостя он прячет, и князя добились штыками и прикладами. Его кум, князь Иероним Радзивилл, женатый на княжне из Живца и в свое время считавшийся вероятным будущим королем Польши, поехал на Украину и нашел тело.

Официальные похороны, в церемонии которых принимал участие Пилсудский, прошли в костеле Святого креста в Варшаве, а потом останки были перевезены в Несвиж. У гроба в Варшаве были князья Леон, Иероним и Януш (сын Кароля) Радзивиллы. Печальные были эти похороны, потому что город не принял в них должного участия, как это было положено сделать для сына несвижской земли и одного из храбрейших офицеров польской армии. Объясняли это опасением того, чтобы в условиях наступления большевиков, их участники не были подсчитаны агентами. Однако хочу отметить, что при господствующем

демагогическом настроении не хотели подчеркивать заслуги помещика, а ко всему еще и князя, что является более вероятным.

26 мая 1920 г. Поскольку по причине тревожных вестей с Восточного фронта большие силы армии перебрасывались на восток, и движение поездов для частных лиц было приостановлено, я вынужден был отправиться на лошадях по Слуцкому тракту через Старицы в Минск на заседание Сельскохозяйственного товарищества и другие заседания. По дороге я встретил табуны племенного скота, который гнали из-под Игуменя из усадеб, занятых большевиками, и длинные таборы повозок беженцев, направляющихся в противоположную сторону, чем пару лет тому назад, т. е. с Востока на Запад. Лица управляющих лошадьми безнадёжные и перепуганные, а у дороги толпы мужиков, советующихся, что им делать в данном случае, но с единственной уверенностью, что им ни в коем случае ничего плохого не грозит. Никогда еще со времен «Потопа» не было так верно высказывание В. Поля: «что мало, то и цело». Кружили и несколько преувеличенные известия о дымящихся пепелищах усадеб и фольварков, о погромах и уничтожении польского населения в деревнях и имениях. В Минске всеобщий переполох: я нашел сестру Косторвицкую, чудом спасшуюся от большевистской неволи, собирающую свое движимое имущество, чтобы отправить его в Брест, к племяннику Бельскому, из Атечизны. Ночью было разослано распоряжение главнокомандующего Минска генерала Шептицкого, чтобы семьи чиновников и работников различных общественных организаций эвакуировались на запад, для чего даны вагоны и т. д. Через город днем и ночью передвигались различные роды войска, направляющиеся с подмогой к Березине. Всем нравилась великопольская артиллерия, запряженная отличными лошадьми и сильными мулами. Но никто не ожидал, что это начало конца.

Второй день моего пребывания был немного поспокойнее в результате известия о провале большевистского наступления возле Игуменя и Борисова. Обозам беженцев было приказано объезжать Минск, чтобы его жители не

падали духом, зато худшие известия шли из-под Лепеля, откуда большевистское нашествие прорвалось уже почти на 150 верст на запад, и шли кровавые бои в районе Молодечно, Глубокого, Будслава и Плещениц, решающие судьбу всей белорусской кампании и судьбу этой страны. Действия эти должны быть поддержаны Литовской тарибой для того, чтобы отрезать Вильно в качестве компенсации за Киев.

Всюду чувствовалась немецкая рука: на сбитых самолетах находили немецких пилотов, в большевистских рядах – немецких инструкторов, а во главе Красной Армии стал царский генерал Брусилов. Поскольку на это время были назначены заседания Сельскохозяйственного товарищества, Синдиката, Союза помещиков и Взаимного страхования, а проведение работы среди охваченных паникой и не уверенных в завтрашнем дне людей было невозможным, я решил обратиться к первоисточнику, чтобы вместо сплетен словами авторитетов воздействовать на собравшихся. Как я уже вспоминал, главнокомандующим был Шептицкий, проживавший в отдельном доме на улице Подгорной. Дом хорошо охранялся, потому что большевики, у которых всюду были свои агенты, пытались его уничтожить и один раз даже устроили пожар в доме, чтобы с аэроплана, ориентируясь на пламя, можно было сбросить на этот дом бомбу. Пожар бы потушен, бомба сброшена, но не попала в цель.

Не очень считаясь с формальностями, я отправился на Скобелевскую улицу, где размещался главный штаб. Меня пропустили: адъютант Шептицкого, князь К. Любомирский доложил обо мне, и генерал, не заставив меня долго ждать, пригласил в кабинет. Высокого роста, с видом аристократа, вежливый, точно выражающийся и быстро думающий, он произвел на меня положительное впечатление.

Сославшись на знакомство с братом Митрополита, который специально приезжал в Минск, как я уже вспоминал выше, и склонял меня перейти в униатство, я сразу сказал генералу, с какой целью я пришел на встречу с ним. Генерал полностью понял мои мотивы и заверил, что порыв фронта на отрезке Игумень – Борисов уже полностью ликвидирован,

правда, кое-где еще бродят там остатки рассеянных банд, но даже эвакуированные власти из Игуменя получили приказ вернуться на свои места. Говорил также, что дела на Молодечно – Лепель идут плохо и очень серьезны, но уже наступает перелом и нет сомнений, что и на этом фронте установится порядок. В дополнение разрешил обо всех этих подробностях от его имени сообщить собравшимся помещикам и просить сохранять спокойствие. Все это я выполнил, поэтому можно было приступить к вопросам, которые стояли в порядке дня. Но на следующий день разошлось страшное известие о самоубийстве в тюрьме ближайшего адъютанта генерала, некоего Маркова, русина из Галиции, которому Шептицкий особенно доверял, и через которого шли самые тайные приказы для армии. С какого-то времени, по сути дела, как бы в сферах самой действующей армии ходили странные слухи о том, что все приказы Шептицкого упреждались большевиками: там был приказ перейти через реку, там построить или разрушить мост, но когда приступали к выполнению этих приказов, всегда находился в указанном месте отряд большевиков, который все действия сводил на нет.

Появлялись подозрения, у Маркова приказано было сделать обыск, в ходе которого наткнулись на очень подозрительные *«corpus delicti» (обличительные документы)*. Марков был отправлен в тюрьму, где в камере сразу же застрелился из миниатюрного браунинга, который ему удалось спрятать во время личного досмотра в тюрьме. Это происшествие произвело угнетающее впечатление, прежде всего на самого Шептицкого, который не мог из-за смерти Маркова установить, насколько глубоко укоренилось предательство в его окружении. Во-вторых, большевистские агенты в армии начали влиять на деморализацию, доказывая, что везде в командовании есть предательство, зачем солдату быть в окопах, если в верхах он уже предан и т. п. К счастью, из Варшавы стало поступать новое подкрепление, особенно сильные духом отряды из Великопольши. Приехал генерал Сосновский, большевистские отряды были отброшены, более-менее старое *«status quo ante»* установилось.

16 июня 1920 г. Около 2 часов ночи в Савичах меня разбудил присланный из Слуцка жандарм с депешей, вызывающей меня в Вильно на 18-е число в Генеральный комиссариат на конференцию по аграрному вопросу. Поскольку поезд в Вильно через Минск выезжал из Городеи в 6 утра, я успеть уже не мог, но так как дело было очень важным, то я решил ехать на следующий день, тем более что сегодня еще у меня должно было состояться собрание для обсуждения этого же вопроса, возникшего в результате обращения Пилсудского к Генеральному комиссару восточных земель Осмоловскому, в котором давалась рекомендация изменить аграрный закон для восточных Кресов по аналогии с принятым варшавским Сеймом законом от 10 июля 1919 г.

Я прибыл в Вильно 19-го утром. Там я узнал, что Осмоловский находится в Варшаве, а аграрный вопрос перешел в руки его заместителя Эдмунда Ивашкевича, который на вторую половину этого же дня назначил специальную конференцию с представителями Минской губернии, куда я сразу же и отправился и нашел там делегатов нашего Сельскохозяйственного товарищества: Зигмунта Ревенского и Ольгерда Свидо, а также делегированного Союзом помещиков Витольда Ваньковича. Проект закона, отредактированный в Варшаве «на колене» Домбским, не знавшим местных условий, ставящих кресовых помещиков в более худшие условия, чем были поставлены польские помещики законом от 10 июля, был предметом многочасовой дискуссии с Ивашкевичем, причем ни одна сторона не хотела уступать так же, как и во время обсуждения закона о раскрепощении мелких арендаторов.

Кроме принципиальной защиты прав собственности, мы не могли обойти вниманием бесспорный факт, что на Кресах должен учитываться и национальный вопрос, что экспроприация помещиков вообще сокращает состояние польских владений на Кресах. Наделение отрезанными от большей собственности землями польских солдат привело бы к созданию сильного национального антагонизма у

белорусов, считающих себя наиболее правомочными наследниками этих земель. Ивашкевич, ценя наши замечания, но учитывая, что разработка нового закона займет как минимум две недели, вынудил нас дать обещание, что когда проект будет разработан в Центральном комиссариате, мы опять приедем по его распоряжению в Вильно для проведения окончательного обсуждения. Минские делегаты поехали домой, я же по желанию Ивашкевича остался еще на один день в Вильно, чтобы вместе с Ипполитом Корвин-Милевским разработать правительственный проект регулирования сервитутов, такой же неудачный и несправедливый и так неудачно представляющий дело, как и правительственный проект аграрной реформы. Выполнив свое задание, утром следующего дня я упаковал вещи, купил обратный билет на поезд и должен был выезжать. Однако меня нашел приехавший из Варшавы Людвик Унеховский с требованием от имени правлений наших кресовых организаций: кресовых советов, Союза помещиков, Комитета обороны Кресов и т. п., чтобы я обязательно выезжал в Варшаву, так как еще и Варшаве, а не только в Вильно, решается судьба аграрного закона.

Таким образом, пора действовать еще и в Бельведере. Я вынужден был подчиниться, купил новый билет и, преодолев невероятно тяжелые паспортные формальности и такую же тяжелую дорогу, 22 июня утром приехал в Варшаву, окутанную атмосферой забастовок и министерского кризиса. Не откладывая, я отправился в Бельведер, чтобы при посредничестве Цара, шефа бюро, быть как можно скорее заслушанным Главой государства. Цар, человек вежливый, выразил сомнения в том, что это удастся, так как Глава государства поглощен вопросами кризиса в министерствах (как раз рассматривалась кандидатура В. Грабского на должность премьера), но послушав мое представление, обещал представить Пилсудскому. Я оставил свой адрес и телефон, но, прежде чем вернулся домой, по телефону мне уже сообщили, что Глава государства примет меня 24-го в 1.30 после обеда. На следующий день в 2 часа на улице Долгой, 50, собрались все те, по чьему требованию

я приехал в Варшаву. Я высказал им свои взгляды, которые, впрочем, совпадали с их мнением, от них получил некоторые рекомендации по предстоящей встрече в Бельведере и сожаления, что аудиенция будет очень короткой, так как в 2 часа в Бельведере – уже завтрак, на который адъютанты очень активно приглашают Главу государства, точно придерживающегося времени. Господа эти принудили меня из Бельведера ехать прямо к ним, чтобы рассказать об итогах встречи.

24 июня 1920 г. За четверть часа до назначенного времени я был уже в Бельведере, двор которого был заставлен каретами и автомобилями. Одни говорят, что это какие-то иностранные миссии, другие – что это по причине министерского кризиса. Подходит мое время, но меня никто не приглашает. В голову приходят воспоминания о князе Константине и ноябрьской ночи, потом о пребывании русских самодержцев; часы бьют 2 часа, слышу, как в соседней комнате отправляют к Начальнику сообщить о завтраке. Неужели я должен здесь сидеть, пока они не закончат?

Сравниваю с тем, что у высочайших сановников в Петрограде так долго ждать мне не приходилось, но ведь на то оно и демократическое правительство. Как вдруг входит адъютант и ведет меня в кабинет Пилсудского. Признаюсь, что мне было интересно увидеть это лицо в морщинах, взглядом из-под лба, как это обычно представлялось на портретах, написанных маслом. Я увидел человека среднего роста, почти без морщин, с лицом скорее налитым, оливкового цвета, немного даже монгольского типа. Подав друг другу руку, мы сели в два рядом стоящие кресла. Начался разговор, который, несмотря на обеденное время и топанье адъютантов за дверями, продолжался около часа и который я сам прервал около 3-го часа, не желая злоупотреблять временем.

Начал я с того, как неделю назад отправился в Минск к генералу Шептицкому за ближайшей информацией после прорыва фронта на отрезке Лепель – Будслав – Глубокое, чтобы найти у него слова правды и поддержки о делах на фронте, чтобы прекратить панику в Минске и дать возмож-

ность продолжить работу различными общественным организациям. Так и теперь прошу у Главы государства поддержки, чтобы преодолеть еще большую подавленность, которая одолевает помещиков в связи с проектом аграрных реформ, начатых Осмоловским по приказу Главы государства. Эта подавленность все усиливается, так как разрыв фронта уже на второй день может быть ликвидирован силами контрнаступления, тогда как законодательный проект всегда предусматривается на длительное время.

Я обратил внимание на то, что уже второе поколение на Кресах выросло под ярмом «исключительных прав» и в своем катехизисе имеет запись о том, что главным, антинародным грехом является избавление от земли; каждый, кто пережил Муравьевых, Кауфманов, Оржевских и других правителей и сохранил почти не нарушенным состояние польских владений в Беларуси, наконец-то дождался польского правления, но нам и не снилось, что может на нас упасть как гром среди ясного неба удар со стороны «Матежи». Нам трудно поверить в то, что польскому солдату было приказано добывать Кресы для того, чтобы сократить там площадь земель, находящихся в польских руках.

Не вдаваясь в подробности проекта, на скорую руку начертанного Домбским, надо принять во внимание, что сам момент начала реформы выбран неудачно. Без сомнения, Глава государства знаком с принципом бетонных построек; тонкая и с виду ненадежная железная сетка придает этим конструкциям главное наполнение, такой сеткой в армии, стоящей на Кресах, является помещичья молодежь с Кресов, без которой армия наша поддалась бы большевизму. Прошу Вас проехать по нашим дворам на Беларуси и вы не найдете в домах ни одного сына; все сидят в окопах, знают, за что сражаются и понимают, какое значение имеют восточные Кресы для государства. Ведь это наши сыновья поддерживают дух армии.

Отцовскую землю у них отобрали большевики, они кровь свою проливают, чтобы ее отвоевать и сложить у ног своих родителей. Неужели до них должна дойти весть, что

когда они выгонят врага за рубежи, по возвращении домой, увидят то, что отцы их через все времена исключительных прав сохранили, и за что сыновья головы свои сложили, польское государство у них забрало. В настоящее время вопросом жизни для государства является государственный заем, который мы стараемся поддерживать на Кресах. В этих условиях можно ли требовать от помещика, которого лишают отцовского наследства, чтобы, теряя свою мастерскую, он лишался еще и наличных денег из кармана?

Может, Вы думаете, что только сыновья так жертвенны, а отцы не достойны вашей поддержки? Прошу вас проехать по нашим дворам и увидеть, что мы сделали, вернувшись 9 месяцев тому назад домой, после нашествия большевиков, без инвентаря, без орудий производства и какой-либо помощи государства: мы сумели вспахать, посеять и земля у нас почти не простаивает...

Здесь Пилсудский, который с явным нетерпением слушал мои доводы, резко перебил: «Никакие, даже самые убедительные “общие слова” не изменят моей точки зрения, а также никакая статистика (о которой я ни разу не вспоминал) не собьет меня с толку. Помещики совершенно не работают на земле, только пришивают орлов на шапки и пуговицы к мундирам, чтобы занять хорошо оплачиваемые должности в правительстве. Земля лежит и простаивает, порастает березками, а страна – без хлеба!»

Я терпеливо выслушал этот взрыв, но когда он закончил, то сказал: **«Господин Начальник, я впервые в Бельведере, поэтому не удивляюсь, что Вы меня не достаточно знаете, но те, кто меня знает, уверены, что пустыми фразами я не оперирую, а за каждое мое слово привык отвечать».** И признаюсь, что при этих последних словах рукой сгоряча о стол ударил.

Этот эпизод имел действие, сразу же изменилась вся атмосфера разговора. Видимо, Пилсудский привык общаться преимущественно с теми, кто его окружает, от него зависит и чего-то ожидает, а здесь неожиданно столкнулся с человеком другого склада, независимого, и начался разговор, я бы сказал, соседский, или скорее академический между людьми

различных взглядов и убеждений. Он объяснял мне, что класс помещиков должен сойти с поля национального быта, что всюду большая собственность уходит с арены и т. п., что я отлично понимал, но хотел, чтобы эти метаморфозы прошли как на Западе, а не по большевистскому образцу.

Я объяснял ему, что я вовсе не противник аграрной реформы. Да, я даже скорее согласен проводить ее с Пилсудским, с Главой государства, с которым всегда можно каким-либо способом договориться, чем с суверенными «безграмотными» из Сейма, в который вошли бы еще депутаты из Беларуси, выбранные 4-м голосованием и т. д.

В ходе дальнейшего разговора Глава задал мне вопрос: «Может Вы не знаете, что *я сам родом из тех же кругов, что и Вы*, поскольку семья моя испокон веков осела в Литве, мы могли бы быть там даже язычниками, а Вы наверняка были русином». Я ответил, что знаю, что из тех же кругов, но даже и лучших, потому что у меня только 1500 десятин, а у Главы, как я знаю, было 9000 десятин, о чем я когда-то узнал, будучи в Вильно. А в том, что я не «зубр», Начальник мог убедиться по тому, какую позицию я занял на конференции в Вильно по вопросу раскрепощения мелких арендаторов, что он с удовольствием подтвердил.

Когда наш разговор перешел на иные темы, я посмотрел на часы и увидел, что уже не 2, а уже 3-й час, первым встал и, чтобы не уходить ни с чем, просил Главу государства о следующем: когда редакция аграрного закона будет окончательно доработана в Вильно, то прежде чем его окончательно подписать, он должен согласится созвать представителей помещиков для совместного окончательного рассмотрения дела. Глава ответил, что насколько это будет возможно, он выполнит мою просьбу, выразил удовлетворение, что познакомился со мной. И, как мне показалось, мы дружески пожали друг другу руки при прощании.

Возвращаясь к себе, я приводил в порядок свои впечатления. Были они скорее отрицательными. Безусловно, это должен решать человек неординарный. А это скорее был человек партии, а не настоящий государственный деятель. Ведь в моей жизни я часто сталкивался с людьми, которые

в управлении государством играли решающие роли. Выходя от них, я чувствовал, что имел дело с людьми, у которых есть какое-то глубокое содержание, что-то новое, сильное, что мне нравилось, несмотря на то, что иногда это было совершенно противоположно моему мировоззрению. В том, что я от них слышал, было что-то, что заставляло задуматься. Здесь я встретился с доктриной, а не с аргументами, которые разрушали бы мои предпосылки.

Естественно, возвращаясь из Бельведера, я должен был отправиться с отчетом к ожидающим меня представителям наших общественных варшавских организаций. Получив их разрешение, я вернулся домой в Савичи, привезя с собой, к сожалению, в купленных на станции курьерских сообщениях первые тревожные известия о взятии Жмеринки, Козатины, Житомира, Бердичева и т. п., за которыми пошли: Речица, Мозырь, Калинковичи и остальные.

5 июля 1920 г. Мы были в Белевичах в гостях у семьи Зенона Доманского на 20-летней годовщине их брака. Записываю этот факт, потому что это была последняя соседская встреча, которая прошла в прежних условиях помещичьего благосостояния. С фронтов поступали тревожные вести, которым не хотелось верить. Мы находились в безнадежном положении. Проезжая через знакомые поля и деревни, через Борки, в которые вложено 32 года тяжелого труда, ловил себя на мысли: не вижу ли я эти окрестности в последний раз. Отгоняя эти опасения, я не предчувствовал, что так быстро они станут явью. Так, *6 июля 1920 г.* вечером, когда я вернулся из Пузова в Савичи, около 10-го часа появился постовой жандарм из Тимкович с распоряжением от Слуцкого старосты, эвакуировать наше имущество с инвентарем, чтобы они не достались большевикам. Наши обозы должны стоять 8 июля в 10 утра в Киевичах, откуда вместе с другими беженцами мы должны отправиться в Слонимский уезд. **Это известие упало на нас, как гром среди ясного неба, а поскольку моя повозка была запряжена, мы с женой отправились на наш курган, чтобы проститься с теми, кто там почивал и просить Господа, чтобы позволил и нам когда-нибудь сложить свои головы там, в уже**

заранее приготов-ленных катакомбах.

После ночи, проведенной без сна в воспоминаниях, мы принялись собирать и упаковывать самые необходимые вещи. А тем временем управляющий Савичей Дмитрий Шкутько и эконо́м из Пузова Константин Ярмолинский, которые вызвались нас сопровождать, стали ковать лошадей и заниматься повозками и упряжью. Для того, чтобы избежать скопления народа на дорогах, мы решили выехать в этот же день вечером вместе с сестрой маршалка Оттона Хорвата, что и было сделано *7 июля 1920 г.* в 8.30 вечера.

После 350 лет владения землей в Савичах, таких любимых и живущих в воспоминаниях стольких поколений, мы покинули родную отчизну, однако с внутренним чувством исполненного долга относительно своего наследия.

Второй раз мы вынуждены были уходить от большевитского нашествия, но этот отъезд тем отличался от предыдущего (2 декабря 1918 г.), что проходил он открыто, о нем знал весь двор и местное население. И, надо сказать, – выезд из Савичей, дорога через нашу деревню Братково, пузовский двор были скорее триумфальной процессией, чем бегством. Все собравшиеся на дворике перед замком и у ворот с плачем и благословлениями прощались с нами, а в деревне крестьяне, собравшиеся у хат, кричали: **«Пусть пан быстрее возвращается!»**

Было это совершенно понятно, все знали, что за нами приедут сюда большевики, а это грозит поборами в армию, реквизициями, убийствами и грабежами. Естественно, были и анархические настроения, ожидание безнаказанности за всякое самовольство, но они не подавали еще голоса. Мы выехали четырьмя фургонами, запряженными парами лошадей. Была одна рессорная бричка и две одноместные, в одном фургоне ехал Дмитрий, в другом Ярмолинский, в третьем служанка моей сестры Маня Скородько, в четвертом я; бричкой правила моя жена, а кони в одноместных бричках были прицеплены арканами к едущим впереди них фургонам. Можно себе представить, какое это было путешествие по небывалой жаре: слепни немилосердно

жалили лошадей, плохая упряжь постоянно рвалась, люди были измученны постоянным бодрствованием, потому что ехали мы днем и ночью, останавливаясь каждые 5 – 6 миль, чтобы выпасти лошадей. Некоторые лошади были даже не подкованы, поэтому сбили ноги по так называемому Московско-Брестскому шоссе. После отдыха в Сенявке, Миловидах, Ивацевичах, Березе Картузской, Запрудах, только на 4-й день мы остановились в Атечизне, имении моего племянника Эдварда Бельского, расположенной в 16 верстах за Кобрином по направлению к Бресту, более чем в 30 верстах от Савичей. Нас встретили и приняли со старопольским гостеприимством, родственной сердечностью. Мы решили отдохнуть здесь какое-то время и подумать о нашей дальнейшей судьбе, ожидая, когда приедет сюда моя сестра Костровицкая, тоже спасающаяся от большевиков.

19 июля 1920 г. Приехала сестра Костровицкая из Белой Седлецкой, где провела несколько дней, напрасно ожидая свои сундуки, которые где-то затерялись во время эвакуации из Минска. Атечизна, находящаяся у самого шоссе, со всех сторон окружена обозами беженцев, мародерами и отдельными группами отступающих солдат. Мародеры забирают по дороге коней, а потом продают их за что придется в упряжи и с реквизированными повозками, чем, естественно, обижают и раздражают сельское население. Проинформированные об этом жандармы преследуют их и отбирают награбленное, но редко конь возвращается к своему настоящему хозяину. Наезжают также и казаки, которые под Лидой перешли на сторону польской армии, так называемые «балаховцы», они оставляют своих измученных лошадей, а у местных забирают лучших.

22 июля 1920 г. От властей Кобриня поступают все более тревожные вести. Рано утром мы покидаем Атечизну, отправляясь с обозами через Жабинку по Яновскому шоссе за Буг, где якобы должно быть спокойней. Проехав 8 миль по странно пустому и безжизненному краю и минув верстовой столб на Буге, протекающем среди исключительно красивой и живописной долины, мы пересекаем границу прежней Конгресувки, на территорию которой, по

предположению, не должны вступить отряды большевиков в результате давления Коалиции.

Ночлег в Пратулине, имении графа Якова Потоцкого, арендуемом г-ном Заборовским, но разоренном немцами так, что повозки и лошади ночуют под открытым небом, а мы – в сарае, на сене, вместе с местными батраками. Красивый и чистый небольшой каменный костел, построенный на месте деревянного, некогда униатского, какое-то время находился во владении православных священников, которые даже в ограждении кладбища оставили пару надгробий с русскими надписями. По рассказам местных жителей, униатское население Пратулина силами армии обращалась в православие, при этом проливалась кровь и были жертвы.

23 июля 1920 г. Мы доехали до Телешницы, прекрасного имения Росенвертов. Дом, а скорее одноэтажный дворец в станиславовском стиле среди парка, напоминающего Лазенки. Владелец – известный и широко ценимый общественный деятель, к тому же хороший хозяин. В имении винокуренный завод, ректификация, паровая мельница, лесопилка, кирпичный завод и т. д. Хозяйка из дома князей Святополк-Мирских, мать четверых крепких парней, замещающая дома мужа во время его постоянных выездов, приняла нас по старопольскому обычаю, не желая и слышать о каких-либо счетах. Я встретил там Брындзу-Нацкого, депутата Думы со времен моего пребывания в Государственном Совете.

27 июля 1920 г. Здесь было бы очень хорошо, если бы не все более тревожные известия с фронта о приближении большевиков, о взятии Гродно, Соколки, о все большей деморализации армии, о целых отрядах дезертиров, которые все чаще дают о себе знать местному населению. Наши хозяева начинают собираться, придется и нам уехать, только неизвестно куда, к кому, в какую сторону. Настоящие бездомные люди.

30 июля 1920 г. Мы выехали из Телешницы через Белую в Воронеж Святополк-Мирских. По дороге догнали государственное стадо, эвакуированное из Янова; ужасная слякоть уничтожила все наше движимое имущество, увезенное нами из Савичей, Хорватовой из Пузова и

Костровицкой из Минска. Неисчислимы потери уже только одного нашего имущества. Поздно вечером добрались до Воронца под гостеприимный кров князей Мирских из Фрагетов.

31 июля 1920 г. Из Воронца через Междуречье мы доехали до Турова, имения Анджея Потоцкого, которое арендует г-н Бонтемпс. *1 августа* ранним утром мы прибыли в имение Бяльцы, оставленном хозяевами, и остановились на день, чтобы отдохнуть и подковать наших уставших лошадей.

3 августа 1920 г. Остановились на ночлег в Полечнице под Любартовом у Хроминских, где не только мы, но, что редко случается в Королевстве, и люди наши были накормлены и досмотрены.

4 августа 1920 г. Через Любартов и оживленный Люблин, в слякоть, под ударами грома мы добрались и остановились на ночлег в Вержховине Козьмянов, богатой господской резиденции.

5 августа 1920 г. После недолгой дороги мы остановились на ночлег в Файславицах Флерковских, где на следующий день, 6 августа, были на службе в костеле, недавно отстроенном после разрушения, и где гостеприимство хозяев оказалось выше всяких похвал. Брат хозяина был делегатом от Волыни в I Государственную Думу. Вечером того же дня, после длинной и очень тяжелой дороги по окольному пути мы добрались до Бзовца, где нас ждала и встречала наша любимая и почтенная племянница Элиза Могильницкая, и где мы собирались отдохнуть подольше.

К сожалению, в воскресенье, *8 августа*, приехал поручик Ржуховский с известием, что Брест занят, большевики перешли Буг в Свержбе. Староста Красного Става дал распоряжение эвакуировать дворы. Несмотря на то что лошади и люди были измучены, мы вынуждены были собрать наши вещи и *9 августа* выехать из Бзовца через Туробин в Хржанов, где в здании правления волости нас гостеприимно принял писарь. Ночь мы провели не очень спокойно, потому что был слышен непрерывный грохот военных обозов, отступающих из Рева к Янову. А ранним утром была реквизиция лошадей, в результате которой мы еле не

потеряли пару и наших, тогда дальнейшее передвижение было бы невозможным. Писарь рассказывал нам, что мужики страшно потрясены существующими порядками, из армии убегают и с нетерпением ждут возвращения российских властей, о чем мы и сами могли догадаться, слушая разговоры в пути.

10 августа 1920 г. Проехав Янов, остановились в Модлиборжицах (замке), имении моего коллеги по Государственному Совету Константина Пржевлочского, принятые гостеприимно его доверенным г-ном Киверским. Здесь остановились отдохнуть на день. Потом, на следующий день, 12 августа, прибыли в Гостерадов, имение по записи Суходольских, находящееся в собственности Варшавского благотворительного товарищества, где провели несколько дней, чтобы подковать лошадей, очень измученных долгой дорогой по шоссе. Здесь мы нашли несколько обозов беженцев и в условиях постоянно поступающих известий о наступлении большевиков на Варшаву, захвате с юга линии Буга и наступления на Львов, наконец, решили переехать Вислу под Аннополем по единственному в тех окрестностях мосту, искусно построенному из дерева австрийцами.

Мы опасались, удастся ли это нам в скоплении беженцев и разных военных обозов, отступающих за Вислу, а тем временем оказались почти одни на мосту, не встречая препятствий со стороны военного дозора, охраняющего проезд. Проезжали с чувством неуверенности, сможет ли эта река задержать большевистское нашествие не только на Польшу, но и на всю Европу, и отбросить его так далеко, чтобы и мы могли когда-нибудь вернуться в нашу Беларусь. С другой стороны, не имея обеспеченного или указанного где-либо места пребывания, проезжали с чувством удручающей нас неуверенности в завтрашнем дне.

В нескольких верстах за Вислой *18 августа* остановились в имении Линово, принадлежащем наследникам фабриканта, производящего известные всюду плуги «Чихоцкого». Узнав, что в Опатовском полно военных отрядов и беженцев, по совету наследника г-на Яна Чихоцкого, мы отправились вдоль берега Вислы в южном направлении к

Сандомиру. Здесь остановились в дарственном имении Мокошине, принадлежащем Пашченко-Розвадовским. Несколько десятков лет это имение арендовалось семьей Камоцких, а теперь было отобрано правительством и отдано сельскохозяйственной комиссии для парцелляции. Здесь пробыли около недели. Я очень сожалел, что не было со мной какой-нибудь комиссии Сейма, которая могла бы убедиться в том, что дают разные аграрные концепции при их реализации.

Господин Камоцкий показывал на счетах, что прежде производилось в этом сандомирском имении; в настоящее время и одной десятой части того не давало. Поля разделены, плохо обработаны, поросли бурьяном, неудобренные, не могли даже обеспечить содержание 15 лошадей. Имение не ограждено, постройки под открытым небом, не защищены даже от дождя; фруктовый сад арендует еврей, который с одного дерева снимал плоды, а другое срезал на растопку очага. Одним словом, полное опустошение хозяйства, когда-то производительного. В задачу мою не входит работа над монографией о Сандомире, которая носит на себе печать Пястов и напоминает Вавель.

Я задумывался над тем, а не возвращаются ли те времена, когда интересы государства велят больше заботиться о спасении государства от германского поглощения, о судьбе Силезии и Поморья, чем нести западную цивилизацию на литовско-русские просторы. Победит ли ориентация пястовская или ягеллонская – она будет решать судьбу моей страны во время мирных переговоров, которые как раз были начаты в нашем Минске.

На самом въезде в Мокошин мы встретили полковника Мазовецкого из штаба 4-й армии, который нам принес утешительную новость, что большевистское нашествие остановлено под Варшавой. Должно начаться наступление с нашей стороны, которым руководит присланный из Парижа генерал Уэйгант, что должно было сразу же подтвердиться, потому что начали из Сандомира приходить краковские газеты с более утешительными сообщениями об отступлении большевиков за Буг, о возвращении польских властей.

Эвакуированным из поветов Люблина беженцам разрешено возвращаться опять за Вислу, чем мы сразу же и воспользовались. Уже *30 августа* через Линов, опять в Аннополе переехали Вислу, намереваясь вернуться в Бзовец через Красник, Стражи. Проезжая Студянку, мы случайно встретились с нашей любимой соседкой из Савичей г-жой Сколимовской, от которой узнали, что генерал большевиков – Буденный, командовавший кавалерией, окружил Замостье и находится в его окрестностях.

Мы решили отдохнуть и остановились *1 сентября 1920 г.* в имении Воля Студеннича с намерением переждать наступление под Замостьем.

5 сентября 1920 г. Очень расстроены известием о неожиданном и ничем не обоснованном литовском наступлении на Сувальщине. Это работа и интрига немцев и большевиков. Дошло до нас известие об убийстве большевиками молодого С. Ржуховского, того самого, который пару недель назад передал нам в Бзовце распоряжение старосты об эвакуации Красновостовского повета.

19 сентября 1920 г. Мы выехали из Воли Студянской, проехав Туробин, остановились вечером в Бзовце под крышей гостеприимной нашей племянницы Элизы Могильницкой.

6 октября 1920 г. Я решал мелкие дела в Замостье, где, купив газету, прочитал о взятии легионами Клецка и Несвижа, а затем моих родных мест. Блеснула надежда вернуться домой, как только Минск и Слуцк будут действительно взяты, поскольку на самую линию фронта ехать не стоит.

10 октября 1920 г. Известие о взятии Койданова и Станькова, войска приближаются к Минску. Свершилось великое Божье чудо раньше, чем я мог ожидать, потому что из дома выезжал с чувством безнадежности.

ХІ

13 октября 1920 г. Сегодня мне исполнилось семьдесят три года, никогда раньше в этот день мне не было так грустно. Я узнал о подписании в Риге мирных инициатив, согласно которым восточные пограничные губернии и Минск – столица Беларуси остаются в руках большевиков!!! Чудовищное явление: Польша перечеркнула свою культурную многовековую деятельность, осуществляемую на восточных землях; миссия закончена «мавр может уходить».

Более ста лет после разделов Польши мы сохраняли в Беларуси католическую веру, польскую идею, национальные традиции, терпели «особые права», преследования, кровью обозначили границы 1772 г. В последнее время мы посылали в армию лучших своих сыновей, на ее нужды передавали последние плоды земли-кормилицы, государственному займу – всю наличность. И после всего этого в мирных требованиях Польша отрекается от Минска, где пропадает весь наш титанический труд, взять хотя бы наше «Аграрное общество», «Взаимное страхование», «Городское кредитное общество», «Матеж», школы, школьные пункты. Неужели этот тяжелый, кропотливый труд нужен был для того, чтобы все свести к нулю не вследствие военных неудач, не в связи с сопротивлением врага, а в результате непони-

мания всей значимости наших восточных земель для укрепления государства? Ради того, чтобы наша комиссия на мирных переговорах в Риге не то, чтобы «должна была уступить», а с самого начала в принципе «не хотела отстаивать Минск». Нам будет стыдно дома «глаза показать». Мы стали пионерами идеи, не признанной даже самой метрополией, которая от нас отеклась и тяжело за это поплатится.

Польша теряет свои земли, которые могла бы освоить благодаря политике перемещения населения из густонаселенной части, а расчленяя Беларусь, она создает вечную ирреденту, как будто пример Восточной Галиции не является наглядным. Вечный позор комиссии, состоящей не из государственных мужей, а образованной согласно партийным принципам распределения Сейма, который несет всю ответственность за существующую анархию в Польше, за внешние и внутренние проблемы государства; Сейма, который еле собрал кворум при ратификации Версальского трактата, и сплоченными рядами сидел при рассмотрении вопроса о покосах отавы клевера в Галиции. Это не что иное, как новый, четвертый, раздел Польши, предложенный самой же Польшей. Однако первый, названный преступлением, раздел не отрезал от организма Польши столько, сколько сегодняшняя комиссия в Риге добровольно передала большевикам. Ведь никогда Сейм Польши, созданный после разделов, не заявлял твердым голосом о правах Польши на границы 1772 г. В отличие от Франции, которая постоянно помнила об Эльзасе и Лотарингии и «без всяких плебисцитов» постоянно заявляла о своих правах на эти земли.

14 октября 1920 г. Сама жизнь опередила наши мечты и доказала полную несостоятельность российских махинаций. Газеты сообщили о вступлении в Минск казачьего отряда генерала Балаховича, и Литовско-белорусского корпуса генерала Желиговского в Вильно. Первый хочет создать «Белорусскую Речь Посполитую», а второй – аналогичную «Центрально-Литовскую». Беспомощное правительство и Сейм не знают, что с этими фанатами делать. Потеряли «золотой рог» и пусть теперь удавятся на веревке. Забастовка на железной дороге помешала быть в

курсе последних новостей.

20 октября 1920 г. Согласно проверенной информации, граница, обозначенная на мирных переговорах, проходит на восток от Несвижа, а, точнее, между Несвижем и Тимковичами, между Клецком и Тимковичами, далее следуя к реке Лань. Здесь мое родовое гнездо, которое остается у большевиков. Господу Богу было угодно, чтобы я сложил свою голову, бездомный и со скромными средствами на закате своего бытия...

22 октября 1920 г. Я должен ехать в Варшаву, вызванный опоздавшей на два дня телеграммой Романа Скирмунта. Не знаю, что можно еще сделать, но «назвался груздем – полезай в кузов». Послезавтра вышлю в Савичи своего управляющего Дмитрока, чтобы получить точную информацию о том, что у нас происходит.

23 октября 1920 г. Штурмуя вагоны, переплачивая носильщикам и извозчикам, мне удалось вечером через станцию «Русские пески» попасть в Варшаву. Я приехал около 7 вечера. Город поразил своими пустынными улицами: людей было мало даже в самых оживленных местах. При слабом газовом освещении создавалось впечатление мертвого города, несмотря на его перенасыщенность населением, о чем свидетельствовало отсутствие мест в гостиницах и частных квартирах. Вероятно, большевистская оккупация и ужасная дороговизна наложили свой отпечаток даже на суетливый город. Окна кафе и модных ресторанов не сияли переполненными гостями залами.

24 октября 1920 г. Попал на многолюдное собрание «Союза поляков белорусских Кресов». Там я узнал, что «суверенный Сейм» единогласно утвердил позорные условия Рижского договора; не нашлось там ни одного Рейтана, который выразил бы протест против четвертого раздела страны. И с чего теперь начинать полякам в Беларуси? Польская идея, пионерами которой мы там стали, не оправдала себя, поскольку сама же Польша отказалась от восточных областей. Белорусы нас не поймут, поскольку мы сами, жалуясь на протяжении стольких лет на раздел государства между тремя соседями, теперь, не спросив

белорусов, расчленили их страну. Зал был набит до отказа, присутствовало около 500 – 600 человек. Собрание продолжалось, а на лицах – безнадежная усталость и обида. Меня, несмотря на мое сопротивление, единогласно выбрали председателем собрания. В своем выступлении я затронул тему перемены настроений, которую предчувствовал еще в прошлом году. Когда я не один раз подчеркивал, что уровень Сейма и правительства не соответствует стоящим перед ними задачам, в ответ раздавался неодобрительный гул собрания. Сегодня же должен был сглаживать проявления возмущения и негодования, обнадеживая собравшихся, что если в Сейме мы услышим не голос партии, не голос одного класса, а голос народа, не может быть, чтобы не проснулось сердце Польши и ее совесть, и чтобы она не вступилась за свои восточные земли.

Гвоздем собрания был отчет Мирослава Обезерского, делегированного в Ригу благодаря стараниям наших кресовых организаций Министерством внутренних дел как эксперта по белорусскому вопросу. Он отчитывался публично, не боялся опровержений и доказывал, что Иоффе охотно уступал восточные земли до Днепра и Двины. Однако Грабский, который вел переговоры за плечами делегации, пришел к заключению, что Польше раз и навсегда необходимо избавиться от этой «белорусской язвы», и удовлетворился линией сегодняшнего перемирия, которая покидала Минск большевикам и проходила около Несвижа на полпути между Несвижем и Тимковичами до реки Лань, а по ней до Припяти.

Эксперты и военный генерал Кулиньский не были приглашены, чтобы высказать свое мнение, а вице-министр Домбский, как говорят его недоброжелатели (возможно, не всегда правильно до конца), только ручки менял, выписывая кренделя, вырабатывая красивый почерк для последующего подписания окончательного варианта документа. Для Сейма было важным, чтобы каждая партия была представлена в составе делегации, а будут ли это политически и дипломатически грамотные люди, никто не заботился. Зато сполна этими достоинствами могла похвастаться большевистская

делегация во главе с Иоффе.

После выступления Обезерского общее собрание приняло резолюцию, в которой было отражено возмущение населения восточных земель, населения, которое использовали в расчлененной стране в деле возрождения Польши, а в решающий момент этой же Польшей и проданное. Принятая резолюция, скорее всего, дальше архивов не попадет, так как ни одно варшавское издание сегодня даже не вспоминает о восточных землях, как не вспоминает о тех, кому нанесли обиду. Выступал также Р. Скирмунт, приводя наглядные примеры настроения населения в местах, покинутых большевиками, которое, находясь под свежим впечатлением от пережитого, наверное, охотно повернулось бы в польскую сторону.

Собрание длилось в тяжелой атмосфере с 5 до 10 часов вечера и разошлось, поручая президиумам кресовых организаций самим заботиться о своих проблемах. С совершенно иным настроением, наверное, слушало собрание отчет Иоффе в Кремле, на котором тот хвастался тем, что получил в Риге больше, чем ожидал, что наконец-то Польша отреклась от ягеллонской идеи, а первый Сейм свободной Польши утвердил раздел государства, против чего народ сражался свыше ста лет. После принятия собранием постановлений у председателя Кеневича проводились длительные заседания. Последнее – с участием В. Рачкевича, начальника «прифронтовых и этапных территорий», недавно назначенного вместо Осмоловского, великого правителя «Восточных земель», который там после себя не покинул хорошей памяти ни как администратор, ни как организатор. В. Рачкевич, наоборот, заявил о себе как гибкий и любящий свое дело политик.

Прерогативы власти как одного, так и второго основательно отличались: Осмоловский подчинялся только Главнокомандующему в лице Пилсудского, а Рачкевич – министру внутренних дел Скульскому. В связи с этим первый не зависел ни от правительства, ни от Сейма, что не столько было важным для него лично, сколько предопределяло отношения между управляемыми территориями и государ-

ством. Как в Сейме, так и в общественных кругах Конгрессушки, а также на самих Кресах по-прежнему существовали две концепции, о которых я не один раз упоминал. Представители первой были сторонниками аннексии, за которую выступали приграничные уезды на Гродненщине, включая большую часть Виленской губернии. Представители второй ориентировались на унию (широкую автономию), за которую выступала вся Беларусь. Варшаву будоражили различные версии (которые в последующем не подтвердились), что подобно Желиговскому в Вильно путем мятежа, а в самом деле, с благословения и при помощи правительства, генерал Балахович занял Минск и Беларусь и собирается заявлять о своем самоопределении. Даже временное правительство уже почти создано, в его состав включены: я, Р. Скирмунт, Ежи Чапский и Ольгерд Свида, что уже было явным преувеличением, поскольку Балахович находился в это время между Пинском и Мозырем. В Минске после подписания перемирия расстреляли 140 человек, фамилии которых были переданы Рачкевичу. Вот он, первый результат рижского перемирия.

Создание Российско-польского общества

Кроме того, в Варшаве под эгидой графа Тышкевича и по инициативе Савинкова, Мережковского, Философова и других, было создано Российско-польское общество. Общество поддерживало отношения с генералом Врангелем и не признавало Беларуси, а при условии непосредственной российско-польской границы стремилось при левой ориентации к созданию так называемого «modus vivendi» (*временный договор*). Обязательным при этом становилось начертание определенной «*ligne de conduite*» (*линии поведения*) для населения восточных земель, отвергнутого Польшей на основании Рижского договора, отклоненного также и белорусами, которые не разделяли точку зрения Польши, расчленявшую Беларусь.

После длительных и изнурительных дискуссий мы пришли к заключению, что необходимо придерживаться

концепции границ 1772 г. с небольшими уступками, и в ее рамках предоставить бывшим землям ВКЛ широкую автономию. Эту концепцию мы всячески должны были пропагандировать в общественных и правительственных кругах, кто как может и умеет. С этой мыслью я направился в Бельведер, чтобы записаться на аудиенцию к Главе государства и в Министерство иностранных дел к вице-министру Эразму Пильтцу как к одному из наиболее влиятельных лиц в Министерстве.

До отъезда у меня было несколько дней, но то ли в связи с тем, что Пилсудский уезжал куда-то, то ли я ему примелькался, но в Бельведер меня никто не пригласил. Зато у меня была трехчасовая аудиенция с Пильтцем, которого я знал давно, еще со времен редакции «Края» и профессора Спасовича, с которым виделся последний раз, кажется, на Лидо. Мы разговаривали о том, что можно сделать в данный момент, чтобы повлиять на решение пограничного вопроса в лучшую сторону, именно сейчас, при ее обозначении на местах, а затем, при подписании постоянного перемирия.

Создание комиссий

В связи с этим мы настаивали на создании комиссий из представителей местных землевладельцев при обозначении границы, и чтобы в состав делегации при подписании мирного договора вошли представители кресовых организаций с правом голоса. Пильтц, после того как выслушал все мои доводы, которые я дополнительно изложил в сжатом виде в письменной форме, заверил, что полностью поддерживает меня и приложит максимум усилий, чтобы обеспечить удачное решение этих вопросов. А в связи с моим убытием, попросил назвать контактное лицо, к которому он мог бы обращаться за информацией. Я назвал Обезерского, как нашего делегата в Риге и, в свое время, председателя Польско-белорусского общества. С этим я и отправился на следующий день утром из Варшавы в Бзовец, где имел намерение дожидаться вестей из дому от управляющего, который туда уехал.

Проект пограничной линии

Для уточнения хочу добавить, что деятельность, направленная на экстренное изменение границ в юго-восточном направлении от Минска, уже велась несколькими источниками. Несвижский майорат представил министру иностранных дел Сапеге подкрепленный планами и документами проект пограничной линии, которая проходила бы от Минска по реке Птичь в южном направлении, за Припять. Он включал все земли Несвижского и Давид-Городокского майоратов, на сегодняшний день разделенные линией перемирия. Например, Замок в Несвиже оставался за Польшей, а десятки тысяч десятин земли отходили к большевикам. Второй проект границы от реки Птичь к реке Случь вместе с картой был передан через Рачкевича министру Скульскому, копию которого я отправил Пильцу.

В проекте говорилось, что все усадьбы шляхты, которые дали массу добровольцев польской армии, в игуменско-минских и случких окрестностях были бы этой линией охвачены и не подвергнуты большевистской мести, что особенно важно после известных минских расстрелов. В-третьих, рижская граница проходит исключительно по суше, что требует около 100 пограничников на версту, в то время, как граница по реке требует всего лишь 10. При этом Рачкевич обращает внимание на то, что линия реки Случь дает примерно 250 000 десятин земли, принадлежащей Агаркову и другим русским новым собственникам, которая могла бы пригодиться для целей колонизации. Возможно, даст Бог, и мои родные Савичи и Пузово будут находиться в пределах Речи Посполитой. Одновременно я получил известие о том, что крыша и верхний этаж моего дома в Минске снесены взрывом; в Савичах сгорел винокуренный завод, а люди, которым можно было доверять, разошлись. Хозяйство разрушено. Боюсь, что даже в самых лучших обстоятельствах мне вряд ли удастся найти силы и средства, чтобы привести все в порядок.

30 октября 1920 г. Во время моего пребывания в Варшаве я наблюдал большую демонстрацию: по улицам

шли колонны с флагами и транспорантами с надписями: «Да здравствует Сенат!», «Вильно – наше!», «Вильно, Минск и Каменец-Подольский должны быть нашими!». О последней надписи пресса умолчала – Кресы не были в моде.

2 ноября 1920 г. Траурное богослужение на кладбище в Хланеве в каплице Могильницких, мороз 10°C с ветром. В дополнение к своему отчету я должен сообщить, что в Варшаву приезжала делегация мелких минских собственников и мещан с петицией к Пилсудскому о включении Минска в линию перемирия. Они должны были получить аудиенцию после возвращения Пилсудского, который якобы ездил на Южный фронт на встречу с Петлюрой после того, как большевики разгромили Врангеля.

У делегатов была просьба, ими же самими сформулированная, об убедительной поддержке Кресов. Тяжелее всего было для польского сердца услышать из их уст нарекание: «А мы, паночку, тем полякам так верили...». Они рассказали об аресте в Вильно графа Тышкевича и его вывозе большевиками в Минск после передачи Вильно в руки литовцев, где он содержался в подвале дома моей сестры Костровицкой. Весь дом был занят удовлетворением нужд главной «чрезвычайки». Членов рабочей делегации, приехавших из Вильно с требованиями освободить Тышкевича, заключили в тюрьму, а Тышкевича вывезли в глубь России. Сообщалось о 2 000 вынесенных смертных приговорах в Минске.

6 ноября 1920 г. В полученных сегодня курьерских новостях излагались подробности победы большевиков над Врангелем, силы которых были укреплены отрядами, освободившимися на белорусском фронте благодаря Рижскому перемирию и направленными на юг. А теперь, после разгрома Врангеля, они опять пойдут на Польшу. Повторится история семилетней войны, когда Фридрих бил поочередно каждого из союзников, которые не могли договориться между собой.

7 ноября 1920 г. Вчера я был в Сухрове – имении, принадлежащем Тешковскому, сыну Августа. Дворец в стиле ампира, с фресками на стенах и потолках. Телеграммы от

генерала Балаховича и Савинкова к Пилсудскому, напоминающие о борьбе с большевиками за «независимую Беларусь». Здесь же – обращения Ленина и Троцкого с угрозами новой большевистской войны против Польши. Все это свидетельствует о том, что мировой хаос затянется надолго и неизвестно еще, где нам придется сложить свои головы.

16 ноября 1920 г. Врангель разгромлен полностью. Теперь советские войска смогут разбить Петлюру и Балаховича, а затем свои силы перебросить на польский фронт, чего они и не скрывают. Иоффе в Риге уже на другом языке разговаривает с польской делегацией. В Варшаве же развлекают толпы людей церемонией вручения маршальской булавы Пилсудскому. Никто не умеет так «демонстрировать», «манифестировать», как Варшава, а здесь «Hannibal ante portas» (*Ганибал у ворот*). Пилсудский, не принятый «эндэцией», в поисках поддержки, все заметнее склоняется к левым. Сейм с каждым разом себя дискредитирует все большими скандалами, а Сенат хочет превратить в послушное орудие в своих руках при помощи избирательной системы.

18 ноября 1920 г. В связи с подтвердившимися печальными известиями о потерях в Савичах и Пузове и донесениями газет об отступлении польских войск к линии перемирия, решил поехать на место, чтобы попытаться что-нибудь спасти в доме и вернуть хоть какие-то средства на жизнь. Я направился в Красностав за пропуском комиссариата или старосты.

20 ноября 1920 г. Еду в Замостье, чтобы сделать прививку от тифа и холеры, так как без справки уездного доктора не продают железнодорожный билет.

27 ноября 1920 г. Из Бзовца я выехал 23 ноября, и только 26-го был в Савичах. По дороге из Несвижа, за несколько верст от дома, я встретил двух уланов, едущих из Тимковичей. Они не советовали мне ехать дальше, поскольку уже последние польские войска прошли через Тимковичи, и польские органы власти покинули их. Огромная территория страны передана большевикам, и в эту «полудикую» зону входили мои Савичи. Но, преодолев такой путь, после таких

мучений, повернуть обратно в нескольких верстах от дома я не смог, тем более, покинув в Савичах заранее подготовленный для себя гроб и имея на савичских полях наши семейные курганы. Я по-прежнему думал, что голову сложить мне суждено здесь. Но судьба распорядилась иначе. Похоже, что мое время еще не пришло.

Мой управляющий Дмитрок, который, вроде бы, должен был оставаться на польской стороне, из Савичей перебрался в Пузово. В Савичах я пробыл три часа, заглянул во дворец, разрушенный внутри и перепачканный следами большевистского пребывания, а еще больше бесконечными заездами и ночлегами польских солдат. Остатки мебели сломаны, ни одного матраца, ни исправного инвентаря. Я попытался найти спрятанное серебро и другие ценности, но безрезультатно. Закопанное в погребе спиртное было украдено, окна разбиты. Люди, пришедшие поздороваться со мной, напуганы, неуверены в завтрашнем дне.

Настроение далеко не оптимистическое по сравнению с прошлым годом, когда я с ними встречался после первого «наезда» большевиков. За эти пять месяцев многие умерли от тифа. Винокуренный завод был сожжен. Тяжело было возвращаться на порог дома уже почти не хозяином, а «вором», преследуемым одной мыслью – что еще можно было бы спасти. Задержался только на три часа и направился в Несвижский замок, встречая по дороге множество крестьянских телег, везущих ночью из моего леса дубы и сосны, которые выращивались многими поколениями. Я же должен был отворачиваться в другую сторону, делать вид, что не замечаю этого, ибо бороться с варварством уже не мог.

Несвижский староста, назначенный два месяца назад, так и не появлялся здесь. Повсюду отсутствие какой-либо власти и порядка. Уже начался разгул банд, безнаказанно грабящих все, что попадет под руку. Польские войска отходили на запад, покинув в Несвиже и Клецке (в 10 – 20 верстах от линии перемирия) два эскадрона великопольских уланов, что позволяло большевикам беспрепятственно хозяйничать в этой зоне.

Не успел я покинуть Несвиж, как узнал, что в Пузове

забрали двух лошадей и зерно из амбара, правда, поляки, но разве мне от этого легче, поскольку это были остатки зерна, а корма для животных уже давно не было. В Слуцке за враждебные настроения сожжена реальная гимназия, а также значительная часть города, в том числе дом «Благотворительного общества» с достроенным мной крылом для увековечения памяти моего сына. А в Бобовне дом сожжен польскими военными по халатной неосторожности. Массу жалоб можно было услышать по пути в связи с проводимой конфискацией и реквизицией на основании расписок, с которыми люди «носились» по различным инстанциям, ничего не получая, а реквизиторов и след простыл.

Из Несвижа на лошадях я направился в Барановичи, проезжая по территории, которая еще недавно была полем российско-немецких сражений. В полях – могилы погибших, окопы, проволока. Я проезжал место, где раньше находилось местечко Дарев, и никто не поверил бы, что там когда-то что-то было. Осталась лишь земля, вспаханная снарядами. В некоторых местах успели даже вырасти ветром засеянные молодые березки.

В Барановичах я с трудом втиснулся в «теплушку» товарняка, забитую грязной и распоясанной солдатней, едущей в отпуск. Сошел в Жабинке, чтобы заехать в Атечизну к сыну моей сестры. Там я провел почти неделю, а затем навестил еще одного племянника, тоже Бельского, в Грубешовске, в Трещанах. 12 декабря 1920 г. я вернулся в Бзовец. По дороге в Брест я встретил людей, которые были направлены моими соседями, находящимися на польской стороне, за лошадьми, остающимися в Конгресувке. Эти люди телеграммами были отозваны с полпути, наверное, что-то произошло на линии перемирия.

17 декабря 1920 г. Я получил письмо из Несвижа с известием, которое наполнило меня большим энтузиазмом, что якобы Савичи останутся на польской стороне, хотя эти границы могли быть временными, а не постоянными, так как очевидным было желание большевиков затянуть переговоры в Риге, чтобы получить передышку для формирования новых армий, и позже направить их в Польшу.

Все же хоть что-то можно будет забрать из имения. Наши власти только и думают о демобилизации, как будто мир обеспечен на века. Уже сейчас войска большевиков, разбив белорусские отряды возле Вызны и Семежева, зашли далеко за линию перемирия, т. е. за Пузово, к Ёдчицам, принося боль-шой переполох в эти окрестности. А все из-за того, что наши войска не стоят на линии перемирия, а находятся в десяти верстах к западу от Пузово. Такая безнаказанность большевиков является для местного населения ярким свидетельством их силы и мощи.

22 декабря 1920 г. Годовщина смерти отца. Наверное, впервые в жизни я пропустил в этот день богослужение. Из газет стало известно, что Домбский в Риге сделал запрос Иоффе в связи с грабежами имений в Смоличах и Паловковичах и вторжением в Пузуво. Таким образом, все, что я смог из движимого имущества (скот, лошади, зерно) перевезти из Савичей в Пузово, которое, бесспорно, находилось на польской стороне линии перемирия, переходило в руки большевиков. Им не надо было рыскать по закоулкам и искать – все находилось в одном месте. Только бы мой управляющий Дмитрок, честный малый, вовремя смог уйти.

Сестра Костровицкая вернулась из Варшавы, где по-прежнему говорят о назревающей весной войне, но там больше готовятся к новогодней ночи, чем к охране восточных рубежей.

23 декабря 1920 г. Письмо от Мирослава Обезерского. Он пишет, что делегированные «Союзом защиты имущества поляков, потерпевших на территории России», адвокат Пониквицкий и Вавельберг (Банк) в качестве экспертов до настоящего времени остаются невостребованными Домбским. А самого Обезерского, несмотря на заверения, что в решающий момент его пригласят в Ригу, никто не приглашает. Он чувствует, что это не произойдет, так как мирная делегация уехала уже с решенным вопросом о восточных землях.

2 января 1921 г. Я получил письмо от своего управляющего из Пузова. Он пишет, что 21 декабря большевистская банда в составе 50 человек ворвалась в

Пузово и многих арестовала, в том числе и его, но позже, наверное, сообразив, что Пузово располагается на польской стороне, отпустила арестованных. Савичи, несмотря на противоречивую информацию, видимо, находятся на большевистской стороне.

20 января 1921 г. Пришло письмо от члена Несвижского староства, которое подтвердило факты всех этих злоупотреблений, большевистских грабежей, нарушений границы и т. д. Обо всех этих событиях в старостве знали и постоянно рапортовали о них центральным и военным властям, которые не реагировали на эти сообщения. Видимо, не имеют достаточных сил, чтобы противостоять, поэтому делают вид, что не знают об этом. На каждом шагу мы видим неспособность правительства и лезть сильным мира сего. Живу в имении в Бзовце, гмины Рудник, Красноставского повета и присматриваюсь к результатам аграрных проектов, за которые проголосовал Сейм. Раньше мой покойный шурин Могильницкий из Бзовца поставлял более 30 вагонов пшеницы, а сейчас, в результате военных действий, забастовок, неуверенности в своих правах на собственность и в связи с установленным «макисимумом», никто не вкладывает капитал, не строит здания, не ремонтирует. И если земское правление покинет 300 гектаров земли, то половина из них окажется лишней.

Неудивительно, что булочки в Варшаве дорогие, а курс марки упал. Ведь пшеница, вместо того чтобы попасть в Гданьск и быть проданной за немецкие марки или английские фунты стерлингов, должна ожидать корабль из Америки, а платить приходится за доллар, по сегодняшнему курсу, 850 марок. Не нужно изобретать ничего нового, чтобы противостоять трудностям, а просто повысить производительность. Делается это только благодаря частной инициативе и энергии, подкрепленным правами, обеспечивающими собственность и возможность распоряжаться этой собственностью. Может ли собственник орошать луга, осушать болото, засаживать пустыню, постоянно оглядываясь: не захочет ли земский комитет, состоящий из крестьян, поделиться с ним его собственностью. Могут ли

строиться новые дома в городах, если их собственники не уверены в том, что можно будет в них жить им самим, и не попадут ли эти дома под реквизицию, или не будут ли переданы властям или военным под квартиры.

Угнетает и то, что не он сам будет решать вопросы о процентах прибыли от собственного капитала, а союз жильцов. Так, предупреждая возможные события, моя племянница передала под парцелляцию, не без помощи «Союза землевладельцев», 45 волок из 95, относящихся к имению, расположенных на прекрасных землях. Казалось бы, в таких условиях вопрос безземелья и малоземелья в этом регионе должен быть решен, по крайней мере, на период одного поколения. Все записались контрагентами и внесли задаток, земля перешла к новым хозяевам, и число работников в фольварках на территории этих 95 волок должно было снизиться наполовину. Но батраки, несмотря на судебные постановления из домов не уходят и, получив указания от своих профсоюзных организаций, не принимают документ об освобождении, так как не видят возможности содержать приобретенную землю на уровне бывших хозяев. К тому же, эти безземельные крестьяне, как и большинство малоземельных, пользуются привилегиями, полученными согласно аграрному закону. Они являются фиктивными покупателями, получающими большие комиссионные от богатых местных хозяев, которые за их плечами приобретают эти участки или арендуют их у батраков, и ведут на них грабительское хозяйство, уничтожают и эксплуатируют до предела, растаскивая по своим усадьбам.

При таком раскладе эти проданные 45 волок вскоре превратятся в пустыню, а экономика страны никогда не встанет на ноги. И если кто-нибудь пожелает сослаться на закон, запрещающий передачу собственности приобретенных земель в течение определенного времени, то пусть поедет в провинцию и убедится, как этот закон обходят. Естественно, с большим трудом судебный декрет, выселяющий батраков, будет реализован, но с каким результатом? Контингент безземельных увеличится за счет нового пролетариата, а что касается производства, то вчера я прочитал отчет из

Груецкого повета, в котором контингент поставил меру зерна с пяти моргов собственности – вот это рост производительности!!!

Подобная ситуация и в лесном хозяйстве. При мне приезжал некий «господин от леса» и, несмотря на то, что крестьяне в Бзовце получили достаточно большой и красивый кусок леса за сервитуты, выделял из придворного леса дерево на стройматериалы и дрова, запасы которого еле удовлетворяли наши и придворной службы потребности. А вскоре после этого крестьянские телеги с этим деревом потянулись вереницей в соседние местечки, руководствуясь принципом – «после нас – хоть потоп».

22 января 1921 г. Эти дни провел в Варшаве, куда приехал в связи с торговой сделкой между моей племянницей и Артуром Добецким. Продавалось имение Косово. Варшава была поглощена плебисцитом в Верхней Силезии: собираются пожертвования, организуются концерты, танцы, митинги в поддержку Силезии. Все другое в сторону: о наших бедных Кресах даже вспоминать запрещено. Если раньше мы были немодными, то сейчас являемся «неисправимыми наглецами». Поскольку несвижский владелец майората по-прежнему находится в Ницце, а согласно родовому договору, майорат мог перейти после него только князю Каролу, я «давил» на последнего, чтобы он спасал Несвиж. Князь Кароль заявил, что и не думает претендовать на Несвиж, поскольку намеревается уступить Несвижский майорат младшему брату, князю Леону, единственному из братьев, имеющих сына.

Я обратил его внимание на то, что для того, чтобы что-то уступать, необходимо его иметь. Границы на восток можно передвинуть и весь Несвижский майорат оставить в польских границах на том основании, что масса католических шляхетских застенков находится за линией, обозначенной в Риге. Линия, прокладываемая по межам и тропинкам, является сухопутной и требует для содержания как минимум 80 пограничников на версту, в то время как она, передвинутая немного восточнее, например, к верхней Птичи и по Случи, т. е. по рекам, будет требовать только восемь человек охраны

на версту и в стратегическом плане вполне может соответствовать целям военной безопасности.

Нам необходимо работать в этом направлении, приводя вышеназванные аргументы. Я смог убедить князя Кароля, и он пообещал представить эту точку зрения начальнику Генерального штаба, генералу Розвадовскому, и уговорить его выслать телеграмму Домбскому в Ригу, чтобы тот повлиял на Иоффе. Тем более, что это было несложно осуществить, поскольку из Риги по-прежнему приходили донесения о торгах большевиков, которые желали оставить себе побольше золотого запаса из фондов бывшего государственного банка, а взамен уступить белорусские земли, на что, к великому стыду, польская миротворческая делегация не соглашалась.

Назавтра я был приглашен Кеневичем на обед по случаю 25-летия семейной жизни Хорваттов и Кеневичей. От именинника и председателя наших польских организаций в Беларуси я узнал, что, несмотря на все старания и действия, уговорить министра иностранных дел, князя Сапегу, делегировать представителей из Беларуси в Ригу хотя бы в качестве экспертов, не удалось. Украинские и литовские Кресы имели своих представителей на переговорах. Правда, в Ригу ездил Тит Пониквицкий, адвокат из Минска, и Вавельберг, но в качестве представителей «Союза защиты имущества поляков, потерпевших на территории России», который возглавляет известный адвокат Ледницкий, но и они, никем не приглашенные и даже не замеченные, вернулись из Риги ни с чем. Это в свою очередь вызвало апатию у президиума наших союзов, и уже никто не предпринимал никаких шагов в этом направлении. Меня же больше всего возмущало то, что Лига Наций призывает неизвестно кого: грузин, калмыков, зулусов к национальному самоопределению и государственной принадлежности, а Беларусь обходят стороной и самовольно расчленяют в Риге. И это тогда, когда несколько миллионов поляков, проживающих в Беларуси, тяготеют к Польше, белорусское население – к тому, чтобы Край оставался целостным в пределах своих границ, а население имело право выбора востока или запада

при условии неделимости. Я решил сделать все возможное, чтобы разорвать этот замкнутый круг. Энергии мне придала встреча в Варшаве с Романом Скирмунтом, которого я считал наиболее подходящим для этой миссии и который, несмотря на то, что приехал в Варшаву по очень важным делам, с обычной своей готовностью жертвовать, под моим давлением согласился на поездку. Дело стало только за пропуском в Ригу.

Я направился с этой целью к министру иностранных дел Пильтцу на улицу Медовую. Но попал в плохое время, так как это был день голосования в Сейме по вопросу Сената. В Министерстве обычная беготня, совещание у Пильтца и Сапеги, разрываюсятся телефоны, спешка, подготовка бумаг и директив для поездки Главы государства в Париж, опасения по поводу падения всего кабинета и т. д. Наконец Пильтц освободился от дел, уставший и подавленный он попросил, чтобы я зашел к нему домой вечером на продолжительную аудиенцию, чем я не преминул воспользоваться. Прихожу вечером.

Пильтц выходит помолодевший, улыбаясь, несмотря на пережитые днем трудности, связанные с тем, что председатель кабинета Витос представлением своего «*exposé*» (*документа*) правительству хотел перенести голосование. Трампчинский объявил голосование, и Сенат большинством в 11 голосов был утвержден. То есть – все в порядке. По утверждению Пильтца, еще один значительный факт: Витос, несмотря на поражение по всему фронту, не подал в отставку и, кроме этого, заявил, что может управлять, не опираясь на социалистов, которые в основном и выступали против Сената, что может даже повлиять на формирование Сейма на будущих выборах. В ходе нашей беседы я узнал об отставке Шебеко с поста посла в Берлине в связи с тем, что на него начались нападки за якобы связь с бывшими царскими сановниками и деятелями. Было это правдоподобно, поскольку Шебеко, будучи членом Государственного Совета в Петербурге был с ними знаком, но если он и проводил совещания когда-нибудь за границей, то, наверное, только в пользу польского государства.

Шебеко был известным германофобом, и надо же правительству быть таким бездарным, чтобы не использовать его способности в Париже или Лондоне, а направить в Берлин! Пильтц, зная, что об отставке уже приняли решение, заранее телеграфировал Шебеко, чтобы тот сам, якобы ничего не зная, подал в отставку. На его место вроде бы должен быть назначен Поплавский, а в Лондон перемещен из Рима Скирмунт. Видя министра в хорошем расположении духа, я попросил его сделать для нас что-нибудь хорошее, принимая во внимание его бывшую должность и симпатию к нашему Краю еще со времен редакторства в «Крае». Пильтц предупредил, что положение Домбского в Риге исключительное: он опирается на большинство в Сейме, почти не обращает внимания на мнение министра иностранных дел, зная, что в Сейме всегда его поддержат, является самовластным, кого хочет, того и направляет в Ригу, кого не хочет, того не отпускает. Так было в случае, когда он не отпустил делегацию Сейма, а пригласил в Ригу по вопросам Беларуси Ледницкого, который ехать отказался, мотивируя свое нежелание занятостью на ответственной должности польского посла в Москве. Он и сегодня готов поехать, только в качестве делегата польского правительства, а не как вызванный Домбским.

Я считал это ошибочным, поскольку Ледницкий, который благодаря своей предыдущей работе в Москве сталкивался со многими нынешними российскими делегатами в Риге и обеими сторонами был бы благосклонно воспринят и, таким образом, для своей страны был бы по-прежнему полезен. Но случилось то, что случилось, и Сапега ни при каких условиях не даст паспортов нашим делегатам. Но, когда Сапега 1 февраля с Пилсудским уедет в Париж, и Министерством начнет руководить Пильтц, он может рискнуть выдать официальную бумагу и частное письмо двум нашим делегатам, а также право проезда через Вильно и Динабург как дипломатическим агентам – в Ригу.

Конечно же, я принял это заявление вице-министра с огромной благодарностью, на следующий день отправился на улицу Долгую, 50 и сообщил президиуму кресовых органи-

заций обо всем, что удалось сделать для отправки делегатов от Беларуси на Рижскую конференцию. Там были Василевский, Обезерский, Довгялло, Порэмбский. Кеневича не было. Члены президиума были в определенной степени сконфужены тем, что все это произошло без их участия и осведомления, но признали, что пренебрежение этим вопросом навсегда наложило бы тень на их деятельность. Господин Скирмунт, несомненно, является весьма способным и желаемым представителем белорусских интересов, но президиум уже выбрал таким делегатом Порембского, и что именно он должен ехать. Я заверил их, что Скирмунт охотно согласится на сотрудничество с Порембским, и, наконец, нужно это обсудить с Кеневичем.

Это произошло на следующий день перед общим собранием членов «Союза землевладельцев белорусских Кресов», в Центральном аграрном обществе, на котором я председательствовал. Попросил Кеневича ответить мне искренне, почему так холодно было воспринято мое предложение. Тот мне ответил, что посылать одного Скирмунта президиуму как-то не с руки, так как последний не принимал участия в работе «Польских Советов» на Кресах, но, делегировать два человека президиум охотно согласится. При таком отношении президиума, опасениях Пильца, что мы уже опоздали, и то, что Скирмунт согласился ехать только под моим давлением, я посчитал разумным освободить его от этой обязанности, а дело передать полностью в руки президиума.

На воскресном собрании (о котором я упоминал выше) Скирмунт отчитывался о создавшейся обстановке в регионе, относящемся к польской части, которая вовсе не свидетельствовала в пользу польских властей. А делегированный в Ригу от Центральной Литвы Конец рассказал собравшимся об отношении польской делегации в Риге к «кресовому» вопросу. То, о чем он рассказывал, ни для кого не было тайной, поскольку отовсюду доходила информация о том, что большевики хотели бы как можно меньше отдать золота, а больше уступить земель. Домбский же утверждал, что Кресов у нас и так много, а золота слишком мало. Собрание

нужно было вести в ускоренном темпе, поскольку нужно было успеть на обед, который давал наш президиум для собравшихся в Варшаве «кресовых» старост с представителем Министерства Ямонтом во главе.

Обед проходил во Французской гостинице. Я присутствовал среди приглашенных и должен был выступать много раз, чтобы развенчать ошибочные убеждения правительственных кругов в якобы абсентеизме «кресовых» землевладельцев, о целесообразности наделения «кресовой» землей солдат, а также о возможном подборе «кресовых» депутатов в Сейм в условиях существующего избирательного законодательства. Мои доводы не вызвали особого восторга, и обед в атмосфере взаимной доброжелательности продлился с 8 часов до 12, так, что возвращаясь с него, мы запросто могли быть арестованными в связи с действием комендантского часа. Из разговора с Пильтцем я понял, что его ценят в правительстве не за взгляды, а за способности как политического деятеля. Вот, хотя бы такой факт. Когда французский посол объявил в Министерстве о приглашении Президентом Франции Главы государства в Париж, Пильтц, не связываясь с Бельведером, сразу же напечатал это приглашение, которое с таким воодушевлением было воспринято общественностью, что у Пилсудского даже не было времени на обдумывание, или на то, чтобы на него повлияло окружение. Вопрос о поездке был решен.

Глава государства свое неудовольствие в связи с этим высказал, но Пильтц свою должность сохранил, поскольку был нужным человеком. И вообще, Пильтц – единственный в составе правительства человек, занимающийся «кресовыми» вопросами и который понимает значимость Кресов для польского государства. Во время моего нахождения в Варшаве ни разу не проводилось заседание «Польско-белорусского союза». Но я узнал от председателя Обезерского, что Дубейковский и Смолич по-прежнему хорошо относятся к Польше, а Алексюк потерял авторитет в этом плане как вращающийся в орбите Балаховича и идущий все-таки во фланге «единой и неделимой России», тот самый Алексюк, который в Минске за польские деньги

проводил белорусские призывы.

Во время моего нахождения была организована в залах «Захэнты Штук Пенкных» большая выставка предметов культурного наследия, искусства и документов восточных земель. Среди прочих можно было видеть оригиналы документов Городейской и Люблинской унии, составленных на польском языке и обильно снабженных печатями. Утром 1 февраля я направился обратно в Бзовец. Вечером в этот же день Пилсудский в окружении военных чинов и министров уехал via Дрезден – Кельн в Париж.

13 февраля 1921 г. В «Варшавской газете» мы прочитали о том, что представители Минщины, прибывшие с петициями, под которыми поставили свои подписи свыше 25 000 человек, были приняты в сеймовых клубах. Нелегко депутатам было выслушивать просьбу делегаций о передвижении границы дальше на восток взамен за предлагаемое золото, ведь именно из-за него Домбский в Риге уступил территории большевикам. Вопрос восточных границ должен был рассматриваться в Сейме. Посмотрим.

15 февраля 1921 г. Вернулся в завьюженный Бзовец. Меня уже ожидало письмо от управляющего из Савичей. Оно было невеселым. Большевики по-прежнему были хозяевами положения, а польские власти совсем не охраняли границ. Опять восемь человек, якобы ошибочно, перешли границу, и попали в Пузово. Почему наша охрана не допускает таких ошибок? В Савичах на территории нового винокуренного завода, в доме старой матери управляющего, наверное, по халатности уронили бомбу, в результате взрыва которой выбиты окна и двери, разворочен пол и потолок, уничтожен весь инвентарь и ранено около 10 солдат. Старая Паулина осталась невредимой, но ее верная служанка получила ранение в голову и в безнадежном состоянии была отправлена в несвижский госпиталь. На наших фамильных могилах повреждены памятники. Даже мертвым нет покоя. Наверное, нет смысла тешить себя надеждой о возвращении домой весной.

17 февраля 1921 г. Второе письмо от Дмитрока. Лес в Куцовщизне, товарный и предназначенный на дрова,

распродает Пархомчик, который в свое время был посажен в тюрьму как большевик, и которому я помог освободиться из польской тюрьмы – вот она благодарность. В Савичах жгут костры дровами, предназначенными для отопления соседних поселков, хотя их еле хватает на собственные нужды. В Дубовнице, в лесу, как в парке, готовят стройматериалы для 15 домов; со двора даже старую солому продают. Куда возвращаться? Раньше большевики так не опустошали дворы, считая имущество «народным добром», чем восстанавливали против себя алчных жителей, а сейчас, желая вернуть их доверие, позволяют грабить все, при этом сами обогащаются.

20 февраля 1921 г. Получил письмо от председателя Кеневича. В нем он сообщает о том, что после отъезда князя Сапеги с Пилсудским в Париж исполняющим обязанности министра официально назначен Витос, но фактически учреждением руководит Пильтц. И согласно его обещанию, он мог бы выдать Порембскому и Скирмунту рекомендательные письма. Скирмунт, несмотря на трехдневные уговоры президиума, ехать отказался, поэтому поехал один Порембский, причем с малой надеждой на результат из-за предвзятого отношения польской делегации к «белорусскому вопросу». Кеневич пишет также о делегации слущких и мозырских организаций «Зеленый дуб», которая везде в Варшаве агитирует, но к Пилсудскому попасть не может. В Риге Беларусь под покровительством большевиков представляет Ластовский. Польская делегация с этими «белорусами» не ведет переговоров, признавая представителями Беларуси тех, с кем сталкивалась в Варшаве. Противоположная же фракция якобы от своего имени предоставила полномочия Иоффе, которые польская делегация не признает, и поэтому Иоффе везде выступает только от имени Российской и Украинской советских республик.

26 февраля 1921 г. Лиза Могильницкая вместе с Костровицкой сегодня уехали в Варшаву, опасаясь не доехать в связи с забастовкой на железной дороге. Правительство, правда, не намеревается быть сторонним наблюдателем

события, как это было раньше, а планирует военизировать железную дорогу, т. е. организовать службу на железной дороге по военному образцу, и уже арестовало некоторых вожakov. Но преступники, которые столкнули неуправляемый «дикий состав» со стоящим на Венском вокзале поездом, в результате чего произошло столкновение и погибло много людей, так и остались не пойманными. Так называемый «Польский профессиональный союз железнодорожников» не одобряет забастовку в связи с ситуацией в Вильно, плебисцитом в Верхней Силезии, отсутствием продуктов в городах и, вообще, с нестабильной политической ситуацией в период рижских переговоров.

3 марта 1921 г. Как видно из прессы, забастовка железнодорожных машинистов метит в основы существования Речи Посполитой и субсидируется Берлином и Москвой. Об этом открыто заявил в Сейме председатель кабинета министров Витос; газеты публикуют перехваченные на полпути радиотелеграммы большевиков, которые обещают поддержку забастовщикам в Варшаве. Уже стало известно о фактах террористических актов, пока что весьма отрицательно воспринимаемых рабочими. Трамвайщики уже присоединились к забастовке, волнения начались также в почтовых учреждениях. В Москве и Петрограде антибольшевистские выступления. Морозы прекратились, началась слякоть, повеяло весной. Князь Сапега в Бухаресте пытается заключить с Румынией союз. Из Варшавы пришло известие, что делегация из-под Минска впервые была принята на улице Вейской лидерами сеймовых партий и клубов. Делегаты говорили на плохом польском языке, но, наверное, у депутатов Сейма «в пятках отозвалось», когда они услышали: «Паночки, не продавайте нас за золото. Если оно вам нужно, то мы сами за себя заплатим». Предки депутатов, наверное, в гробах перевернулись при этом, услышав, в чем обвиняют их потомков. Это было напоминание о существующей версии, что Иоффе желал отдать широкую полосу территории страны взамен на то, что Польша откажется от своей части золотого запаса бывшего государственного банка. Домбский же отказывается от земель, предпочитая большую часть

золота.

8 марта 1921 г. Газеты сообщили, что «Монитор» 4 марта опубликовал законодательство о создании на присоединенной к Польше территории на востоке трех воеводств: Белостокского, Полесского (с местонахождением в Пинске) и Новогрудского, подчиненных правительству в Варшаве и пользующихся правами, утвержденными Сеймом. Воеводства должны были выбрать своих депутатов в Сейм. Кроме того, это была не уния, а аннексия. Победили сторонники этого направления. Ни о какой автономии не может быть и речи. И это в то время, как в Силезии после плебисцита планировалось автономное обустройство, хотя силезское население – это поляки и католики, а в этих трех воеводствах преобладает белорусское и православное население. Дай-то Бог, чтобы эта ориентация не была ошибочной. В Петрограде и Москве продолжают антибольшевистские, подавляемые большевиками, выступления. Кто знает, может это начало конца большевиков?

10 марта 1921 г. Приехал чиновник из лесного хозяйства, чтобы выделить в придворном лесу в Бзовце строительный материал для восстановления деревни. Правительство платит собственнику «смешные» деньги, а крестьянам передает безвозмездно. Закон утвержден Сеймом, но проверял ли кто, что крестьяне в Бзовце имеют собственный лес, полученный ими взамен за сервитуты, и которого «за глаза» хватило бы на постройку, а полученный многие из них тут же повезут в города. Таких Бзовцев тысячи, и на эти цели государство направит миллионы, отягощая государственный бюджет и список государственных долгов. При таком раскладе нечего удивляться, что польская марка теряет свою силу.

11 марта 1921 г. В Петрограде и Москве продолжается борьба. Однако рижские переговоры идут своим чередом; поляки могли бы теперь использовать неудачные для большевиков военные обстоятельства. Переговоры немецкой делегации с коалицией в Лондоне сорваны, войска коалиции перешли Рейн, занимая Дюссельдорф, Дуйсбург и Рурский бассейн.

18 марта 1921 г. Рижский договор подписан накануне именин Пилсудского, наверное, в качестве подарка Главе государства. 18 марта население бывших восточных территорий Польши, насчитывающих несколько миллионов человек, было оторвано от «польской матежи» и брошено в пасть большевистского молоха «братьями-поляками». Подпись на письменном обязательстве должен поставить Маршал-именинник!

20 марта 1921 г. В Сейме 17 марта проголосовали за Конституцию, в результате чего конституционный Сейм должен быть распущен. В Варшаве торжества. Маршал Сейма возлагает венок на могилу Малаховского. Похоже на то, что хотят установить связь традиций 4-летнего Сейма и настоящего без учета существующих между ними отличий. Ведь первый Сейм состоял из самого лучшего и самого рационального, что имел народ, и испытывал одинаковые чувства ко всем слоям общества, а второй, т. е. сегодняшний, состоит в основном из «суверенов и невежд», испытывающих классовую ненависть; 4-летний Сейм укрепил узы бывшей унии с Великим княжеством Литовско-Русским, а сегодняшний Сейм направил делегатов в Ригу, чтобы закрепить бывшие первые два раздела Польши Россией, перечеркнуть ягеллонские традиции, трехвековую деятельность, связанную с распространением польских идей на Кресах, страдания и самоотверженность пионеров этой трудной миссии на восточных землях в период после разделов. Мир заключался с правительством, которое собственный народ сваливал в Кремле и на набережной в Петрограде, которое само не уверено в завтрашнем дне, но смогло, однако, понравиться господам Домбскому и др. и за 30 миллионов купить Беларусь. С правительством, которое, ведя переговоры от имени Беларуси с представителями «белорусских советов», самозванного органа, о котором на местах никто даже не слышал, возвысился до правительственного ранга. Это не день славы, а день национального позора, за который, дай-то Бог, чтобы будущим поколениям не пришлось отстрадать

21 марта 1921 г. Известие о занятии Кронштадта большевиками, следовательно, — о приостановлении

повстанческого движения. Хотя из опубликованной программы повстанцев небольшая была бы радость в случае победы, так как это были социал-революционеры; мог бы «нарисоваться» опять какой-нибудь Керенский со своими «аграрными комитетами». Бывшие российские зарубежные деятели протестуют против Рижского договора, отмечая, что ни одно российское правительство в будущем не будет себя чувствовать ответственным, так как было дано согласие уступить Польше российские провинции в Западном крае.

22 марта 1921 г. Был в Замостье; говорят, что плебисцит в Силезии проходит удачно для Польши. Варшавская пресса восхищается подписанным миром в Риге; никаких мучений совести за отказ от восточных Кресов, полагая, что политические задачи Польши решены.

23 марта 1921 г. Поступило известие о не слишком хороших результатах плебисцита в Силезии. Англия не преминет этим воспользоваться, чтобы удовлетворить немецкие стремления. В Варшаве делегации из Слуцкого, Бобруйского и Игуменского уездов раздают петиции представительств союзнических государств и протестуют в связи с результатами Рижского договора, который передавал их в руки большевиков.

24 марта 1921 г. Из Познани приехал Витольд Могильницкий и привез ужасную новость, что мои родные Савичи и Пузово остались на российской стороне. И это тогда, когда знал из газета, что граница пройдет по реке Мороче до ее впадения в Случь. Я рассчитывал на хоть и разоренные, но всегда способные дать мне крышу над головой и кашу в миске мои родные нивы. Я теряюсь в догадках, что же там происходит, что предпринимает мой управляющий, что планирует, как себя ведет в этой ситуации, не получая от меня никаких директив. Бог и здесь нас подверг испытанию.

27 марта 1921 г. Пасха, я не поехал на заутреню, так как не было сил слушать пение «Веселый день для нас наступил». Как ученики Господа перед тем, как разойтись по миру, собрались на тайную вечерю, так и вся наша родня собралась под гостеприимной крышей нашей племянницы

Могильницкой перед тем, как разъехаться. Ибо каждый из нас был вынужден искать себе место в мире, в котором при наличии ограниченных средств сделать это было сложно. Хорошо, что наши родители не видят такой доли своих детей. Так было угодно Господу Богу.

29 марта 1921 г. Пришло письмо от моего управляющего. Бедные люди, судьба нашей земли им еще неизвестна. Он пишет мне о подготовке к полевым работам, о приглашенных ремесленниках, о распаханном огороде, обрезанных в саду деревьях, —чтобы лучшие фрукты достались большевикам. Пишет, что какие-то белорусские отряды вытеснили большевиков из Савичей, где разрушение двора достигло своего пика.

31 марта 1921 г. Письмо от Стефана Чарноцкого, подтверждающего известие, полученное в Несвижском старостве о принадлежности Пузова большевикам. Большевики заняли также Зараковцы и Куковичи, которые ранее линия перемирия оставляла за Польшей. Даже границ перемирия польская делегация в Риге не смогла защитить.

4 апреля 1921 г. Письмо из дома от управляющего Дмитрока. Когда он узнал, что у нас отбирают Пузово, которое нам оставляла линия перемирия, и вся его работа, связанная с подготовкой хозяйства к весне, все неудобства, тревоги и заботы пошли впустую, схватился, бедолага, за револьвер, чтобы уйти из этой жизни. К счастью, вошла прислуга и помешала ему это сделать. Раньше он писал о смерти своей матери, бессменной нашей прачки Паулины, которая доживала свои 90 лет в Савичах на чужих хлебах до тех пор, пока большевики не забрали у нее корову, кабанчика, а саму отправили в деревню Братково, также занятую большевиками. Там и умерла она у дочери, а сын, живущий в паре километров и разделенный кордоном, не мог даже приехать на похороны. Опять сбор остатков имущества и перемещение в глубь территории, отведенной Польше.

На 8 апреля меня вызывают в Варшаву, может, удастся провести переговоры о продаже акций городских скотобоев, чтобы как-то обеспечить условия будущей жизни. Условия Рижского договора от 18 марта, подробно

изложенные в «Речи Посполитой», не оставили сомнений в том, что мои Савичи и Пузуво отходят к Советской Белоруссии. В Варшаве попал на общее собрание «Союза поляков белорусских Кресов», на котором я по привычке председательствовал (10 апреля). П. Барыльский – председатель какого-то комитета, занимающегося вопросами польских заключенных в Москве, докладывал об условиях содержания несчастных, а также о своем пребывании в течение нескольких месяцев в «Бутырке». Поскольку мало кто из присутствующих не имел в своей родне людей, прошедших через все это, его отчет особого интереса не вызвал.

Намного интересней было услышать сравнение условий, в которые попали вернувшиеся заключенные на Кресах с условиями в Варшаве. Выступающий с большим умилением вспоминал, как встречали узников в Барановичах, сердечная атмосфера и забота о малейших нуждах, которыми их окружили «кресовцы», заставляли забывать о пережитом. В Варшаве же их поезд был остановлен за две версты от вокзала, никто их не встретил и никто не позаботился. Матери с детьми на руках вынуждены были пешком добираться до вокзала, таща узлы с пожитками; больные были вынуждены останавливаться на пути.

Докладчик просил присутствующих, чтобы влиянием в правительственных кругах и среди местной общественности, позаботиться о лучших условиях приема в Варшаве возвращающихся бывших заключенных, особенно «кресовцев». Мы поблагодарили председателя комитета за отчет, однако подчеркнули, что он как недавно прибывший сюда не ориентируется, в какой среде выступает. Если бы «кресовцы» имели влияние в польских правящих кругах или поддержку в обществе, то он не увидел бы на собрании столько уставших и разочарованных лиц, которые могут быть только у бездомных людей. Если бы оратор пожил в Варшаве, он бы убедился, как неохотно здесь встречаются с «кресовцами», как их избегают.

Варшава хотела забыть о Кресах, добровольно бросив на съедение большевикам. Варшава наслаждается

спокойствием, которое получила взамен Кресов, и только ведет подсчет будущей прибыли, на которую она рассчитывает вследствие открытия российской границы. И если бы, например, вдруг появился декрет об удалении из Варшавы «кресовцев», то никого бы это не удивило в существующей атмосфере. На трибуну вышел председатель «Комитета защиты Кресов» Василевский и с горечью сообщил, что «кресовые» организации имели средства и хотели организовать для возвращающихся заключенных столовую, читательские залы и т. д., но получили от властей формальную отговорку, что для этого существует правительственная организация «Юр», а «кресовцам» не следует вмешиваться в ее деятельность. Поскольку на собрании присутствовал адвокат Порембский, который в качестве делегата от Кресов ездил в Ригу, я затронул вопрос о Рижском договоре от 18 марта, в котором были обойдены интересы «кресовцев» и особенно тех, которые остались на территории Конгресувки, т. е. почти всех, так как §VI в основном касается находящихся на территории Беларуси и Украины.

Порембский запротестовал, что я плохо интерпретирую текст договора, а после того, как я, зачитав текст, подтвердил свои слова, он заявил, что в «Речи Посполитой» была допущена ошибка при публикации. Не желая усугублять и без того тяжелое настроение собрания, я решил перенести свои выяснения на момент посещения президиума наших организаций на Долгой. Там я тоже встретился с обвинением в свой адрес в связи со слишком пессимистической интерпретацией текста. Никто не хотел меня понимать до тех пор, пока 11 апреля на заседании комиссии иностранных дел в Сейме не был сделан запрос депутата Сейды, который был изложен почти моими словами, и который, наконец, привел в чувства всех заинтересованных. Закончилось тем, что правительство призналось в своем бессилии по этому вопросу и поручило князю Сапеге ускорить расследование. Только из одного этого факта можно сделать выводы о таланте Иоффе, который заранее предвидел, чего хочет, и насколько слабее была польская делегация на переговорах по сравнению с российской. Она

не понимала, что подписывает, и насколько безразличными были для нее вопросы, касающиеся Кресов.

Невыясненным до настоящего времени остается вопрос, касающийся защиты наших имущественных интересов. Что нам необходимо предпринимать: получать в соответствующих учреждениях справки, что мы являемся польскими гражданами или считать себя подданными большевистской власти и обращаться с просьбой вернуть нам польское подданство, поскольку имущественные права оптантов защищены договором, а польские граждане в советской стране пользуются всего лишь правами привилегированных наций. А что касается настроения «кресовцев» в Варшаве, то достаточно сказать, что когда в комиссии Сейма затрагивался вопрос о защите имущества «кресовцев» и не следует ли перед ратификацией мирного договора поднять эту проблему, то запрос был закрыт большинством в один голос. И что самое удивительное – этим голосом оказался депутат Каменецкий, который был известен своими антикресовскими взглядами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До последних дней своей жизни Эдвард Войнилович стремился возватиться на Родину. Об этом с тоской и надеждой он пишет в своей книге “Воспоминания”. Такое желание испытывает каждый человек, будучи оторванным от родных мест и родного дома. Тяжело быть изгнанным, но во сто крат незаслуженно осужденным и ссыльным.

Почитая большие заслуги Эдварда Войниловича как перед Богом, так и перед людьми, пусть даже после смерти, мы исполнили его волю и 11 июня 2006 года перевезли его останки из г. Быдгощь в Минск. Да, Войнилович воздвиг себе незабываемую память построив такой величественный храм – костел св. Симона и св. Елены. Однако для настоящего и грядущих поколений он являет собой пример благородства, честности и мужества, стойкости и верности идеалам, преданного служения своей Отчизне. Эдвард Войнилович был глубоко верующим человеком, а кто искренне любит Господа нашего Иисуса Христа, тот любит всех, ибо во Христе все мы сестры и братья. Только в Христовой Католической Вселенской Церкви мы находим полноту универсализма и цель человечества. Все другие вероисповедания и учения ограничены сами в себе или для своего народа, расы. У последователей же Христовой Католической

Вселенской Церкви доминирует над всеми религиями и философскими учениями. Этот постулат прекрасно истолковывает Эдвард Войнилович: «Пусть каждый в своем храме на земле, славит единого Бога на Небесах».

Об экуменическом движении все смелее начали говорить уже в послевоенное время. Но Эдвард Войнилович предвидел это еще в конце 19 начале 20 в. и жил идеей строить церкви и костелы, синагоги и мечети. Он был депутатом и приближенным к царю в Санкт-Петербурге и доверенным лицом в Варшавском сойме, к нему тянутся, с ним советуются. Он часто встречается с представителями высших кругов власти из Вильнюса и Киева. И все это благодаря его глубокой вере и христианской искренней праведности. Да, он прирожденный дипломат, государственный деятель и образованный человек. Учитывая данные качества, Столыпин представляет царю кандидатуру Эдварда Войниловича на пост вице-министра с последующим портфелем всей Царской России от Владивостока до Варшавы. Предполагается, не Войнилович ли был первым советником Столыпина при разработке планов аграрной реформы всей России. Именно в Эдварде Войниловиче видел он министра сельского хозяйства, который разумно воплотит их в жизнь аграрной России. Именно ему, Эдварду, как инициатору и исполнителю множества идей и желал поручить Столыпин это государственное дело. Если бы во время революции не были уничтожены документы депутатских совещаний и тезисных заключений, а также архив в Савичах, то мы узнали бы много правдивых и достоверных сведений.

Эдвард был непоколебим в вере. Его жизненный путь полон суровых испытаний: умирают дети, наследники, потеря и тоска по Родине, скитания по миру. Но он мужественно несет свой спасительный крест, который для нас поучителен. В последние годы жизни заботиться о детях сиротах и бездомных, строит для них в г. Быдгощь приют и попечительствует до последних дней своей жизни. Изучив материалы о жизни и деятельности Эдуарда Войниловича, а также от имени свидетелей всего народа, в 2007 г. приход

св. Симона и св. Елены г. Минска обратился к Его Эксцелленции Епископу Антонию Демьянко с просьбой о благословении на начало информационного процесса с. п. Эдварда Войниловича. На что получил благословение и одобрение собирать сведения об этом благородном человеке.

- Обращаюсь с просьбой ко всем, кто владеет какой-либо информацией о Войниловиче, присылать ее в наш храм по адресу, указанном в данной книге.

- Увидел свет и документальный фильм о Эдварде Войниловиче «Каля Чырвонага Касцёла».

- Книга будет издана на польском и белоруском языках.

- Прихожане и жители г. Минска обратились с просьбой к городским властям назвать одну из близлежащих к Красному Костелу улиц, именем Эдварда Войниловича.

- В 2010 году ожидается 100-летний юбилей Храма св. Симона и св. Елены.

С Богом и любовью к ближним в дальнейшую жизнь.

22 лістапада 2005 г.

**ФУНДАТАР І МЕЦЭНАТ ПАБУДОВЫ КАСЦЁЛА
СВ. СЫМОНА І СВ. АЛЕНЫ,
А НАШ СУАЙЧЫННІК, ЭДВАРД ВАЙНІЛОВІЧ
НЯХАЙ ВЕРНЕЦЦА Ё СВОЙ ХРАМ!**

ЗВАРОТ

**ПАРАФІЯЛЬНАГА КАМІТЭТА КАСЦЁЛА СВ.
СЫМОНА І СВ. АЛЕНЫ**

Паважаны ксёндз-пробашч касцёла св. Сымона і
св. Алены,
а наш духоўны пастыр айцец Уладыслаў.

21 лістапада 2005 года над Мінскам плылі гукі касцельных звонаў, звонаў Чырвонага касцёла св. Сымона і св. Алены. Касцёл і жыхары Мінска адзначалі 95-ыя ўгодкі святыні, якая праз чатыры гады будзе адзначаць юбілей – 100-годдзе свайго асвятчэння. Святыня пабудаваная на сродкі і намаганнямі нашага, пашаны годнага, суайчынніка, былога старшыні Сялянскай партыі, слуцкага гаспадара Эдварда Вайніловіча.

Хвалы годны спадар Эдвард Вайніловіч пабудаваў у г. Мінску велічную святыню, якая стала візіткай нашай сталіцы і Беларусі. Вайніловіч з’яўляецца высакародным, з вялікімі заслугамі чалавекам мінулага стагоддзя, пра якога гаварылі і пісалі суайчыннікі не толькі пры яго жыцці. І па сённяшні дзень успамінаецца з удзячнасцю яго добрае імя. Нягледзячы на тое, што прамінула шмат гадоў пасля адыходу Эдварда з роднага краю і роднай зямлі, памяць пра яго жыве: ён прамаўляе да людзей і сёння праз веліч архітэктуры пабудаванай святыні – памяткі, пакінутай нам у спадчыну.

Разважаючы і ўглядаючыся ў так хвалы дастойную постаць Эдварда Вайніловіча, звяртаемся да Вас, паважаны ксёндз-пробашч Уладыслаў, ад імя касцельнай рады і камітэта, ад імя ўсіх парафіянаў добрай волі хадайнічаць перад вышэйшымі духоўнымі і свецкімі ўладамі аб перазахаванні (перавязенні) цела Эдварда Вайніловіча на Радзіму, у Беларусь, з Быдгашчы (Рэспубліка Польшча) ў Мінск.

Гэты запавет ён напісаў нават на пахавальнай пліце, таму пажадана размясціць урну з яго астанкамі ў сцяне збудаванага ім жа храма альбо ў адной з падвальных ніш. Пра гэтага славутага чалавека і яго дзейнасць мы яшчэ так мала ведаем, але ўжо нават з таго, што нам было даступным і відавочным, мы пераканаліся, што гэты чалавек заслугоўвае дастойнай памяці і пашаны ў сваёй Бацькаўшчыне, народзе і пакаленнях. Шчыра і настойліва просім хадайнічаць у гэтай святой справе і правесці гэтую вялікую работу па перавязенні цела Эдварда Вайніловіча ў Мінск і хадайніцтву перад дзяржаўнымі ўладамі г. Мінска аб наданні, адной з вуліц нашай сталіцы, гонару называцца імем Эдварда Вайніловіча.

Эдвард Вайніловіч заслугоўвае на яшчэ большую пашану годнага прыкладу і наследавання ў пакаленнях за заслугі перад Богам, хрысціянствам і народам.

Ён моліцца за нас на небе, а мы молімся да яго аб дапамозе ў нашых жыццёвых выпрабаваннях як у адносінах веры, так і ў складаных сямейных сітуацыях.

Няхай Госпад Бог дапамагае Вам, ксёндз Уладыслаў!

Падтрымайце, калі ласка, гэтую святую справу.
Подпісы людзей...

Копія

Старшыні Канферэнцыі біскупаў
лакальнага Касцёла
ў Беларусі
Яго Эмінэнцыі
Кардыналу Казіміру
Ад касцельнага
камітэта
на чале з
касцёла св. Сымона і св. Алены
Уладыславам Завальнюком

**Справаздача і пытанні для ўзгаднення ў сувязі з
эксгумацыяй
і перавязаннем астанкаў Эдварда Вайніловіча ў
г. Мінск.**

1. Шаноўны біскуп Ян Тырава асабіста запрашае паважанага кс. кардынала Казіміра Свёнтэка да Быдгашчы на ўрачыстасць перавязання мошчаў Эдварда Вайніловіча ў Мінск і гатовы прыслаць асабістае запрашэнне.

2. Дзякуючы старанным намаганням гісторыкаў і інтэлігенцыі Быдгашчы ў Варшаве знайшлі ўнучку сястры

Эдварда Вайнілловіча: пані Ірэна-Уладыслава Енджэеўска з дому Бельскіх, роду Вайніловічаў з маёнтка Аттачызна, што паміж Кобрынем і Брэстам (30 км. ад Брэста). Ёй цяпер споўнілася 91 год яна жыве ў Варшаве вул. Груецка 81. 83. Яна ад імя ўсёй сям’і і роду Вайніловічаў сама на друкарскай машыне напісала тэстамэнт-дазвол на правядзенне эксгумацыі цела Эдварда і перавязенне ў Мінск. Копію дакумента далучаю. Далучаю копію дакумента з Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь на афіцыйны дазвол перавязення астанкаў Эдварда ў Мінск.

3. Біскуп Ян Тырава хоча прыехаць у Мінск у канцы чэрвеня на пачатку ліпеня, магчыма, на Будслаўскі фэст.

4. Ён цікавіцца, ці прыедуць у Быдгашч паважаныя біскупы і святары 9 чэрвеня і колькі?

5. Прэзыдэнт г. Быдгашчы цікавіцца, колькі прыедзе людзей-пілігрымаў на гэтую гістарычную падзею і калі, а таксама калі плануецца ад’езд з Быдгашчы?

6. Ці будзе дазволена адслужыць жалобнае набажэнства ў Гродне ў фарным касцёле ў 12 00 у суботу 10 чэрвеня? Ці магчымая затрымка-заезд у Ліду, Наваградак і Нясвіж? Абвесціць людзям, каб прыйшлі і разам памаліліся.

7. Падчас эксгумацыі, якая распачнецца 8 чэрвеня 2006 г. 8 00 раніцы, у камісіі ад курыі нашай дыяцэзіі павінен прысутнічаць прадстаўнік.

8. У Польшчы, асабліва ў Быдгашчы, стала падаецца інфармацыя пра гэтую падзею і жыццё Эдварда Вайніловіча як у каталіцкіх, так і свецкіх СМІ. Ці можна спадзявацца на інфармацыйную паслугу ў нашых беларускіх каталіцкіх СМІ: даць інтэрв’ю альбо падаць гатовы, прыгатаваны тэкст для інфармацыі вернікаў і людзей Беларусі?

9. На якую матэрыяльную і духоўную дапамогу можа спадзявацца парафія св. Сымона і св. Алены ад Мінска-Магілёўскай мітраполіі? У сувязі з гэтым трэба зрабіць і паставіць у касцёле з левага боку пры галоўным уваходзе саркафаг. Трэба арэндаваць і аплаціць два аўтобусы (за 3 дні) на паездку ў Быдгашч, аплаціць машыну-катафалк у якой будзе перавезена цела с+п. Эдварда Вайніловіча, аплаціць абед у рэстаране ў нядзелю 11 чэрвеня для гасцей

з Польшчы і мясцовае прадстаўніцтва, аплаціць два дні за абеды палякам-гасцям якія застануцца ў сем'ях на наступныя два дні.

10. Польскі бок, курыя Быдгашчы і мэрыя аплочваюць гасцініцу і ежу для ўсіх біскупаў і святароў, дзяржаўных прадстаўнікоў г. Мінска і прадстаўнікоў пасольства ў Варшаве. Аплочваюць дзве ночы для пілігрымаў і трохразовае харчаванне людзей. Аплочваюць прыгатаванне цынкавай і драўлянай труменкі і ўсе расходы службам і спецыялістам, звязаныя з эксгумацыяй і падрыхтоўкай дакументаў для перавозу цела праз мяжу.

11. Польскі бок, людзі просяць, каб на месцы пахавання Эдварда Вайніловіча пакінуць надмагільную пліту бо яны жадаюць у знак удзячнасці і памяці захаваць гэтае месца некранутым, як помнік, і што там ніхто і ніколі не будзе пахаваны.

12. Вечарам 9 чэрвеня для ўсіх гараджан, жыхароў і гасцей Быдгашчы на галоўнай рынкавай плошчы прэзідэнт горада Канстанцін арганізоўвае вялікі духоўны канцэрт у якім будуць удзельнічаць калектывы Мінска і Быдгашчы. Гэты канцэрт прысвячаецца памяці і ўдзячнасці Эдварду Вайніловічу за яго вялікую дзейнасць і ўзорны прыклад хрысціянскага жыцця.

Дзякую за ўвагу.
Ксёндз-пробашч
Уладыслаў Завальнюк.

Копія

Біскуп Антоні Дзям’янка
Апостальскі Адміністратар
Мінска-Магілёўскай Архідыяцэзіі
ад касцельнага камітэта
касцёла св. Сымона і св. Алены

ПРОСЬБА – ЗВАРОТ

Ваша Эксцэленцыя!

Беручы пад увагу вялікія заслугі і годнае да наслэдавання хрысціянскае жыццё сьп Эдварда Вайніловіча, фундатара касцёла св. Сымона і св. Алены, яго жывую веру і гераічную вытрываласць у цяроўнях, звяртаемся да Вас і паважанай Канферэнцыі біскупаў Беларусі ад імя ўсіх вернікаў нашай парафіі, многіх жыхароў і культурных дзеячаў Беларусі з просьбаю аб распачацці інфармацыйна-малітоўнага працэсу ў справе прызнання Эдварду Вайніловічу ганаровага тытулу Слугі Божага.

Мы ўсё больш пераконваемся, што такая асоба, як Эдвард Вайніловіч, заслугоўвае на гэты дастойны тытул.

Ваша Эмінэнцыя! 2006 год Каталіцкім Касцёлам абвешчаны годам сям’і. Народ Беларусі, пакаленні перажываюць у дадзены час духоўнае адраджэнне і станаў-

ленне пасля амаль стогадовага перыяду бязбожна-
ваяўнічага атэізму.

На працягу ўсяго перыяду ганенняў знішчаны, перарваны і згублены многія традыцыі веры, праз што нашаму пакаленню, сем'ям вельмі цяжка вярнуцца да Бога і хрысціянскіх каранёў адраджэння. Большасць маладых сем'яў перажываюць сапраўдны духоўны і маральны крызіс, ім неабходна духоўная падтрымка і прыклад.

Сем'і стаюць нетрывалыя, дзеці-сіроты пры жывых, разведзеных бацьках. Наш народ перажывае вялікі недахоп хрысціянскіх ведаў і живога, ахвярнага прыкладу вернікаў. Гэтым прыкладам для нас і нашых сем'яў сапраўды з'яўляецца Эдвард Вайніловіч, наш суайчыннік. Яго хрысціянскае, поўнае вытрымкі і даверу Богу жыццё нас узрушыла, яго асоба і дух усё больш прыцягвае да сябе і заахвочвае да наслідавання і жыцця паводле Запаведзяў Божых.

Эдвард Вайніловіч сваім высокародным, хрысціянскім жыццём стаў узорам бацькі і мужа і з'яўляецца прыкладам для нашых сем'яў і бацькоў Беларусі.

Ён пабудаваў не толькі велічную святыню ў сталіцы Беларусі г. Мінску, але пабудаваў і паспрыяў пабудове некалькіх касцёлаў, цэркваў, сінагог і мячэцяў у раёнах Наваградка, Капыля, Клецка, Стоўбцаў, Нясвіжа. Эдвард сам жыў паводле веры і Божых Запаведзяў і хацеў, каб людзі і іх сем'і, кожны ў сваім храме славіў Адзінага Бога на Небе.

Шчыра дзякуем ксяндзу пробашчу Уладыславу за яго намаганні ў вяртанні на Айчыну астанкаў цела ўсімі намі вельмі паважанага Эдварда Вайніловіча. Мы ўдзячныя за атрыманую ўсебаковую інфармацыю пра жыццёвы шлях Эдварда. Мы ўбачылі і спазналі веліч яго самаахвярнага духу, прыклад мужага вытрывання ў веры, узор клапатлівага бацькі сям'і і вернага мужа.

Самаадданая любоў да Бога і бліжняга праходзіць праз усё жыццё Эдварда, а ў Быдгашчы ў свае апошнія гады жыцця ён з асаблівым клопам рупіўся пра дзяцей-сірот. Суайчыннікі ў Быдгашчы называлі Эдварда сваім Апекуном-Патрыярхам, а дзеці – добрым бацькам. Людзі ставілі

Эдварда ўсім у прыклад і вельмі паважалі і шанавалі яго пры жыцці і пасля смерці.

Пра вялікую павагу і пашану людзей да Эдварда – прыкладнага хрысціяніна – гавораць многія сведкі, дакументы, дзяржаўныя ўзнагароды, сведчыць таксама вялікая памятная табліца ў Фарным касцёле Нясвіжа:

**“ЭДВАРД ВАЙНІЛОВІЧ,
старшыня Мінскага таварыства земляробаў,
старшыня Кола Польскай Рады ў Пецябургу,
камандор ордэна “Polonia Restituta”,
фундатар касцёла св. Сымона і св. Алены ў Мінску,
уладальнік маёнткаў Савічы і Пузы павету
Слуцкага, зямлі Мінскай, нарадзіўся ў Савічах 13. X.
1847 г. Памёр у Быдгашчы 16. VI. 1928 г.
Чалавеку вялікага сэрца і заслуг,
прыкладнаму грамадзяніну,
патрыёту, прыяцелю і апекуну людзей,
вернаму сыну Касцёла Святога
як выраз глыбокай павагі і ўдзячнасці і дзеля памяці
нашчадкаў
надпіс гэты зроблены.
Вечнае спачыванне дай яму,
Госпадзе, і святло вечнае няхай яму свеціць. Амэн”.**

З глыбокай павагай, хрысціянскай адданасцю і надзеяй

Касцельны камітэт і вернікі
парафіі святога Сымона і святой Алены
г. Мінск.

N.21 ад 12.03.2007 г.

Старшыні Нацыянальнай
Тэлерадыёкампаніі
ЗІМОЎСКАМУ А. Л.

Паважаны Аляксандр Леанідавіч!

Па ініцыятыве і падтрымцы парафіі Касцёла св. Сымона і св. Алены (Чырвонага Касцёла) ў 2006 годзе быў зняты дакументальны фільм пра жыццё і дзейнасць Эдварда Вайніловіча, фундатара Чырвонага Касцёла – візітнай карткі нашай сталіцы, помніка духоўнай культуры Беларусі. Э. Вайніловіч пабудаваў гэты касцёл як памяць аб сваіх памерлых дзецях – Сымона і Алены (1910 г.). Праз тры гады будзем адзначаць 100-гадовы юбілей.

Эдвард Вайніловіч нарадзіўся ў вёсцы Сляпянка пад Мінскам. Адукацыю атрымаў у Санкт-Пецярбургскім тэхналагічным інстытуце, стажыраваўся і працаваў на заводах Польшчы, Германіі Італіі і Расіі. Быў выбраны пачаргова ва ўсе тры Дзяржаўныя Думы Расіі. Меў прапанову ад Пятра Сталыпіна заняць пасаду віцэ-міністра, а пасля і міністра сельскай гаспадаркі Расіі, ад Уладзівастока да Варшавы, але, як шчыры патрыёт сваёй Радзімы, адмовіўся і вярнуўся на Беларусь. На сваіх землях (цяперашнія – Капыльскі, Слуцкі, Клецкі і частка Нясвіжскага раёнаў) ён вёў квітнеючую шматгаліновую гаспадарку.

Лёс Эдварда Вайніловіча вельмі драматычны. Страта дзяцей, Першая сусветная вайна, падзел Беларусі. На заканчэнне – выгнанне ў Польшчу, дзе ён і памёр у горадзе Быдгашчы (Польшча) ў 1928 годзе.

Значную частку фільма займаюць эпізоды перазахавання праху Э. Вайніловіча з г. Быдгашчы ў крыпту Чырвонага Касцёла, гэтаму далі дазвол і вельмі спрыялі

дзяржаўныя ўлады Беларусі, Мінска і Быхаўшчы. Перазаха-
ванне праху Эдварда Вайніловіча адбылося 11 чэрвеня 2006
г.

Да нашых дзён захавалася яго бясцэнная спадчына –
Чырвоны Касцёл, трохтомнік “Успаміны”.

Вельмі вялікае значэнне мае дзейнасць Э. Вайніловіча
як экуменіста. Ён пабудаваў у Мінску царкву св. Георгія
і касцёл, сінагогу ў Клецку і распрацаваў праект пабудовы
мячэці ў горадзе Слуцку.

Прэм’ера фільма адбылася ў Палацы Рэспублікі 21
лістапада 2006 года.

Фільм вылучаны на Міжнародны фестываль, які
адбудзецца ў Варшаве ў траўні 2007 года.

Фільм атрымаў дазвол дзяржаўнага рэгістра на
дэманстрацыю па ўсёй тэрыторыі рэспублікі № 116 ад 15
снежня 2006 г.

На працягу некалькіх тыдняў фільм дэманстраваўся
ў Мінскім кінатэатры “Цэнтральны”.

У сувязі з тым, што з Божага провідна супадае
святкаванне найвялікшага свята хрысціян праваслаўнага і
каталіцкага веравызнання – Вялікадня – 8 красавіка 2007
года – маю вялікую надзею на тое, што Вы знойдзеце
магчымасць уключыць у праграму Беларускага тэлебачання
гэты дакументальны фільм пад назвай “Каля Чырвонага
Касцёла” (65 хвілін).

Маю ўпэўненасць, што фільм паспрыяе узмацненню
духоўнасці, міжканфесійнай талерантнасці і духу паразумення
нашага народа не толькі ў Мінску, але – праз тэлебачанне –
усёй Беларусі.

З павагай і ўдзячнасцю –

ксёндз, магістр тэалогіі, кандыдат гістарычных навук,
пробашч касцёла св. Сымона і Алены

Уладыслаў Завальнюк.

Копія

Старшыні Мінгарсавета дэпутатаў
Матусевічу Міхаілу Васільевічу

Заява

Паважаны Міхаіл Васільевіч!

Просім Вас разгледзець пытанне аб наданні адной з найбліжэйшых да плошчы Незалежнасці вуліц Мінска імя Эдварда Ваніловіча – заснавальніка касцёла св. Сымона і св. Алены і вядомага дзяржаўнага дзеяча.

Гісторыя яго дасягненняў змяшчаецца ў дадатку.

*Пробашч касцёла св. Сымона і св. Алены,
старшыня касцёльнага камітэту
ксёндз-магістр Уладыслаў Завальнюк*

26 верасня 2007 года рашэннем Мінскага гарвыканкаму вуліца Бярсана ў цэнтры горада пераназвана ў вуліцу **імя Эдварда Вайніловіча.**

Праз месяц Міністэрства юстыцыі прызнала гэтае пераназванне юрыдычна неабгрунтаваным.

МАЛІТВА ЗА ЭДВАРДА ВАЙНІЛОВІЧА

Усемагутны Божа!

Славім Айцоўскую дабрыню Тваю ў Апостальскім Хрыстовым навучанні Ісуса Хрыста, у еднасці Паўсюднага Касцёла і Царквы, якія не ведаюць нацыянальнасцяў і межаў у святым клопаце аб збаўленні душ людскіх і кожнага з нас.

Ойча роду людскога! Ты з'яўляешся адзіным і дасканалым узорам бацькоўства. Пакорна просім Цябе, глянь ласкава на слугу Свайго Эдварда, які даваў мужны прыклад веры перад вялікімі свету гэтага і ўсё жыццё сумленна выконваў Запаведзі, наследуючы Айцоўскую дабрыню Тваю, верна ідучы евангельскай дарогай любові да бліжняга.

Ойча бясконца добры, услаў слугу Свайго Эдварда на Небе, які вытрываў у вернасці Табе на зямлі, а нам пакінуў хрысціянскі ўзор сумленнага сына Бацькаўшчыны і вернага мужа сям'і.

Божа! Адрадзі духоўна каталіцкія і праваслаўныя сем'і Беларусі праз заслугі і прыклад Эдварда, каб вернымі і шчаслівымі былі з роду ў род далекі. Амэн.

Магутны Божа..!

Ойча наш..,

Вітана будзь Марыя...

Хвала Айцу..!

ЗМЕСТ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
I	24
II	59
III	93
IV	114
V	131
VI	184
VII	214
VIII	240
IX	264
X	293
XI	333
ПОСЛЕСЛОВИЕ	364
ПРИЛОЖЕНИЯ	367

Эдвард Вайніловіч. Успаміны. На рускай мове. Мн., 2007. 380 с.
Пераклад з польскай. Ілюстр. Адказы за выпуск У. Завальнюк.

Рэдактар: ксёндз-магістр Уладзіслаў Завальнюк.

Тэхнічны рэдактар: С. Суднік.

*Папера афсетная. Фармат А-5. Гарнітура “Таймс”.
Наклад 250 асобнікаў.*

ЭДВАРД ВОЙНИЛОВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ